ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2025, Том 5, № 10

Подписано к публикации: 07.10.2025

Главный редактор журнала

***Балута Анастасия Анатольевна**, доктор филологических наук, доцент*

Члены редакционной коллегии

***Атаев Борис Махачевич** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Богданова Ольга Владимировна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор*
***Биданюк Марзият Мугдиновна** (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук*
***Гасанова Узлипат Усмановна** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Горшунов Юрий Владимирович** (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор*
***Гумовская Галина Николаевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Дергачева Ирина Владимировна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Епифанцева Наталия Глебовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Жирова Ирина Григорьевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Закирова Елена Сергеевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Захарова Виктория Трофимовна** (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор*
***Зумбулидзе Ия Гурамовна** (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор*
***Ибрагимова Мариза Огановна** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент*
***Лисицкая Лариса Григорьевна** (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор*
***Лиходкина Ирина Александровна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент*
***Мазирка Ирина Олеговна** (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор*
***Маркова Елена Ивановна** (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук*
***Мощева Светлана Васильевна** (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент*
***Наджиева Флора Султан гызы** (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор*
***Никитина Татьяна Геннадьевна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор*
***Окорокова Варвара Борисовна** (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор*
***Павлова Елена Касимовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент*
***Павлова Ольга Александровна** (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент*
***Рзаев Фикрет Чингиз оглу** (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор*
***Рогалёва Елена Ивановна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент*
***Степанова Надежда Сергеевна** (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент*
***Султанбаева Хадиса Валиевна** (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент*
***Толкачев Сергей Петрович** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Цветова Наталья Сергеевна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент*

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., Elibrary.ru.
Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2782-5329 (online)

DOI: 10.62257/2782-5329-2025-10

E-mail: info@vfn-journal.ru
Сайт: https://vfn-journal.ru

© Вестник филологических наук, 2025

Содержание

Бедина Н.Н.
Религиозно-этические основы трагедии А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович» 5-11

Ильягуева Я.И.
Edutainment в преподавании иностранных языков: современное состояние и направления развития 12-20

Крылова Д.Г.
Дискурсивные маркеры в спортивных телеграм-каналах 21-28

Соболева Е.В.
Аксиолингвистические средства повышения информативности публицистического текста: специфические характеристики 29-37

Шлыкова Н.В.
Моделируемость фразеологических единиц в англоязычном кинодискурсе (на материале анимационных фильмов) 38-42

Айрян З.Г.
Лирика Бориса Пастернака в рецепции и интерпретациях Грачья Тамразяна 43-50

Бай Цзин
Нарциссизм и зависть в унисоне: психолого-эстетическая интерпретация «Крейцеровой сонаты» Льва Толстого 51-55

Ильясов И.И.
К вопросу научном исследовании лакского языка 56-60

Краснощёков Е.В., Ширяева А.С.
К вопросу о диалектах в древнефризском языке 61-67

Курляндская О.Г.
Об идентичных переводческих трансформациях в некоторых неродственных языках 68-81

Лю Син, Цю Юнкан
Язык жестов и его особенности 82-87

Бай Бисяо
Разрушение мифа о «самостоятельном» творчестве: классовая мобильность в «Больших надеждах» Чарльза Диккенса 88-93

Вековищева С.Н., Исмаилова П.Х.
Лингвокультурологические особенности перевода артионимов (на примере работ, представленных на выставочном проекте «Передвижники») 94-105

Гусейнова М.Б.
Зоонимы в пословицах и поговорках дагестанских языков 106-109

Салимова Наргиз Самед гызы
Стилистические изменения в текстах искусственного интеллекта 110-116

Цкриалашвили А.Д.
Розовый дым: концепт позитивной иллюзии в современной политической риторике 117-124

Шунякова О.В., Панова К.Д.
Фабула сказки братьев Гримм как основа создания собственного текста 125-132

Е Сысы
Музыкальное творчество в репрезентации белорусских и китайских специализированных печатных средствах массовой информации 133-139

Камбак Б.
Коммодификация русского языка в Турции экономический потенциал и рынок труда 140-149

Пряникова А.И.
Специфика освещения молодежных инициатив в белорусских республиканских печатных СМИ (на примере газеты «Звязда») 150-155

Арустамян Д.Г., Харатокова М.Г.
К проблеме перевода (на примере значения термина «текст») 156-163

Алиева Л.А., Раджабова П.Т., Гаджиева Л.Г.
Лингвокреативно-прагматический потенциал дискурса научно-академической коммуникации 164-170

Белова Л.В.
Функционально-семиотические особенности языковых средств оскорбления как способа проявления агрессии в англоязычном виртуальном дискурсе 171-178

Галеев Р.А.
Виды инфоповодов в киберспортивных СМИ (на примере cyber.sports.ru) 179-184

Кадильникова Л.А.
Эпитеты в речи англоязычного руководителя как маркеры статусности 185-190

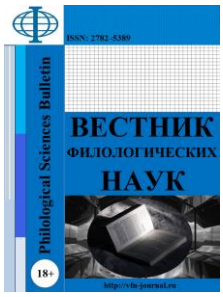
Оцомиева-Тагирова З.М.
Лингвокультурологический анализ оронимов горного Дагестана 191-195

Портнягин Д.В.
«Самокритика слова» в романе Г. Грина «Тихий американец» 196-201

Албина О.Р.
Концепты «труд» и «лень» в мансийской языковой картине мира: на материале авторских и народных сказок 202-208

Галеев Р.А.
Жанровые особенности киберспортивной журналистики 209-214

Шеховцева Т.М., Камышанченко Е.А., Страхова К.А.
Когнитивная модель «AI IS A DANGER» как механизм вербализации концепта ARTIFICIAL INTELLIGENCE в современном англоязычном медиадискурсе 215-220



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.161.1

[1] ***Бедина Н.Н.***

[1] ***Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова***

Религиозно-этические основы трагедии А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович»

Аннотация: *актуальность определения основ национального самосознания обусловливает неизменный исследовательский интерес к текстам художественной литературы, в которых ставятся мировоззренческие (историософские) вопросы. Драматургия А.К. Толстого относится к таким текстам. В статье решается исследовательская задача показать, что понимание Толстым человеческой природы и природы исторического процесса, с одной стороны, определено включенностью русской дворянской культуры в общеевропейский культурный процесс (прежде всего, укоренено в романтической традиции), а с другой – демонстрирует устойчивость религиозно-этических основ русской национальной культуры, сформировавшейся в лоне восточно-христианского православия. Несмотря на то, что средневековый монашеский идеал гармоничного синтеза покаянной молитвенной практики и деятельной любви в отечественной культуре Нового времени перестает быть всенародным, герменевтический анализ текстов XIX века показывает, что такие понятия, как грех, смерть, наказание, милосердие и спасение в их православном толковании, остаются в ней основополагающими. Сопоставление текста трагедии А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович» с романом Ф.М. Достоевского «Идиот» позволяет вписать произведение Толстого в широкий художественно-философский контекст и выявить один из ключевых мировоззренческих вопросов русской истории и культуры – напряженный выбор между активным действием по нравственному преобразованию мира и созерцанием красоты мира, уже преображенного провиденциальным замыслом Бога о человеке.*

Ключевые слова: *А.К. Толстой, драматургическая трилогия, трагедия, историософия, православная антропология*

Для цитирования: Бедина Н.Н. Религиозно-этические основы трагедии А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 5 – 11.

Поступила в редакцию: 02 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] ***Bedina N.N.***

[1] ***Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov***

Religious and ethical foundations of the A.K. Tolstoy's tragedy "Tsar Fyodor Ioannovich"

Abstract: *the relevance of defining the national identity foundations determines of the constant research interest in the artistic texts, which pose philosophical (historiosophical) issues. The A.K. Tolstoy's dramaturgy refers to such texts. The article solves the research task of showing that Tolstoy's understanding of human nature and the historical process nature, on the one hand, is determined by the inclusion of Russian noble culture in the pan-European cultural process (primarily it is rooted in the romantic tradition). On the other hand, the article demonstrates the stability of the religious and ethical foundations of Russian national culture, formed in the bosom of the Eastern Christian Orthodoxy. The medieval monastic ideal of a harmonious synthesis of penitential prayer practice*

and active love became no longer popular in the Russian culture of Modern times. However, hermeneutic analysis of texts from the 19th century shows that concepts such as sin, death, punishment, mercy and salvation in their Orthodox interpretation remain fundamental in the Russian culture. Comparison of the A.K. Tolstoy's tragedy "Tsar Fyodor Ioannovich" with the F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot" allows us to fit Tolstoy's work into a wide artistic and philosophical context and identify one of the key philosophical issues of Russian history and culture. It is a tense choice between active action for the moral world transformation and contemplation of the beauty of the world, already transformed by God's providential plan for man.

Keywords: *A.K. Tolstoy, drama trilogy, tragedy, historiosophy, Orthodox anthropology*

For citation: Bedina N.N. Religious and ethical foundations of the A.K. Tolstoy's tragedy "Tsar Fyodor Ioannovich". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 5 – 11.

The article was submitted: September 02, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Имя Алексея Константиновича Толстого (1817-1875) в силу жизненных обстоятельств окружено целым рядом других замечательных имен русской дворянской культуры. Его мать (А.А. Перовская) происхождением связана с сановитыми Разумовскими, отец (К.П. Толстой) был прямым потомком П.А. Толстого – ближайшего сподвижника Петра I. Граф Л.Н. Толстой приходился Алексею Константиновичу троюродным братом. После развода матери с отцом воспитателем Алексея Константиновича стал его дядя А.А. Перовский – писатель Антоний Погорельский (его знаменитая «Чёрная курица» была написана специально для воспитанника), оказавший на Толстого очень большое влияние. Им же Толстой как начинающий поэт был представлен А.С. Пушкину в 1836 г. Другой его дядя, по отцу, – известный скульптор-медальер первой половины XIX века Федор Петрович Толстой. В 1850 г., будучи по делам службы, Алексей Константинович остановится в доме приятельницы Пушкина А.О. Смирновой-Россет, здесь он встретится с Н.В. Гоголем. Большое значение в жизни Толстого имело и то, что он принадлежал к детскому окружению наследника престола – будущего Александра II.

С десятилетнего возраста А.К. Толстого возят за границу. Он прекрасно по-европейски образован. Ему можно было сделать блестящую карьеру. Однако всякая государственная служба Толстого тяготит. «...служба, какова бы она ни была, – пишет он Александру II, – глубоко противна моей натуре...» – и в 1861 г. получает наконец отставку [18, с. 319]. А с середины 1860-х гг. его ждет социальная изоляция, разорение и тяжелые болезни (по некоторым сведениям – астма и почти не прекращающаяся головная боль). В 58 лет Алексей Константинович умер от большой дозы морфия.

В 1850-51 гг. А.К. Толстой полюбил жену полковника конной гвардии Софью Андреевну Бахметеву-Миллер. Она оставила семью и мужа, но брак ее с Алексеем Константиновичем был оформлен лишь в 1863 г. (в связи с препятствованием со стороны матери Толстого и мужа Софьи Андреевны). Открытая совместная жизнь А.К. Толстого и С.А. Миллер воспринималась в свете как вызов, и обоим пришлось много пережить. Дмитрий Стремоухов высказал предположение, что прототипом Вронского в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» стал троюродный брат писателя – Алексей Константинович (сходство имен: граф Алексей Кириллович Вронский – граф Алексей Константинович Толстой, оба флигель-адъютанты [6, с. 462]. В черновиках романа Л.Н. Толстой называл Вронского поэтом. Можно найти также прямые отголоски лирики А.К. Толстого в «Анне Карениной»). В черновике у Толстого сказано о Вронском: «Ты нынче увидишь его. Во-первых, он хорош, во-вторых, он джентльмен в самом высоком смысле этого слова, потом он умен, поэт и славный, славный малый» [2, с. 780]. Конец жизни А.К. Толстого также вписывается в атмосферу романа.

С.А. Миллер посвящена почти вся любовная лирика А.К. Толстого. Самое известное, может быть, стихотворение «Среди шумного бала, случайно...», так как оно воспринимается публикой прежде всего, как романс П.И. Чайковского. Композитор называл Толстого «одним из самых симпатичных [ему] поэтов», «неисчерпаемым источником текстов под музыку» [18, с. 329]. В письме своему заочному другу и меценату Н.Ф. фон-Мекк он так характеризовал Алексея Константиновича: «Это талант не первоклассный и не гениальный, но не лишенный своеобразия оригинальности, и всегда изящный» [16, с. 251].

Любовь и красота воспринимались А.К. Толстым как высшее духовное начало, которое одухотворяет бытие и в «раздробленном» состоянии присутствует в обычной жизни. Любовь знает не только «приливы», но и «отливы», так как связана с временным состоянием духа и обстоятельствами жизни. Но степень полноты жизни зависит прежде всего от этих «приливов» и «отливов». Красота жизни человека в лирике Тол-

стого связывалась и с жизнью природы. Об особом влиянии на себя различных ее состояний Толстой говорил не раз (кстати, Толстой был страстным охотником, обладал большой физической силой и один ходил на медведя). Его пейзажная лирика музыкальна и пластична. Стихотворение «Благословляю вас, леса...» стало также популярнейшим романсом Чайковского. Вообще более половины стихов Толстого (а при жизни автора вышел только один его стихотворный сборник – в 1857 г.) положены на музыку и известны как романсы Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Рахманинова.

Поэтическое и в целом литературное творчество А.К. Толстого укоренено в общеевропейской традиции романтизма. Его ранние фантастические произведения обусловлены этой традицией, так же как интерес к средневековой истории в зрелом творчестве. «Вальтер-скоттовский» роман Толстого «Князь Серебряный» (1862) отражает его историософские воззрения, в основе которых всегда лежит нравственная идея [3, 10, 15]. «А.К. Толстой выступает как яркий представитель моральной философии, поскольку исторические процессы и факты рассматривает с точки зрения соблюдения нравственных норм, которые кажутся ему одинаково применимыми и к прошлому, и к настоящему, и к будущему» [5, с. 61]. В связи с этим важным представляется определить религиозно-этические основания представлений о добре и зле, на которых строится, по мысли автора, универсальный закон истории.

Материалы и методы исследований

В период с 1866 по 1870 гг. А.К. Толстой создает драматическую трилогию в стихах, в основу которой легли события из истории Московского царства: «Смерть Ивана Грозного» (1866), «Царь Фёдор Иоаннович» (1868), «Царь Борис» (1870). Пьеса «Царь Фёдор» прочно вошла в классический репертуар отечественного театра. Интересно, что именно этим спектаклем открылся в 1898 г. Московский Художественный театр. С ролью царя Фёдора Иоанновича был связан первый сценический успех М.А. Чехова (племянника писателя А.П. Чехова). В роли царя Фёдора на сцене выступали такие замечательные актеры, как И.М. Москвин, Н.П. Хмелев, И.М. Смоктуновский, Ю.М. Соломин. Именно трагедия «Царь Фёдор Иоаннович» по праву считается вершиной творчества А.К. Толстого, и в ней в полной мере нашли отражение его представления о человеке в целом и русской истории в частности.

Она является основным материалом для исследования в настоящей статье, где с применением приемов герменевтического и сопоставительного анализа решается исследовательская задача показать, что историософия Толстого, с одной стороны, укоренена в европейской романтической традиции, а с другой – в православной религиозной этике и антропологии.

Результаты и обсуждения

С одной стороны, как уже было сказано выше, Толстой воспринял романтическую традицию в отношении средневековой истории. Он идеализировал Киевскую Русь и Новгородскую республику. Будучи так называемым «патриотическим западником», он считал, что домосковская Русь была близка Западной Европе эпохи рыцарства и воплощала высший тип культуры и разумное общественное устройство, создающее условия для свободного проявления достойной личности. Отношение Толстого-романтика к истории можно назвать этическим и даже эстетическим. Он пишет о «красоте нашей истории до проклятых монголов и до проклятой Москвы, еще более позорной, чем самые монголы...» [1, с. 85], то есть считает, что монгольское иго и московский деспотизм привели нацию к моральному распаду, и рассматривает современность как прямое продолжение «позорного» московского периода истории. Идеал домосковской Руси Толстой воплотил в балладах и былинах, создав красочные легенды, где почти нет границ между историей и фольклором и психология героев раскрывается не в конкретно-исторических, а в общечеловеческих чертах («Илья Муромец», «Алеша Попович», «Садко» и пр.). Этой «красоте истории и человека» он противопоставляет эпоху Ивана Грозного и его преемников в своей драматической трилогии, где «все виноваты и все наказаны», и «не какою-нибудь властию, но силою вещей», то есть обстоятельствами. Неоднократно в тексте трагедии герои, невольно послужившие орудием этой силы, сокрушенно восклицают, как князь Шаховской: «Боже! Что сделал я!» [14, с. 250]. Как отмечает А.В. Федоров, в сюжетном строении трилогии «обращает на себя внимание присутствие некоторых признаков античной трагедии рока» [15, с. 712].

Трагизм русской истории кажется Толстому неизбежным, независимо от того, кто у власти – деспот Грозный, добрый Фёдор или умный Борис... Все, что происходит, – это порождение и проявление общенационального кризиса, когда в силу забвения традиций славного прошлого люди утратили понятия о чести, достоинстве и, следовательно, законности. Социально-политическое противопоставление «боярство – самодержавие» для Толстого несущественно, так как падение нравов обнаруживается общее и лишь немногие сохранили лучшие качества своих предков. Заканчивая роман «Князь Серебряный», Толстой пишет: «Люди, подобные Василию Блаженному, князю Репнину, Морозову или Серебряному, явля-

лись нередко как светлые звезды на безотрадном небе нашей русской ночи, но, как и самые звезды, они были бессильны разорвать ее мрак, ибо светились отдельно и не были сплочены, ни поддерживаемы общественным мнением» [13, с. 304].

Именно с этих позиций надо читать и трагедию Толстого. Этим объясняется и факт ее «современности» в любую эпоху.

С другой стороны, в тексте трагедии нашла отражение русская национальная картина мира, к 1860-м гг. уже активно проговариваемая в литературных текстах, прежде всего в русском классическом романе [17], с которыми трилогия А.К. Толстого входит в единое культурное пространство. На наш взгляд, знаменательно, что, в то время как Толстой создавал образ царя-юродивого, Ф.М. Достоевский воплощал замысел о «положительно прекрасном человеке» – в образе князя Мышкина в романе «Идиот» (1868). Герои Толстого и Достоевского живут в разное время, занимают различное социальное положение, их образы заключают в себе неодинаковое идейно-смысловое и художественное содержание. Царь Фёдор тяготится своим положением и хотел бы оставить мир, кн. Мышкин, наоборот, приезжает из Швейцарии на родину, и все в России ему интересно, особенно люди, в дела которых он с участием входит, горячо и искренне желая помочь (ему – не царю – не надо никого наказывать, и он, прощая, готов любить всех). Но объективно оба героя свидетельствуют о глубоком распаде общественной жизни и разладе человека с самим собой. И царь Фёдор и князь Мышкин добры и милосердны, сердце имеют по-детски чистое. Это проявляется, во-первых, в том, что их религиозность непосредственна, проста и глубока одновременно. За любовь к церковному колокольному звону и православной службе за Фёдором закрепилось прозвище «пономарь». Царица Ирина утешает мужа: «Ты ангела лишь слушай своего, и ты не ошибешься!» – и Фёдор пытается править государством, опираясь на непосредственное нравственное чувство:

Какой я царь? Меня, во всех делах,
И с толку сбить и обмануть нетрудно.
В одном лишь только я не обманусь:
Когда меж тем, что бело иль черно́,
Избрать я должен – я не обманусь.
Тут мудрости не нужно, шурин, тут
По совести приходится лишь делать [14, с. 225-226].

О религиозном чувстве князя Мышкина мы узнаем как бы опосредованно, через восприятие им чувств другого человека – простой бабы с ребенком на руках: «Смотрю, она так набожно, набожно вдруг перекрестилась. “Что ты, говорю, молодка?” <…> “А вот, говорит, точно так, как бывает материна радость, когда она первую от своего младенца улыбку заприметит, такая же точно бывает и у Бога радость всякий раз, когда Он с неба завидит, что грешник перед Ним от всего своего сердца на молитву становится”. Это мне баба сказала, почти этими же словами, и такую глубокую, такую тонкую и истинно религиозную мысль, такую мысль, в которой вся сущность христианства разом выразилась, то есть всё понятие о Боге, как о нашем родном Отце и о радости Бога на человека, как отца на свое родное дитя – главнейшая мысль Христова» [4, с. 183-184]. Достоевский видит такую веру сохранившейся в XIX веке только в простых людях, но устами Мышкина он говорит о ней как о вере подлинной, несущей «главную мысль» Христа. Именно такой верой верует и царь Фёдор Толстого – как человек Древней Руси (создавая образ царя, Толстой опирался на исторические сочинения и тексты конца XVI – начала XVII в.).

Кроме того, детская невинность героев проявляется в отношении к женской красоте – в проявлениях любви оба они не знают чувственности. Наконец, героев сближает болезненное состояние: и сам князь и окружающие постоянно вспоминают о его «падучей», царя же Фёдора заговорщики объявляют недееспособным по слабоумию. Иными словами, их обоих называют идиотами, что может трактоваться и как слабость, душевный недуг, и как безумие юрода, по ап. Павлу: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом». Оба героя если не святые, то, по крайней мере, идущие по этой дороге.

Нет, он святой!
Бог не велит подняться на него –
Бог не велит! Я вижу, простота
Твоя от Бога, Фёдор Иоанныч, –
Я не могу подняться на тебя! –

«в сильном волнении» говорит князь Иван Петрович Шуйский [14, с. 245].

Вместе с тем, все усилия и царя Фёдора, и князя Мышкина оказываются тщетны – примирение невозможно, и люди, которых они пытаются спасти, гибнут. Н.О. Лосский отмечает «недостаток дисциплини-

рованной духовной силы» у героя Достоевского: «Образ князя Мышкина чрезвычайно привлекателен, он вызывает сочувствие и сострадание, но от идеала человека он весьма далек. Ему не хватает той силы духа, которая необходима, чтобы управлять своею душевною и телесною жизнью и руководить другими людьми, нуждающимися в помощи» [7]. Эту характеристику вполне можно переадресовать и царю Фёдору А.К. Толстого. Однако, по нашему мнению, не в одной недисциплинированности дело – здесь находит отражение православное представление о природе человека, тесно связанное с идеей греха.

Если в западной христианской традиции грех, прежде всего, связан со страстью, слабостями человека (в первую очередь телесными), то и победа над грехом возможна через как раз дисциплинирование духа и тела, умеренность и доброделание – средства, вполне доступные человеку. В восточной же христианской церкви грех толкуется как причина «изменения [человеческого] естества к страсти, тлению и смерти» [8, с. 111]. Смертность – главное следствие греха: «Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков». Как пишет прот. Иоанн Мейендорф, в святоотеческом учении и наиболее ясно у свт. Иоанна Златоуста «смертность – это своего рода болезнь, порождающая страх, который в свою очередь служит причиной борьбы за существование. В этой борьбе каждый стремится выйти победителем за счет своего ближнего; в этом и состоит суть греха, который есть обратное любви <…> результат первородного греха есть наследственная смертность, которая в свою очередь порождает грех. Грех и смерть, взаимно порождая друг друга, образуют порочный круг» [9], который самому человеку разорвать невозможно. Только с приходом Христа смерть, говоря словами свт. Иоанна Златоуста, утратила «свое жало», став путем к восстановлению изначального человеческого естества, а потому страх смерти может быть преодолен любовью. Православная антропология определяет место человека в русской национальной картине мира: здесь цель человеческой жизни не в преобразовании мира и преодоления собственной конечности, а в преображении собственного взгляда на себя самого и на мир, в восстановлении гармонии с ним.

В трагедии А.К. Толстого все герои, кроме царя Фёдора, живут в страхе утраты власти и борются за «место под солнцем», даже царица Ирина, настаивая на самовластии мужа, пугает горделивых бояр призраком Ивана Грозного:

Скажи мне, князь, когда бы ты теперь
Не пред царем Феодором стоял,
Но пред отцом его, царем Иваном,
Раздумывал бы столько ты? [14, с. 174].

Только Фёдор Иоаннович тяготится своей властью и сам готов отдать ее ради примирения любимых им людей. Однако и он берет на себя слишком много – обещая Борису Годунову помирить его с князем Иваном Петровичем Шуйским, он цитирует Евангелие от Луки «Бог же весть сердца ваша», перенося эти слова на себя:

Ты этого, Борис, не разумеешь!
Ты ведай там, как знаешь, государство,
Ты в том горазд, а здесь я больше смыслю,
Здесь надо ведать сердце человека!...
Я завтра ж помирю вас [14, с. 159].

И, как следствие, все усилия блаженного царя приводят только к многочисленным смертям. А в конечном итоге страх (потерять любимую жену Ирину) и гнев оказываются известны и ему самому царю Фёдору, заставляя принимать опрометчивые и роковые решения. К такому же фиаско приходит и герой Ф.М. Достоевского, «поскольку герой берет на себя непосильную роль исправления человечества, спасения мира исходя из своего личного представления о правде. И закономерно не справляется с ней, что ведет к гибели и самого героя, и всех, кто оказывается рядом с ним».

В романе Достоевского порочный круг греха, смерти, страха и страсти воплощен в жутком образе чудовища из сна Ипполита Терентьева. Стоящий на пороге гибели молодой человек пишет «Мое необходимое объяснение», которое начинается с разговора с князем о смерти и дурных снах, а далее пересказывает сам сон, где Ипполиту является ужасное животное: «Оно было вроде скорпиона, но не скорпион, а гаже и гораздо ужаснее, и, кажется, именно тем, что таких животных в природе нет, и что оно нарочно у меня явилось, и что в этом самом заключается будто бы какая-то тайна» [4, с. 323]. Нарушающее естество чудовище преследует героя, прячась и одновременно нападая, и только черный пес по кличке Норма побеждает его, схватив гада зубами. Образ пса, спасающего человека от греха и страха смерти, может содержать аллюзию к 1-й песни Дантовской «Божественной Комедии», где пророчество о грядущем избавлении Италии трактуется комментаторами по-разному, однако в любом случае имеет нравственно-эсхатологический смысл. У

Достоевского Норма жертвует собой, погибая в схватке с скорпионом, чем заканчивается весь сон: «…Тут я проснулся, и вошел князь». Есть ли смысл в жертвенной схватке с грехом самого князя? Как есть ли смысл в нравственных усилиях русских самодержцев, изображенных А.К. Толстым?

Выводы

Думается, вопрос о выборе между нравственным действием, всегда содержащим в себе потенциальную опасность греха гордыни, необоснованных претензий человека на роль Спасителя, и созерцательным бездействием, чреватым потворством греху, остается одним из «проклятых вопросов» русской истории и русской культуры.

Во второй половине XIX века к нему обращаются самые разные авторы с самыми разными мировоззренческими установками. Во время создания Алексеем Константиновичем Толстым его драматической трилогии Иван Александрович Гончаров заканчивает работу над своей романной трилогией, публикуя в 1869 г. роман «Обрыв» (вторая часть трилогии «Обломов» опубликована еще в 1859 г.). Лев Николаевич Толстой в это время завершает работу над романом о счастливых людях – «Война и мир» (1863-1869) – и в 1873 г. уже начинает работу над романом «Анна Каренина», представив свою версию нравственного осмысления взаимосвязи греха, страсти, страха и смерти. Николай Семенович Лесков начинает работу над циклом «о праведниках» и в 1875 г. публикует повесть «На краю света», где высказывает надежду на возможность преодоления воли к власти и страха смерти евангельским светом Преображения. Все эти произведения прочно вошли в национальный культурный код и отражают религиозно-нравственную основу картины мира русской культуры.

Список источников

1. Антюхов А.В., Шаравин А.В. Концепция «славянского» и «русского» в эпистолярном наследии А.К. Толстого // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3. С. 82 – 87.

2. Бабаев Э. Примечания // Толстой Л.Н. Анна Каренина / примеч. Э. Бабаева, ил. О. Верейского. М.: Художественная литература, 1976. С. 775 – 797.

3. Громова П.С. Проза А.К. Толстого: проблемы жанровой эволюции: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. Тверь, 2011. 188 с.

4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Идиот: Роман в четырех частях. Ленинград: Наука, 1973. Т. 8. 512 с.

5. Емельяненко В.Д., Садовая Л.В. Этический характер историософии А.К. Толстого // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (98). С. 60 – 63.

6. Литературное наследство. Толстой и зарубежный мир. М.: Наука, 1965. Т. 75. 614 с.

7. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. URL: https://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/losskij-hristianskoe-miroponimanie/glava-vi-polozhitelno-prekrasnyj-chelovek.htm (дата обращения: 20.07.2025).

8. Максим Исповедник, преп. Вопросоответы к Фалассию. Вопрос XLII // Творения преподобного Максима Исповедника / пер. и коммент. С.Л. Епифанович, А.И. Сидоров. М.: Мартис, 1993. Ч. 1. С. 111.

9. Мейендорф Иоанн, прот. Введение в святоотеческое богословие: Конспекты лекций Минск: «Лучи Софии», 2007. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/vvedenie-v-svjatootecheskoe-bogoslovie/16 (дата обращения: 20.07.2025).

10. Немзер А.С. Вальтер-Скоттовский историзм, его русские изводы и «Князь Серебряный» // При свете Жуковского. Очерки истории русской литературы. М.: Время, 2013. С. 547 – 572.

11. Паршева Е.М. К вопросу о киноинтерпретации литературного текста: князь Мышкин Ф.М. Достоевского и князь Мышкин В. Бортко // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 58. С. 31 – 37.

12. Степанян К.А. Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.

13. Толстой А.К. Князь Серебряный; Стихотворения. М.: Художественная литература, 1986. 384 с.

14. Толстой А.К. Царь Фёдор Иоаннович (Трагедия в пяти действиях) // Толстой А.К. Избранное. М.: Книга. Просвещение. Милосердие, 1997. С. 141 – 274.

15. Фёдоров А.В. Алексей Константинович Толстой и русская литература его времени: 200-летию со дня рождения Алексея Константиновича Толстого посвящается. М.: Русское слово, 2017. 748 с.

16. Чайковский П.И. Письмо от 24/12 марта 1878 г. (784) // П.И. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк. М.: Academia, 1934. Т. 1. С. 251 – 252.

17. Швецова Т.В. Художественная картина мира в русском классическом романе XIX века // Национальные коды в европейской литературе XIX-XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации: коллективная монография. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госун-та им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 44 – 51.

18. Ямпольский И.Г. А.К. Толстой // История русской литературы: в 10 т. Литература шестидесятых годов. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 8. С. 315 –348.

References

1. Antyukhov A.V., Sharavin A.V. The Concept of "Slavic" and "Russian" in the Epistolary Heritage of A.K. Tolstoy. Bulletin of Bryansk State University. 2016. No. 3. P. 82 – 87.

2. Babaev E. Notes. Tolstoy L.N. Anna Karenina. Notes by E. Babaev, ill. O. Vereisky. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1976. P. 775 – 797.

3. Gromova P.S. A.K. Tolstoy's Prose: Problems of Genre Evolution: Diss. … Cand. of Philological Sciences: 10.01.01. Tver, 2011. 188 p.

4. Dostoevsky F.M. Complete Works: in 30 vol. The Idiot: A Novel in Four Parts. Leningrad: Nauka, 1973. Vol. 8. 512 p.

5. Emelyanenko V.D., Sadovaya L.V. The Ethical Character of A.K. Tolstoy's Historiosophy. Almanac of Modern Science and Education. Tambov: Gramota, 2015. No. 8 (98). P. 60 – 63.

6. Literary Heritage. Tolstoy and the Foreign World. Moscow: Nauka, 1965. Vol. 75. 614 p.

7. Lossky N.O. Dostoevsky and His Christian Worldview. New York: Izd-vo im. Chekhov, 1953. URL: https://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/losskij-hristianskoe-miroponimanie/glava-vi-pozhozhitelno-prekrasnyj-chelovek.htm (date of accessed: 20.07.2025).

8. Maximus the Confessor, Venerable. Questions and Answers to Thalassius. Question XLII // Works of St. Maximus the Confessor. Translated and commented by S.L. Epifanovich, A.I. Sidorov. Moscow: Martis, 1993. Part 1. 111 p.

9. Meyendorff John, Archpriest. Introduction to Patristic Theology: Lecture Notes Minsk: "Rays of Sophia", 2007. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/vvedenie-v-svjatootecheskoe-bogoslovie/16 (date of accessed: 20.07.2025).

10. Nemzer A.S. Walter Scott's Historicism, Its Russian Versions, and "Prince Silver". In the Light of Zhukovsky. Essays on the History of Russian Literature. Moscow: Vremya, 2013. P. 547 – 572.

11. Parsheva E.M. On the Question of Film Interpretation of Literary Text: Prince Myshkin by F.M. Dostoevsky and Prince Myshkin by V. Bortko. Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2022. No. 58. P. 31 – 37.

12. Stepanyan K.A. Dostoevsky and Cervantes: Dialogue in Great Time. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2013. 368 p.

13. Tolstoy A.K. Prince Serebryany; Poems. Moscow: Fiction, 1986. 384 p.

14. Tolstoy A.K. Tsar Fyodor Ioannovich (Tragedy in Five Acts). Tolstoy A.K. Selected Works. Moscow: Book. Education. Mercy, 1997. P. 141 – 274.

15. Fedorov A.V. Aleksey Konstantinovich Tolstoy and Russian Literature of His Time: Dedicated to the 200th Anniversary of the Birth of Aleksey Konstantinovich Tolstoy. Moscow: Russkoe slovo, 2017. 748 p.

16. Tchaikovsky P.I. Letter of March 24/12, 1878 (784). P.I. Tchaikovsky. Correspondence with N.F. von Meck. Moscow: Academia, 1934. Vol. 1. P. 251 – 252.

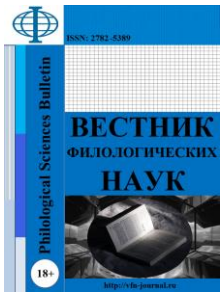
17. Shvetsova T.V. Artistic Picture of the World in the Russian Classical Novel of the 19th Century. National Codes in European Literature of the 19th–21st Centuries. Literary Canon in the Context of Intercultural Communication: A Collective Monograph. Nizhny Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2020. P. 44 – 51.

18. Yampolsky I.G. A.K. Tolstoy. History of Russian Literature: in 10 volumes. Literature of the Sixties. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. Vol. 8. P. 315 – 348.

Информация об авторах

Бедина Н.Н., *кандидат филологических наук, доктор культурологии, доцент, профессор, кафедра культурологии и религиоведения, ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», bedina-nat@yandex.ru*

© Бедина Н.Н., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (ретороманские языки) (филологические науки)
УДК 371.3:004(075.8):811.111

[1] ***Ильягуева Я.И.***

[1] ***Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации***

Edutainment в преподавании иностранных языков: современное состояние и направления развития

Аннотация: *статья представляет собой системный обзор научной литературы, посвящённой применению метода edutainment в обучении иностранным языкам. На основе анализа 34 отечественных и зарубежных исследований (2000-2024 гг.) выделены ключевые подходы к определению edutainment, формы его реализации в иноязычном образовании, а также его влияние на мотивацию и вовлечённость обучающихся. Основное внимание уделяется классификации методов edutainment (от традиционных (лингвистические игры, аутентичные медиа) до цифровых (мобильные приложения, VR-платформы)), выявлению его преимуществ и ограничений, а также перспективам использования в цифровой образовательной среде. Методологическая база включает качественный контент-анализ публикаций, наукометрию и сравнительный анализ российских и зарубежных работ. Результаты показали, что edutainment повышает эффективность усвоения языкового материала на 30-40% (по данным эмпирических исследований), но его применение требует учёта возрастных, культурных и технических ограничений. В статье также впервые выявлены расхождения в российских и зарубежных подходах: зарубежные исследования акцентируют внимание на академической эффективности, тогда как российские – на эмоциональном воздействии. Целью работы является систематизация текущего состояния научного знания о методе edutainment и формулировка направлений дальнейших исследований. Практическая значимость работы заключается в разработке рекомендаций по интеграции edutainment в образовательный процесс с сохранением баланса между развлекательной и дидактической составляющими. Перспективными направлениями исследований автор считает адаптацию edutainment для различных возрастных групп и создание методик оценки его долгосрочного влияния на языковые компетенции.*

Ключевые слова: *современные образовательные технологии, методика преподавания иностранных языков, edutainment, интерактивные методы, педагогические инновации, мотивация*

Для цитирования: Ильягуева Я.И. Edutainment в преподавании иностранных языков: современное состояние и направления развития // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 12 – 20.

Поступила в редакцию: 02 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] ***Ilyagueva Ya.I.***

[1] ***Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation***

Edutainment in foreign language education: current state and development trends

Abstract: *the article presents a systematic review of scientific literature devoted to the application of edutainment method in foreign language education. Based on the analysis of 34 domestic and foreign studies (2000-2024),*

the key approaches to the definition of edutainment, forms of its implementation in foreign language education, as well as its influence on the motivation and involvement of students are highlighted. The main attention is paid to the classification of edutainment methods (from traditional (linguistic games, authentic media) to digital (mobile applications, VR-platforms)), identification of its advantages and limitations, as well as the prospects of its use in digital educational environment. The methodological framework includes qualitative content analysis of publications, scientometrics and comparative analysis of Russian and foreign works. As a result, edutainment improves the efficiency of language learning by 30-40% (according to empirical studies), but its application requires the consideration of age, cultural and technical limitations. The article also for the first time reveals discrepancies in Russian and foreign approaches: foreign studies emphasise academic effectiveness, while Russian studies focus on emotional impact. The aim of the paper is to systematise the current state of scientific knowledge about the edutainment method and to formulate directions for further research. The practical significance of the work lies in the development of recommendations for integrating edutainment into the educational process while maintaining a balance between the entertainment and didactic components. The author considers the adaptation of edutainment for different age groups and the creation of methods for assessing its long-term impact on language competences as promising areas of research.

Keywords: *modern educational technologies, foreign language teaching methods, edutainment, interactive methods, pedagogical innovations, motivation*

For citation: Ilyagueva Ya.I. Edutainment in foreign language education: current state and development trends. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 12 – 20.

The article was submitted: September 02, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

В условиях современной реальности, характеризующейся доминированием интерактивных технологий, визуальной подачи информации и высокой скорости ее распространения, традиционные педагогические подходы, ориентированные преимущественно на репродуктивные модели усвоения знаний, оказываются недостаточно эффективными. Современные учащиеся с раннего детства осваивают гаджеты и приспосабливаются к использованию игровых приложений и интернет-ресурсов, что формирует новые ожидания от образовательного процесса. В связи с этим, в педагогике возникает необходимость поиска образовательных подходов, способных повысить уровень вовлеченности и мотивации учащихся, что особенно актуально в контексте изучения иностранных языков, где мотивация играет ключевую роль. Одним из таких подходов является “edutainment”. Это слово, образованное от английских "education" (образование) и "entertainment" (развлечение), отражает суть подхода, который сочетает в себе элементы образования и развлечения. Сегодня в образовательной среде возрастает интерес к edutainment-технологиям, включающим игровые и мультимедийные ресурсы, что позволяет сделать обучение более интерактивным и интересным, отвечая требованиям цифрового поколения.

Несмотря на возрастание популярности edutainment в практике обучения иностранным языкам, систематизированный обзор существующих исследований по данной теме в отечественной литературе представлен фрагментарно. В то время как западная научная традиция активно накапливает эмпирические данные и разрабатывает теоретические основания для оценки эффективности данного метода, в российской педагогической науке данный вопрос требует более глубокой проработки и осмысления.

Цель настоящей статьи заключается в обобщении и классификации существующих подходов к применению edutainment в обучении иностранным языкам, выявлении ключевых направлений и противоречий в научных публикациях, а также в определении перспектив его использования в образовательной практике.

В качестве исследовательской базы были рассмотрены статьи, монографии и доклады, опубликованные в 2000-2024 годах в российских и международных академических изданиях. Основными критериями отбора источников стали их релевантность тематике edutainment и обучению иностранным языкам, научная значимость и наличие практических или теоретических результатов.

Материалы и методы исследований

Настоящий обзор построен на анализе 34 научных публикаций, отобранных, по ключевым словам: edutainment, game-based learning, digital education, foreign language teaching, interactive methods. В качестве источников использовались статьи из рецензируемых журналов, сборники научных конференций и монографии.

Методологическая основа исследования включает:

• качественный контент-анализ публикаций, их целей, терминологии и выдвигаемых гипотез;

• сопоставление исследовательских позиций по вопросам классификации и применения edutainment;

• выявление повторяющихся тем, методик и результатов в работах;

• частичную наукометрическую обработку данных (объём цитирования, год издания, география авторов).

Обзор структурирован по следующим тематическим направлениям: концептуальные основы edutainment, применение edutainment в обучении иностранным языкам, сравнительный анализ отечественных и зарубежных публикаций, проблемы и перспективы применения edutainment в образовательной практике.

Результаты и обсуждения

Концептуальные основы метода edutainment.

Термин edutainment был впервые использован компанией The Walt Disney Company для описания серии развлекательно-образовательных документальных фильмов о природе “Настоящие приключения” [17]. Первоначально edutainment находил свое выражение именно в таких продуктах, как образовательные мультфильмы, в которых обучающий компонент сочетался с элементами повествования и визуальными эффектами, что способствовало лучшему усвоению информации детьми. В 1970-х годах понятие получило дальнейшее развитие благодаря британскому зоологу Роберут Хейману, который использовал понятие edutainment в докладе для Национального Географического Общества, описав этим термином передачи National Geographic [6]. Edutainment стали рассматривать как деятельность, сочетающую образовательные цели с элементами развлечения [28].

Первоначальная концепция предполагала создание контента, способного одновременно увлекать аудиторию и транслировать полезные знания. Интересно отметить, что многие ранние образцы подобных продуктов разрабатывались прежде всего как зрелищные мероприятия, и лишь впоследствии педагоги и методисты осознали их значительный образовательный потенциал и воспитательную ценность. Сам термин отсутствовал в словарях до 1990-х годов, но периодически встречался в прессе – в частности, его использовали для описания образовательных передач. Например, в публикации The Guardian этим словом характеризовали телешоу Улица Сезам [6].

С развитием технологий в 1990-х годах edutainment приобрел новые формы. Метод адаптировался к новым требованиям современного мира, предлагая все более инновационные подходы к обучению. Если раньше понятие «edutainment» ассоциировалось исключительно с развлечениями и игровой деятельностью, в том числе ролевыми играми, то сегодня его значение расширилось и охватывает применение интерактивных и мультимедийных технологий в образовательных целях [26].

В современной трактовке edutainment охватывает широкий спектр методов: от применения дополненной и виртуальной реальности до использования геймифицированных платформ. Эти инструменты позволяют разрабатывать персонализированные образовательные программы, которые учитывают индивидуальные потребности учащихся. Эти изменения создают новые условия для преподавания английского языка как в школе, так и на уровне профессионального образования.

Суть подхода отражена в самом его названии, неологизме, образованном от английских "education" (образование) и "entertainment" (развлечение). В Cambridge Dictionary понятию дано следующее определение: ‘the process of entertaining people at the same time as you are teaching them something , and the products, such as television programmes or software, that do this:’ Изучив отечественную и зарубежную литературу по теме, мы сделали вывод о том, что на сегодняшний день, в научном дискурсе единое определение понятия edutainment отсутствует, большинство ученых раскрывают его через разные характеристики, которые не в полной мере описывают возможности подхода. Так, например, автор учебного пособия по основам теории коммуникации О.Л. Гнатюк определяет эту технологию как «цифровой контент, соединяющий образовательные и развлекательные элементы», приводя в пример обучающие компьютерные игры [5]. В русскоязычном педагогическом дискурсе также популярно понятие «игрового обучения», которое отечественный ученый А.В. Попов интерпретирует как установление эмоционально связи с предметом обучения, вводя термин “игразование” [13].

О.М. Железнякова определяет edutainment как особый тип обучения, в процессе которого формируется стойкий интерес к предмету посредством первичного развлечения [8]. Это перекликается с замечанием, высказанном в исследовании зарубежных коллег о том, что ключевой особенностью edutainment является не просто развлекательная форма, а способность активизировать внутреннюю мотивацию через осмысленное взаимодействие [21]. Это отличает edutainment от простой «развлекательной подачи» материала, которая может не справляться с задачей достижения глубины понимания.

Микела Эддис определяет edutainment как особый вид деятельности, сочетающий познавательный процесс с удовлетворением естественного интереса к окружающему миру. По её мнению, такая модель обучения выходит за рамки простого взаимодействия между учащимся и источником знаний – она требует личной вовлечённости обучающегося в процесс освоения информации. При этом сам объект изучения динамичен, он не просто передаёт знания, но и дополняет их элементами развлечения, делая процесс более увлекательным [18, с. 1-3].

Сходную позицию занимает Закерия Казанчи, который определяет этот феномен как комбинированный подход, преимущественно основанный на визуальной составляющей, представленной в игровых форматах, существенно отличающихся от традиционных дидактических подходов [29]. Точка зрения Нормана Уоллена и Джека Фрэнкела подчеркивает способность данной технологии интегрировать разнообразные мультимедийные ресурсы для создания учебных материалов с элементами развлекательного контента, включая телевизионные форматы и специализированное программное обеспечение [32].

Ян Ванг рассматривает edutainment как “пространство”, в котором дети с большим интересом познают новое через мультимедийные форматы – аудио, визуальные материалы, тексты и графику [33, с. 10]. Вместе с тем исследователь подчёркивает, что данный подход охватывает лишь ограниченный сегмент педагогической деятельности. Его роль, согласно точке зрения автора, сводится к обогащению учебного процесса, а не к кардинальному пересмотру традиционной образовательной модели [33, с. 10]. Как данный, так и другие исследователи отмечают, что edutainment представляет собой формат получения знания и является лишь одной из технологий обучения, в других работах тоже подчеркивается важность поддержания «эффективного баланса» между информацией, мультимедийными продуктами, психологическими приемами и современными технологиями [23, 27]. Примерно об этом же говорят исследователи из ведущих мировых университетов – Д. Букингем (Кембридж) и М. Скалтон (Гарвард) – в своей работе они подчеркивают важность сбалансированного подхода, объединяющего классические методы преподавания с современными экспериментальными формами обучения в рамках edutainment. Они утверждают, что такой синтез особенно актуален для обновления традиционной “усталой образовательной системы, которая сегодня испытывает кризис эффективности» [22].

В свою очередь Р. Донован, профессор австралийского университета Кёртин, делает акцент на преодолении психологического барьера с помощью применения edutainment, которое способно разрешить стрессовые ситуации, неизбежно возникающие в процессе обучения за счет нестандартной, увлекательной формы подачи учебного материала [24].

Титова Е.Ю называет ключевые особенности метода, относя к ним получение удовольствия в процессе обучения, использование информационных (в частности, мультимедийных) технологий, отсутствие психологических барьеров за счет неформальной обстановки, наличие в содержании практико-ориентированного контента, использование в качестве основы игры и игровых технологий [15].

Также к наиболее эффективным компонентам edutainment относят, во-первых, «экономию ресурсов», где под ресурсами подразумеваются затраченные время и усилия при работе с большими объемами информации, а во-вторых, «всеобщую вовлеченность учеников» вне зависимости от исходных способностей и возможностей [30].

Касательно того, что является ведущим в данной технологии – образование или развлечение – в позициях ученых нет единства. В некоторых исследованиях отмечается, что есть два основных подхода к пониманию применения технологии edutainment: с одной стороны, это использование элементов развлечения в образовательной сфере, а с другой, внедрение образовательных элементов в процесс развлечения [34]. Однако можно заметить, что многие подчеркивали важность правильного соотношения взаимосвязанных компонентов процесса обучения, при котором развлечение не оторвано от образовательного процесса, а неразрывно связано с ним и занимает по времени не более половины процесса обучения. Следовательно, edutainment – вспомогательное средство, а развлечение скорее лишь первая стадия использования этой технологии. Ведь конечная цель процесса обучения – стойкий интерес к знанию и увлеченность предметом.

Исходя из представленных точек зрения зарубежных и отечественных исследователей, можно сделать вывод, что характерной особенностью технологии edutainment является интеграция образовательных и развлекательных элементов для создания эффективной развлекательно-образовательной учебной среды, предполагающей использование е игровых технологий, мультимедиа и интерактивных методов, которые стимулируют когнитивные и эмоциональные аспекты обучения. Вместе с тем, edutainment ориентирован на индивидуальные потребности учащихся, что делает обучение более персонализированным и эффективным. Можно выделить несколько основных принципов, на которых основывается edutainment – это принципы

интерактивности, игрового обучения, эмоциональной вовлечённости и получения удовольствия от образовательного процесса.

Применение edutainment в обучении иностранным языкам.

Технология edutainment часто ассоциируется с программами начального школьного образования. Это создаёт ложное впечатление, будто данный подход предназначен только для детей. Однако сфера применения данной методики значительно шире. Так, одним из наиболее ярких примеров успешного внедрения edutainment в образовательные практики является его использование в обучении иностранным языкам [3]. Исследователи отмечают, что идея использования онлайн-ресурсов для развития речевой деятельности представляет собой "логическое завершение актуальности и результативности коммуникативного подхода в обучении иностранным языкам" [9, с. 3].

В иноязычном образовании edutainment реализуется через несколько ключевых форматов. Поскольку успешному формированию языковых компетенций у студентов способствует учет технических и человеческих ресурсов в их взаимодействии, актуальным становится обращение к "традиционным и современным средствам технологии Edutainment" [10, с. 34].

К традиционным средствам относят аутентичные мультимедийные материалы (книги, журналы, статьи, музыка, телепередачи, радиопрограммы, фильмы и сериалы на языке оригинала), лингвистические настольные игры (напр., Scrabble), проведение конкурсов, фестивалей, пресс-конференций, мозговых штурмов, а также организация свободных лекций или занятий в формате "open-talk». Современные средства включают в себя геймифицированные мобильные приложения (Duolingo, Quizlet, Lingualeo) [2]; интерактивные мультимедийные курсы (например, BBC Learning English), создающие адаптированные сериалы, видеоуроки и подкасты; образовательные квесты и симуляции, применяемые как в очном, так и в дистанционном обучении.

Практическая эффективность внедрения edutainment в обучение иностранным языкам подтверждается эмпирическими исследованиями. Так, исследование Абдрафиковой А.Р. и Абдуллина А.И. показывает, что использование edutainment-платформ в обучении иностранным языкам способствует повышению качества знаний на 30-40% [1].

Кроме того, эффективность технологии edutainment наглядно демонстрируется в исследовании Гимадиевой Э.Н. и Салеховой Л.Л., посвященном развитию навыков аудирования у будущих учителей английского языка. В ходе эксперимента авторы реализовали комплексный подход, предлагающий доступ к аутентичному медиаконтенту в сочетании с системой интерактивных упражнений. В результате эксперимента удалось повысить средний балл студентов за тест по аудированию с 11.92 до 17.33 (по 23-балльной шкале) [4].

Сравнительный анализ зарубежной и отечественной литературы.

Сравнительный обзор показывает, что зарубежные исследования в области edutainment характеризуются более высоким уровнем эмпирической обоснованности. Работы авторов из США, Канады, Великобритании, Германии, Южной Кореи и Сингапура часто основаны на экспериментальных и квазиэкспериментальных методологиях: с контрольными группами, шкалами вовлечённости и измерением долгосрочного эффекта от использования edutainment-инструментов. Например, в исследовании «The Motivation of Uncertainty: Gamifying Vocabulary Learning» рассматривается влияние геймификации на мотивацию при изучении словарного запаса. В исследовании приняли участие 102 студента, использовавших мобильное приложение для изучения слов в течение месяца. Результаты показали, что экспериментальная группа превзошла контрольную в посттесте [19].

Исследование Сулеймана Алнуджайди в Саудовской Аравии показало, что студенты, обучавшиеся с использованием платформы Kahoot, достигли значительного улучшения в усвоении фразовых глаголов по сравнению с контрольной группой, обучавшейся традиционными методами. Результаты также указали на повышение мотивации и вовлеченности студентов в учебный процесс [20].

В то же время, в российской научной традиции наблюдается преобладание теоретико-методологических и описательных подходов. Хотя отдельные эмпирические исследования затрагивают внедрение игровых технологий в вузах, как правило, они опираются на ограниченную выборку и не предполагают количественной проверки эффективности метода. Вместе с тем именно российские авторы предлагают более глубокие культурно-психологические интерпретации.

Кроме того, следует отметить разницу в целях публикаций. В зарубежных работах edutainment рассматривается преимущественно как средство повышения академической продуктивности и адаптивности к цифровой среде. В отечественных – чаще как инструмент мотивационного и эмоционального воздействия. Это различие объясняется как исследовательскими традициями, так и разной степенью цифровой разработанности образовательных систем.

Так, анализ исследования Ткаченок К.А., Дружинина А.С. и Ильиной О.К. демонстрирует значительный потенциал методики домашнего кинопросмотра в контексте edutainment-подхода. Несмотря на отсутствие в работе количественных данных экспериментальной проверки, авторы приводят ряд убедительных косвенных доказательств эффективности данного метода в рамках повышения уровня мотивации [16].

Проблемы и ограничения метода.

Несмотря на оптимистичный взгляд и высокую оценку потенциала edutainment, исследователи обращают внимание на ряд рисков и вызовов. В исследовании Ермаковой Ю.Д. подчёркивается, что "мы выходим за рамки ожиданий и думаем об Edutainment как о «сладкой оболочке» в виде развлечений, в которой нуждается «горькое лекарство» – фундаментальные научные знания, чтобы стать приемлемым для всех студентов" [7, с. 37]. Чрезмерное увлечение игровыми элементами может привести к тому, что обучающиеся перестанут концентрироваться на учебных задачах. Поэтому при применении edutainment необходимо четко ориентироваться на дидактические задачи, не допуская, чтобы развлекательная форма подменила собой образовательное содержание.

Также, метод edutainment требует существенной методической подготовки преподавателей. Как показывают данные опросов, только 18-25% педагогов считают себя готовыми к разработке интерактивного контента или к ведению смешанных edutainment-курсов без поддержки со стороны IT-специалистов [25]. Это особенно критично в вузовской среде, где нагрузка преподавателя часто не предусматривает таких компетенций.

Также важно учитывать, что эффективность edutainment может варьироваться в зависимости от возрастной группы, культурного контекста, уровня языковой подготовки. Например, обучающиеся старших возрастов могут проявлять меньшую готовность к восприятию игрового формата и предпочитать более традиционные подходы [31].

Технические ограничения остаются одним из главных препятствий в массовом внедрении edutainment в российскую образовательную систему. Это и низкий уровень цифровой инфраструктуры в некоторых регионах, и отсутствие адаптированных ресурсов на русском языке, и сложности с локализацией зарубежных платформ.

Выводы

Обзорная статья позволила проследить эволюцию концепции edutainment от её появления в контексте развлекательно-образовательных детских передач до внедрения в современные образовательные практики, в том числе в практику преподавания иностранных языков в школах и высших учебных заведениях. Сравнительный анализ отечественных и зарубежных исследований выявил как общие подходы – ориентацию на мотивацию, вовлечённость и активное обучение – так и различия, связанные с исследовательскими традициями и уровнем цифровой трансформации образования.

Edutainment демонстрирует высокую результативность при условии его методически грамотной реализации и сочетания с традиционными приёмами обучения. Его преимущество заключается в способности синтезировать когнитивный и эмоциональный аспекты образования, активизируя внутреннюю мотивацию обучающихся и повышая эффективность усвоения языкового материала. Особое значение метод приобретает в условиях перехода к смешанным и дистанционным форматам обучения.

Тем не менее, успешная интеграция edutainment в учебный процесс требует преодоления ряда ограничений: технических, методических, а также связанных с возрастными и культурными особенностями восприятия учащихся. Эти барьеры указывают на необходимость разработки локализованных подходов и профессиональной подготовки преподавателей.

Таким образом, edutainment следует рассматривать не как универсальное решение, а как перспективный метод, нуждающийся в адаптации и дальнейшем исследовании. Актуальными направлениями будущих научных изысканий являются: разработка edutainment-технологий для специфических целей, создание банка проверенных методик, а также изучение восприятия edutainment в различных возрастных и культурных группах.

Список источников

1. Абдрафикова А.Р., Абдуллин А.И. Эффективность внедрения и использования Интернет-ресурсов на основе информационно-коммуникационных технологий (на примере Интернет-ресурсов Duolingo, LinguaLeo, Eliademy и Stepic) // МНИЖ. 2017. № 6-1 (60). С. 112 – 114.

2. Авраменко А.П., Шевченко В.Н. Мобильные приложения как инструмент геймификации языкового образования // Московский педагогический журнал. 2017. № 4. С. 45 – 52.

3. Верещагина Е.А., Жукова Т.А. Edutainment как современная технология обучения иностранных студентов средствам выражения субъективной модальности в русской речи // МНКО. 2019. № 5 (78). С. 10 – 13.

4. Гимадиева Э.Н., Салехова Л.Л. Реализация технологии эдьютейнмент при обучении студентов – будущих учителей английского языка иноязычному аудированию // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. № 9. С. 927 – 934.

5. Гнатюк О.Л. Основы теории коммуникации: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2010. 256 с.

6. Дьяконова О.О. Понятие «Эдьютейнмент» в зарубежной и отечественной педагогике // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 6. С. 182 – 186.

7. Ермакова Ю.Д., Носова Т.М. Эффективность использования технологии "развлекательного образования" (Edutainment) в обучении иностранному языку // Вестн. Сам. гос. техн. ун-та. Сер. Психолого-педагогич. науки. 2019. № 2 (42). С. 30 – 45.

8. Железнякова О.М. Сущность и содержание понятия «эдьютейнмент» в отечественной и зарубежной педагогической науке // Alma Mater. 2013. № 2. С. 67 – 70.

9. Заречнева Н.Г., Пилюкова А.В. Коммуникативный подход в преподавании иностранного языка // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. № 4. С. 2255 – 2264.

10. Комкова А.С., Крутько Е.А. Технология Edutainment в преподавании иностранных языков в системе высшего образования // Восток – Запад: теоретические и прикладные аспекты преподавания европейских и восточных языков: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Сиб. гос. ун-т путей сообщения, 2018. С. 32 – 37.

11. Комкова А.С., Крутько Е.А. Технология edutainment в обучении английскому языку и культуре в системе высшего образования // Философия образования. 2018. № 4 (77). С. 13 – 22.

12. Крутько Е.А. Особенности преподавания иностранных языков в информационном обществе // Философия образования. 2018. № 1 (74). С. 175 – 180.

13. Попов А.В. Маркетинговые игры. Развлекай и властвуй. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2006. 320 с.

14. Сапух Т.В. Применение технологии «эдьютейнмент» в образовательной среде университета // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 8 (137). С. 30 – 34.

15. Титова Е.Ю. Учебно-методический потенциал современной технологии обучения Edutainment // Наука – образование – производство: опыт и перспективы развития: сборник материалов XIV Международной научно-технической конференции, посвященной памяти доктора технических наук, профессора Зудова Е.Г. 2018. Т. 2.

16. Ткаченок К.А., Дружинин А.С., Ильина О.К. Методика домашнего кинопросмотра в обучении иностранному языку: лингводидактические основания // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. № 9. С. 47 – 54.

17. Юхмина Е.А., Обвинцева Н.В. Технологии edutainment в обучении иностранному языку в вузе // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 1 (127).

18. Addis M. New technologies and cultural consumption. Edutainment is born. Bocconi: Bocconi University – Marketing Department, 2002. P. 1 – 13.

19. Al-Hoorie A.H., Albijadi O. The Motivation of Uncertainty: Gamifying Vocabulary Learning // RELC Journal. 2024.

20. Alnujaydi S.M. The Impact of Using Kahoot Platform on EFL Students' Acquisition of Phrasal Verbs // International Journal of Information and Education Technology. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 217 – 223.

21. Backlund P., Hendrix M. Educational games: Are they worth the effort? // Proc. of the 5th Int. Conf. on Games and Virtual Worlds. 2013. P. 1 – 8.

22. Buckingham D., Scanlon M. Selling learning: towards a political economy of edutainment media // Media, Culture and Society. 2005. Vol. 27. No. 1. P. 41 – 58.

23. De Vary Sh. Educational Gaming. Interactive Edutainment // Distance Learning. 2008. No. 5. P. 35 – 44.

24. Donovan R., Henley N. Principles and Practice of Social Marketing, an International Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 504 p.

25. Gros B. The design of smart educational environments // Smart Learning Environments. 2016. Vol. 3.

26. Hangeldieva I.G., Bogdanova E.M. Edutainment: From TV Format to Contemporary Social and Educational Practices // Culture and Education in Modern Society: Development and Conservation Strategies. 2013. P. 206 – 218.

27. Hussain H., Embi Z.C., Hashim S. A Conceptualized Framework for Edutainment // Informing Science. 2003.

28. Jasinski M. New Practices in Flexible Learning: Educational Infotainment // Australian Flexible Learning Framework. 2004. P. 16 – 19.

29. Kazanci Z. Evaluating English Language Teaching Software for Kids: Education or Entertainment or Both? // The Turkish Online Journal of Educational Technology – TOJET. 2009. No. 8 (3).

30. Okan Z. Edutainment: Is learning at risk? // British Journal of Education Technology. 2003. Vol. 34. No. 4. P. 255 – 264.

31. Prensky M. Digital natives, digital immigrants // On the Horizon. 2001. Vol. 9. No. 5. P. 1 – 6.

32. Wallen N.E., Fraenkel J.R. Educational Research: A Guide to the Process. New York, 2000.

33. Wang Yan. Edutainment technology – a new starting point for education development of China // Section T1B-5, 37th ASEE/IEEE Frontiers in Education Conference. Milwaukee: WI, 2007. P. 10 – 13.

34. Zorica B. Edutainment at the Higher Education as an Element for the Learning Success // 6th International Conference on Education and New Learning Technologies. Barcelona, 2014.

References

1. Abdrafikova A.R., Abdullin A.I. Efficiency of Implementation and Use of Internet Resources Based on Information and Communication Technologies (on the Example of Internet Resources Duolingo, LinguaLeo, Eliademy and Stepic). MNIZH. 2017. No. 6-1 (60). P. 112 – 114.

2. Avramenko A.P., Shevchenko V.N. Mobile Applications as a Tool for Gamification of Language Education. Moscow Pedagogical Journal. 2017. No. 4. P. 45 – 52.

3. Vereshchagina E.A., Zhukova T.A. Edutainment as a Modern Technology for Teaching Foreign Students Means of Expressing Subjective Modality in Russian Speech. MNKO. 2019. No. 5 (78). P. 10 – 13.

4. Gimadieva E.N., Salekhova L.L. Implementation of Edutainment Technology in Teaching Students – Future Teachers of English Foreign Language Listening. Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2022. No. 9. P. 927 – 934.

5. Gnatyuk O.L. Fundamentals of Communication Theory: A Tutorial. Moscow: KNORUS, 2010. 256 p.

6. Dyakonova O.O. The Concept of "Edutainment" in Foreign and Domestic Pedagogics. Siberian Pedagogical Journal. 2012. No. 6. P. 182 – 186.

7. Ermakova Yu.D., Nosova T.M. The Efficiency of Using Edutainment Technology in Teaching a Foreign Language. Vestn. Sam. state tech. univ. Series: Psychological and pedagogical sciences. 2019. No. 2 (42). P. 30 – 45.

8. Zheleznyakova O.M. The Essence and Content of the Concept of "Edutainment" in Domestic and Foreign Pedagogical Science. Alma Mater. 2013. No. 2. P. 67 – 70.

9. Zarechneva N.G., Pilyukova A.V. Communicative Approach in Teaching a Foreign Language. Professional Education in the Modern World. 2018. Vol. 8. No. 4. P. 2255 – 2264.

10. Komkova A.S., Krutko E.A. Edutainment Technology in Teaching Foreign Languages in the Higher Education System. East – West: Theoretical and Applied Aspects of Teaching European and Oriental Languages: Collection of Proc. of the Int. Res. and Pract. Conf. Novosibirsk: Siberian State University of Railway Engineering, 2018. P. 32 – 37.

11. Komkova A.S., Krutko E.A. Edutainment Technology in Teaching English Language and Culture in the Higher Education System. Philosophy of Education. 2018. No. 4 (77). P. 13 – 22.

12. Krutko E.A. Features of Teaching Foreign Languages in the Information Society. Philosophy of Education. 2018. No. 1 (74). P. 175 – 180.

13. Popov A.V. Marketing Games. Entertain and Conquer. M.: Mann, Ivanov, Ferber, 2006. 320 p.

14. Sapukh T.V. Application of Edutainment Technology in the University Educational Environment. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2016. No. 8 (137). P. 30 – 34.

15. Titova E.Yu. Educational and Methodological Potential of Modern Edutainment Teaching Technology. Science – Education – Production: Experience and Development Prospects: Collection of Materials of the XIV International Scientific and Technical Conference Dedicated to the Memory of Doctor of Technical Sciences, Professor E.G. Zudov. 2018. Vol. 2.

16. Tkachenko K.A., Druzhinin A.S., Ilyina O.K. Home Movie Watching Methodology in Teaching a Foreign Language: Lingvodidactic Foundations. Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2022. Vol. 7. No. 9. P. 47 – 54.

17. Yukhmina E.A., Obvintseva N.V. Edutainment Technologies in Teaching Foreign Languages at the University. International Research Journal. 2023. No. 1 (127).

18. Addis M. New Technologies and Cultural Consumption. Edutainment is Born. Bocconi: Bocconi University – Marketing Department, 2002. P. 1 – 13.

19. Al-Hoorie A.H., Albijadi O. The Motivation of Uncertainty: Gamifying Vocabulary Learning. RELC Journal. 2024.

20. Alnujaydi S.M. The Impact of Using Kahoot Platform on EFL Students' Acquisition of Phrasal Verbs. International Journal of Information and Education Technology. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 217 – 223.

21. Backlund P., Hendrix M. Educational games: Are they worth the effort? Proc. of the 5th Int. Conf. on Games and Virtual Worlds. 2013. P. 1 – 8.

22. Buckingham D., Scanlon M. Selling learning: towards a political economy of edutainment media. Media, Culture and Society. 2005. Vol. 27. No. 1. P. 41 – 58.

23. De Vary Sh. Educational Gaming. Interactive Edutainment. Distance Learning. 2008. No. 5. P. 35 – 44.

24. Donovan R., Henley N. Principles and Practice of Social Marketing, an International Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 504 p.

25. Gros B. The design of smart educational environments.Smart Learning Environments. 2016. Vol. 3.

26. Hangeldieva I.G., Bogdanova E.M. Edutainment: From TV Format to Contemporary Social and Educational Practices. Culture and Education in Modern Society: Development and Conservation Strategies. 2013. P. 206 – 218.

27. Hussain H., Embi Z.C., Hashim S. A Conceptualized Framework for Edutainment. Informing Science. 2003.

28. Jasinski M. New Practices in Flexible Learning: Educational Infotainment. Australian Flexible Learning Framework. 2004. P. 16 – 19.

29. Kazanci Z. Evaluating English Language Teaching Software for Kids: Education or Entertainment or Both? The Turkish Online Journal of Educational Technology – TOJET. 2009. No. 8 (3).

30. Okan Z. Edutainment: Is learning at risk? British Journal of Education Technology. 2003. Vol. 34. No. 4. P. 255 – 264.

31. Prensky M. Digital natives, digital immigrants. On the Horizon. 2001. Vol. 9. No. 5. P. 1 – 6.

32. Wallen N.E., Fraenkel J.R. Educational Research: A Guide to the Process. New York, 2000.

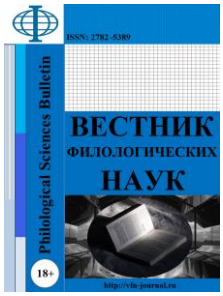
33. Wang Yan. Edutainment technology – a new starting point for educational development of China. Section T1B-5, 37th ASEE/IEEE Frontiers in Education Conference. Milwaukee: WI, 2007. P. 10 – 13.

34. Zorica B. Edutainment at the Higher Education as an Element for the Learning Success. 6th International Conference on Education and New Learning Technologies. Barcelona, 2014.

Информация об авторах

Ильягуева Я.И., *Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, yanailyagueva2001@gmail.com*

© Ильягуева Я.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.1

[1] Крылова Д.Г. ***[1] Московский международный университет***

Дискурсивные маркеры в спортивных телеграм-каналах

Аннотация: *в статье представлено исследование использования дискурсивных маркеров в медиатекстах в двух разных по генезису спортивных телеграм-каналах. Телеграм-каналы, не имеющие предыстории на платформах, предшествующих WEB 2.0 (телевидение, радио, печать), а возникшие изначально в сетевом сервис Телеграм, рассматриваются как социальные медиа. Медиатекты данного типа медиа представлены постами в телеграм-канале 2DROTS. В качестве альтернативы данным медиа рассматриваются телеграм-каналы, представляющие собой использование новой коммуникационной платформы традиционными медиа, которые определяются как интернет-СМИ. Медиатексты, создаваемые в таких медиа, представлены постами из телеграм-канала МАТЧ ТВ. Данный канал представляет собой реинкарнацию одноименного телевизионного канала в сетевом сервисе Телеграм. Сравнение шансов использования отдельных дискурсивных маркеров из числа наиболее часто встречающихся в сравниваемых телеграм-каналах показывает, что статистически значимые различия наблюдаются в небольшом числе случаев. Данное наблюдение приводит к выводу о том, что различие в истории развития оказывает второстепенное влияние на особенности применения дискурсивных маркеров в телеграм-каналах. Вероятно, более значимое влияние на выбор дискурсивных маркеров оказывает то, что медиадискурс рассмотренных социальных медиа и интернет-СМИ является устным по модусу и относится к институту спорта. Спортивные медиатексты отличаются спонтанностью, частым использованием незаконченных высказываний и референциальных сдвигов, что и является ключевым обстоятельством при выборе дискурсивных маркеров.*

Ключевые слова: *генезис медиа, дискурсивный маркер, интернет-СМИ, медиадискурс, социальные медиа*

Для цитирования: Крылова Д.Г. Дискурсивные маркеры в спортивных телеграм-каналах // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 21 – 28.

Поступила в редакцию: 02 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Krylova D.G. ***[1] Moscow International University***

Discursive markers in sports telegram channels

Abstract: *the article examines the use of discursive markers in media texts in two sport telegram channels differing in genesis. The telegram channel which was initially established in social service without any earlier background in traditional media (radio, TV, printed press) is called in the article "social media". Posts from social media are represented in the article by mediatexts from sports telegram channel 2Drots. Telegram channel originated from traditional media is called in the article "online media". Texts from this media type are represented in the article by posts of telegram channel Match TV, which basically is the resident of MATCH TV-channel in social service. The comparison of chances of use of exact discursive markers which are most frequently seen in Telegram channels demonstrates that statistically significant differences are seen in few numbers of cases. This observation leads to the conclusion that the genesis of telegram channels does not play the front*

role in the choice of discursive marker in the process of discourse structuring. There are two main reasons to choose the exact discursive marker in the process of forming the discourse of the considered Telegram channels. The first oeason is sport which literary is emotion, action that can not be predicted. The second eason is connected with the first one. Sport discourse in most cases is oral discourse and oral speech is originally less organized, less logically correct and predicted respected to the written one.

Keywords: *discursive marker, genesis of media, internet media, social media, telegram channel*

For citation: Krylova D.G. Discursive markers in sports telegram channels. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 21 – 28.

The article was submitted: September 02, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

С появлением коммуникационной платформы, известной как WEB 2.0, развитие средств массовой коммуникации испытало диалектический скачок [11, с. 25]. Начиная с 20-х годов XXI века существенное место среди сетевых сервисов, поддерживающих существование спортивных медийных каналов, занимает Телеграм [1, с. 28]. С точки зрения генезиса на платформе Телеграм существуют два типа каналов. Во-первых, это телеграм-каналы, эволюционировавшие от групповых чатов, назовем их социальными медиа. Во-вторых, каналы традиционных средств массовой информации, использующих Телеграм как новую коммуникационную платформу, часто в дополнение к уже используемым. В соответствии со сложившейся терминологией будем определять их как интернет-СМИ [7, с. 417]. И те, и другие используют на паритетной основе медиакоммуникации как трансляционного (право на публикацию информационных постов эксклюзивно принадлежит только ведущему канала), так и вовлекающего типа (аудитория имеет возможность мгновенно отреагировать на пост реакцией (эмодзи) или более развернуто в виде комментария).

Новый уровень возможности обратной связи и вовлеченности в конституируемый дискурс, присущий телеграм-каналам, во многом определил их преобладание в медиапотреблении молодежной аудитории [2, с. 18]. Приверженность молодежной аудитории к новым медиа представляется важным для развития спортивных каналов, ибо очевидно, что в молодежной аудитории наблюдается повышенный интерес к обсуждению спортивной информационной повестки.

Известно, что воздействие медиа на социальные и индивидуальные когниции аудитории формируется медиадискурсом, репрезентируемого медиатекстами [13, с. 2], посредством задействования таких когнитивных механизмов, как фрейминг, установление повестки, прайминг, информационное фильтрование [9, с. 25].

Дискурс, конституируемый в спортивных телеграм-каналах, объединяет два социальных института – спорт и медиа, что предполагает междисциплинарный подход к анализу этого явления, включая социально-культурные и когнитивные аспекты вербальной коммуникации [4, с. 46]. С точки зрения свойств дискурса важно отметить, что спортивные телеграм-каналы чаще всего существуют в формате влога, использующего устный модус дискурса, тяготеющий к презентационному, личностно-ориентированному типу дискурса, обусловленному ситуационным проявлением языковой личности коммуникантов [3, с. 59], в котором якорный блогер презентует чаще собственную личность в ущерб передаваемой информации [10, с. 148].

В спортивном медиадискурсе, как и в любом ином дискурсе, можно выделить три взаимосвязанные структуры: последовательность высказываний (языковая структура), совокупность и взаимосвязанность намерений, часто выраженных имплицитно (интенциональная структура) и сочетание моментов переключения внимания коммуникантов [14, с. 176]. В языковой структуре спортивных медиатекстов существуют элементы, выполняющие роль «подсказок», проясняющих, с одной стороны, функцию высказывания, а с другой – размещающие границы дискурсивных единиц, известные как дискурсивные маркеры [14, с. 178].

С точки зрения прагматики дискурсивные маркеры выявляют имплицитную информацию, содержащуюся в медиатексте, направляют процесс интерпретации высказывания [12, с. 12]. В этой связи М.В. Каменский отмечал что «дискурсные маркеры выступают важными сопутствующими компонентами реализации прагматических установок коммуникантов. Они участвуют в языковом оформлении высказываний» … «и способны управлять тональностью общения и ее целевой ориентированностью на достижение интенций коммуникантов» [6, с. 146].

Для устного модуса дискурса, характерного для спортивных телеграм-каналов, в отличие от письменного, возникновение дискурсивных маркеров часто носит спонтанный характер, нежели чем осознанный стилистический прием. Оно диктуется, с одной стороны, необходимостью реализовать функцию коммуника-

ции, определяющую характеристики медиатекста, представленного во влоге, а с другой, отражает эмоциональное состояние коммуникантов соответствующего дискурса [10, с. 150].

Следует отметить, что активное использование дискурсивных маркеров при структурировании дискурса характерно именно для спортивных медиатекстов [15, с. 119]. Как было показано ранее, частотности использования отдельных дискурсивных маркеров в спортивных медиатекстах присущи определенные особенности. Так, в медиатекстах спортивного репортажа наблюдается высокая частотность использования дискурсивных маркеров. В их числе «риторический вопрос с комментаторскими клише, «посмотрим» и «кроме того». В большинстве своем эти маркеры универсальны для комментирования разных видов спорта, однако наблюдаются факты, указывающие на их тематические и идиостилевые зависимости [5, с. 12].

Высказанные выше соображения указывают то, что исследование особенностей использования дискурсивных маркеров в процессе структурирования медиатекстов спортивных телеграм-каналов является актуальной задачей, прежде всего в силу их распространенности в современной медиасфере, роли в медиапотреблении молодежной аудитории и влиянии на нее. Не случайно признание особенностей дискурса, формируемого в телеграм-каналах, потребовало ввести для этого в научный оборот дополнительный термин – телеграм-дискурс [8, с. 301].

Научную проблему представляет недостаточное понимание особенностей использования дискурсивных маркеров в спортивных телеграм-каналах.

В настоящей работе решалась задача сравнения частотности возникновения отдельных дискурсивных маркеров в социальных медиа и интернет-СМИ.

В качестве рабочей гипотезы исследования принималось предположение, что особенности использования дискурсивных маркеров в медиатекстах спортивных телеграм-каналов определяются преимущественно модусом и тематикой дискурса.

Материалы и методы исследований

Сравнение шансов возникновения отдельных дискурсивных маркеров в медиатекстах социальных медиа и интернет-СМИ было проведено на основе корпуса, сформированного из постов в спортивных телеграм-каналах, опубликованных в течение 2024 года. Посты для формирования корпуса отбирались случайным образом, но объемы текстов, включенных в корпус, отличались по количеству токенов в пределах – 10%. Общий объем корпуса около – 30000 токенов.

Анализ текстов проводился с использованием инструментов обработки естественного языка, существующих в среде Python 3.0. При анализе шансов возникновения отдельных дискурсивных маркеров в исследуемых медиатекстах использовался список из 445 единиц, выявленных в процессе создания корпуса размеченных текстов на русском языке RSTreeBank [17, с. 30].

Сравнение выборок проводилось с использованием стандартных библиотек и библиотечных программ, существующих в среде Python. Для сравнения выборок по качественному бинарному признаку использовался «точный критерий Фишера» (далее F-тест).

В корпус были включены посты из одного интернет-СМИ (Матч ТВ) и одного социального медиа (2DROTS) отобранные как каналы, возглавляющие рэнкинги по числу подписчиков и числу просмотров по версии одного из наиболее авторитетных в стране источника – компании “TGStat Agency” (tgstats.ru).

Посты, включенные в корпус, существуют формате влога, что потребовало их предварительной транскрибации. Для расшифровки видеороликов использовался сервис «AI Transcription» (https://riverside.fm/transcription) с заявленной 99% точностью транскрибации видео в текст, которая редко достигалась и требовало дополнительной ручной корректировки.

Среди спортивных Интернет-СМИ «МатчТВ» занимает первую строчку рейтинга по числу подписчиков (более 660 тыс.) и имеет положительную динамику за период с 2022 года по настоящее время (число подписчиков канала выросло более чем 6 раз).

Социальное медиа 2DROTS возникло из группы в социальной сети. В настоящий момент возглавляет рэнкинг по числу подписчиков среди спортивных социальных медиа (более 230 тыс.). За последние 3 года скорость роста подписчиков снизилась от первоначальных очень высоких значений, что, видимо, было эффектом низкой базы. В настоящий момент она сопоставима со скоростью роста числа подписчиков канала «МатчТВ».

Результаты и обсуждения

Шансы использования отдельных дискурсивных маркеров, наиболее часто встречающихся в обоих рассмотренных телеграм-каналах, приведены на рисунке 1.

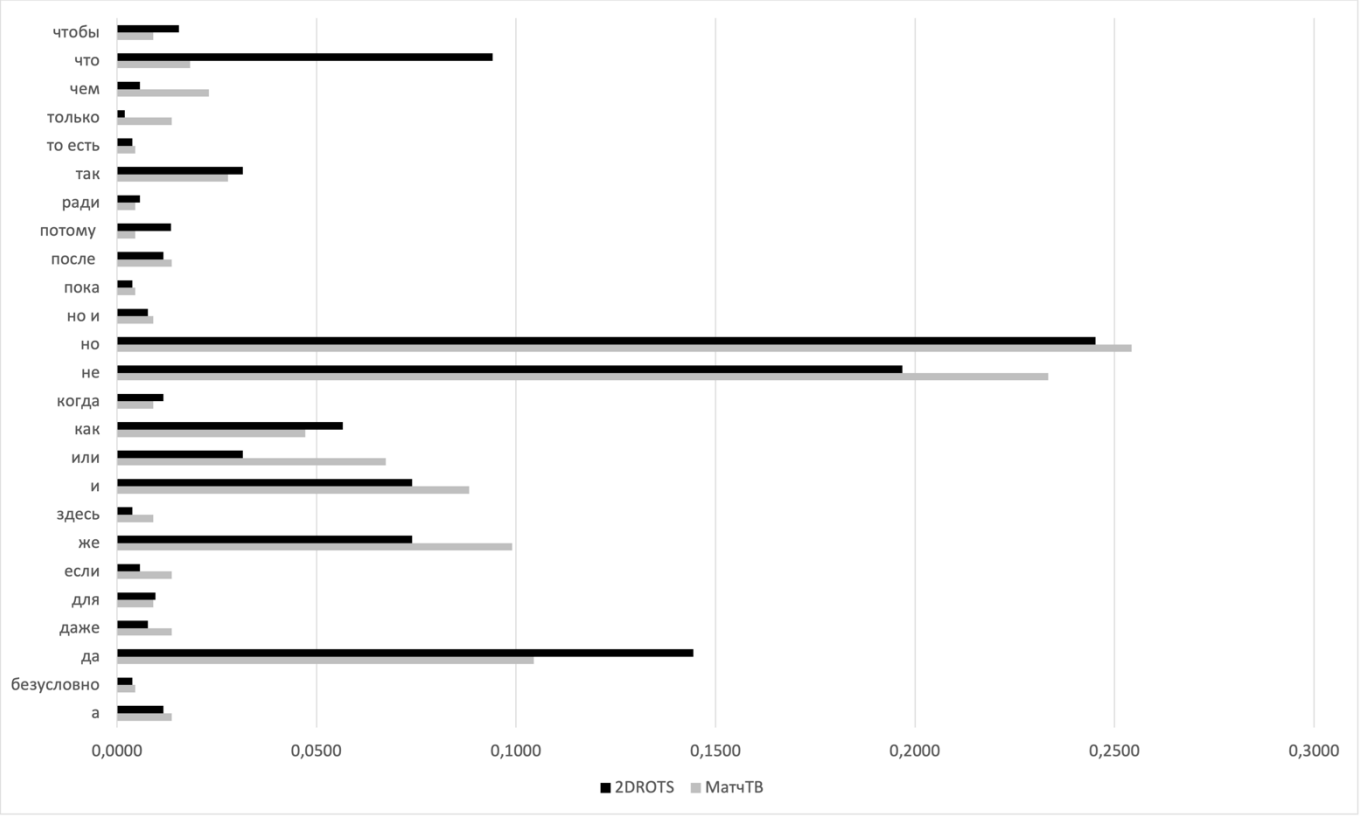


Рис. 1. Шанс использования наиболее частотных дискурсивных маркеров в спортивных телеграм-каналах.
Fig. 1. Probability of using the most frequent discourse markers in sports Telegram channels.

Сравнение шансов использования наиболее часто встречающихся дискурсивных маркеров между телеграм-каналами приведено в таблице 1. Следует заметить, что не наблюдается существенных различий в частотности использования отдельных дискурсивных маркеров. Статистически значимое различие на уровне $p \leq 0{,}1$ наблюдается только для трех дискурсивных маркеров: «или», «чем» и «что». Использование последнего чаще наблюдается в текстах социальных медиа, и это единственный дискурсисивный маркер, шансы использования которого в социальных медиа и интернет-СМИ различаются на уровне общепринятой для статистических исследований значимости $p \leq 0{,}05$.

Известно, что дискурсивные маркеры играют важную роль в организации структуры дискурса и обеспечения его связности как на языковом, так и смысловом уровнях. Тот факт, что отмеченные различия в использовании дискурсивных маркеров в спортивных телеграм-каналах не являются масштабными, на наш взгляд, не следует рассматривать как опровержение гипотезы о том, что медиатексты разных по генезису спортивных телеграм-каналов могут различаться с точки зрения структуры дискурса. На наш взгляд, в этом скорее проявляется влияние института спорта на медиадискурс, формируемый в социальных медиа и интернет-СМИ, и то, что данные медиатексты представляют собой по модусу устный дискурс.

Прославленный футболист, игрок футбольных клубов «Зенит» и «Арсенал», бронзовый призер чемпионата Европы 2008 года А.С. Аршавин, человек, экспертное мнение которого сложно поставить под сомнение, дал интервью Кириллу Полякову (телеграм-каналу Матч ТВ) в 2025 году. Ниже приведены фрагмент этого медиатекста (Андрей Аршавин А.А., Кирилл Поляков К.П., с помощью символа параллельности «||» размечены границы дискурсивных элементов) и на рисунке 2 графическое отображение его риторической структуры.

«Андрей Сергеевич, а мы вам предлагаем игровую модель сравнить по каждой позиции. || Честный Вальдес. || Что был больше? || Вообще, я считаю, || что сейчас нет вратаря сильнее чем Вальдес, || но просто в какой Войцех сейчас форме, || который приехал уже после того, как у него ретаймент был, || то есть он, в принципе, возродил свою карьеру. || Одного нужно выбрать. || Ну, здесь Вальдеса выбираю.»

Таблица 1

Отношения шансов использования отдельных дискурсивных маркеров между социальными медиа и Интернет-СМИ.

Table 1

Odds ratios of the use of individual discursive markers between social media and online media.

Дискурсивный маркер	Отношение шансов (МатчТВ / 2DROTS)	F-тест
а	1,18	0,73
безусловно	1,17	1,00
да	0,72	0,26
даже	1,77	0,43
для	0,94	1,00
если	2,37	0,37
же	1,34	0,36
здесь	2,37	0,59
и	1,19	0,54
или	2,13	0,06
как	0,73	0,52
когда	0,79	0,76
не	0,96	1,000
но	0,77	0,46
но и	1,01	1,00
пока	1,18	1,00
после	1,18	0,73
потому	0,33	0,45
ради	0,78	1,00
так	0,88	1,00
то есть	1,18	1,00
только	7,15	0,08
чем	3,99	0.06
что	0,19	0,00
чтобы	0,59	0,73

В рассмотренном фрагменте медиатекста обращает на себя внимание возникновение дискурсивного маркера «но», сигнализирующего о существовании контрастирующих отношений между двумя соседними дискурсивными единицами. Дискурсивный маркер «но» и другие с аналогичными функциями специфичны для спортивного медиатекста, что подробно было проанализировано ранее в работах М.О. Калиниченко и М.Ю. Мухина на примере спортивного комментирования [5, с. 10].

Мы согласны с мнением упомянутых выше авторов, что выраженная в устных спортивных медиатекстах спонтанность высказываний является одной из ключевых их особенностей. В процессе вербализации спортивные события, репрезентируемые в телеграм-каналах, оставляют очень мало времени для дополнительной рефлексии и осознанного выбора речевых единиц.

В рассмотренном случае мы имеем дело с дискурсивными маркерами референциального выбора [16], указывающими на точки выбора референта в продолжении коммуникации. Для медиатекстов спортивных телеграм-каналов, вне зависимости от их генезиса, является специфичным переключение внимания на ранее не упоминавшегося референта или не упоминавшегося в данном контексте. В совокупности со спонтанностью выбора речевых единиц данные особенности устного спортивного медиадискурса, вероятно, являются довлеющими в использовании дискурсивных маркеров.

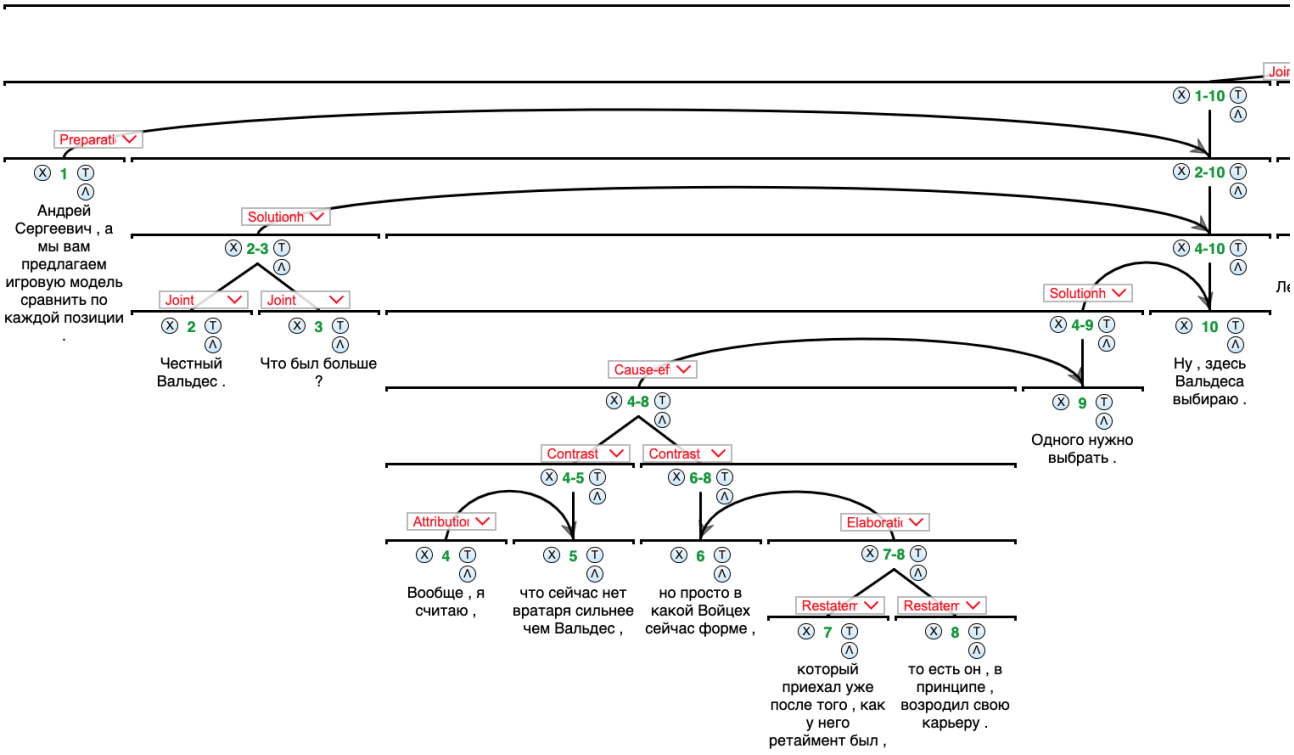


Рис. 2. Фрагмент структуры медиатекста в нотациях Теории риторических структур.
Fig. 2. Fragment of the structure of a media text in the notations of the Theory of Rhetorical Structures.

Выводы

Сравнение шансов использования отдельных дискурсивных маркеров из числа наиболее частотных в медиатекстах спортивных социальных медиа и интернет-СМИ приводит к выводу о том, что генезис канала можно рассматривать только в разряде второстепенных причин, влияющих на существование различий между каналами.

В качестве основных причин, определяющих особенности использования дискурсивных маркеров в медиатекстах спортивных социальных медиа и интернет-СМИ, следует рассматривать два фактора:

Во-первых, в объединенных медиадискурсом институтах спорта и медиа в случае спортивных телеграм-каналов доминирует влияние спорта. Спортивная тематика является стержневым фактором, определяющим лингвистические параметры медиатекстов, формируемых как в социальных медиа, так и в интернет-СМИ.

Во-вторых, медиадискурс спортивных телеграм-каналов существует преимущественно в устном модусе. Большáя спонтанность выбора речевых единиц, присущая устному дискурсу, усиливается для коммуникантов дополнительными ограничениями по времени, накладываемыми обсуждением спортивных событий, часто стремительных и сложно предсказуемых.

Список источников

1. Бегларян А.Х. Медиатональность телеграм-каналов спортивных средств массовой информации как средство вовлечения целевой аудитории // Филология: научные исследования. 2025. № 1. С. 27 – 35.

2. Валеева Э.М., Корнаухов Н.А. Практики медиапотребления среди молодежи // Социокультурные процессы в условиях глобализации и цифровизации: сборник научных трудов. Челябинск: Издательство: Южно-Уральский государственный университет, 2025. С. 17 – 22.

3. Долженко Н.Г., Сулхаева А.А. Спортивный дискурс в СМИ: особенности семантики и функционирования (на материале терминологии биатлона) // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 2. С. 59 – 63.

4. Зильберт А.Б., Зильберт Б.А.Спортивный дискурс: базовые понятия и категории, исследовательские задачи // Язык, Сознание, Коммуникация: в сборнике научных трудов. М.: ООО "МАКС Пресс", 2001. С. 45 – 55.

5. Калиниченко М.О., Мухин М.Ю. Структура эпизодов и дискурсивные маркеры в спортивном комментировании // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2022. № 1. С. 5 – 14.

6. Каменский М.В. Дискурсные маркеры как когнитивные доминанты речевого взаимодействия в разносистемных языках // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. № 1. С. 142 – 149.

7. Каминченко Д.И. Интернет-СМИ и социальные медиа: анализ информационных повесток дня // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2021. № 4. С. 417 – 430.

8. Кушнерук С.Л. Телеграм-дискурс как формат цифровой коммуникации // Медиалингвистика. 2024. № 3. С. 300 – 324.

9. Павлова О.В. Проблема разграничения фрейминга и других когнитивных механизмов интерпретации дискурса // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 6. С. 24 – 27.

10. Царенко Н.М. Дискурсивный маркер как один из показателей презентационно-интерактивного общения (на примере русскоязычного бьюти-влога) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1. С. 146 – 154.

11. Шилина М.Г. Актуальные трансформации Веб и смена парадигмы модели сетевой коммуникации // МЕДИА@альманах. 2009. № 1. С. 22 – 29.

12. Шилихина К.М., Смирнова В.В. Функционирование дискурсивных маркеров очевидно, видимо и, по-видимому, в публицистических текстах и в устной речи по данным газетного и устного подкорпусов НКРЯ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 11 – 20.

13. Fiske J. Media Matters: Everyday Culture and Political Change. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994. 305 p.

14. Grosz B.J. Attention, Intentions, and the Structure of Discourse. Computational Linguistics. 1986. No. 3. P. 175 – 204.

15. Huang L.-F. Discourse Markers in Spoken English: A Corpus Study of Native Speakers and Chinese Non-native Speakers (PhD Thesis). 2011. 384 p.

16. Kibrik A.A., Khudyakova M.V., Dobrov G.B., Linnik A., Zalmanov D.A. Referential Choice: Predictability and Its Limits. Electronic resources. Frontiers in Psychology. 2016. URL: https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2016.01429/full] (дата обращения 09.07.2025).

17. Toldova S., Pisarevskaya D., Ananyeva M., Kobozeva M., Nasedkin A., Nikiforova S., Pavlova I., Shelepov A. Rhetorical relations markers in Russian RST Treebank. Proceedings of the 6th Workshop on Recent Advances in RST and Related Formalisms. 2017. P. 29 – 33.

References

1. Beglaryan A.Kh. Media Tonality of Telegram Channels of Sports Mass Media as a Means of Engaging the Target Audience. Philology: Scientific Research. 2025. No. 1. P. 27 – 35.

2. Valeeva E.M., Kornaukhov N.A. Media Consumption Practices Among Young People. Sociocultural Processes in the Context of Globalization and Digitalization: A Collection of Scientific Papers. Chelyabinsk: Publisher: South Ural State University, 2025. P. 17 – 22.

3. Dolzhenko N.G., Sulkhaeva A.A. Sports Discourse in the Media: Semantic and Functioning Features (Based on Biathlon Terminology). Russian Linguistic Bulletin. 2021. No. 2. P. 59 – 63.

4. Zilbert A.B., Zilbert B.A. Sports discourse: basic concepts and categories, research tasks. Language, Consciousness, Communication: in the collection of scientific papers. Moscow: OOO "MAX Press", 2001. P. 45 – 55.

5. Kalinichenko M.O., Mukhin M.Yu. The structure of episodes and discursive markers in sports commentary. Bulletin of SUSU. Series "Linguistics". 2022. No. 1. P. 5 – 14.

6. Kamensky M.V. Discourse markers as cognitive dominants of speech interaction in languages of different systems. Humanitarian and legal studies. 2023. No. 1. P. 142 – 149.

7. Kaminchenko D.I. Internet Mass Media and Social Media: Analysis of Information Agendas. Issues of Journalism, Pedagogy, and Linguistics. 2021. No. 4. P. 417 – 430.

8. Kushneruk S.L. Telegram Discourse as a Digital Communication Format. Medialinguistics. 2024. No. 3. P. 300 – 324.

9. Pavlova O.V. The Problem of Distinction between Framing and Other Cognitive Mechanisms of Discourse Interpretation. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2008. No. 6. P. 24 – 27.

10. Tsarenko N.M. A discursive marker as one of the indicators of presentational and interactive communication (using a Russian-language beauty vlog as an example). Upper Volga Philological Bulletin. 2022. No. 1. P. 146 – 154.

11. Shilina M.G. Current transformations of the Web and a paradigm shift in the network communication model. MEDIA@almanac. 2009. No. 1. P. 22 – 29.

12. Shilihina K.M., Smirnova V.V. The functioning of discursive markers is obvious, visibly, and, apparently, in journalistic texts and in oral speech according to the data of the newspaper and oral subcorpuses of the NKRY. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2022. No. 3. P. 11 – 20.

13. Fiske J. Media Matters: Everyday Culture and Political Change. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994. 305 p.

14. Grosz B.J. Attention, Intentions, and the Structure of Discourse. Computational Linguistics. 1986. No. 3. P. 175 – 204.

15. Huang L.-F. Discourse Markers in Spoken English: A Corpus Study of Native Speakers and Chinese Non-native Speakers (PhD Thesis). 2011. 384 p.

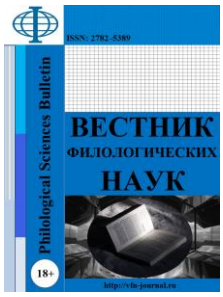
16. Kibrik A.A., Khudyakova M.V., Dobrov G.B., Linnik A., Zalmanov D.A. Referential Choice: Predictability and Its Limits. Electronic resources. Frontiers in Psychology. 2016. URL: https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2016.01429/full] (date of accessed: 09.07.2025).

17. Toldova S., Pisarevskaya D., Ananyeva M., Kobozeva M., Nasedkin A., Nikiforova S., Pavlova I., Shelepov A. Rhetorical relations markers in Russian RST Treebank. Proceedings of the 6th Workshop on Recent Advances in RST and Related Formalisms. 2017. P. 29 – 33.

Информация об авторах

Крылова Д.Г., *преподаватель, кафедра журналистики, Московский международный университет, d.krilova@mmu.ru*

© Крылова Д.Г., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81-11

[1] Соболева Е.В.

[1] Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Аксиолингвистические средства повышения информативности публицистического текста: специфические характеристики

Аннотация: *в статье анализируется специфика использования аксиологически обусловленных языковых средств и приемов с целью установления их влияния на уровень информативности публицистических текстов. Автор акцентирует внимание на ценностных характеристиках данных средств, раскрывая их влияние на восприятие информации и формирование определённых взглядов и убеждений у читателей. Анализ осуществляется в контексте социовербального взаимодействия между участниками коммуникативного процесса. Цель исследования заключается в выявлении и подробном описании аксиолингвистических средств и приемов, способствующих повышению информативности публицистического текста, а также в проведении анализа их аксиологических характеристик. Специфика рассматриваемых языковых инструментов обусловлена интеграцией аксиолингвисического подхода в лингвистический анализ публицистических текстов, что предоставляет возможность проведения более глубокого исследования механизмов коммуникации и воздействия ценностных установок авторов публицистических текстов на формирование когнитивной базы адресата. Научная новизна исследования состоит в выявлении и анализе специфических аксиологически детерменированных языковых средств, интенсивно используемых в публицистических текстах с целью повышения информативности и усиления перлокутивного эффекта. В ходе исследования установлено, что в рамках аксиологической парадигмы информативность публицистического текста достигается за счёт интеграции фактической информации с актуализацией ценностных установок, что позволяет тексту не только служить источником информации, но и формировать мировоззренческие позиции реципиентов. Аксиолингвистические средства, играют ключевую роль в повышении информативности публицистических текстов. Они не только структурируют и систематизируют информационное содержание, но и оказывают существенное воздействие на когнитивную сферу реципиента, способствуя более глубокому и многоаспектному осмыслению представленного материала. Результаты исследования могут быть полезны для специалистов в области лингвистики, журналистики и коммуникативистики, а также для представителей других смежных дисциплин, где проблема ясности и информативности коммуникативных стратегий является актуальной и требует глубокого анализа.*

Ключевые слова: *аксиолингвистика, публицистический текст, информативность, языковые средства, ценностный анализ, коммуникация*

Для цитирования: Соболева Е.В. Аксиолингвистические средства повышения информативности публицистического текста: специфические характеристики // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 29 – 37.

Поступила в редакцию: 02 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] ***Soboleva E.V.***

[1] ***Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation***

Axiological linguistic techniques for enhancing the informational value of a publicist text: specific characteristics

Abstract: *the article analyzes the specific use of axiomatically determined linguistic tools and methods in order to determine their impact on the level of the informational value in publicist texts. The author conducts a thorough examination of the inherent characteristics of these instruments and their significant impact on the reception of information as well as on the development of specific cognitive frameworks and belief systems among readers. This analysis is framed within the broader context of the dynamics of social and linguistic interactions among participants in the communication process. The goal of this research is to identify and thoroughly examine axiolinguistic tools and techniques that enhance the informational value of publicist texts. Additionally, it aims to analyze the values inherent in these methods. The specificity of the linguistic tools under consideration is due to the integration of the axiological approach into the linguistic analysis of publicist texts, which provides an opportunity for a deeper study of communication mechanisms and a clearer understanding of the impact of authorial value attitudes on public consciousness. The scientific novelty of the research lies in identifying and analysing specific linguistic tools, which are axiologically determined and are frequently used in publicist texts in order to enhance their informativeness and to increase their translocative effect. The research reveals that in the axiological framework publicist texts achieve their informational power by blending factual data with expressions of value attitudes. This combination allows the texts not only to function as sources of information, but also to shape the ideological position of their readers. Axiological tools are essential for enhancing the informational value of the texts, organizing the content, and significantly influencing readers' cognitive processes. The findings are valuable for specialists in the field of linguistics, journalism and communication studies who prioritize clarity, informational content and accuracy in their work.*

Keywords: *psycholinguistics, publicistic text, informativeness, linguistic tools, value analysis, communication*

For citation: Soboleva E.V. Axiological linguistic techniques for enhancing the informational value of a publicist text: specific characteristics. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 29 – 37.

The article was submitted: September 02, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

В условиях современного информационного общества, характеризующегося значительным увеличением многообразия доступных способов подачи информации, особую актуальность приобретает изучение языковых и когнитивных стратегий, направленных на оказание воздействия на адресата. Эти стратегии играют ключевую роль в формировании ценностных ориентиров, мировоззрения и поведенческих установок у целевой аудитории.

В рамках данного исследования проводится детальный анализ аксиологически обусловленных языковых инструментов и приемов, таких как метафоры, фразеологизмы, риторические вопросы и эмоционально окрашенная лексика. Рассматриваемые языковые инструменты исследуются как сложные механизмы, которые не только обогащают семантическую структуру текста, но и усиливают его экспрессивность и персуазивность. Такое воздействие предполагает привлечение внимания к актуальным социальным, политическим и культурным проблемам, инициацию эмоционального отклика и формирование определенной системы взглядов и ценностных ориентаций у читателя.

Исследование аксиолингвистических средств и приемов позволяет выявить механизмы повышения информативности публицистических текстов и эффективные способы модуляции восприятия информации читателем. В ходе исследования выявляются ключевые компоненты, способствующие созданию информативных и содержательных сообщений, которые не только привлекают внимание реципиента, но и стимулируют его коммуникативную активность.

Поскольку эффективность восприятия информации в современных условиях является критически важным аспектом, требующим детального изучения и систематизации, аксиолингвистический анализ становится ме-

тодологически обоснованным инструментом для исследования и оптимизации информационного воздействия в публицистических текстах, обеспечивая их высокую информативность и убедительность.

Результаты проведённого исследования обладают значительным потенциалом для применения в разработке методик преподавания и анализа текста. так как способствуют углублению понимания сложных взаимосвязей между языковыми структурами, ценностными ориентирами и культурно-историческим контекстом. Данная работа может стать теоретической основой для создания новых образовательных программ, направленных на поддержку и развитие креативных и новаторских методик в образовательной практике.

Особое внимание уделяется формированию компетенций, необходимых для создания информативных и аналитически насыщенных текстов, что является ключевым элементом профессиональной подготовки специалистов в этих сферах.

Практическая значимость исследования заключается в его универсальности и многоаспектности. Результаты могут быть успешно интегрированы как в теоретические изыскания, так и в учебные курсы по лингвистике, журналистике и теории коммуникаций.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили публицистические тексты обзорного и аналитического жанров, представленные на официальных веб-платформах ведущих средств массовой информации. Эти материалы содержат примеры применения аксиолингвистических стратегий, направленных на повышение информативности и персуазивной силы публицистического дискурса. Аксиолингвистические средства, используемые в текстах, позволяют авторам не только репрезентировать объективные факты, но и транслировать субъективные оценки, эмоциональные реакции, а также культурные и идеологические ценности, что оказывает значительное влияние на формирование ценностно-мировоззренческой ориентации у адресата.

Детальный анализ аксиолингвистических приемов позволяет раскрыть сложные механизмы, посредством которых язык играет ключевую роль в формировании восприятия действительности. Выступая в качестве инструмента социовербальной коммуникации, он способствует созданию моделей ожидаемого поведения и стереотипов в рамках конкретной социальной группы. Данное взаимодействие, в свою очередь, оказывает значительное влияние на процессы социальной идентификации и культурной интеграции индивидов.

Методологический инструментарий включает комплекс взаимодополняющих методов лингвистического анализа: когнитивно-дискурсивный, прагматический, интерактивный, а также элементы компонентного анализа лингвистических явлений, базирующийся на аксиолингвистическом подходе. Последний выступает в качестве ключевого инструмента для анализа публицистических текстов и позволяет выявить механизмы, с помощью которых языковые средства передают информацию и формируют ценностные ориентиры. Каждый из этих методов вносит свой вклад в комплексное понимание функционирования аксиолингвистических средств и их роли в повышении информативности публицистического текста, что, в свою очередь, позволяет более эффективно передавать ценностные характеристики и смысловые акценты.

Результаты и обсуждения

В условиях цифровизации и трансформации современного информационного пространства, характеризующегося информационной избыточностью и ростом числа недостоверных источников, становится всё более затруднительным установить релевантность распространяемых сведений. Как следствие, наблюдается снижение общего уровня информативности публицистических текстов. В данном контексте проблема повышения информативности приобретает статус важного ресурса для решения стратегических задач, как в области лингвистики, так и в сфере публицистики. Среди таких задач можно определить следующие: умения выделения ключевых моментов в информационном потоке; систематизация новостных материалов для обеспечения доступности и удобства восприятия; эффективное использование метафор и образных выражений, позволяющих упростить сложные идеи и сделать текст более запоминающимся и привлекательным, а также анализ потенциальной аудитории: её предпочтений и ожиданий, что позволит адаптировать содержание и стиль текста, делая его более релевантным для конкретного читателя. Для достижения поставленных целей необходимо проведение научных исследований, направленных на изучение механизмов влияния языковых структур на восприятие и интерпретацию информации, а также на анализ аксиологических стратегий, применяемых в коммуникативных процессах. В частности, следует уделить особое внимание изучению использования аксиологически обусловленных языковых средств. Такой анализ позволит выявить наиболее эффективные методы и подходы к повышению информативности публицистических текстов.

В рамках данного исследования представляется актуальным рассмотреть основные методы и подходы, направленные на повышение информативности публицистических текстов. Особое внимание уделяется анализу приёмов и способов использования аксиологически детерминированных языковых средств. Это позволит выявить механизмы, посредством которых такие средства акцентируют внимание на ценностных

характеристиках описываемых событий и явлений, способствуя повышению информативности публицистических текстов, что, в свою очередь, поможет лучше понять особенности публицистического текста как инструмента воздействия на аудиторию.

В данном исследовании публицистический текст рассматривается как «связный знаковый комплекс, сориентированный на взаимодействие автора и массового адресата с целью обмена актуальной социальной информацией, представлениями и мнениями, а также на максимальную актуализацию потенциала текстовой динамики» [10, с. 11]. Кроме того, публицистический текст направлен на максимальную актуализацию своего текстового потенциала, что позволяет ему эффективно выполнять коммуникативные функции.

Согласно дефиниции Е.М. Скурко, публицистические тексты «в сжатой форме освещают многообразие возникающих проблем, доступны широким массам читателей, охватывают практически все слои населения, являются эффективным средством воздействия на разум и чувства людей» [6, с. 55].

Следовательно, можно утверждать, что публицистический текст представляет собой структурированную знаковую систему, ориентированную на реализацию интеракции между автором и массовой аудиторией. Его основная задача заключается в обмене релевантной социальной информацией, концептуальными идеями и точками зрения, а также в оказании целенаправленного воздействия на адресата.

В рамках исследования публицистического текста мы применяем аксиолингвистический подход, опирающийся на механизмы передачи ценностных категорий через языковые средства, а также их связь с культурными, социологическими и психологическими аспектами. Язык рассматривается как инструмент, посредством которого происходит вербальное выражение и трансляция ценностей, формирующих мировоззрение и поведенческие нормы общества. «Язык фиксирует оценки, ориентации, характерные для общества в определенный период времени, а также вечные, традиционные культурные ценности, создавая своеобразный аксиологический код определенной лингвокультуры. Проявление ценностей на вербальном уровне заключается в способности языковой единицы манифестировать ценности и осуществлять оценку» [9, с. 34].

Как считает К.В. Тулупова, реализовать аксиологический потенциал публицистического текста позволяют три составляющих: «1) феномен автора (характер послания с точки зрения стиля и интонации); 2) феномен слова (взаимодействие образа и понятия, особенности кода и т.д.) и 3) феномен жанра (характер диалога с аудиторией, исходя из жанровых особенностей текста: роль и место факта в послании, уровень оценок, особенности структуры, наличие/отсутствие изобразительно-выразительных средств и проч.)» [8, с. 12]. Публицистический текст выполняет комплекс разноплановых функций, каждая из которых играет важную роль в коммуникативном процессе и оказывает значительное влияние на аудиторию: информативную (передача данных), аналитическую (критическое осмысление проблем) и воздействующую (формирование убеждений). Кроме того, публицистический текст выполняет ещё и репрезентативную функцию, позволяющей автору выразить свои идеи, ценности и мировоззренческие позиции через метафоры, риторические конструкции и другие художественные приёмы.

Данные функции непосредственно коррелируют с одним из основных признаков публицистического текста – информативностью, которая, являясь количественной и качественной характеристикой текста, отражает, насколько новой, полной и значимой является информация, содержащаяся в тексте, «поскольку именно она характеризует текст с точки зрения наполняемости информацией и передачи ее реципиенту» [7, с. 81]. Н.С. Валгина определяет информативность текста как «степень смысло-содержательной новизны для читателя, которая заключена в теме и авторской концепции, системе авторских оценок предмета мысли» [1, с. 178].

Мы полагаем, что в рамках аксиолингвистического анализа информативности публицистического текста необходимо исследовать не только его фактическое содержание, но и способность влиять на ценностные установки адресата, способствуя их изменению или укреплению. Информативность возможно рассматривать как ключевой фактор, определяющий восприятие информации читателями, способствующий формированию взглядов, убеждений и системы ценностей по обсуждаемым вопросам, а также укреплению групповой идентичности, основанной на общих ценностях: «Можно полагать, что и коммуникативные действия участников общения обусловлены их ценностями и представлениями о ценностях партнеров по общению. Это утверждение кажется нам вполне обоснованным и справедливым» [5, с. 121]. В рамках концепции, предложенной Н.А. Сидоровой, информативность рассматривается как основополагающий фактор, оказывающий комплексное воздействие на формирование ценностно-когнитивного мировоззрения индивидуума в контексте обсуждаемых проблем. Информативность не только формирует индивидуальное восприятие информации, но и является катализатором развития общественных дискурсов, которые, в свою очередь, могут существенно влиять на социальные процессы и вызывать культурные изменения. Таким образом, информативность приобретает многоаспектное значение, функционируя не только как инструмент передачи информации, но и как механизм формирования общественного мнения. В этом контексте она становится

ключевым элементом в динамике социокультурного развития, оказывая влияние на коллективные представления и модели поведения.

В публицистических текстах для экспликации ключевых ценностных ориентиров авторы применяют аксиолингвистические стратегии, представляющие собой комплекс языковых инструментов и конструкций, предназначенных для выражения оценочных суждений, ценностей и установок. В настоящей работе в качестве аксиолингвистических средств рассматриваются эмоционально окрашенные лексические единицы, риторические приемы, метафорические конструкции и другие лингвистические инструменты. Эти средства служат для акцентирования внимания на наиболее значимой информации, а также для повышения привлекательности и информативности текста для целевой аудитории.

Применение аксиолингвистических средств позволяет авторам не только структурировать материал, но и оказывать целенаправленное воздействие на когнитивные и эмоциональные процессы восприятия читателя. Эмоционально окрашенная лексика способствует формированию определенного эмоционального фона, что усиливает восприятие ключевых идей. Риторические приемы, такие как повторы, антитезы и вопросы, создают эффект убедительности и вовлеченности, что делает текст более доступным и запоминающимся. Метафоры, как мощный когнитивный инструмент, позволяют авторам представить сложные концепты в наглядной и доступной форме, способствуя более глубокому пониманию материала. «Следует отметить, что эмоциональная и символическая нагрузка языка, выраженная через метафоры, образы и идиомы, позволяет передавать не только фактическую информацию, но и более глубинные культурные представления о мире и жизни. Посредством таких языковых элементов культура делится своими фундаментальными взглядами, убеждениями и настроениями, предоставляя индивидууму инструменты для интерпретации и осмысления своего опыта» [3, с. 82]. Эти языковые элементы, глубоко интегрированные в аксиологическую парадигму, находятся в неразрывной связи с ценностными ориентациями, эмоциональными установками и культурными нормативами языкового сообщества. Они обладают значительным потенциалом для повышения информативности публицистических материалов, способствуя более глубокому пониманию социального контекста и ценностных коннотаций, связанных с обсуждаемой темой. «В ситуации с воображаемым адресатом, например, в политической пропаганде, авторы текстов открыто проводят разделяемые ими ценностные предпочтения, формируя у адресата соответствующий ценностный мир, на базе которого будут основываться оценки» [4, с. 345].

Аксиолингвистический анализ публицистического текста предполагает исследование аксиологических оценок, ценностей и установок, которые находят своё отражение в языке и структуре текста. Этот анализ направлен на детальное изучение языковых, стилистических и смысловых особенностей текста, а также на выявление их влияния на процесс передачи информации и формирование её восприятия. Разъясним наши рассуждения на примере публицистического текста “The Myth of the Melting Pot” («Миф о плавильном котле») Джейсона Ричвайна, опубликованного в сборнике INIR Papers 2024/3 14 августа 2024 г., в котором автор подвергает анализу проблемы, связанные с иммиграцией в Соединенных Штатах Америки [12].

Contrary to the promises of immigration advocacy groups, immigrants and their descendants do not completely assimilate to the cultures of their new countries, nor do they blend into an undifferentiated “melting pot”. Decades of empirical evidence instead demonstrate the persistence of ancestral culture, affecting fundamental values and behaviors such as trust, civic engagement, savings, and even political views.

Cultural persistence is not limited to America’s founding peoples. In a classic study for the Journal of Politics, political scientists Tom Rice and Jan Feldman argue that later immigrant groups brought their own civic values that are still detectable in their descendants more than 100 years later.

Much of the cultural persistence literature focuses on the U.S., but there is little indication that immigrant assimilation is more complete elsewhere. In fact, the U.S has historically prided itself on integrating its Great Wave of immigrants from 1880–1920 with the old-stock Americans who came before. The country adopted a “nation of immigrants” ethos and considered itself especially good – perhaps uniquely good – at welcoming newcomers. And yet, despite all of the surface success, social scientists can still detect in the data persistent cultural differences – even among the groups that most people describe today as simply “white Americans”. Given the limits of the melting pot in the U.S., consider the assimilation challenges that Europe faces. While the U.S. has hundreds of years of experience with mass migrations, most European countries have mere decades… The idea that European countries will absorb these waves of immigrants without experiencing significant cultural changes is implausible» [12].

В контексте аксиолингвистики, одним из наиболее действенных и широко используемых инструментов для повышения информативности и выразительности дискурса являются метафоры. В заголовке текста “The Myth of the Melting Pot” выделяется метафора «melting pot» («плавильный котел»), символизирующая идею слияния культур. Эта метафора впервые была введена в обиход в пьесе британского журналиста и драматурга Израэля Зангуилла «Плавильный котёл», премьера которой состоялась в 1908 г. [13]. Впослед-

ствии идея, заложенная в этой метафоре, легла в основу концепции «плавильного котла» (англ. melting pot), получившей широкое распространение в американской культурной парадигме XX века. Согласно этой теории, формирование североамериканской национальной идентичности должно основываться на принципе «сплавления», «смешивания» всех народов и народностей и их национальных культур. Предполагалось, что это неизбежно приведет к формированию единой американской нации. В дальнейшем концепция «плавильного котла», доминировавшая до 1970-х гг., подверглась критике. Сторонники идеи мультикультурализма утверждают, что сохранение культурных различий является важным аспектом социальной справедливости и способствует более гармоничному сосуществованию разнообразных этнических групп. В рамках теории мультикультурализма общество рассматривается как модель "салатницы" (salad bowl model), где культурные элементы не подвергаются ассимиляции, а гармонично сосуществуют, сохраняя при этом свои уникальные характеристики, традиции и лингвистические особенности.

Для интерпретации мировоззренческой позиции автора проводится анализ ценностей, имплицитно присутствующих в тексте и отраженных на уровне его семантического содержания. Данный методологический подход позволяет не только выявить скрытые интенции и приоритеты автора, но и осуществить более глубокое исследование его концептуальной системы. В своей статье автор аргументированно показывает, что представление о полной ассимиляции мигрантов местным населением и формировании единой культурной идентичности является мифом, требующим критического переосмысления. В рамках контекстуального анализа было установлено, что лексема "the myth" в данном тексте обладает негативной аксиологической коннотацией и имплицитно указывает на то, что рассматриваемая концепция представляет собой «миф», то есть ложное представление, не соответствующее объективной действительности. Таким образом, автор выражает критическое отношение к концепции «плавильного котла», квалифицируя её как иллюзорную или недостоверную.

Ключевая ценностная идея представленного текста – это значимость признания культурного разнообразия и необходимости сохранения культурного наследия, как основополагающего фактора, оказывающего влияние на поведенческие модели и мировоззрение индивидов. Данный тезис реализуется, в первую очередь, посредством использования интертекстуальных стратегий, включающих аллюзии на различные тексты и культурные феномены. Автор акцентирует внимание на факте межпоколенческой передачи культурного наследия среди потомков иммигрантов на протяжении многих десятилетий и обосновывает свою позицию, опираясь на теоретические исследования Тома Райса и Яна Фельдмана, представленные в Journal of Politics [11]. Эти отсылки позволяют автору опосредованно выразить своё отношение к описываемой проблеме и подтверждает тот факт, что ценности, привнесённые иммигрантами более 100 лет назад, всё ещё заметны у их потомков: «And yet, despite all of the surface success, social scientists can still detect in the data persistent cultural differences – even among the groups that most people describe today as simply “white Americans”» [12].

В тексте также указывается, что культурные ценности и традиции оказывают значительное влияние на такие социальные и экономические аспекты, как уровень доверия, гражданская активность и политические взгляды: «Decades of empirical evidence instead demonstrate the persistence of ancestral culture, affecting fundamental values and behaviors such as trust, civic engagement, savings, and even political views» [12]. Это влияние проявляется несмотря на длительный опыт иммиграции, что свидетельствует о сохранении определённых поведенческих и мировоззренческих установок и подтверждает универсальность данного явления: «Much of the cultural persistence literature focuses on the U.S., but there is little indication that immigrant assimilation is more complete elsewhere» [12].

Для формирования у читателя определенного отношения к исследуемой проблеме автор использует широкий спектр аксиологических и лингвистических стратегий и тактик, включающих как эксплицитную, так и имплицитную оценки. Для выражения эксплицитной оценки автор прибегает к использованию следующих приемов:

– прием антитезы позволяет более четко выделить ключевые аспекты в вопросе полного слияния культур. Фраза "Contrary to the promises..." служит для критического осмысления ожиданий и реальных результатов процессов глобализации. Выражение "but there is little indication" указывает на недостаточность эмпирических данных для подтверждения гипотезы о полной культурной интеграции. Конструкция "despite all of the surface success" акцентирует внимание на внешних признаках успеха, скрывающих глубинные противоречия и сложности, связанные с ассимиляцией культурных идентичностей;

– использование слов и выражений, передающих сомнение или критическое отношение: «do not completely assimilate», «the persistence of ancestral culture», «little indication», «implausible» подчеркивает ограниченность и не реалистичность идеи полной ассимиляции, что указывает на необходимость более глубокого и многоаспектного рассмотрения данного вопроса.

Для выражения имплицитной оценки автор использует метафоры и метонимии. В анализируемом тексте рассматриваются две метафоры, применяемые для описания культурных и миграционных процессов: «The melting pot» и «Great Wave of immigrants». Первая метафора, рассмотренная ранее, символизирует концепцию полного слияния различных культурных элементов, формирующих единое культурное пространство. Однако данный концептуальный подход подвергается критическому осмыслению, демонстрирующему, что культуры не исчезают, а трансформируются и сохраняются в изменённой форме.

Метафора «Great Wave of immigrants» («Великая волна иммигрантов») акцентирует внимание на масштабах и интенсивности миграционных потоков. Этот образ способствует привлечению внимания к проблеме миграции и к её масштабам в принимающих странах.

Фраза «European countries will absorb these waves of immigrants» также подчёркивает масштаб миграционных процессов, сравнивая их с природными явлениями. Использование слова «волны» усиливает восприятие миграции как мощного и неизбежного процесса, который может иметь как положительные, так и отрицательные последствия для государств, принимающих мигрантов.

Важную роль в аксиологическом анализе текста играет демонстрация процесса развития коннотаций, так как он позволяет выявить динамику оценочных значений и их влияние на восприятие информации адресатом. Данный подход способствует более глубокому пониманию того, каким образом автор, посредством использования указанных семантических инструментов, стремится актуализировать определенные ценностные ориентиры и, тем самым, влиять на интерпретационные стратегии реципиента.

В данном публицистическом тексте переход от нейтральных значений к эмоционально окрашенным позволяет формировать у читателя определённые суждения без прямых указаний. Так, развитие коннотаций метафоры «melting pot» иллюстрирует смену его положительных и отрицательных значений. В начале положительная коннотация воспринимается как метафора объединения и гармоничного слияния культур, символ единства и интеграции в американской идеологии. Затем следует негативная коннотация – автор ставит под сомнение реальность этого образа, указывая, что это миф. На практике культурные различия сохраняются, вызывая недоверие к идее полного слияния. Использование слов «limits of the melting pot» и «implausible» подчеркивает иллюзорность идеи и вызывает сомнения в её осуществимости, придавая слову более негативный оттенок. Таким образом, «melting pot» в процессе развития текста сначала воспринимается как позитивный образ, символ объединения, а затем – как миф и иллюзия, вызывающая скептицизм и критику.

В анализируемом тексте ключевую роль в передаче сложных понятий, связанных с иммиграционной политикой и культурной идентичностью, играет прием метонимии. Рассмотрим несколько примеров:

1. Фраза «the promises of immigration advocacy groups» демонстрирует метонимическое использование термина «promises» для обозначения деятельности иммиграционных адвокатских организаций. В данном контексте «promises» метонимично представляет не только словесные утверждения, но и широкий спектр действий, направленных на защиту интересов иммигрантов.

2. Термин «cultural differences» представляет собой метонимию сложного порядка, охватывающую не только поверхностные различия в культурных традициях, но и более глубокие аспекты, такие как ценностные системы, убеждения и поведенческие модели.

3. Выражение «American’s founding peoples» является классической метонимией, которая обозначает первых поселенцев, их потомков и культурные традиции, ставшие основой для формирования американской национальной идентичности. Этот термин подчеркивает историческую преемственность и культурное наследие, которое продолжает оказывать значительное влияние на современное общество.

Персуазивная эффективность публицистического текста «The Myth of the Melting Pot» («Миф о плавильном котле») определяется его способностью инициировать у читателя аналитическое осмысление сложности иммиграционных процессов. Кроме того, текст способствует критической переоценке устоявшейся концепции полной ассимиляции иммигрантов, что является важным аспектом дискурса о мультикультурализме и социальной интеграции в американском обществе. Автор аргументированно опровергает концепцию «плавильного котла» и акцентирует внимание на необходимости сохранения культурного многообразия.

Аксиолингвистический анализ данного текста демонстрирует, как языковые структуры, такие как метафоры и метонимии, выполняют не только эстетическую, но и когнитивно-дискурсивную функцию. Эти аксиолингвистические инструменты отражают сущностные социальные и политические противоречия, связанные с иммиграционными процессами в США, позволяя читателю глубже понять их сложность и динамику.

Использование аксиолингвистических приемов повышает убедительность и аргументированность текста, способствует выделению наиболее важной информации и формированию ценностных установок, основанных на признании культурного многообразия и сохранении идентичности. Представленный текст, характеризующийся высокой степенью информативности и наличием ценностных установок, является эф-

фективным инструментом для переосмысления личностных ценностных ориентиров и формирования индивидуальной позиции реципиента текста по отношению к проблемам иммиграционной политики в США.

Выводы

В рамках настоящего исследования, направленного на анализ специфики использования аксиологически обусловленных языковых средств и приемов в публицистических текстах, была предпринята попытка определить их влияние на уровень информативности данных текстов, а также рассмотреть ценностные характеристики этих средств в контексте социовербального взаимодействия между участниками коммуникативного процесса. В результате проведённого исследования было установлено, что языковые средства, обладающие аксиологической коннотацией, такие как метафоры, риторические приёмы и эмоционально окрашенная лексика, играют ключевую роль в повышении информативности публицистических текстов. Информативность, как фундаментальный когнитивный параметр, оказывает значительное влияние на процесс восприятия информации адресатами, стимулируя формирование концептуальных моделей, убеждений и ценностных установок по обсуждаемым вопросам.

В контексте современных лингвистических исследований аксиолингвистический подход представляется ведущим инструментом для создания многослойного и содержательно насыщенного текстового пространства. Данный методологический подход не только повышает информационную плотность текста, но и способствует его перцептивной привлекательности для целевой аудитории. В рамках аксиолингвистической парадигмы информативность публицистического текста достигается посредством интеграции фактической информации с актуализацией ценностных установок, что позволяет тексту функционировать не только как источнику информации, но и формировать мировоззренческие позиции, модифицировать поведенческие модели реципиентов. Процесс обогащения фактической информации аксиологическим компонентом способствует более глубокому и многоаспектному рассмотрению исследуемых проблем.

Результаты исследования подчеркивают необходимость учета ценностных характеристик языковых средств в процессе создания публицистических текстов, что способствует не только повышению их информативности, но и улучшает качество социовербального взаимодействия.

Проведенное исследование позволяет выявить сложные механизмы воздействия аксиологических компонентов на динамику коммуникативного взаимодействия между автором и реципиентами текста. В рамках данной аналитической работы установлено, что ценностные ориентации и предпочтения, присутствующие в текстах, играют ключевую роль в формировании и интерпретации коммуникативных интенций. Аксиологические параметры текста не только структурируют его содержание, но и определяют направление его восприятия, что оказывает влияние на эффективность коммуникативного акта. Аксиолингвистические приемы, основанные на взаимодействии языка и ценностей, могут существенно увеличить информативность публицистического текста, обеспечивая более глубокое понимание социального контекста и ценностей, связанных с темой.

В заключение можно констатировать, что данное исследование не только обогащает теоретическую базу аксиолингвистики, но и имеет практическое значение для специалистов в области лингвистики, журналистики и комуникативистики. Разработка аксиолингвистических методов и подходов в контексте научного осмысления может существенно обогатить теоретическую базу и практическую деятельность в области изучения языка как инструмента формирования концептов и ценностей, а также предложить новые методологические подходы к обучению языкам, учитывающие не только лингвистические, но и культурные аспекты.

Список источников

1. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.

2. Левушкина О.Н., Шеляпина И.И. Аксиологический потенциал публицистического текста в обучении русскому языку // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. № 2. С. 217 – 223.

3. Лупандина И.С., Дмитриева А.А. Язык как отражение духовных и этнокультурных ценностей // Язык и культура: сб. науч. трудов X Республиканской очно-заочной научной конференции. Макеевка, 2024.

4. Сидорова Н.А. Ценность и оценка как факторы речевого воздействия: опыт системно-деятельностного рассмотрения // Военно-гуманитарный альманах: материалы XVI Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации / под общ. ред. Н.В. Иванова. М.: Военный университет, 2022. С. 339 – 347.

5. Сидорова Н.А. Ценности как ориентир коммуникативных действий // Казанская наука. 2020. № 2. С. 121 – 124.

6. Скурко Е.М. Особенности информативности текстов публицистического стиля // Культура и безопасность. 2022. № 4. С. 55 – 62.
7. Соболева Е.В. Специфика категории информативности публицистического текста // Военно-филологический журнал. 2022. № 1. С. 79 – 90.
8. Тулупова К.В. Современные тенденции функционирования публицистического текста: дискурсивный аспект: дис. … канд. филол. наук: 5.9.8. Воронеж, 2008. 16 с.
9. Шевякина С.В. Языковые средства трансформации ценностно-ориентационного лингвокультурного пространства (на материале интернет-дискурса психологии ЗОЖ): дис. … канд. филол. наук: 5.9.8. Ставрополь, 2023. 199 с.
10. Щелкунова Е.С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование: дис. … канд. филол. наук: 10.01.10. Воронеж, 2004. 26 с.
11. Rice T., Feldman J. Civic Culture and Democracy from Europe to America. The Journal of Politics. 1997. Vol. 59. P. 1143 – 1172.
12. Richwine J. The Myth of the Melting Pot // INIR Papers 2024/3. URL: https://inirnet.org/article-written-for-inir/the_myth_of_the_melting_pot (date of access: 08.07.2025).
13. Zangwill I. The Melting Pot. URL: https://www.gutenberg.org/cache/epub/23893/pg23893-images.html (date of access: 08.07.2025).

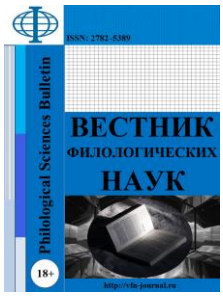
References

1. Valgina N.S. Text Theory: A Manual. Moscow: Logos, 2003. 280 p.
2. Levushkina O.N., Shelyapina I.I. Axiological Potential of Journalistic Text in Teaching Russian. Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences. 2020. No. 2. P. 217 – 223.
3. Lupandina I.S., Dmitrieva A.A. Language as a Reflection of Spiritual and Ethnocultural Values. Language and Culture: A Collection of Scientific Papers from the 10th Republican In-Person and Correspondence Scientific Conference. Makeyevka, 2024.
4. Sidorova N.A. Value and Evaluation as Factors of Speech Impact: An Experience of Systemic-Activity-Based Consideration. Military-Humanitarian Almanac: Proceedings of the XVI International Scientific Conference on Actual Problems of Language and Communication. Ed. N.V. Ivanova. Moscow: Military University, 2022. P. 339 – 347.
5. Sidorova N.A. Values as a Guideline for Communicative Actions. Kazan Science. 2020. No. 2. P. 121 – 124.
6. Skurko E.M. Features of the Informative Content of Journalistic Texts. Culture and Security. 2022. No. 4. P. 55 – 62.
7. Soboleva E.V. Specifics of the Informative Content Category of a Journalistic Text. Military Philological Journal. 2022. No. 1. P. 79 – 90.
8. Tulupova K.V. Modern Trends in the Functioning of a Journalistic Text: Discursive Aspect: Dis. … Cand. Philological Sciences: 5.9.8. Voronezh, 2008. 16 p.
9. Shevyakina S.V. Language Means of Transforming the Value-Orientation Linguocultural Space (Based on the Internet Discourse of Healthy Lifestyle Psychology): Diss. … Cand. Philological Sciences: 5.9.8. Stavropol, 2023. 199 p.
10. Shchelkunova E.S. Publicistic Text in the System of Mass Communication: Specificity and Functioning: Diss. … Cand. Philological Sciences: 10.01.10. Voronezh, 2004. 26 p.
11. Rice T., Feldman J. Civic Culture and Democracy from Europe to America. The Journal of Politics. 1997. Vol. 59. P. 1143 – 1172.
12. Richwine J. The Myth of the Melting Pot // INIR Papers 2024/3. URL: https://inirnet.org/article-written-for-inir/the_myth_of_the_melting_pot (date of access: 08.07.2025).
13. Zangwill I. The Melting Pot. URL: https://www.gutenberg.org/cache/epub/23893/pg23893-images.html (date of access: 08.07.2025).

Информация об авторах

Соболева Е.В., *преподаватель, кафедра английского языка, Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, sobalen@mail.ru*

© Соболева Е.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские) (филологические науки)
УДК 81'22:791.43-282

[1] Шлыкова Н.В. ***[1] Казанский (Приволжский) Федеральный университет***

Моделируемость фразеологических единиц в англоязычном кинодискурсе (на материале анимационных фильмов)

Аннотация: *данная статья посвящена анализу трансформаций окказиональных фразеологических единиц в английском кинодискурсе. В работе рассматриваются различные типы и приемы трансформации ФЕ (структурные, семантические, структурно-семантические преобразования). Целью настоящего исследования является рассмотрение приемов трансформации фразеологических единиц в англоязычном анимационном кинодискурсе. Материалом исследования являются скрипты английских анимационных фильмов «Шрек», «Мадагаскар», «Король Лев». В работе применяются следующие лингвистические методы исследования: метод сплошной выборки, компонентный анализ семантики фразеологизмов и метод контекстуального анализа. На материале скриптов английских анимационных фильмов «Шрек», «Мадагаскар», «Король Лев» исследуются на материале примеров окказиональных фразеологизмов описываются приемы их трансформации, а также определяется их роль в создании комического эффекта. Анализ окказиональных фразеологизмов, встречающихся в английских анимационных фильмах «Шрек», «Мадагаскар», «Король Лев», позволило выявить разнообразие способов их трансформации. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях фразеологических единиц (как узуальных, так и окказиональных) в различных типах англоязычного дискурса. Перспективы исследования могут быть связаны с изучением окказиональной фразеологии английского языка в контексте перевода на русский язык, а также как средства создания комического эффекта в различных дискурсивных пространствах.*

Ключевые слова*: фразеологическая единица, окказиональная фразеологическая единица, англоязычный кинодискурс, моделируемость, трансформация, комический эффект*

Для цитирования: Шлыкова Н.В. Моделируемость фразеологических единиц в англоязычном кинодискурсе (на материале анимационных фильмов) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 38 – 42.

Поступила в редакцию: 02 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Shlykova N.V. ***[1] Kazan (Volga Region) Federal University***

Modeling of phraseological units in English-language film discourse (based on animated films)

Abstract*: this article is devoted to the analysis of transformations of occasional phraseological units in English film discourse. The work examines various types and methods of transformation of phraseological units (structural, semantic, structural-semantic transformations). The purpose of this study is to consider the methods of transformation of phraseological units in English-language animated film discourse. The material of the study is the scripts of English animated films "Shrek", "Madagascar", "The Lion King". The following linguistic research methods are used in the work: the method of continuous sampling, component analysis of the semantics of phraseological units and the method of contextual analysis. Based on the scripts of the English animated films "Shrek", "Madagascar", "The Lion King" the article examines the methods of their transformation using examples of occasional phraseo-*

logical units, describes their methods, and determines their role in creating a comic effect. The analysis of occasional phraseological units found in the English animated films "Shrek", "Madagascar", "The Lion King" revealed a variety of methods of their transformation. The results obtained can be used in further studies of phraseological units (both usual and occasional) in various types of English-language discourse. The prospects of the study may be associated with the study of occasional phraseology of the English language in the context of translation into Russian, as well as a means of creating a comic effect in various discursive spaces.

Keywords: *phraseological unit, occasional phraseological unit, English-language film discourse, modelability, transformation, comic effect*

For citation: Shlykova N.V. Modeling of phraseological units in English-language film discourse (based on animated films). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 38 – 42.

The article was submitted: September 02, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Исследование рассматривает вопрос моделируемости (трансформируемости) фразеологических единиц в кинодискурсе, в частности, трансформации фразеологических единиц в английском кинодискурсе.

В этой связи отметим, что кинодискурс представляет собой уникальный объект междисциплинарных исследований, объединяющих лингвистику, психологию, культурологию, теорию перевода. Комплексный характер кинодискурса предполагает дифференцированный подход к его изучению. В связи с этим следует различать кинодискурс в широком и узком смысле. В широком смысле, кинодискурс включает контекст произведения, от замысла и выбора темы до процесса создания фильма, включая режиссерские решения, актерскую игру, операторскую работу, музыкальное сопровождение, монтаж и, конечно же, воздействие на зрителя. Кинодискурс в широком смысле – это совокупность различных знаков и символов, связанных с фильмом, включая сам фильм и все его сопутствующие явления. В узком смысле, кинодискурс фокусируется на его лингвистической компоненте. Речь идет в этом случае о речевом поведении персонажей, использовании диалогической и монологической речи, а также исследование лексики, грамматики, стиля речи персонажей и др. [8].

Узуальная фразеологическая единица трактуется как языковая единица, характеризующаяся семантическая осложненностью, раздельнооформленностью, воспроизводимостью, устойчивостью структуры и устойчивостью употребления, а также низкою степенью регулярности. Окказиональные фразеологизмы характеризуются принадлежностью речи, невоспроизводимостью, авторской принадлежностью, производностью, ненормативностью, функциональной одноразовостью, контекстуальной обусловленностью, повышенной экспрессивностью, синхронно-диахронной диффузностью [11].

Фразеологизмы отвечают «критериям устойчивости, воспроизводимости, экспрессивности, а также целостности значения единицы, не сводимого к сумме значений ее компонентов» [2, с. 582]. К ключевым параметрам фразеологизмов относятся их воспроизводимость и устойчивость [3]. Кроме того, фразеологические единицы претерпевают некоторые вариативные изменения. Как отмечает П.С. Дронов, «и варьирование, и устойчивость являются аспектами одного явления – воспроизводимости» [4, с. 200].

Термин «фразеологическая вариативность» в широком смысле охватывает все типы идиом, включая вариации, зафиксированные в словарях и имеющие каноническую форму. Сюда же относятся различные окказиональные трансформации структуры и значения идиомы. В узком смысле фразеологическая вариативность относится к трансформациям устойчивых выражений, которые не включены в словари идиом. Они представляют собой авторские отклонения от канонического, системного использования идиоматических выражений [7].

Трансформации фразеологических единиц (ФЕ) рассматриваются как способ создания комического эффекта и выражения иронии и изучаются в разных типах дискурса, в частности, в кинодискурсе.

Эволюция английского кинематографа демонстрирует, что трансформации ФЕ в кинодискурсе могут варьироваться в зависимости от периода. В ранних фильмах часто использовались простые и понятные фразеологизмы, тогда как современный кинематограф склоняется к более сложным модификациям фразеологических единиц.

Фразеологические трансформации являются важным аспектом изучения кинодискурса.

Такие отечественные исследователи как Н.Ф. Алефиренко, А.В. Кунин, В.П. Жуков и др., посвятили свои работы изучению фразеологии в различных типах дискурса. Так, Н.Ф. Алефиренко отмечает в своей работе «Фразеология в свете современных лингвистических парадигм», что «трансформация ФЕ является мощным

инструментом воздействия на читателя, позволяющим усилить эмоциональную окраску высказывания и придать ему особую выразительность» [1, с. 125]. Отечественный языковед А.В. Кунин в работе «Курс фразеологии современного английского языка» указывает на то, что «трансформация фразеологизмов является одним из способов расширения их семантического потенциала и адаптации к конкретным коммуникативным задачам» [6, с. 210]. Исследователь В.П. Жуков в работе «Русская фразеология» подчеркивает, что «изменение фразеологического состава языка является отражением динамических процессов, происходящих в обществе, и свидетельствует о его развитии и адаптации к новым реалиям» [5, с. 87].

А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко рассматривают любые модификации смысла и / или формы идиоматического выражения как трансформации или преобразования – семантические (двойная актуализация, раскрытие внутренней формы в контексте) и структурно-семантические (расширение состава компонентов, замена одного компонента другим, изменения в порядке следования компонентов, контаминация, конверсивные пары и др.) [9].

Целью настоящего исследования является рассмотрение приемов трансформации фразеологических единиц в англоязычном анимационном кинодискурсе.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования являются скрипты английских анимационных фильмов «Шрек», «Мадагаскар», «Король Лев».

В работе применяются следующие лингвистические методы исследования: метод сплошной выборки. компонентный анализ семантики фразеологизмов и метод контекстуального анализа.

Результаты и обсуждения

Исследовательский интерес представляет описание окказиональных фразеологизмов, фигурирующих в англоязычном анимационном кинодискурсе.

Окказиональное обновление фразеологических единиц (ФЕ) реализуется посредством структурных, семантических и комбинированных структурно-семантических приемов. К приёмам структурно-семантического типа относят следующие: расширение компонентного состава, замена компонентов, фразеологический эллипсис, контаминация, модификация синтаксической модели, сегментация ФЕ, ролевая инверсия. К приёмам семантического типа относят двойную актуализацию, буквализацию и переосмысление [11].

Вслед за И.Ю. Третьяковой под окказиональными трансформациями (преобразованиями) мы понимаем стилистические изменения в лексическом составе, синтаксической структуре фразеологических единиц, при которых их узуально устойчивая форма противопоставляется окказионально измененной [11].

Стилистические трансформации фразеологических единиц (ФЕ), обусловленные отходом от их классического вида, можно классифицировать по степени вносимых изменений как: 1) случаи, когда трансформация затрагивает смысл ФЕ, но не затрагивает её структуру; 2) случаи, когда трансформация вносит новые смысловые оттенки и нарушает структуру ФЕ; 3) случаи, когда трансформация искажает или полностью разрушает как смысл, так и структуру ФЕ [11].

Каждая из этих групп характеризуется своими стилистическими приемами, используемыми при преобразовании ФЕ. Для первой группы, где изменения минимальны, типичны нарушения стилистической сочетаемости, буквальное толкование компонентов ФЕ, употребление ФЕ в нехарактерном для неё значении, а также антитеза. Для второй группы характерны замена элементов ФЕ, вклинивание, инверсия, усечение. Наиболее значительные изменения в структуре и значении ФЕ наблюдаются в третьей группе, где используются такие стилистические приемы, как расширенная вставка, фразеологическая контаминация, аллюзия и прочие. Эти приемы свойственны именно третьей степени трансформации ФЕ [11].

Исследование окказиональных фразеологизмов, встречающихся в англоязычных анимационных фильмах, позволяет продемонстрировать разнообразие способов их трансформации.

Рассмотрим некоторые примеры из анимационных фильмов «Шрек», «Мадагаскар» и «Король Лев».

В фильме «Шрек» можно обнаружить примеры, когда значения компонентов фразеологизма воспринимаются буквально, что является одним из самых простых способов окказиональной модификации. Например, обыгрывание фразеологизма «hold your horses» в ситуации, когда говорящий Осел в буквальном смысле пытается удержать лошадей, приводит к нарушению стилистической уместности и создает комический эффект. Кроме того, использование фразеологизма в нехарактерном для него значении можно увидеть в случае с выражением «to kick the bucket», которое применено в неожиданной ситуации, что добавляет юмора.

В фильме «Мадагаскар» наблюдаются примеры замены составных частей фразеологизма, что соответствует более сложной степени окказиональных изменений. Например, трансформация идиомы «smell a rat» в «smell a lemur» в сцене, где герои оказываются на Мадагаскаре, привносит новизну в содержание фразеологизма, адаптируя его к контексту фильма.

Инверсия и усечение также могут использоваться для достижения комического эффекта, например, сокращение фразы «bite the hand that feeds you» до «bite the hand».

Одним из ярких примеров является трансформация фразеологизма «to let the cat out of the bag» (выпустить кота из мешка, раскрыть секрет). В одной из сцен, когда животные пытаются сбежать из зоопарка, лев Алекс, вместо того чтобы сказать «Let's get out of here», произносит «Let's get this show on the road!». Прием инверсиисоздает комический эффект, подчеркивая эгоцентричность и любовь Алекса к публике.

Кроме того, обнаружена трансформация фразеологизма «to have a whale of a time» (отлично провести время). Вместо этого, герои фильма используют выражение «to have a lemur of a time», заменяя кита (whale) на лемура (lemur), что напрямую связано с местом действия и персонажами. Эта трансформация, основанная на усечении и замене элемента фразеологизма, придает ей контекстно-ориентированный оттенок и вызывает улыбку у зрителя.

Отметим использование инверсии в отношении фразеологизма «to bite the bullet» (стиснуть зубы и терпеть). В одной из сцен, когда животные сталкиваются с трудностями в дикой природе, они вместо того, чтобы «bite the bullet», предлагают «bullet to bite». Эта инверсия, меняющая порядок слов и ролей, создает абсурдную ситуацию, подчеркивая их неготовность к суровым условиям и вызывая комический эффект.

В фильме «Король Лев» можно встретить примеры аллюзии и фразеологической контаминации, которые относятся к более продвинутым степеням окказиональных изменений. Например, перефразировка известного выражения «Hakuna Matata» представляет собой аллюзию.

Фразеологическая контаминация, то есть объединение двух или более фразеологизмов в один, может быть использована для создания сложного и многогранного высказывания. Контаминация позволяет создавать эффект неожиданности, юмора, а также подчеркивать определенные черты характера персонажей или их отношения друг к другу.

В качестве примера можно привести ситуацию, когда персонаж, охваченный сильным разочарованием и гневом, использует выражение, сочетающее в себе элементы «hit the roof» (прийти в ярость) и «go bananas» (сойти с ума). Он может произнести что-то вроде «I'm going to hit the bananas!», что, с одной стороны, демонстрирует его злость, а с другой – привносит абсурдность и комичность в происходящее. Подобный подход позволяет снизить интенсивность отрицательных эмоций и сделать эпизод более запоминающимся.

Другой способ использования контаминации – создание ироничного эффекта. К примеру, герой, скрывающий свои истинные цели, может скомбинировать фразы «to have an axe to grind» (иметь корыстные мотивы) и «to bend over backwards» (изо всех сил стараться). Его заявление: «I'm bending over backwards to grind this axe!» подчеркивает его неискренность и двуличие.

Кроме того, контаминация может служить средством характеристики персонажа. Например, робкий и неуверенный в себе герой может объединить выражения «chicken out» (струсить) и «stick your neck out» (рисковать). Его фраза «I'm not sticking my chicken neck out for that!» акцентирует его трусость и нежелание брать на себя ответственность.

Выводы

Анализ примеров из кинофильмов позволяет констатитровать, что окказиональные трансформации фразеологизмов в кинодискурсе являются мощным инструментом создания комического эффекта.

Анализ окказиональных фразеологизмов, встречающихся в английских анимационных фильмах «Шрек», «Мадагаскар», «Король Лев», позволило выявить разнообразие способов их трансформации (моделлируемости).

Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях фразеологических единиц, в том числе, окказиональных, в различных типах англоязычного дискурса.

Перспективы исследования могут быть связаны с изучением окказиональной фразеологии английского языка в контексте перевода на русский язык, а также как средства создания комического эффекта в различных дискурсивных пространствах.

Список источников

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: Элпис, 2008. 344 с.

2. Богданова-Бегларян Н.В. Об идиоматическом потенциале русской разговоной речи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 17 (4). С. 582 – 595.

3. Бутенко Е.В. Контекстное варьирование фразеологических единиц в кинодискурсе // Успехи гуманитарных наук. 2024. № 3. С. 65 – 71.

4. Дронов П.С. Варьирование, трансформация, модификациям идиом: уточнение понятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 4. С. 200 – 209.

5. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.
6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1996. 381 с.
7. Лаврова Н.А. О фразеологической вариативности в современном английском языке // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 8 (799). С. 74 – 84.
8. Люльчева Е.М. Когнитивные основания выбора и функционирования фразеологизмов в англоязычном кинодискурсе (на материале британских детективных сериалов): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6. М., 2021. 24 с.
9. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь: ок. 1000 единиц. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. 860 с.
10. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка: учебник. М.: Высшая шк., 1987. 288 с.
11. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология: монография. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 290 с.

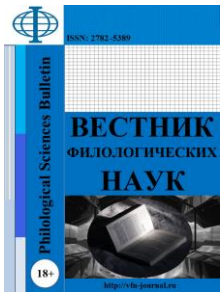
References

1. Alefirenko N.F. Phraseology in Light of Modern Linguistic Paradigms. Moscow: Elpis, 2008. 344 p.
2. Bogdanova-Beglaryan N.V. On the Idiomatic Potential of Russian Colloquial Speech. Bulletin of the St. Petersburg University. Language and Literature. 2020. No. 17 (4). P. 582 – 595.
3. Butenko E.V. Contextual Variation of Phraseological Units in Film Discourse. Advances in the Humanities. 2024. No. 3. P. 65 – 71.
4. Dronov P.S. Variation, Transformation, and Modification of Idioms: Clarification of Concepts. Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2021. No. 4. P. 200 – 209.
5. Zhukov V.P. Russian Phraseology. Moscow: Vysshaya Shkola, 2006. 408 p.
6. Kunin A.V. Course in Phraseology of Modern English. Moscow: Vysshaya Shkola, 1996. 381 p.
7. Lavrova N.A. On Phraseological Variability in Modern English. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2018. Iss. 8 (799). P. 74 – 84.
8. Lyulcheva E.M. Cognitive Foundations of the Selection and Functioning of Phraseologisms in English-Language Film Discourse (Based on British Detective Series): Diss. ... Cand. of Philological Sciences: 5.9.6. Moscow, 2021. 24 p.
9. Melerovich A.M., Mokienko V.M. Phraseologisms in Russian speech: dictionary: about 1000 units. Moscow: Russian dictionaries: Astrel: AST, 2005. 860 p.
10. Nazaryan A.G. Phraseology of the modern French language: textbook. Moscow: Higher school, 1987. 288 p.
11. Tretyakova I.Yu. Occasional phraseology: monograph. Kostroma: Publishing house of KSU named after N.A. Nekrasov, 2011. 290 p.

Информация об авторах

Шлыкова Н.В., *Казанский (Приволжский) Федеральный университет, shlykova.20021993@gmail.com*

© Шлыкова Н.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 82

[1] Айрян З.Г. ***[1] Институт литературы им. М. Абегяна НАНРА***

Лирика Бориса Пастернака в рецепции и интерпретациях Грачья Тамразяна

Аннотация: *статья посвящена русско-армянским литературным взаимосвязям, переводческим традициям, в течение столетий, складывавшихся между Россией и Арменией. Исследована переводческая деятельность известного армянского поэта Грачья Тамразяна, перу которого принадлежат переводы на армянский язык свыше ста стихотворений Б. Пастернака. Они вошли в сборник, в котором также представлены высокие оценки и рецепции Г. Тамразяна лирики великого русского поэта.*

Методом сравнительного анализа в статье исследованы переводы стихотворений «Февраль», «Любить иных – тяжелый крест», анализ которых показал, что они близки к подлиннику по смыслу и стилю, многообразию образов, интонацией, эмоциональной насыщенностью. Стихотворение «Любить иных – тяжелый крест», помимо Грачья Тамразяна, перевел на армянский язык также известный поэт Геворг Эмин. В статье с помощью сравнительного анализа также исследованы переводы этого стихотворения, выполненные Г. Тамразяном, и Г. Эмином, где выделены достоинства каждого перевода.

Ключевые слова: *поэзия, перевод, анализ, рифма, образ, метафора, переводчик*

Для цитирования: Айрян З.Г. Лирика Бориса Пастернака в рецепции и интерпретациях Грачья Тамразяна // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 43 – 50.

Поступила в редакцию: 02 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Ayryan Z.G. ***[1] Institute of Literature named after M. Abeghyan NANRA***

Boris Pasternak's lyrics in reception and interpretations of Grachya Tamrazyan

Abstract: *the article is devoted to Russian-Armenian literary relations, translation traditions that have developed between Russia and Armenia over the centuries. The article examines the translation activities of the famous Armenian poet Grachya Tamrazyan, who translated over a hundred poems by B. Pasternak into Armenian. They are included in a collection that also presents G. Tamrazyan's high assessments and receptions of the great Russian poet's lyrics.*

The article uses the comparative analysis method to examine the translations of the poems "February" and "To Love Others Is a Heavy Cross", the analysis of which showed that they are close to the original in meaning and style, diversity of images, intonation, and emotional richness. In addition to Grachya Tamrazyan, the poem "To Love Others Is a Heavy Cross" was also translated into Armenian by the famous poet Gevorg Emin. The article also examines the translations of this poem by G. Tamrazyan and G. Emin using comparative analysis, highlighting the merits of each translation.

Keywords: *poetry, translation, analysis, rhyme, image, metaphor, translator*

For citation: Ayryan Z.G. Boris Pasternak's lyrics in reception and interpretations of Grachya Tamrazyan. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 43 – 50.

The article was submitted: September 02, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Переводческое искусство является одним из важнейших факторов развития и обогащения межкультурных, литературных связей, благодаря чему лучшие достижения национальных литератур стали духовным достоянием человечества.

Переводческие традиции, столетиями развивающиеся между Россией и Арменией, явились эффективным средством популяризации литератур, духовных ценностей двух народов, а также послужили мощнейшим толчком для развития и совершенствования переводческого искусства [1, с. 21].

С середины XX столетия с развитием широкого интереса к русской литературе в Армении лирика Б. Пастернака стала активно переводиться такими известных армянскими поэтами, как Гр. Сарухан, В. Каренц, Г. Эмин, Г. Тамразян, достойно представившими ее на армянском языке.

Исследование поэзии Пастернака в армянских переводах показало, что большая заслуга в популяризации лирики русского поэта в Армении принадлежит известному поэту-переводчику Грачья Тамразяну.

В совершенстве владея русским языком, Тамразян в своих переводах смог передать сложный и глубокий поэтический мир Пастернака, его самобытность, стилевые и языковые особенности, а также новаторство его поэзии.

Многочисленные поэтические сборники Г. Тамразяна, выделяющие яркую поэтическая индивидуальность автора, свидетельствуют также о том, что армянский поэт находился под большим влиянием поэзии Пастернака, аналогично воспринимающего мироздание, вечность и таинство вселенной.

На важность выбора автора переводчиком, а также на важность близости их поэтических индивидуальностей указали литературоведы В. Мадоян, С. Шейранян, которые отмечали: «Конечно, выбор автора, а также произведения для перевода во многом определяется именно творческой индивидуальностью и личными пристрастиями самого переводчика, которому, естественно, выгоднее переводить произведения, внутренне созвучные ему, ибо любой качественный поэтический перевод требует вживания и сопереживания» [6, с. 151].

Лирика Пастернака, сочетающая в себе традиции классиков и современников, прошедшие долгий путь от библейских мотивов до современных тем своего века, в восприятии Тамразяна признавалась им как одна из уникальных и самобытных.

Характеризуя её, Тамразян писал: «Борис Пастернак – один из величайших поэтов XX века. Его сложное и многогранное поэтическое творчество каждым поколением переосмысляется и интерпретируется по-новому, поскольку его стихи, тесно связанные с ритмом, нервом своего времени, являются также вневременными» [4, с. 3].

На самобытность поэтической формы и стиля Пастернака указывал также Н. Банников, который писал: «Стихи Бориса Пастернака у многих вызывали недоумение. Они были сложны по форме, густо насыщены метафорами, образы и ассоциации в них казались слишком субъективными или случайными. К таким стихам нужно было привыкать, вслушиваясь и вживаясь в их звучание…» [3, с. 340].

Тамразян перевел свыше ста стихотворений Пастернака из таких известных циклов, как «Начальная пора», «Поверх барьеров», «Сестра моя – жизнь», «Темы и вариации», «Стихи разных лет», «В перерыве», «Когда разгуляешься» и других, вошедшие в разные поэтические сборники армянского поэта.

В целостном виде переводы Г. Тамразяна были изданы отдельным сборником «Б. Пастернак. “Стихи”», где переводчику удалось воссоздать поэтическую индивидуальность русского поэта.

Тамразян отмечал, что произведения Пастернака необходимо воспринимать целостно, как сложную ткань, отразившую искания поэта, суть, истину, правду жизни, являющиеся источниками его поэтического воображения и вдохновения.

Выделяя поэтическую индивидуальность поэта, Тамразян писал: «Пастернак обладает острым взглядом художника, он способен воспроизвести образ с максимальной детализацией и точностью. Для него чрезвычайно важны звуковые ассоциации и восприятия, поэтому в его произведениях мастерски отточена звуковая картина слова. В конечном итоге, каждая его строка и образ наполнены философскими размышлениями о вселенских тайнах жизни и смерти» [4, с. 5].

Материалы и методы исследований

Основными материалами исследования послужили статьи Г. Тамразяна о творчестве Б. Пастернака, а также сравнительный анализ переводов стихотворений «Февраль», «Любить иных – тяжелый крест»,

позволившие определить переводческие принципы армянского поэта, а также выявить насколько переводы удались переводчику.

В качестве методов были использованы описательный, сравнительный и концептуальный анализ.

Основой исследования послужили работы теоретиков перевода Я. Рецкера, М. Илюшкиной, литературиведов В. Мадояна, С. Шейранян, А. Атанесян, Ю. Ходжоян, посвященные вопросам теории перевода.

Результаты и обсуждения

В поэзии Пастернака природа, как неиссякаемый источник силы и вселенской красоты, на протяжении всей его жизни являлась мощнейшим толчком для духовного роста поэта, источником его вдохновения, отражением ярких и самобытных образов.

Свидетельством тому может послужить одно из ранних стихотворений Пастернака «Февраль», которое в переводе Тамразяна передает эмоциональное настроение русского поэта, предчувствовавшего приход весны, готового о ней «слагать стихи навзрыд».

Методом сравнительного анализа перевода с подлинником проследим, насколько удался перевод удался.

Подлинник:	Перевод:
Февраль. Достать чернил и плакать!	Փետրվար է: Թանաք հեղել ու հեկեկալ:
Писать о феврале навзрыд,	Գրել, կարդալ նրա մասին ու արտասվել,
Пока грохочущая слякоть	Մինչ աղմկող ցեխաջուրն է ձգվում երկար,
Весною черною горит.	Թավալվելով ու վառվելով գարնանն այս սև:
Достать пролетку. За шесть гривен,	Մի քանի սև գրոշներով մի կառք վարձել,
Чрез благовест, чрез клик колес,	Ավետիս է, ու զանգերի տակ կոչնակի
Перенестись туда, где ливень	Մեկնել այնտեղ, հասնել այնտեղ, ուր անձրևը
Еще шумней чернил и слез.	Հնչեղ է քո արցունքներից ու թանաքից:
Где, как обугленные груши,	Ուր ածխացած պտուղի պես ծառին թառած
С деревьев тысячи грачей	Հազարավոր ագռավների սուր կռինչով
Сорвутся в лужи и обрушат	Ցած են թափվում ջրերի մեջ համատարած
Сухую грусть на дно очей.	Ու աչքերի խորքում թաղում կսկիծը չոր:
Под ней проталины чернеют,	Նրա տակ սև հալոցքներն են շուրջը կիտվում,
И ветер криками изрыт,	Եվ ճիչերն են պեղում այնտեղ քամուն անցնող
И чем случайней, тем вернее	Այսպես ինչքան պատահական, այնքան դիպուկ
Слагаются стихи навзрыд. 1912 [3, с. 29]	Հղանում են երգերն անզուսպ հեկեկացող: [5, с. 19]

Сравнительный анализ показал, что перевод, как и подлинник, состоит из четырех четверостиший с перекрестной рифмовкой АВАВ, обеспечивающей выразительное звучание стиха.

Как и в подлиннике, первая строфа в переводе сообщает о наступлении февраля, пробуждающего в душе поэта чувство радости, воодушевляющего его на творчество: Февраль. Достать чернил и плакать! / Փետրվար է: Թանաք հեղել ու հեկեկալ.

Описывая уходящий месяц, лирический герой стремится не упустить в описании февраля ни одной детали: Пока грохочущая слякоть / Весною черною горит. Смысл этих строк в переводе Тамразяна переданы несколько вольно. Сравним: Մինչ աղմկող ցեխաջուրն է ձգվում երկար, / в переводе этой строки переводчик добавил словосочетание ձգվում երկար, (тянется длинно), выделив при этом масштаб, степень слякоти.

Вольности в переводе заметны и в следующей строке: Թավալվելով ու վառվելով գարնանն այս սև /, где переводчик для большей выразительности в передаче смысла использовал слово թավալվելով (валяться, падать вниз), где ему удалось посредством этого дополнения подчеркнуть стремительное приближение весны, поры возрождения и обновления.

Отметим, что небольшие вольности, допущенные переводчиком в первом столбце стихотворения, не исказили смысл подлинника, а усилили картину описания февраля, настроение, эмоциональное состояние лирического героя, а также способствовали сохранению рифмического строя стиха.

Ближе к подлиннику звучит вторая строфа перевода, где Тамразяну удалось с максимальной близостью приблизиться к смыслу подлинника, передать воображение, мечты лирического героя. Сравним:

Подлинник: Перенестись туда, где ливень / Еще шумней чернил и слез.

Перевод: Մեկնել այնտեղ, հասնել այնտեղ, ուր անձրևը / Հնչեղ է քո արցունքներից ու թանաքից:

Как видно из перевода, на армянском языке эти строки звучат созвучно подлиннику, где мысли и чувства поэта переданы с особой тщательностью. В строке, где лирический герой мечтает перенестись туда,

где ливень, Тамразян в переводе для усиления мечты поэта, помимо слова մեկնել (переместиться, уехать), добавил также слово հասնել (дойти), что несколько усилило мечту, желание поэта.

Несколько вольно переводчик передал смысл третьего столбца четверостишия. В подлиннике Пастернак сравнивает тысячи грачей с обугленными грушами. Сравним:

Подлинник: Где, как обугленные груши, / С деревьев тысячи грачей/,

Перевод: Ուր ածխացած պտուղի պես ծառին թառած հազարավոր ագռավների սուր կռինչով…

Как видно из приведенного примера, в переводе Тамразяна слово груша заменена словом պտուղ (плод), а образы грачей заменены образами тысячи воронов – ագռավներ, что несколько исказило смысл подлинника.

Отметим, что замененные переводчиком слова в армянском языке имеют свой эквивалент: груша – տանձ, грач – սերմնագռավ, однако Тамразян с целью сохранения рифмы и интонационного строя подлинника заменил их близкими по своему значению словами, что позволило ему приблизиться к общему смыслу стиха.

С максимальной близостью к подлиннику переводчик передал смысл концовки стиха о желании поэта слагать стихи, которые на армянском языке созвучны подлиннику.

Подлинник: И чем случайней, тем вернее / Слагаются стихи навзрыд.

Перевод: Այսպես ինչքան պատահական, այնքան դիպուկ / Հղանում են երգերն անզուսպ հեկեկացող:

Бесспорным достоинством перевода Тамразяна является то, что в нем отражены динамика мыслей поэта, интонационное богатство подлинника, его языковые и стилевые особенности. Об этом свидетельствуют с особой тщательностью переведенные метафоры подлинника, которые на армянском языке звучат созвучно подлиннику.

Сравним: «грохочущая слякоть горит – ցեխաջուրն է վառվելով գարնանն», «черная весна – գարնանն այս սև», «ливень шумней чернил и слез – ուր անձրևը հնչեղ է քո արցունքներից ու թանաքից:», «сорвутся в лужи – Ցած են թափվում ջրերի մեջ համատարած», «обрушат сухую грусть – Ու աչքերի խորքում թաղում կսկիծը չոր», «ветер криками изрыт – Եվ ճիչերն են պեղում», «слагаются стихи навзрыд – Հղանում են երգերն անզուսպ հեկեկացող».

Мастерство поэта-переводчика сказалось и в передаче олицетворения стиха: «слагаются стихи – Հղանում են երգերն», которое не только близко по смыслу подлиннику, но и выделяет в тексте настроение, эмоциональные чувства поэта.

Как и в подлиннике, Тамразян дважды в первом и четвертом четверостишиях воссоздал сравнение посредством черного цвета, символизирующего собой перемены, возрождение природы. Сравним:

Подлинник: Весною черною горит.

Перевод: Թավալվելով ու վառվելով գարնանն այս սև:

Другой пример:

Подлинник: Под ней проталины чернеют…

Перевод: Նրա տակ սև հալոցքներն են շուրջը կիտվում…

Из вышеизложенного следует, что перевод Тамразяна выполнен несколько вольно, однако в целом переводчику удалось передать смысл, стилевые особенности подлинника, многообразие образов, ритм, интонационное богатство, эмоциональную насыщенность, национальный колорит стиха, где ощущается дух и настроение русского поэта.

На важность передачи переводчиком стилистической и экспрессивной формы указала теоретик перевода М. Илюшкина, которая писала: «Кроме стилистической, переводчик должен учитывать и экспрессивную сторону подлинника. Суть экспрессии – передача отношения отправителя к порождаемому им тексту и стремление побудить получателя текста разделить эту точку зрения. Передать чувства, состояние, переживания автора при переводе вовсе нелегко. Для этого недостаточно обладать большим словарным запасом, хотя и это играет немаловажную роль. Важно уметь распознать экспрессию в переводимом тексте. Переводчик иногда намеренно прибегает к использованию стилистических приемов для придания большей выразительности, эмоциональности создаваемому тексту» [2, с. 62].

Одним из главных достоинств рассмотренного выше перевода Тамразяна является также и то, что поэт не растворился в переводимом поэте, а сохранил свое поэтическое «Я», где ощущается богатство поэтического языка самого поэта-переводчика, добившегося творческого синтеза, гармонии между собой и переводимым автором.

На переводческое мастерство Тамразяна указали также литературоведы А. Атанесян, Ю. Ходжоян, которые в статье «Б. Пастернак в переводах Г. Тамразяна» отметили, что в стихотворении «Февраль» переводчику удалось воспроизвести общее настроение произведения, своеобразную интонацию стиха: «…при

этом наблюдается внимательное отношение к общей стилистике стиха, к его художественным особенностям. В переводе получают соответствующее отражение преобладающие в первой части стихотворения инфинитивные конструкции. Они несут в произведении определенную функцию, создавая эффект некой отстраненности лирического героя. “Я” лирического героя явно не проявляется, но при этом создается субъективная картина мира и обращенность ко внутреннему, эмоционально крайне напряженному (до слез) состоянию субъекта речи» [6, с. 5].

Переводу Тамразяна сопоставим высказывание И. Тургенева о совершенном переводе, который писал: «Чем более перевод нам кажется не переводом, а непосредственным, самобытным произведением, тем он превосходнее; читатель не должен чувствовать ни малейшего следа той ассимиляции, того процесса, которому подвергся подлинник в душе переводчика; хороший перевод есть полное превращение, метаморфоза. Такой перевод не может быть неверным» [9, с. 43].

Работая над переводами стихов Пастернака, Тамразян охарактеризовал их так: «Поэзии Пастернака присущи музыкальный язык, необычные языковые приемы, переходы и повороты, мелодичные потоки, яркие звуковые ассоциации, красочные образы, выделяющие самобытный и неповторимый стиль и почерк автора» [3, с. 208].

Выделяя роль поэтического перевода, литературоведы В. Мадоян и С. Шейранян отмечали: «Художественный перевод требует особого искусства слова, поскольку произведение оригинальное или переведенное должно звучать, приносить людям радость творческого полета, вдохновлять» [6, с. 154].

Тамразяну принадлежат также переводы из любовной лирики поэта, которая в его восприятии представлена так: «Образ женщины – длительное духовное напряжение, постоянный спутник, чистейшее начало, присутствует почти во всех его произведениях в виде чистого вдохновения, скрытой идеи, которая побуждает к духовным подвигам и героизму» [4, с. 6].

Среди переводов из любовной лирики поэта рассмотрим перевод стихотворения «Любить иных – тяжелый крест…», который, помимо Г. Тамразяна, на армянский язык перевел также талантливый поэт XX столетия Г. Эмин, также большой популяризатор русской поэзии в Армении. Его перу принадлежат переводы из поэзии А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, М.И. Цветаевой, С.А. Есенина, В.В. Маяковского и других поэтов, многим из которых Эмин также посвятил лиричные, проникновенные стихи. Сравним стихотворение «Любить иных – тяжелый крест…» в переводе Г. Тамразяна и Г. Эмина и посредством сравнительного анализа определим, насколько верно армянские поэты справились со своей задачей.

Любить иных – тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносилен.
Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.
Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь,
Все это – небольшая хитрость [3, с. 183].

Перевод Г. Тамразяна	Перевод Г. Эмина
Ոմանց սիրելի՝ մի ծանր խաչ է,	Ոմանց սիրելը՝ սև խաչ կրե՛լ է.
Բայց դու չքնաղ ես առանց խաբկանքի,	Իսկ դու չքնա՛ղ ես,-ինչ էլ անու՛մ ես.-
Ու քո հմայքի գաղտնիքը բացել	Եվ քո հմայքի քողը բացելը
Նույն է, թե մեկնել խորհուրդը կյանքի:	Կյանքի գաղտնիքի բուն վերծանու՛մն է…
Երազ-շրջյունով գարունն է զարդնում,	Գարնանը նորի շրջյու՛ն կա օդում,
Նորն ու մաքուրն են հառնում շշուկով,	Եվ խլրտում են երազն ու սերը.
Այդ աշխարհից ես սկիզբ առել դու,	Այդ տարերքների ոլորտի՛ց ես դու
Օդի պես ջինջ է էությունը քո:	Եվ օդի նման անշահասե՛ր ես…
Հեշտ է արթնանալ ու խաղաղ նայել,	Հե՛շտ է արդնանալ, ու ոգիացա՛ծ
Խոսքի թափոնը սրտից թափ տալով,	Թա՛փ տալ իր սրտից հին խոսքն ու բառը,
Առանց այդ աղբի ապրել առհավետ,	Եվ էլ չաղարտվե՛լ կյանքում մնացած…
Դրա համար մեծ խելք չի հարկավոր: 1931 [4, с. 66]	Անհնարի՛ն չէ դրա հմայքը: 1931 [10, с. 148]

Сравнивая переводы Тамразяна и Эмина с подлинником, мы видим, что они также состоят из трех четверостиший с перекрестной рифмовкой ABAB, и, как и подлинник, выполнены в виде монолога – обращения к любимой.

Переводы близки к подлиннику по смыслу и стилю, как и в подлиннике, с первой же строфы лирический герой говорит о тяжелом кресте своей любви, пытаясь раскрыть секрет прелести своей возлюбленной. Её образ в стихотворении представлен так:

Подлинник: А ты прекрасна без извилин.

Перевод Тамразяна: Բայց դու չքնաղ ես առանց խարկանքի.

Перевод Эмина: Իսկ դու չքնա՛ղ ես, -ինչ էլ անու՛մ ես.

Как видно из примеров, каждый переводчик перевел эту фразу по-своему. Так, Тамразян заменил слово извилин словом խարկանքի (без лжи), что также выделило в тексте чистый, идеальный образ возлюбленной поэта, а в переводе Эмина образ прекрасной возлюбленной добавлен словосочетанием ինչ էլ անու՛մ ես. – (что бы ты не делала), что также выделяет и характеризует идеальный образ возлюбленной.

В стихотворении лирический герой пытается разгадать свою возлюбленную, понять ее всем сердцем. В переводах мысли и чувства поэта звучат так. Сравним:

Подлинник: Разгадке жизни равносилен.

Перевод Тамразяна: Նույն է, թե մեկնել խորհուրդը կյանքի…

Перевод Эмина: Կյանքի գաղտնիքի բուն վերծանու՛մն է…

Сравнительный анализ примеров показал, что оба перевода с максимальной близостью передают смысл подлинника, однако перевод Эмина звучит по смыслу ближе к подлиннику.

Из анализа видно, что переводчики в своей работе большое внимание уделяли языковым и стилистическим особенностям подлинника и им удалось верно передать на армянский язык метафоры, сравнения стиха, отразив при этом всю яркость и выразительность поэтической мысли, языковых приемов Пастернака.

В качестве примеров приведем несколько метафор из стихотворения. Сравним:

Подлинник: «любить иных – тяжёлый крест», «шорох снов», «шелест новостей и истин», «словесный сор из сердца вытрясть».

Перевод Тамразяна: «Ումանց սիրելի՝ մի ծանր խաչ է», «Երազ-շրջյունով», «Նորն ու մաքուրն են հառնում շշուկով», «Խոսքի թափոնը սրտից թափ տալով» – как видно из примеров, переводы метофор выполнены равнозначно подлиннику.

Перевод Эмина: «Ումանց սիրելը՝ սև խաչ կրե՛լ է.», «Եվ խլրտում են երազն ու սերը.», «Գարնանը նորի շրջյու՛ն կա օդում», «Ռա՛փ տալ իր սրտից հին խոսքն ու բառը» – свидетельствует о переводческом мастерстве армянского поэта, которому с максимальной точностью удалось передать не только смысл, но и эмоциональную насыщенность мыслей поэта.

С максимальной точностью к подлиннику переводчики передали и сравнение подлинника: Твой смысл, как воздух, бескорыстен, где переводы звучат аналогично и подлиннику, и друг другу.

Перевод Тамразяна: Օդի պես ջինջ է էությունը քո:

Перевод Эмина: Եվ օդի նման անշահասե՛р ես…

Несколько вольно переводчиками передана концовка подлинника, где лирический герой пришел к такому заключению:

Подлинник: И жить, не засоряясь впредь, / Все это – небольшая хитрость.

Перевод Тамразяна: Առանց այդ աղբի ապրել առհավետ, /Դրա համար մեծ խելք չի հարկավոր:

Перевод Эмина: Եվ էլ չաղարտվե՛լ կյանքում մնացած…/ Անհնարի՛ն չէ դրա հմայքը:

В переводе Тамразяна слово хитрость заменена словом խելք – ум, что несколько искажает смысл подлинника, а в переводе Эмина слово хитрость переведено словом հմայքը- (очарование), что также не соответствует смыслу подлинника.

В целом переводчики справились со своей задачей, и сравнительный анализ переводов Г. Тамразяна и Г. Эмина позволил заключить, что их переводы являются аналогами подлинника, где им удалось приблизиться к смыслу, стилю подлинника, воссоздать образы лирического героя и его возлюбленной, отразить интонационное богатство стихотворения.

Обсуждение. Переводы также свидетельствуют, что поэтам-переводчикам удалось проникнуть в духовный мир Пастернака и достойно представить стихотворение на армянском языке, они так же лиричны и выразительны, как подлинник.

Сравнительный анализ также показал, что перевод Эмина в сравнении с перводом Тамразяна полноценнее и ближе к подлиннику по смыслу и стилю, он выделяется большей интонационной и эмоциональной насыщенностью, характерной поэтическому почерку Пастернака.

Определяя полноценный перевод, теоретик перевода Я. Рецкер писал: «Задача переводчика – передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности. Под "целостностью" перевода надо понимать единство формы и содержания на новой языковой основе. Если критерием точности перевода является тождество информации, сообщаемой на разных языках, то целостным (полноценным или адекватным) можно признать лишь такой перевод, который передает эту информацию равноценными средствами. Иначе говоря, в отличие от пересказа, перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем. Это требование относится как ко всему переводу данного текста в целом, так и к отдельным его частям» [7, с. 41].

Высоко оценивая любовную лирику Пастернака, Тамразян писал: «В чистом, безграничном лиризме образ женщины ведет поэта к загадочным глубинам, единениям, неограниченно расширяя ассоциативное поле поэзии. Под молниеносным, сверкающим взглядом поэта мир и женщина воспринимаются иначе, как внутренний космос и судьба» [8, с. 212].

Выводы

Исследование переводов Г. Тамразяна из лирики Б. Пастернака показало, что переводчик настолько погрузился в его поэзию, что переводил ее целыми циклами, отразив глубокое и философское восприятие мира поэта, многообразие тем и мотивов его лирики, ее индивидуальность, музыкальность слога.

Переводы Тамразяна являются аналогами подлинников, верно передающими не только смысл, форму подлинников, но и красоту, эстетику стихов Пастернака.

Тамразян пророчески указывал на значимость поэзии Б. Пастернака для грядущих поколений, о чем он писал: «Его поэзия всецело направлена в будущее. Более того, поэт ясно представляет себе свою духовную миссию в будущем, в таинственной связи с поэзией и читателем, являясь напутствием поколениям» [8, с. 212].

Из вышеизложенного можно заключить, что переводческая деятельность Грачья Тамразяна была неотемлимой частью его творчества, благодаря чему он внес колоссальный вклад в развитие русско-армянских литературных взаимосвязей, служению которым он посвятил всю свою жизнь.

Список источников

1. Айрян З. Искусство поэтического перевода в творчестве русских поэтов II пол. XX – нач. XXI века (на примере армянской поэзии). Ереван: GSMSTUDIO, 2012. 300 с.
2. Илюшкина М. Теория Перевода: Основные понятия и проблемы: учеб. Пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. 84 с.
3. Пастернак Б. Стихи. М.: Художественная литература, 1966. 359 с.
4. Пастернак Б. Стихи / пер. Г. Тамразян. Ереван: Советакан грох, 1985. 158 с.
5. Пастернак Б. Стихи. Ереван: Аполлон, 1994. 143 с.
6. Пастернак Б. Русская и национальные литературы: материалы международной научно-практичекой конференции. Ереван, 2020. 258 с.
7. Рецкер Я. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974. 216 с.
8. Тамразян Г. Стихи, эссе, литературные портреты, статьи. Ереван: Наири, 2010. 359 с.
9. Тургенев И. Фауст: траг. соч. Гете. Собр. соч. в 12 т. М.: Худ. лит-ра, 1976. Т. 12. 479 с.
10. Эмин Г. Избранные произведения в 3-х т. Стихи, переводы, сочинения. Ереван: Советакан грох, 1985. Т. 2. 310 с.

References

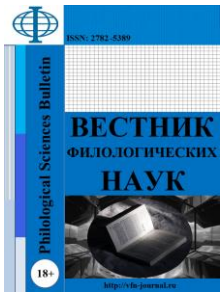
1. Ayryan Z. The Art of Poetic Translation in the Works of Russian Poets of the Second Half of the 20th – Early 21st Century (Based on Armenian Poetry). Yerevan: GSMSTUDIO, 2012. 300 p.
2. Ilyushkina M. Translation Theory: Basic Concepts and Problems: A Textbook. Yekaterinburg: Ural University Press, 2015. 84 p.
3. Pasternak B. Poems. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1966. 359 p.
4. Pasternak B. Poems. Translated by G. Tamrazyan. Yerevan: Sovetakan Grokh, 1985. 158 p.
5. Pasternak B. Poems. Yerevan: Apollon, 1994. 143 p.
6. Pasternak B. Russian and National Literatures: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Yerevan, 2020. 258 p.
7. Retsker Ya. Translation Theory and Translation Practice. Moscow, 1974. 216 p.
8. Tamrazyan G. Poems, Essays, Literary Portraits, Articles. Yerevan: Nairi, 2010. 359 p.

9. Turgenev I. Faust: Trag. Works. Goethe. Collected Works in 12 Volumes. Moscow: Khudozhestvennaya Literaturnaya, 1976. Vol. 12. 479 p.
10. Emin G. Selected Works in 3 Volumes. Poems, Translations, Essays. Yerevan: Sovetakan Grokh, 1985. Vol. 2. 310 p.

Информация об авторах

Айрян З.Г., *Институт литературы им. М. Абегяна НАНРА, nerses91@rambler.ru*

© Айрян З.Г., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.16

[1] Бай Цзин ***[1] Нанкинский педагогический университет***

Нарциссизм и зависть в унисоне: психолого-эстетическая интерпретация «Крейцеровой сонаты» Льва Толстого

Аннотация: *в статье осуществлена психоаналитическая интерпретация повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» через призму ключевых концептов З. Фрейда сновидений, либидо и нарциссизма. Доказывается, что бессознательные конфликты и вытесненные влечения автора трансформируются в художественные образы и сюжетные коллизии, формируя нарративное ядро произведения. Анализ эволюции либидо героя, Позднышева, выявляет её стадийность, закономерно ведущую к трагической развязке. Исследуется его нарциссическая организация личности, проявляющаяся в патологическом эгоцентризме и бредовой ревности как следствии глубокого кризиса самоидентификации. Статья вносит вклад в толстоведение, раскрывая произведение как провидческое исследование деструктивных страстей и трагедии личности.*

Ключевые слова: *Лев Толстой, «Крейцерова соната», психоанализ, Зигмунд Фрейд, нарциссизм*

Для цитирования: Бай Цзин. Нарциссизм и зависть в унисоне: психолого-эстетическая интерпретация «Крейцеровой сонаты» Льва Толстого // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 51 – 55.

Поступила в редакцию: 02 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Bai Jing ***[1] Nanjing Normal University***

Narcissism and envy in unison: a psychological and aesthetic interpretation of Leo Tolstoy's the Kreutzer sonata

Abstract: *the article provides a psychoanalytic interpretation of L.N. Tolstoy's story "The Kreutzer Sonata" through the prism of Z. Freud's key concepts of dreams, libido and narcissism. It is proved that the author's unconscious conflicts and repressed desires are transformed into artistic images and plot collisions, forming the narrative core of the work. An analysis of the evolution of the hero Pozdnyshev's libido reveals its stages, naturally leading to a tragic denouement. His narcissistic personality organization is examined, manifested in pathological egocentrism and delusional jealousy as a consequence of a deep crisis of self-identification. The article contributes to Tolstoy studies, revealing the work as a prophetic study of destructive passions and the tragedy of personality.*

Keywords: *Leo Tolstoy, "The Kreutzer Sonata", psychoanalysis, Sigmund Freud, narcissism*

For citation: Bai Jing. Narcissism and envy in unison: a psychological and aesthetic interpretation of Leo Tolstoy's the Kreutzer sonata. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 51 – 55.

The article was submitted: September 02, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

«Крейцерова соната» Л.Н. Толстого, созданная в период глубокого мировоззренческого перелома писателя, остается одним из наиболее психологически насыщенных и дискуссионных произведений в его творчестве. Повесть, исследующая темные глубины человеческой страсти, ревности и экзистенциального кризиса, предоставляет богатый материал для междисциплинарного анализа, находясь на стыке литературы, философии и психологии. В настоящей статье предпринимается попытка комплексного психолого-эстетического исследования внутреннего мира главного героя, Позднышева, через призму ключевых концептов психоаналитической теории Зигмунда Фрейда. Актуальность работы обусловлена необходимостью системного изучения нарративных механизмов, с помощью которых Толстой художественно воплощает драму распада личности, вызванную дисгармонией между сознательными установками и бессознательными влечениями.

Целью статьи является выявление и анализ специфики проявления фрейдовских категорий сновидений, либидо и нарциссизма в художественной структуре повести и их роли в формировании психологического портрета protagonista. Методологическая основа исследования сочетает инструментарий психоанализа, интертекстуального и мотивного анализа, что позволяет рассмотреть произведение как целостный символический универсум, отражающий не только личный кризис автора, но и универсальные экзистенциальные конфликты. Научная новизна заключается в синтезе указанных подходов для демонстрации того, как бессознательные психические процессы, трансформируясь в художественные образы и сюжетные коллизии, образуют нарративное ядро, раскрывающее трагедию невозможности сублимации и самореализации в условиях нарциссического кризиса личности.

Материалы и методы исследований

Методологической основой работы является синтез подходов психоанализа, интертекстуального и мотивного анализа. Психоаналитический метод применяется для декодирования бессознательных конфликтов автора и героя, проявившихся в сновидениях, символике и динамике либидо. Интертекстуальный анализ раскрывает диалог с музыкой Бетховена, а мотивный прослеживает ключевые темы, формирующие художественное единство повести.

Результаты и обсуждения

В работе «Писатель и фантазирование» Зигмунд Фрейд рассматривает психологические основания творческой мотивации писателя, сопоставляя их с явлением дневных грёз в повседневной жизни. По его мнению, художественное творчество и грёзы обладают сходным психическим механизмом: в обоих случаях речь идёт о проекции и символическом удовлетворении скрытых желаний индивида в вымышленной ситуации. Посредством художественного произведения автор реализует процесс психологической разрядки и эмоциональной регуляции, придавая своим переживаниям опосредованную, символическую форму. В этом смысле литературный текст можно рассматривать как «замаскированный сон», в котором писатель с помощью завуалированных и аллюзивных приёмов воплощает собственные фантазии. Причина подобного маскирования, по Фрейду, заключается в том, что «взрослый стыдится своих фантазий и скрывает их от других. Он хранит их как самое интимное своё достояние и, как правило, скорее признается в проступке, чем откроет кому-либо свои фантазии [1]. По этой причине он нередко убеждён, что является единственным автором подобных фантазий, не подозревая о том, что они чрезвычайно распространены у других людей».

Крейцерова соната» создавалась в период мировоззренческого перелома Толстого, между «Анной Карениной» и «Воскресением». Хотя работа над «Анной Карениной» была завершена, вызвавшие её интеллектуальные и духовные терзания не исчезли, а побудили писателя к окому осмыслению проблем брака, природы человека и сексуальности. Эти внутренние конфликты нашли выход в бессознательных фантазиях, сформировавших психологическую драму Позднышева героя, переживающего крах семьи и нравственный кризис.

Произведение глубоко автобиографично. Сам Толстой признавал, что в художественном творчестве важнейшим является отражение личности автора. Судьба Позднышева во многом mirrorит сложные, напряжённые отношения писателя с женой Софьей Андреевной. Разочарование в браке, воспринимаемом как эгоистичный союз, раздражение к семейному быту всё это Толстой, не находя выхода в реальности, воплотил в метафорическом пространстве повести. Через исповедь героя он осуществил эмоциональную проекцию и достиг подсознательного катарсиса, свободного от оков социальных и этических норм.

Образная ткань «Крейцеровой сонаты» содержит сравнительно немного прямых описаний сновидений; единственный чётко артикулированный эпизод сна появляется в момент ожидания Позднышевым последствий убийства жены. Во сне он видел: «мы дружны с ней, поссорились, но миримся, и что немножко что-то мешает, но мы дружны». Зигмунд Фрейд утверждал, что сон представляет собой «(по-

давленное или вытесненное) желание, замаскированное под его исполнение» [2]. В соответствии с его психоаналитической концепцией, сновидение есть замаскированное удовлетворение вытесненного желания. В сновидении Позднышева мотивы «дружбы» и «примирения» символизируют его глубинное стремление к стабильным семейным отношениям, а также отражают чувство раскаяния и вины за совершённый акт насилия. Данный эпизод сна не только выявляет присутствие в бессознательном героя рефлексии над содеянным, но и демонстрирует внутренний конфликт между проявленной в действительности агрессией и сокровенным влечением к гармоничным отношениям.

Кроме конкретного эпизода сна, «Крейцерова соната» насыщена символами и метафорами, раскрывающими бессознательное автора. Как отмечал Фрейд в работе «Писатель и фантазирование», творчество есть продолжение «дневных фантазий», где символы и метафоры становятся выражением вытесненных желаний, принимая приемлемую для сознания форму. Центральным символом повести является одноимённая соната Бетховена. Её музыкальная структура глубоко связана с душевной драмой Позднышева. Динамика первой части, переходящей от медленного темпа к страстному и напряжённому, отражает эволюцию его состояния: от супружеской апатии к вспышкам ревности и ярости. Вторая часть, построенная на вариациях, передаёт сложную гамму его противоречивых чувств, а стремительная и драматичная третья часть символизирует кульминацию эмоционального взрыва, ведущего к трагедии [3].

Таким образом, музыка в повести не просто фон, а активный символический элемент. Она выступает как катализатор конфликта, средство передачи невыразимого напряжения и символ непреодолимой духовной пропасти между героями. Через эту интертекстуальную связь Толстой подчёркивает способность музыки, как и литературы, обнажать глубочайшие подсознательные конфликты человека.

Зигмунд Фрейд называл скрытую мотивацию человеческих инстинктов либидо. «Либидо, подобно чувству голода, это сила, инстинкт: в данном случае сексуальный инстинкт, тогда как при голоде речь идёт об инстинкте питания; именно эта сила используется для достижения своей цели». По Фрейду, либидо возникает в результате внутренних телесных стимулов, цель которых заключается в том, чтобы посредством определённой активности, например, сексуального удовлетворения устранить или уменьшить эти стимулы [4]. В структуре человеческой психической жизни либидо рассматривается как центральный двигатель поведения и эмоций [4]. Данная психическая энергия проявляется не только в явной сексуальной потребности, но и в формах, направленных на творческую активность, эмоциональные связи и интеллектуальные стремления. В «Крейцеровой сонате» эволюция внутреннего состояния Позднышева может быть проанализирована сквозь призму трёх стадий, выделяемых в рамках фрейдовской теории либидо: разрядка вытеснение сублимация. Эти стадии позволяют проследить, каким образом герой осмысляет и перерабатывает сложный комплекс чувств, связанных с браком, любовью и самоидентификацией.

В первые месяцы после свадьбы эмоциональная связь между Позднышевым и его женой почти полностью основывалась на физическом влечении и сексуальных отношениях. Вспоминая медовый месяц, герой с горечью замечает, что такие уединения являются «не чем иным, как разрешением на разврат». Этот период можно интерпретировать как прямую разрядку либидо фундаментальной жизненной силы, которая, по Фрейду, стремится к непосредственному удовлетворению. Реализуя своё сексуальное влечение, Позднышев временно испытывает иллюзию гармонии. Однако такая связь, лишённая прочного эмоционального фундамента, не только не укрепляет брак, но и закладывает психологические предпосылки для будущего кризиса, делая отношения уязвимыми и поверхностными.

Ситуация радикально меняется с появлением скрипача Трухачевского. Подозрения Позднышева в чрезмерной близости между ним и женой блокируют естественное выражение его либидо. Согласно Фрейду, нереализованное сексуальное влечение не исчезает, а вытесняется в бессознательное, где трансформируется в разрушительные эмоции патологическую ревность, тревогу и психическую нестабильность [5]. Кульминацией этого становится сцена, где герой застаёт жену и Трухачевского за совместным музицированием. Звуки фортепиано он воспринимает как ширму, маскирующую шёпот или интимность, а его физиологическая реакция свидетельствует о глубоком эмоциональном шоке и утрате контроля. Вытесненное либидо, не находя выхода, начинает питать его навязчивые идеи, закладывая основу для будущей вспышки насилия.

Позднышев пытается найти выход через сублимацию механизм, описанный Фрейдом, когда сексуальная энергия перенаправляется в социально приемлемое русло, например, в восприятие искусства. Он надеется, что музыка, особенно «Крейцерова соната», позволит ему забыться и обрести утешение, перенося «в какое-то другое, не свое положение» [6]. Однако эта попытка оказывается тщетной. Вместо того чтобы стать каналом для преобразования энергии, музыка лишь обостряет его подозрения и ревность, превращаясь в мощный катализатор тревоги. Либидо так и не находит здорового выхода для сублимации,

что приводит к нарастанию внутреннего конфликта и завершается трагической развязкой актом саморазрушения и насилия.

Понятие нарциссизма, введенное в психологию. Фрейдом, является ключом к пониманию характера Позднышева. Фрейд определял нарциссизм как отношение человека к самому себе, подобное отношению к сексуальному объекту, и выделял его первичную и вторичную формы. Вторичный нарциссизм, формирующийся вследствие эмоциональных фрустраций, когда либидо обращается на собственное «я», проявляется в чертах Позднышева его крайнем эгоцентризме и патологической ревности [7].

Чрезмерный эгоцентризм Позднышева коренится в его раннем «падении» и последующем раскаянии. Утратив, по его словам, «чистое отношение к женщине», он одержим стремлением построить идеальный, возвышенный брак, который искупил бы его вину и удовлетворил его потребность в самоочищении. Однако его выбор жены глубоко эгоцентричен и основан на поверхностных впечатлениях. Он проецирует на жену свои идеализированные ожидания, не видя в ней самостоятельной личности и не способный к эмоциональной близости. Столкнувшись с неизбежными конфликтами семейной жизни, Позднышев не рефлексирует, а лишь обвиняет жену, что является классическим нарциссическим защитным механизмом, ведущим к изоляции и краху отношений.

Безумная ревность Позднышева представляет собой наглядный пример фрейдовской «бредовой ревности», тесно связанной с нарциссическим расстройством. Для него ревность – это не просто соперничество за любовь, но борьба за подтверждение собственной значимости и статуса. Появление скрипача Трухачевского воспринимается как прящая угроза его самоуважению [8]. Его ревность приобретает патологический, всепоглощающий характер: он следит за каждым взглядом и улыбкой жены, интерпретируя их как «доказательства» неверности, ищет скрытые смыслы в их музицировании. Его восприятие иррационально, а эмоциональное состояние крайне неустойчиво, колеблясь между яростью и жалостью к себе [9]. Это внутреннее напряжение находит выход в агрессии сначала вербальной, а затем и физической, кульминацией которой становится фатальный удар кинжалом.

Таким образом, трагедия Позднышева является прямым следствием его нарциссической организации личности. Его эгоцентризм сделал невозможным построение genuinenных отношений, а патологическая ревность, как защита его шаткого самоуважения, привела к тотальному саморазрушению, уничтожив и объект его любви-ненависти, и его собственную личность.

Выводы

Проведённое исследование демонстрирует, что психоаналитическая интерпретация повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» через призму ключевых концептов З. Фрейда сновидений, либидо и нарциссизма является высокоэффективным методологическим инструментом для раскрытия глубинных механизмов трагедии главного героя. Анализ подтвердил, что повесть представляет собой сложноорганизованный художественный универсум, в котором бессознательные конфликты и вытесненные влечения автора трансформируются в мощные символические образы и сюжетные коллизии. Было установлено, что эволюция либидо Позднышева, проходящая стадии разрядки, вытеснения и неудавшейся сублимации, составляет психологический стержень повествования, закономерно ведущий к акту насилия. Детальный разбор его нарциссической организации личности выявил, что патологический эгоцентризм и бредовая ревность являются не просто индивидуальными чертами характера, но следствием глубокого кризиса самоидентификации и невозможности конструктивного преобразования психической энергии.

Таким образом, данное исследование вносит вклад в современное толстоведение, предлагая целостный психоаналитический взгляд на произведение. Оно раскрывает «Крейцерову сонату» не только как памятник литературного реализма, но и как провидческое художественное исследование природы деструктивных страстей и трагедии личности, не сумевшей обрести гармонию между сознанием и бессознательным.

Список источников

1. Ван Сяоцзюнь. Теория зависти в психоаналитической школе // Вестник Шэньчжэньского университета. Серия гуманитарных и социальных наук. 2001. № 1. С. 99 – 105.

2. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под общ. ред. Н.Н. Акоповой, И.К. Гудзия, Н.Н. Гусева, М.Б. Храпченко. М.: Худож. лит., 1964. Т. 8. 671 с.

3. Толстой Л. Собрание сочинений: в 17 т. / пер. Чэнь Фу, Чжэн Куй. Чанша: Хунаньское литературное издательство, 1997. Т. 17. С. 47.

4. Фрейд З. Введение в психоанализ / пер. Гао Цзюэфу. Пекин: Коммерческое издательство, 1984. С. 247.

5. Фрейд З. О литературе и искусстве / пер. Чан Хун. Пекин: Международное культурное издательство, 2001. С. 101.

6. Фрейд З. Толкование сновидений / пер. Сун Минчжи. Пекин: Коммерческое издательство, 2002. С. 157 – 158.
7. Фрейд З. Философия психологии Фрейда / пер. Ян Шаоган. Пекин: Издательство «Цзючжоу», 2003. С. 147.
8. Шульц Д. История современной психологии / пер. Шэнь Дэцань. Пекин: Народное образовательное издательство, 1981. С. 344.
9. Чжан Вэйся. Исследование эстетических взглядов Фрейда в рамках психоанализа: дис. … магистра филол. наук: 5.9.1. Гуанси: Педагогический университет Гуанси, 2007. С. 13.

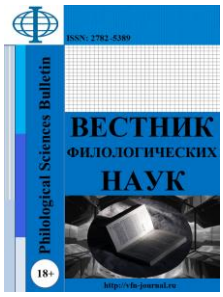
References

1. Wang Xiaojun. The Theory of Envy in the Psychoanalytic School. Bulletin of Shenzhen University. Series of Humanities and Social Sciences. 2001. No. 1. P. 99 – 105.
2. Tolstoy L.N. Collected Works: in 20 vol. Edited by N.N. Akopova, I.K. Gudziya, N.N. Gusev, M.B. Khrapchenko. Moscow: Art Literature, 1964. Vol. 8. 671 p.
3. Tolstoy L. Collected Works: in 17 vol. Translated by Chen Fu, Zheng Kui. Changsha: Hunan Literary Publishing House, 1997. Vol. 17. 47 p.
4. Freud Z. Introduction to Psychoanalysis. Translated by Gao Juefu. Beijing: Commercial Publishing House, 1984. 247 p.
5. Freud Z. On Literature and Art. Translated by Chang Hong. Beijing: International Cultural Publishing House, 2001. 101 p.
6. Freud Z. The Interpretation of Dreams. Translated by Song Mingzhi. Beijing: Commercial Publishing House, 2002. P. 157 – 158.
7. Freud Z. Freud’s Philosophy of Psychology. Translated by Yang Shaogang. Beijing: Jiuzhou Publishing House, 2003. 147 p.
8. Schultz D. History of Modern Psychology. Translated by Shen Decan. Beijing: People's Educational Publishing House, 1981. 344 p.
9. Zhang Weixia. A Study of Freud's Aesthetic Views within the Framework of Psychoanalysis: Master's Dissertation in Philology: 5.9.1. Guangxi: Guangxi Normal University, 2007. 13 p.

Информация об авторах

Бай Цзин, *Нанкинский педагогический университет, 18236156795@163.com*

© Бай Цзин, 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.351.21

[1] ***Ильясов И.И.***

[1] ***Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова***

К вопросу научном исследовании лакского языка

Аннотация: *научное изучение лакского языка началось в 60-х годах XIX века, когда известный исследователь кавказских языков П.К. Услар дал подробное описание лакского языка на базе курклинского говора его вицхинского диалекта. Выбор вицхинского диалекта для описания лакского языка является верным решением. Данный диалект объединяет говоры более десяти аулов этого региона. На сегодняшний день в грамматическом и лексическом отношениях лакский язык исследован неплохо. Во второй половине прошлого столетия были проведены работы в области исследования и совершенствования лакского языка. Изданы различные словари, учебная литература, монографии. Отмечается интерес к данному языку со стороны зарубежных и отечественных исследователей. Опубликованы монографии и большое количество научных статей, в которых исследуются различные вопросы фонетики, морфологии, синтаксиса, диалектных особенностей, лексики лакского языка. Помимо этого, на данном языке создана и развивается оригинальная литература различных жанров. Переведено на лакский язык множество произведений русской и мировой литературы. Из современных исследователей, наибольший вклад в исследование данного языка внес И.Х. Абдуллаев, который принимал активное участие во всех мероприятиях, посвященных проблемам изучения и сохранения дагестанских языков.*

Ключевые слова: *лакский язык, грамматические особенности, лексические материалы, описание языка, грамматика, графика, орфография*

Для цитирования: Ильясов И.И. К вопросу научном исследовании лакского языка // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 56 – 60.

Поступила в редакцию: 02 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] ***Ilyasov I.I.***

[1] ***Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov***

On the issue of scientific research of the Lak language

Abstract: *the scientific study of the Lak language began in the 60s of the XIX century, when the famous researcher of Caucasian languages P.K. Uslar gave a detailed description of the Lak language on the basis of the Kurklin dialect of its Vitskhi dialect. Choosing the Vitskhi dialect to describe the Lak language is the right decision, as it unites the dialects of more than ten villages in this region. At the moment, the Lak language has been studied well in grammatical and lexical relations. In the second half of the last century, work was carried out in the field of research and improvement of the Lak language. Various dictionaries, educational literature, and monographs have been published. There is an interest in this language from foreign and domestic researchers. Monographs and a large number of scientific articles have been published that explore various issues of phonetics, morphology, syntax, dialect features, and vocabulary of the Lak language. In addition, original literature of various genres has been created and developed in this language. Many works of Russian and world literature have been translated*

into Lak. Of the modern researchers, I.H. Abdullaev has made the greatest contribution to the study of this language, who took an active part in all events dedicated to the study and preservation of Dagestani languages.

***Keywords**: the Lak language, grammatical features, lexical materials, language description, grammar, graphics, spelling*

For citation: Ilyasov I.I. On the issue of scientific research of the Lak language. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 56 – 60.

The article was submitted: September 02, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Актуальность работы. Работ, посвященных научному исследованию лакского языка, на сегодняшний день не существует. Наша работа в этом отношении является первой. Говоря о современном состоянии лакского языка в условиях постепенного исчезновения лакской речи в местах исконного обитания носителей и ареале распространения языка, резонно совершить небольшой экскурс в историю лингвистического лаковедения с кратким обзором основных работ и взглянуть на ретроспективу пройденного лакским языкознанием пути.

Основная цель – провести краткий обзор научных исследований по этому языку.

Задачи:

- провести краткий обзор научной литературы по изучению данного языка;
- определить место и роль этих работ в развитии лакского языка.

Материалы и методы исследований

В работе используется описательный метод, с помощью которого проводится краткий обзор научной литературы по данному языку и его грамматических особенностей.

Материалами, использованными в работе, являются различные источники, опубликованные с начала изучения рассматриваемого языка по настоящее время.

Результаты и обсуждения

Истории изучения лакского языка немногим более 150 лет. Хотя ранние сведения о лакском языке в виде лексических материалов в научной литературе появились на стыке XVIII-XIX веков в работах И. Гюльденштедта и Ю. Клапрота, научное изучение лакского языка началось в 60-х годах XIX века, когда известный исследователь кавказских языков П.К. Услар [13] дал подробное описание лакского языка на базе курклинского говора его вицхинского диалекта. Хотя диалекты лакского языка не отличаются сильной дифференциацией по сравнению с другими дагестанскими языками, выбор вицхинского диалекта для описания лакского языка является гениальным решением, так как объединяет говоры более десяти аулов этого магала (региона). Осенью 1863 года Услар начинает исследование лакского языка.

В переизложении академика А.А. Шифнера работы П.К. Услара получали большую систематизацию, особенно в части фонетики. Следует отдать должное академику А.А. Шифнеру, благодаря которому работы П.К. Услара становились доступны специалистам. О том, насколько значительная работа проводилась А.А. Шифнером, можно судить со слов самого П.К. Услара, который после получения переработанной им лакской грамматики писал ему: «Душевно благодарю Вас за присылку Казикумухской грамматики, которую просмотрел и с большим любопытством то, что у меня было в большом хаотическом виде, Вы успели привести в большой порядок».

После работы П.К. Услара вплоть до 30-х годов прошлого столетия специальных работ по исследованию лакского языка не было. Хотя нельзя не заметить у ряда исследователей отдельные и интересные наблюдения над отдельными явлениями в лакском языке.

Первым опытом в этом направлении является работа первого автора школьного учебника по лакскому языку Г.Г. Гитинаева «Основы лакской орфографии», изданный в 1931 году на лакском языке. Многие положения и принципы, выдвинутые в нем, впоследствии были утверждены в лакской орфографии.

В 1940 году был издан первый школьный орфографический словарь лакского языка (5 тыс. слов), составленный Г.Б. Муркелинским [10].

Этот словарь впоследствии улучшался, дополнялся, переиздавался (1949, 1956). В 1965 году он вышел в совершенно новом и вдвое увеличенном виде (10 тыс. слов). Это стало возможным благодаря выходу в 1962 году «Лакско-русского словаря» С.М. Муркелинского. В последующие годы (1971, 1978, 1989) орфографический словарь был переиздан без существенных изменений.

Вторая половина прошлого столетия отмечена интенсивной работой в области исследования и совершенствования лакского языка, выпуском различных словарей, учебной литературы, монографий. Начало нового столетия ознаменовалось неослабным интересом со стороны зарубежных и отечественных исследователей. В издательстве ИЯЛИ РАН вышли в свет «Очерки лакского языка» профессора Чикагского университета Виктора А. Фридмана (Махачкала, 2011) [14].

На литературном лакском языке выходит республиканская газета «Илчи» («Вестник»), районные газеты, журналы «ЦIубарз» («Новолуние»), «Зунттал хъами» («Женщина Дагестана»), «ЧIавалачин» («Соколенок»), издается учебная, учебно-методическая, художественная и общественно-политическая литература, ведется обучение в начальной школе, работает Государственный театр, каналы телевидения и радио.

Лакский язык за прошедший период испытала на себе различные реформации графического и грамматического характера.

Еще с XV века были робкие попытки приспособить лакское письмо к арабской графике. Позднее, после Октябрьской революции была еще одна попытка перевести на так называемый «аджам» (1918-1928 годы). Однако, данная графика оказалась неудобной для данного языка.

Напомним, что с 1860-х до 1910-х годов параллельно с арабографической использовалась и лакская письменность на основе кириллицы.

Появилась потребность перейти на простую и доступную графическую основу. К концу 20-х годов XX века появились попытки перевести письменность на латиницу. Но и этот способ оказался непрактичным.

Недостатками оказались неимение отдельных графических знаков в русском языке, которые были необходимы для передачи имеющихся в лакском языке звуков.

Уже в конце 30-х годов 20 века среди носителей этих языков одновременно наблюдалось стремление к переходу на русскую графику письма. Так в 1937 году официальные органы Дагестана, на основе свободного волеизъявления народов приняли решение о введении нового алфавита на русской основе, завершившемся в 1938-1940 годах. Это означало самоопределение народностей, рост развития культуры и образования. Современная письменность на кириллице функционирует с 1938 года.

В последнее время выпущены большие словари: «Орфографический словарь лакского языка» [3], «Лакско-русский словарь» [16], «Русско-лакский словарь» [12], «Обратный словообразовательно-морфемный словарь лакского языка» с приложением «Словаря морфем и морфемных единиц лакского языка» [2].

К настоящему времени в грамматическом и лексическом отношениях лакский язык исследован неплохо. Стали повышаться возможности и качество языка, особенно письменного.

На сегодняшний день опубликованы монографии и большое количество научных статей, в которых исследуются различные вопросы фонетики, морфологии, синтаксиса, диалектных особенностей, лексики лакского языка. Это работы Л.И. Жиркова [8], С.М. Хайдакова [15, 16], Г.Б. Муркелинского [10, 11], И.Х. Абдуллаева [1-3], Н.С. Джидалаева [7], М.И. Каландарова [9], Р.Г. Эльдаровой [18], С.Г. Гаджиевой [6], М.М. Шахшаевой [17], Ж.Д. Башировой [5] и других).

Кроме того, на лакском языке создана и развивается оригинальная литература различных жанров – поэзия, проза, драматургия. Осуществлен перевод на лакский язык целого ряда произведений русской и мировой классики (Гомер, Фирдоуси, Рудаки, Саади, Авиценна, Ш. Руставели, О. Хайям, Н. Хикмет, У. Шекспир, Ф.Г. Лорка, Р. Бёрнс, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, Н. Некрасов, С. Есенин, А. Ахматова, Н. Рубцов и др.).

Из современных исследователей, наибольший вклад в исследование данного языка внес И.Х. Абдуллаев. Его, как ученого, посвятившего всю жизнь изучению дагестанских языков, его тревожило их будущее. Особенно его волновало современное состояние и перспективы родного для него лакского языка.

Выводы

Хотя многие вопросы данного языка, как это видно из краткого обзора, нашли свое освещение в специальной литературе, однако многие актуальные проблемы ждут еще своего решения. До сих пор нет специальных монографических исследований по словообразованию, фразеологии, об омонимах, синонимах и антонимах, по отраслевой, ономастической и диалектной лексике, по языку художественной литературы и языку отдельных писателей, по вопросам исторической лексикологии, в частности о словах общедагестанского фонда, заимствованиях из соседних языков. Дальнейшее развитие исследований по лакскому языку должно идти по пути монографических разработок ключевых вопросов лексикологии.

Список источников

1. Абдуллаев И.Х., Эльдарова Р.Г. Вопросы лексики и словообразования лакского языка. Махачкала, 2003. 137 с.
2. Абдуллаев И.Х. Обратный словообразовательно-морфемный словарь около 10000 слов литературного лакского языка. Махачкала: Aleph, ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014. 197 с.
3. Абдуллаев И.Х. Орфографический словарь лакского языка. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2005. 448 с.
4. Абдуллаев И.Х., Джидалаев Н.С. Лексика лакского литературного языка // Очерки по лексике литературных языков Дагестана. Махачкала, 2014. С. 216 – 316.
5. Баширова Ж.Д. Структурно-семантические типы простого предложения в лакском языке. Махачкала, 2011. 159 с.
6. Гаджиева С.Г. Компаративная фразеология лакского языка. Махачкала, 2001. 110 с.
7. Джидалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт историко-этимологического анализа. М., 1990. 241 с.
8. Жирков Л.И. Лакский язык. М., 1955. 160 с.
9. Каландаров М.И. Балхарский диалект лакского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.09. Махачкала, 1983. 317 с.
10. Муркелинский Г.Б. Орфографический словарь лакского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. 115 с.
11. Муркелинский Г.Б. Грамматика лакского языка. Фонетика и морфология. Махачкала: Дагучпедгиз, 1971. Ч. 1. 256 с.
12. Абдуллаев И.Х., Джидалаев Н.С., Мусаев С.А., Алиева Б.А. Русско-лакский словарь. Санкт-Петеребург, 2019. 995 с.
13. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Лакский язык. Тифлис, 1890. 476 с.
14. Фридман В. Очерки лакского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. 168 с.
15. Хайдаков С.М. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961. 199 с.
16. Хайдаков С.М. Лакско-русский словарь. М., 1962. 422 с.
17. Шахшаева М.М. Роль русского языка в развитии и обогащении лексики лакского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.09. Махачкала, 1983. 187 с.
18. Эльдарова Р.Г. Лакский глагол. Махачкала, 1993. 121 с.

References

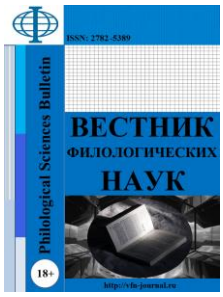
1. Abdullaev I.Kh., Eldarova R.G. Vocabulary and Word Formation in the Lak Language. Makhachkala, 2003. 137 p.
2. Abdullaev I.Kh. Reverse Word-Formation-Morphemic Dictionary of About 10,000 Words of the Literary Lak Language. Makhachkala: Aleph, Institute of Language, Literature, and History, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2014. 197 p.
3. Abdullaev I.Kh. Orthographic Dictionary of the Lak Language. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 2005. 448 p.
4. Abdullaev I.Kh., Dzhidalaev N.S. Vocabulary of the Lak Literary Language. Essays on the Vocabulary of the Literary Languages of Dagestan. Makhachkala, 2014. P. 216 – 316.
5. Bashirova Zh.D. Structural and Semantic Types of Simple Sentences in the Lak Language. Makhachkala, 2011. 159 p.
6. Gadzhieva S.G. Comparative Phraseology of the Lak Language. Makhachkala, 2001. 110 p.
7. Dzhidalaev N.S. Turkisms in the Dagestani Languages: An Essay on Historical and Etymological Analysis. Moscow, 1990. 241 p.
8. Zhirkov L.I. The Lak Language. Moscow, 1955. 160 p.
9. Kalandarov M.I. Balkhar Dialect of the Lak Language: Cand. Sci. (Philology) Dissertation: 10.02.09. Makhachkala, 1983. 317 p.
10. Murkelinsky G.B. Spelling dictionary of the Lak language. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1989. 115 p.
11. Murkelinsky G.B. Grammar of the Lak language. Phonetics and morphology. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1971. Part 1. 256 p.
12. Abdullaev I.Kh., Dzhidalaev N.S., Musaev S.A., Alieva B.A. Russian-Lak dictionary. St. Petersburg, 2019. 995 p.
13. Uslar P.K. Ethnography of the Caucasus. Linguistics. Lak language. Tiflis, 1890. 476 p.

14. Friedman V. Essays on the Lak language. Makhachkala: Institute of Language, Literature and History, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2011. 168 p.
15. Khaidakov S.M. Essays on the Lexicon of the Lak Language. Moscow, 1961. 199 p.
16. Khaidakov S.M. Lak-Russian Dictionary. Moscow, 1962. 422 p.
17. Shakhshaeva M.M. The Role of the Russian Language in the Development and Enrichment of the Lexicon of the Lak Language: Dissertation by Cand. Sci. (Philology): 10.02.09. Makhachkala, 1983. 187 p.
18. Eldarova R.G. Lak Verb. Makhachkala, 1993. 121 p.

Информация об авторах

Ильясов И.И., *доктор филологических наук, профессор, кафедра дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала, nurselin7@mail.ru*

© Ильясов И.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (филологические науки)
УДК 811.1/2

[1] Краснощёков Е.В., [1] Ширяева А.С. ***[1] Южный федеральный университет***

К вопросу о диалектах в древнефризском языке

Аннотация: *целью настоящего исследования является анализ диалектов древнефризского языка в германском языковом ареале. Древнефризский язык – самый молодой представитель группы древнегерманских языков. Однако, как язык он появился очень давно, о чем свидетельствуют сохранившиеся рунические надписи на народном языке. На основании полученных данных установлено, что в древнефризском языке существовало несколько диалектов, практически совпадавших с епархиальным делением Фризии, о чем упоминают франкские источники VIII века, и что содержится в древних рукописях, датируемых периодом между 400 и 800 годами н.э. Каждый из диалектов характеризуется своими особенностями, которые проявляются в фонологии, морфонологии, морфологии, а также имеют различия в лексике, что подтверждается топонимами и личными именами, сохранившимися в современном языке. Распространение разновидностей фризского языка сегодня отражает результат длительного исторического процесса. Древнефризский язык во многих аспектах настолько интересен и сложен, что привлекает учёных со всего мира. Материалом для представленной работы послужили данные российских и зарубежных лингвистов-филологов.*

Предложенный материал может заинтересовать студентов и аспирантов, изучающих языки и диалекты германской группы.

Ключевые слова: *фризский язык, германские языки, диалекты, Рюстринг, Вестерго, Остерго*

Для цитирования: Краснощёков Е.В., Ширяева А.С. К вопросу о диалектах в древнефризском языке // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 61 – 67.

Поступила в редакцию: 02 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Krasnoschekov E.V., [1] Shiryaeva A.S. ***[1] Southern Federal University***

On the question of dialects in the Old Frisian language

Abstract: *the aim of this study is to analyze the dialects of the Old Frisian language in the Germanic language area. Old Frisian is the youngest representative of the group of Old Germanic languages. However, as a language, it appeared a very long time ago, as evidenced by the surviving runic inscriptions in the vernacular. Based on the data obtained, it was established that there were several dialects in the Old Frisian language, which practically coincided with the diocesan division of Frisia, as mentioned by Frankish sources of the 8th century, and which is contained in ancient manuscripts dating back to the period between 400 and 800 AD. Each of the dialects is characterized by its own features that manifest themselves in phonology, morphology, morphology, and also have differences in vocabulary, which is confirmed by toponyms and personal names preserved in the modern language. The spread of varieties of the Frisian language today reflects the result of a long historical process. The Old Frisian language is so interesting and complex in many aspects that it attracts scientists from all over the world. The material for the presented work was the data of Russian and foreign linguists-philologists.*

The proposed material may be of interest to students and postgraduates studying the languages and dialects of the Germanic group.

Keywords: *the Frisian language, Germanic languages, dialects, Rüstring, Westergo, Ostergo*

For citation: Krasnoschekov E.V., Shiryaeva A.S. On the question of dialects in the Old Frisian language. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 61 – 67.

The article was submitted: September 02, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Древнефризский язык – самый молодой представитель группы древнегерманских языков, если судить по сохранившимся в рукописях текстам на народном языке [2]. Как язык, он появился очень давно, что подтверждают рунические надписи, около двадцати из которых сохранились до наших дней и датируются периодом между 400 и 800 годами н.э. Кроме того отдельные фризские слова были обнаружены в раннесредневековых латинских текстах, в частности в Lex Frisionum (ок. 800 г.) [12].

Топонимы и личные имена также дают ценную информацию о самых ранних этапах развития фризского языка. Отдельные топонимы относятся к периоду германских миграций (ок. 400 – ок. 500 гг. н.э.), что соответствует перерыву в заселении побережья после распада Римской империи. По-видимому, большая часть населения прибрежных регионов переселилась в другие места, отчасти из-за проблем с естественным дренажем солончаков в конце римского периода [8]. В настоящее время фризский язык используется в некоторых районах вдоль побережья Северного моря. Точнее, в Нидерландах: в провинции Фрисландия, в Германии: в Сатерланде, непосредственно к югу от нынешнего округа Остфрисланд, Нидерзахсен, и в округах Нордфрисланд и Пиннеберг, оба в земле Шлезвиг-Гольштейн. В обеих странах язык имеет ограниченный статус. Тем не менее, в Нидерландах фризский признан официальным языком наряду с голландским.

Распространение разновидностей фризского языка сегодня отражает результат длительного исторического процесса. Когда фризы вошли в историю через труды римских и греческих авторов (в частности, Тацита – Germania, Annales и Historiae; Птоломия – Geographica), они, судя по всему, жили к северу от устья Рейна, вплоть до реки Эмс. Этот регион находился за пределами Римской империи, но римляне оказывали на него влияние. Археологические находки свидетельствуют о том, что между фризами и римлянами в этот период велась интенсивная торговля. Вопрос о том, были ли фризы в то время германским племенем, остается спорным. На основании ономастических данных было высказано предположение, что они говорили на некельтском и негерманском, но все же индоевропейском диалекте [3], и германизация произошла лишь постепенно в первые века христианской эры. Однако, как бы то ни было, фризский язык, как и английский, голландский и немецкий (верхненемецкий и нижненемецкий), является ветвью западногерманского языка.

Материалы и методы исследований

Основная цель настоящей статьи – представить одну из малоизученных групп германских языков, а именно фризские диалекты. В качестве инструментов исследования были использованы типологический и сравнительно-исторический методы для оценки взаимосвязей диалектов древнефризского языка. Предлагаемое исследование продолжает серию статей, посвящённых истории древних языков германской группы.

В качестве материала для статьи послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов: Жирмунский В.М. (1964), Жлуктенко Ю.А. и Двухжилов А.В. (1984), Берков В.П. (2001), Иванова Н.В. и Зеленецкий А.Л. (2000), М.В. Дьячков (2010); Looijenga и Quak (1996), Nielsen (1996), Giliberto (1998 и 2000), Page (2001), Quak (2010, 2016), Versloot (2014, 2016), Bleck (2016), Graf (2019). Данные представленной статьи будут интересны студентам и аспирантам, занимающихся изучением языков германской группы.

Результаты и обсуждения

Как и древневерхненемецкий или среднеанглийский, древнефризский язык засвидетельствован в нескольких диалектах: восточный (от реки Лауверс) и западный (от реки Лауверс). Это разделение имеет как юридический характер – по обе стороны от него существовали разные институты, – так и лингвистический (фонология, морфология и лексика). Это разделение, по-видимому, было очень древним: франкские источники начала VIII века уже упоминают о двойном разделении Фризии к западу от Лаувера на – «Вестерго и Остерго» (Westrachia et Austrachia). Поскольку Остерго граничит на западе с Лауверсом, название подразумевает, что то, что лежит за этой рекой, относится к другой культурно-географической области. Епархиальное деление Фризии более или менее совпадает с диалектным делением. Поэтому не может быть совершенно случайным, что миссионеры VIII века каждый нацелился на свою собственную территорию в пределах Frisia Magna (ко-

ролевство фризов). Если это предположение верно, то оно приводит к выводу, что макродиалектные различия должны проистекать из раннего внутрифризского культурного разнообразия, которое должно быть очень древним. Древневосточнофризский можно разделить на древний везерофризский (епархия Бремена) и древнеэмсфризский (епархия Мюнстера) [11].

Древнезападнофризский (епархия Утрехта) в свою очередь можно разделить на: югозападный (Вестерго) и северовосточный (Остерго). Изначально Вестерго и Остерго разделяло Среднее море, но, когда с 1100 года эти воды постепенно отвоевывались, сформировался переходный диалектный ареал. Северофризский вариант на древнем этапе вообще не засвидетельствован.

Несмотря на диалектные и культурные различия, в средневековой Фризии преобладала общая лингвистическая и этническая идентичность. Если сосредоточиться на лингвистических характеристиках, то в древнефризском языке можно отметить следующие особенности [1, с. 21-25]:

a. Фонологические:

- монофтонгизация – германское au > ā, например, bām ‘дерево’, rād ‘красный’ и ai > ā и ē. Например, fād ‘подделка’, mār(r)a ‘больше’, rāp ‘веревка’, wāch ‘стена’ и bēn ‘кость’, stēn ‘камень’, с одинаковым распределением этих лексем для западно-, восточно- и северофризских диалектов;
- германское a > ae (письменное e), например, fet ‘чан, сосуд’ stef ‘посох’;
- преломление e и i перед ch + согласный, например, riucht ‘право’, tiuche ‘команда; участок земли’;
- перегласовка i, когда за ним следует u или w, например, niugen ‘девять’, siunga ‘петь’, thiukke ‘длина и ширина, толщина’;
- потеря конечного -n в инфинитивах, например, setta ‘ставить’, в окончаниях косвенных форм слабых существительных и в окончаниях слабых прилагательных, например, thes alda boda ‘старого гонца’, в некоторых числительных, например, thrina ‘по три’, и в некоторых предлогах, например, binna ‘внутри’, būta ‘снаружи’;
- отсутствие начального характерного шума у фрикативных, в отличие от средне-голландского (ср.голл.) и средне- /верхне / -нижненемецкого (ср.-верх.-нижн. нем), например, ср.-верх.-нижнем. нем., fisk, ср. голл. visch.

b. Морфонологические: 1. генерализация существительных женского рода с основой на ō-, например, tele ‘счет; рассказ’, fere ‘путешествие’ (др. англ. talu, faru); 2. наличие суффикса -ina- в причастиях прошедшего времени сильных глаголов, особенно классов II, IV-VII, приводящее к перегласовке i- гласного основы и, где уместно, палатализации конечного согласного основы, например, tein ‘нарисованный’, kemen ‘прийти’, bretsen ‘сломанный’, dregen / drein ‘нести’, fenzen ‘пойманный’. Древнефризский (др. фриз.) также является единственным западногерманским языком, в котором есть изменившаяся форма epen ‘открывать’. 3. германское fer- > протофризское (пр.фриз.) fīr(re) ‘далеко’ с гласным в сравнительной степени > др.фриз. fīr ср. в современных западнофризском (зап.фриз.) fier и восточнофризском (вост.фриз.) fiir, в островном северофризском (сев. физ.) fiir. Во всех других западногерманских языках есть -e-: др. англ. feor, др. верх. нем. ferro, др. сакс. fer(ro).

c. Морфологические:

- им.п. / вин.п. множественного числа имеет -ar в сильных существительных мужского рода: bāmar ‘деревья’;
- личные местоимения hiu 'она' (им.п. ед.ч.) и hia ‘они’ начинаются с h- в др. англ., вместо s- в др. голл., др. сакс. и др. верх. нем. языках;
- отсутствие отдельного возвратного местоимения. Древнефризский не перенял др. верх. нем. sih, в отличие от ср. голл. sich и др. сакс. sik;
- использование наречия thēr в качестве относительной частицы, не встречающееся ни в одном из соседних языков.

d. Лексика:

Значительное количество слов являются типично фризскими (или иногда англо-фризскими) в отличие от других континентальных западногерманских диалектов. Они являются либо результатом типично фризских инноваций, как по форме, так и по значению, либо ингвеонскими/североморскими германскими реликтовыми словами, которые сохранились в языке. Ниже в качестве примера приводится небольшая подборка древнефризских слов, которые до сих пор используются в двух или трех современных ветвях фризского языка (западной, восточной и северной):

fēmne, famne ‘девушка’ (не woman ‘женщина’, как в др. англ. и др. сакс.); kēi ‘ключ’ в отличие от голл. sleutel, герм. Schlüssel; wēt ‘мокрый’ (в отличие от др. голл. nat, герм. nass), bōgia ‘жить, обитать’ (ср. др. англ. bōgian, в отличие от голл. wonen, герм. wohnen); wērs / wārs ‘весенняя пора’; hengst ‘лошадь’ голл. paard, нижн. нем. peerd, герм. Pferd < среднелатинского (ср. лат.) paraveredus ‘почтовая лошадь’; fule, -a ‘много / многие’ (< fulu- в отличие от др. англ. feala, др. верх. нем., др. сакс. filu (< felu-) [2].

Перейдем непосредственно к диалектам: древневезерфризский диалект Rüstring (Рюстринг), который сохранился в рукописях и фрагментах и являющийся предком диалектов Вангерооге, Вюрстена и Харлингерланда (ныне все три вымерли), составлял ветвь везерского языка. Его важной особенностью является регулярное распределение кратких гласных в конечных слогах без ударения (‘баланс гласных’) [9]:

1. i, u появляются после кратких гласных в открытых слогах: Godi (дат.п. ед.ч.) ‘Бог’, skipu (им.п. мн.ч.) ‘корабли’, sunu ‘сын’, skilun ‘(они) должны’.

2. e, o появляются после долгих основ или в слогах, отделенных от основы другим слогом, например, liōde – ‘люди’, hēroch – ‘послушный’, hunige – ‘мед’ (дат.п. ед.ч.), bēdon – ‘(они) приказали’. Это явление было характерно для Рюстринга, и лежащая в его основе схема ударения (т.е. разделение ударения на оба слога) отражена в диалектах-потомках Вангерооге [6] и Вюрстена [9].

Другими особенностями являются:

3. i (< герм. e) перед r + зубной: hirte ‘сердце’, irthe ‘земля’;

4. i (< e < герм. a или < u) + i- перегласовка: hiri ‘армия’, kining ‘король’;

5. i переходит в e и u > o в открытом слоге, когда за ним следует a в следующем слоге (‘Рюстринговое a-изменение’), например: binetha ‘под’, в других диалектах binitha; letha (род.п. мн.ч.) ‘части тела’, но lith (им.п. ед.ч.); dora (род.п. мн.ч.), но durun (дат.п. мн.ч.) [6, с. 14-21];

6. герм. -ag-, после палатализации > -ei, и -eg, после палатализации > -ei, оба появляются как -ī, напр., dī ‘день’ (не-Rüstring dei), brīn ‘мозг’ (не-R brein), wī ‘путь’ (не-R wei), brīda ‘тянуть’ (не-R breida), līth ‘он ложится’ (не-R leith);

7. герм. ē2 появляется как ī,: Frīsa ‘фризский’, hīt ‘был вызван’, līt ‘позволять, разрешать (кому-л. что-л.) (прош. вр.)’, mīde ‘подарок, презент’ [5];

8. претерито-презентный глагол āga ‘владеть; иметь’ почти всегда представляется как hāga;

9. числительное ‘7’ представляется как siugun или sigun, тогда как в древнеэмсфризском это sogen, а в др. зап. фриз. saw(e)n, saun;

10. Прилагательное / наречие, обозначающее ‘много’, представлено как felo (< др. сакс. filu) в отличие от fule, и -a во всех остальных фризских диалектах [3].

Рюстрингский диалект также характеризуется рядом морфологических инноваций, не встречающихся в других старофризских диалектах. К ним относятся:

11. дательное окончание множественного числа, обычно -on после долгих слогов, например, ēthon ‘клятва’, в отличие от ēthum, -em, -im, или (позднее) -in, -en в других диалектах. И -un после кратких слогов: durun ‘двери’, wikun ‘недели’. Аналогично в прошедшем времени множественное число глаголов оканчивается на -on или -un, например, slōgon ‘(мы) ударили’, setton ‘(они) поставили, установили’ и mugun ‘(они) могли’, skilun ‘(они) должны’;

12. склоняемый инфинитив (инфинитив, перед которым стоит to или te) принял то же окончание, что и причастие настоящего времени: -ande, например, to dēmande ‘судить’, to hebbande ‘иметь’;

13. инфинитив слабых глаголов 2 класса оканчивается на -ande, в отличие от -iande в других диалектах: to clagande ‘жаловаться’ (clagia), to festande ‘поститься’ (festia);

14. суффикс превосходной степени выступает как -ost, в отличие от -est, -ast в других диалектах: hāgosta ‘самый высокий’, iungosta ‘самый молодой’;

15. дат.п. мн.ч. от hia ‘они’ – hiam, в отличие от him в других диалектах.

Древнеэмсфризский (др. эмс. фриз.) диалект зафиксирован для двух районов к востоку от Эмса: Эмсинго и Брокмерланд, и для так называемого «Оммеландена» (Олдамбт, Фивельго, Хунсинго, Хумстерланд, Лангевольд, Вредевольд – последние три в нижненемецком варианте – к западу от Эмса) [5]. Современный диалект Сатерланда является его единственным сохранившимся вариантом.

Следующие фонологические критерии отличают древнеэмсфризский от древневезерфризского:

1. отсутствие признаков (пункты 1-15), относящихся к Рюстрингу (др. везер. фриз.);

2. перед звонкими альвеолярными (т.е. d, l, n), а также иногда перед звонкими th, ē имеет тенденцию к дифтонгизации в ei. Например: breid ‘невеста’, breid ‘широкий’, meide ‘награда, взятка’, mein ‘общий’, beil ‘кипяток’, heila ‘пятка’, heilich ‘святой’, feithe ‘вражда’, leith ‘ненавистный’;

3. наличие интрузивного r в ненапряженном -en, например, wēpern ‘оружие’ (вместо wēpen), lungern ‘легкое’ (вместо lungen), epern ‘открытый’ (вместо epen);

4. слово ‘церковь’ представляется как tsiurke (с -iu-), в отличие от др. везер. фриз. sthereke и др. зап. фриз. ts(i)erke;

5. свойственное др. эмс. фр. – unga ‘идти’, в отличие от gunga в других диалектах;

6. в позднем др. эмс. фриз. диалекте ā (либо изначально долгий, либо удлиненный перед определенными группами согласных) имеет тенденцию округляться до [ɔ:], например, ōftne ‘законный (вин.п. ед.ч. masc)’ (< āft-), ōlsa ‘так’ (alsā), ōlle ‘все’ (alle), wōld (sket) ‘свиньи’ (< wāld < wald ‘пустошь, лес’).

Древнезападнофризский (др. зап. фриз.) диалект; основные рукописи на котором в целом являются более поздними (ок. 1450-1525 гг.), чем древневосточнофризские (ок. 1300-1450 гг.). В то время как орфография в древневосточнофризских рукописях в целом архаична и, вероятно, все еще основана на латинской орфографии, древнезападнофризские писцы приняли некоторые нижненемецкие и нидерландские орфографические конвенции [3].

В древневосточнофризском долгота гласных указывается редко, но в древнезападнофризском это часто делается для долгих гласных путем добавления e: например, baem ‘дерево’ (bām), boek ‘книга’ (bōk), hues ‘дом’ (hūs); или путем удвоения, например, dwaan ‘делать’ (dwān), deel ‘часть’ (dēl), wiif ‘женщина’ (wīf), также ij sijn ‘его’ (sīn) или y lyf ‘вергельд’ (līf), sooth ‘правда’ (sōth), и huus, hws ‘дом’ (hūs). Иногда i, y встречается как маркер долготы с другими гласными: teyken ‘знак’ (tēken), kuith ‘известный, публичный’ (kūth), или, с удлинением в открытых слогах: weisa ’быть’ (wesa), hoyne ‘петух, петушок’ (hona) [8].

Фрикативный аллофон g, [ɣ], часто пишется как gh: folghia ‘следовать’. Также t часто пишется как th, но при этом произносится как [t]: thoe [to:] 'to' [tō]. Сочетание sk обычно появляется как sch, но, скорее всего, все еще произносится как [sk]: schetten ‘выстрел’, schip ‘корабль’. Такие орфографические особенности почти сразу указывают на происхождение текста из области к западу от Лаувера.

Среднеголландские и нижненемецкие орфографические нормы не только повлияли на древнезападнофризский, но и в самой письменности все чаще встречаются заимствованные слова из этих соседних диалектов.

Наиболее важными фонологическими характеристиками древнезападнофризского (др. зап. фриз.) являются [4]:

1. германское a подвергся округлению [ɔ] перед носовыми (как видно, например, из современного западнофризского) goose ‘гусь’ < gōs < герм. gans-, но позже был восстановлен, например, man, hand, land, sang, lam. В северовосточных древнезападнофризских он оставался [ɔ] перед -mb, -nn [10, с. 14-15];

2. интервокальное v > w (также в позднем древневосточнофризском), например, hove > howe ‘суд (дат. ед.ч.)’, hāved > hāwed > hāud ‘голова’;

3. ‘Йорвертское преломление’ (Jorwert Breaking). В симметричном порядке долгие передние гласные + w превратились в восходящие дифтонги: i:w > ju:w; e:w > jo:w; ɛ:w > jɔ:w. Например, skriouwa (skrīwa < skrīva) ‘писать’, iouwe (iēwe < ieve) ‘дар’, iouwe ‘закон’ (< ēwa). Иногда, начальное j поглощается предшествующим r, например, opgrouwa 'копать' (upgrēwa < upgreva);

4. e (различного происхождения) перед r + согласный и l + согласный часто превращается в i, например, birch ‘гора’, wirda (< wertha) ‘становиться’, wirtza ‘работать’, wird ‘слово’, wirtle ‘корень’; held ‘благосклонность’ > hild, skeld ‘щит’ > schild, weld ‘сила’ > wild;

5. перед l + согласный (d, k, n, r), e удлинялось, а затем дифтонгизировалось с ударением сначала на начальном элементе (нисходящий), а затем на втором (поздний др. зап. фриз. ‘дифтонгизация’), напр, feld > fēld > fiēld [fie:ld] (восходящее); также: eldera > ēldera (пишется ‘eeldera’) > ieldera ‘старейшина, родитель’, ielkers ‘иначе’, ielne ‘эль’, ielren ‘из ольхового дерева’;

6. перед nd, e имеет тенденцию к дифтонгизации с ударением на первом элементе, например, einda ‘завершать’, seinda ‘посылать’, beynd ‘оковы, узы’';

7. -we- > -o-: hwet ‘что’ > hot или hat/haet; hwelk ‘который’ > hok; hwether ‘ли’ > hother; twelef ‘двенадцать’ > tolef; twintich > tontich;

8. iā > iē [jɛ :], liāf ‘дорогой’ > liēf, thiāf ‘вор’ > tiēf, thiānia ‘служить’ > tiēnie;

9. последние два примера также иллюстрируют другое явление: глухой начальный th > t, а звонкий начальный и средний th > d, например, det 'that', bēde 'both';

10. конечное звонкое d имеет тенденцию к оглушению, например, tīt ‘время’, goet ‘хороший’, antwert ‘ответ’, но в склоняемых формах d остается звонким, tīden, go(e)de и т.д.;

11. интервокальное d (также из th / ð) имеет тенденцию к выпадению: snede > snē, snei ‘резать’, snīa ‘резать’ (< snītha), brōr ‘брат’ (< brōther).

12. u + носовой > o, например, sond 'sound, healthy’, ‘звук, здоровый’, stonde ‘время’, fonden ‘found’ ‘найденный’, on- ‘un-’ ‘не-‘;

13. глагол to have ‘иметь’ встречается как habba помимо менее частотного hebba, в отличие от hebba в древневосточнофризском.

В древнезападнофризском диалекте слова, первоначально оканчивавшиеся на -a, обычно продолжались на -e, в то время как слова, первоначально оканчивавшиеся на -e, обычно опускали конечный гласный.

К некоторым типично западнофризским морфологическим критериям относятся:

1. множественное число (мужской род) на -a, -e, как правило, заменяется на -an, -en;

2. наличие конечного -n в инфинитивах односложных глаголов (например, dwān 'делать', siān 'видеть'), которое отсутствует в таких инфинитивах в древневосточнофризском языке [7];

Мейеринг (1990) также отметил, что «краткие формы» глаголов ‘стоять’ и ‘идти’, stān и gān, отсутствуют в древневосточнофризском языке, который демонстрирует только «долгие формы» stonda и gunga. В древнезападнофризских текстах, однако, представлены и долгие, и краткие формы;

3. морфологические инновации проявляются и в системе местоимений: iemma(n), iemmen ‘ты (мн.ч.: им.п., дат.п., вин.п.)’ и hemma(n), hemmen, himman ‘они (дат.п., вин.п.)’. Форма himman также встречается к востоку от Lauwers;

4. дентальный маркер прошедшего времени у слабых глаголов класса II опускается, например, wēpenia ‘вооружаться’, wēpen(a/e)de (1, 3 л. ед.ч., прош.вр.), wēpen(a/e)d (pp) оба становятся wēpena/e [7].

5. В позднем древнезападнофризском наблюдается растущее разрушение морфологической системы (также называемое «синкретизмом»), при котором именное и глагольное окончание -a редуцируется до -e, например, setta (инф.) > sette ‘устанавливать’, а окончания множественного числа -an (им./вин.п.), -ena (род. мн.ч.) и -um, -em (дат. мн.ч.) становятся -en.

6. Конечный -e часто опускается, например, here > hēre > hēr ‘войско’, stede > stēde > stēd 'место’, ik dēle 'я делю’ > ik dēl; restene > resten ‘отдых’.

Некоторые отличия существуют в югозападном диалекте в сравнении с северовосточным. Тот факт, что сотни датированных и локализованных юридических и административных документов сохранились в области к западу от Лаувера, дает возможность обнаружить дальнейшие диалектные различия в ее пределах. На основе подлинных документов было показано, что, в основном перед зубными согласными (d, t, l, n) в закрытых слогах, в восточнофризском e > o на юго-западе (приблизительно Westergo), а на северо-востоке (приблизительно Ostergo) e > a. Например: setta ‘ставить’, sella ‘продавать’ появляются как Юго-западное sotta, solla и в северовосточном satta, salla [10, с. 59-61], wasa ‘быть’ (wesa). Средний регион, однако, сохранил e. Таким образом, юго-запад iold ‘деньги’ в сравнении с «обычным» ield, юго-запад fiuld ‘поле’ в сравнении с field в других диалектах. Это расхождение в развитии можно отнести к XV веку.

Выводы

Принимая во внимание все вышесказанное, можно подвести итог: существование диалектов во фризском языке относится к глубокой древности. Франкские источники начала VIII века уже упоминают о двойном разделении Фризии к западу от Лаувера на – восточную и западную. Древневосточнофризский в свою очередь представлен двумя диалектами: везерофризским и древнеэмсфризским. Древнезападнофризский также делится на: югозападный (Вестерго) и северовосточный (Остерго). Каждый из этих диалектов имеет свои фонологические, морфонологические и морфологические особенности, отличающие их друг от друга. Древневезерский фризский диалект Рюстринг, сохранившийся в рукописях и фрагментах, составлял ветвь везерского языка. Он также характеризуется рядом морфологических инноваций, не встречающихся в других старофризских диалектах. Древнеэмсфризский диалект зафиксирован в двух районах к востоку от Эмса: Эмсинго и Брокмерланд, и в Оммеландене к западу от Эмса. Его единственным сохранившимся вариантом является современный диалект Сатерланда. Древнезападнофризский диалект закреплен в рукописях, которые являются наиболее поздними из существующих на народном языке. В то время как орфография в древневосточнофризских рукописях является архаичной и, все еще основана на латинской орфографии, в древнезападнофризских текстах частично используется нижненемецкая и нидерландская орфография.

Некоторые отличия существуют в югозападном диалекте в сравнении с северовосточным в древнезападнофризском диалекте. Сохранившиеся в области к западу от Лаувера различные древние рукописи, дают возможность обнаружить дальнейшие диалектные различия в пределах этой области. В настоящее время фризский язык используется в Нидерландах и в Германии. В обеих странах язык имеет ограниченный статус. Тем не менее, в Нидерландах фризский признан официальным языком наряду с голландским. Фризский язык, как и английский, голландский и немецкий, относится к западногерманским языкам. Таким образом, для историков-лингвистов существование диалектов на более ранних стадиях развития фризского языка неоспоримо.

Список источников

1. Århammar Nils. Frisian and Saxon. On the Problem of Their Mutual Demarcation in the Early and High Middle Ages // Aspects of Old Frisian Philology / eds. Oebele Vries, Geart van der Meer. 1990. P. 1 – 25.

2. Bremmer, Rolf H. Taking Stock of Old Frisian Studies. Us Wurk. Tydskrift Foar Frisistyk. 2021. No. 70 (1-2). 97 p.

3. Bremmer Jr., Rolf H. An Introduction to Old Frisian. History, Grammar, Reader, Glossary. Amsterdam: John Benjamins, 2009. 250 p.
4. Hoekstra E., Århammar N., Faltings V., Hoekstra J., Vries O., Walker A., Wilts O. 'Frisian Relicts in the Dutch Dialects', in Munske in H.H. Munske in collaboration with Handbook of Frisian Studies. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2001. P. 138 – 143.
5. Hofmann. Dietrich The Osterlauwers Documentary Tradition as a Source for Old Frisian. Collected Works II. 1970. P. 260 – 271.
6. Löfstedt E. On the Sound History of the Wangerooge Dialect // Two Contributions to Frisian Linguistic History. Lund, 1932. P. 3 – 33.
7. Meijering, Henk D. The Old Frisian Monosyllabic Infinitives Ending in -n and the Structure of Old Frisian. 1990. P. 329 – 348.
8. Nieuwhof A. The Excavations at Wijnaldum. Hand-Thrown and Wheel-Made Pottery of the First Millennium AD. Groningen Archaeological Studies 36. Eelde: Barkhuis, 2020. Vol. 2. 265 p.
9. Smith L.C. Old Frisian Vowel Balance and its Relationship to West Germanic Apocope and Syncope. 2007. P. 379 – 410.
10. Spenter A. The Vocalism of Accented Syllables in the Schiermonnikoog Dialect. A Historical Study of the Autochthonous West Frisian Island Dialect. Copenhagen, 1968. 150 p.
11. Versloot A. Principles of East Frisian Language History. Munske, 2001. 2021. P. 734 – 741.
12. Versloot A.P. The Frisian words in the Lex Frisionum. 2015. No. 64. P. 1 – 10.

References

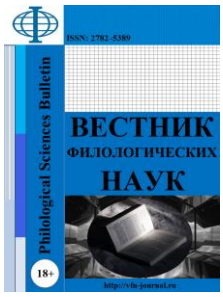
1. Århammar Nils. Frisian and Saxon. On the Problem of Their Mutual Demarcation in the Early and High Middle Ages. Aspects of Old Frisian Philology / eds. Oebele Vries, Geart van der Meer. 1990. P. 1 – 25.
2. Bremmer, Rolf H. Taking Stock of Old Frisian Studies. Us Wurk. Tydskrift Foar Frisistyk. 2021. No. 70 (1-2). 97 p.
3. Bremmer Jr., Rolf H. An Introduction to Old Frisian. History, Grammar, Reader, Glossary. Amsterdam: John Benjamins, 2009. 250 p.
4. Hoekstra E., Århammar N., Faltings V., Hoekstra J., Vries O., Walker A., Wilts O. 'Frisian Relicts in the Dutch Dialects', in Munske in H.H. Munske in collaboration with Handbook of Frisian Studies. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2001. P. 138 – 143.
5. Hofmann. Dietrich The Osterlauwers Documentary Tradition as a Source for Old Frisian. Collected Works II. 1970. P. 260 – 271.
6. Löfstedt E. On the Sound History of the Wangerooge Dialect. Two Contributions to Frisian Linguistic History. Lund, 1932. P. 3 – 33.
7. Meijering, Henk D. The Old Frisian Monosyllabic Infinitives Ending in -n and the Structure of Old Frisian. 1990. P. 329 – 348.
8. Nieuwhof A. The Excavations at Wijnaldum. Hand-Thrown and Wheel-Made Pottery of the First Millenni-um AD. Groningen Archaeological Studies 36. Eelde: Barkhuis, 2020. Vol. 2. 265 p.
9. Smith L.C. Old Frisian Vowel Balance and its Relationship to West Germanic Apocope and Syncope. 2007. P. 379 – 410.
10. Spenter A. The Vocalism of Accented Syllables in the Schiermonnikoog Dialect. A Historical Study of the Autochthonous West Frisian Island Dialect. Copenhagen, 1968. 150 p.
11. Versloot A. Principles of East Frisian Language History. Munske, 2001. 2021. P. 734 – 741.
12. Versloot A.P. The Frisian words in the Lex Frisionum. 2015. No. 64. P. 1 – 10.

Информация об авторах

Краснощёков Е.В., *доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Таганрог, judgin58@mail.ru*

Ширяева А.С., *кафедра лингвистического образования, Южный федеральный университет, г. Таганрог*

© Краснощёков Е.В., Ширяева А.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 1751.81

[1] Курляндская О.Г.

[1] Военный университет Министерства обороны Российской Федерации имени князя Александра Невского

Об идентичных переводческих трансформациях в некоторых неродственных языках

Аннотация: *на основании сравнительно-сопоставительного метода исследования раскрываем возможность использования грамматических форм времени с участием составных глагольных сказуемых в качестве основы систематизации арабских, английских и русских глагольных синтагм.*

Для проведения сравнительного анализа нами выбран роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: оригинальный текст и ряд переводов. Исследуем 15 составных глагольных сказуемых на арабском языке, соответствующие им синтагмы в русском источнике и в английских переводах романа.

Цель работы – на основании концепции абсолютной универсалии времени и с учетом семантических и грамматических закономерностей, выявить идентичные переводческие трансформации, которые бы обеспечили эквивалентность отображения времени и характеристик действия при переводе с русского на такие неродственные языки как арабский и английский.

Ключевые слова: *составное сказуемое, переводческие трансформации, сравнительно-сопоставительный анализ, грамматические универсалии*

Для цитирования: Курляндская О.Г. Об идентичных переводческих трансформациях в некоторых неродственных языках // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 68 – 81.

Поступила в редакцию: 02 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Kurlyandskaya O.G.

[1] The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky

On the use of identical transformations for some unrelated languages in the process of translation

Abstract: *hereby we reveal the possibility of using grammatical verb tenses, in the context of compound verbal predicates, as the basis for conducting structural approaches in such unrelated languages as Russian, Arabic and English.*

The work of fiction chosen for conducting our comparative analysis is "The Master and Margarita", a famous novel by Mikhail Bulgakov, and a number of its translations into Arabic and English. We analyze 15 Arabic compound verbal predicates along with the corresponding syntagmas in the Russian origin and English translation.

Considering the concept of absolute time same as the necessary semantic and grammatical patterns, our goal is to identify identical transformations in the process of translation from Russian into either Arabic or English to achieve the required equivalence of translation considering reflection of time of action with its characteristics determined by the original Russian text.

Keywords: *compound predicate, translation transformations, comparative analysis, grammatical universals*

For citation: Kurlyandskaya O.G. On the use of identical transformations for some unrelated languages in the process of translation. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 68 – 81.

The article was submitted: September 02, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы: при совершенствовании технологий такого ключевого аспекта человеческой деятельности как перевода на иностранные языки – методов и инструментов, используемых для преобразования текста с одного языка на другой – весьма актуально выявление аналогий между различными, в том числе неродственными, языками с целью идентификации системных приемов, которые можно было бы использовать прежде всего в ходе переводческой работы для оптимизации процесса перевода.

Правомерность таких исследований была обоснована во второй половине XX века на основании теории языковых универсалий, которая утверждает существование общих свойств, присущих всем языкам мира.

О новизне исследования: наша работа носит экспериментальный характер. Впервые предлагаем провести сопоставительное грамматико-синтаксическое сравнение глагольных синтагм русского, арабского, английского языков в том, что касается общих для рассматриваемых нами неродственных языков сложных форм времени с участием фазовых, вспомогательных, модальных глаголов, в соответствии с правилами грамматики арабского литературного языка – на основании отображения в рамках арабской грамматики полной парадигмы форм времени с участием составных глагольных сказуемых, а также с учетом гибкой и детализированной арабской глагольной системы, которая может отображать самые разнообразные аспекты действия.

Целью исследования является выявление и аргументация системных приемов перевода с русского на арабский и английский языки в виде одинаковых переводческих трансформаций, при помощи которых достигается эквивалентность переводов в том, что касается отображения характера и процессуальности действия, заданного исходной русской синтагмой.

Для достижения поставленной цели нами был поставлен ряд последовательных задач:

1. Отобрать в тексте перевода источника на арабский язык арабские предложения с участием составного глагольного сказуемого.
2. Идентифицировать соответствующий текст в английском переводе;
3. Идентифицировать источник – русское исходное предложение;
4. Распределить соответствующие русские, арабские и английские синтагмы в соответствии с формами времени с участием вспомогательных глаголов, которые могут отображаться во всех или же в некоторых из рассматриваемых нами языков;
5. Провести сопоставительный анализ синтагм;
6. Выяснить статистику в отношении количественного соотношения основы нашего исследования – арабских составных глагольных синтагм – и примененных переводчиком форм времени с учетом стиля изложения введения к роману;
7. Выявить лингвистические способы и закономерности при отображении форм времени в рассматриваемых нами неродственных языках;
8. Выявить виды системных переводческих трансформаций, необходимых для эквивалентного отображения семантики времени исходного русского текста при переводе на английский и арабский языки;
9. Привести рекомендации по применению результатов исследования в практике перевода и преподавания.

Материалы и методы исследований

В качестве материала исследования нами выбрана вступительная часть романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и ряд переводов на арабский и английский языки. Исследуем грамматику, семантику, функции глагольных синтагм, а также контекст.

Методика исследования: метод наблюдения, метод описания, сравнительно-сопоставительный метод, структурно-функциональный подход.

Результаты и обсуждения

За отправную точку сравнительно-сопоставительного исследования глагольных синтагм вступительной части романа “Мастер и Маргарита” и его переводов на арабский и английский языки предлагаем принять составное глагольное сказуемое на арабском языке.

В ходе многолетнего преподавания ПКРО (Практикума по культуре речевого общения) арабского литературного языка и редактирования документальных и художественных текстов на английском нами был замечен ряд структурно-синтаксических и семантических аналогий неродственных языков на уровне арабских, английских и русских составных глагольных сказуемых.

Полагаем, причина указанного сходства состоит в имплементации абсолютной универсальной закономерности разделения грамматических и лексических функций на два различных компонента в контексте составного глагольного сказуемого, которые в свою очередь являются языковыми универсалиями: это фазовый и вспомогательный глаголы, передающие грамматическое значение действия в рамках синтагмы, в

совокупности с отглагольными именными формами, передающими действие в форме процесса, которые отвечают за лексическое наполнение синтагмы – отглагольным существительным в русском языке, отглагольным масдаром в арабском, отглагольным герундием в английском.

Составное глагольное сказуемое как таковое выражает одну из абсолютных универсалий, свойственных всему сущему на земле: универсалию времени. Также исходим из того, что общие для неродственных языков формы времени, передаваемые фазовыми и вспомогательными глаголами – начинание действия, продолжение действия, длительное время, давнопрошедшее время – в свою очередь определяют сходные грамматику, включая функции в предложении, и семантику тех элементов языка, которые обладают способностью отображения времени.

С учетом знания о языковых универсалиях, попытаемся его применить в ходе нашего исследования по выявлению технических приемов перевода, именуемых переводческими трансформациями, к которым следует прибегать на системной основе при переводе русского текста с участием вспомогательных глаголов в широком значении термина – фазовых глаголов, глаголов длительности, модальных и так называемых полумодальных – на арабский и английский языки в целях достижения эквивалентности перевода.

Необходимо подчеркнуть, что именно составное глагольное сказуемое максимально подробно и наглядно передает характеристику времени действия, его процессуальность, его содержание. Простое глагольное сказуемое в формах настоящего, прошедшего, будущего времени не в каждом случае позволит проследить действие во всем его многообразии: при сопоставлении переводов с исходным русским текстом мы не сумеем, либо это будет затруднительно, обнаружить в числе примененных переводческих трансформаций наиболее эффективные с точки зрения достижения эквивалентности с учетом корректности отображения исходных форм времени. В этой связи оставляем за пределами нашего сопоставительного исследования глагольные синтагмы, которые ни в одном из текстов перевода не представлены составным глагольным сказуемым.

Если сказуемое с участием фазовых глаголов (пример: “Он начал (продолжил) бежать”)) в структурно-семантическом отношении будет выглядеть идентичным образом как в русском исходном тексте, так и в переводах на арабский и английский языки, то со сказуемым, транслирующим в арабском и английском переводах длительность времени – в частности, на английском языке с использованием вспомогательного глагола “to be” (пример: “He was reading”) – ситуация иная: в русском исходном тексте мы в этом случае не увидим составного сказуемого. Также мы не обнаружим русских исходных составных сказуемых в языках перевода для таких форм времени, как Past Perfect Tense в английском языке и давнопрошедшее время в арабском, каждое из которых системным образом характеризуется наличием составной глагольной синтагмы.

Для упомянутых форм времени свойство составного сказуемого со всей тонкостью передавать характер и процессуальность действия позволяют нам в ходе сравнительно-сопоставительного анализа текстов рассматриваемых неродственных языков – а именно, при сопоставлении составных глагольных сказуемых, выявленных в текстах перевода с исходной русской синтагмой – увидеть в семантике русского исходного глагола-сказуемого несовершенного вида длительность времени и распознать факторы (морфемы), служащие для передачи этой длительности; заметить в содержании контекста русского исходного предложения семантическое соответствие сложным формам времени в арабском и английском языках и идентифицировать контекст русского языка как фактор, обеспечивающий понимание последовательности действий, совершенных в прошлом – тот, что в языках перевода возможно отобразить исключительно сложными формами времени с участием составных глагольных сказуемых.

Эти наблюдения позволяют выявить в числе рассматриваемых нами переводов такие системные переводческие трансформации, которые равным образом обеспечивают эквивалентность перевода с русского языка как на арабский, так и на английский с учетом максимально корректного отображения характера и процессуальности исходно заданного русской синтагмой времени действия.

Следовательно, составное глагольное сказуемое заслуживает того, чтобы быть принятым – в контексте тех форм времени, в которых оно функционирует – за основу нашего сравнительно-сопоставительного исследования.

Факт присутствия составного глагольного сказуемого в каждом из трех рассматриваемых нами языков – русском, арабском, английском – не означает, что в каждом из них имеется полная парадигма соответствующих фазовым и вспомогательным глаголам форм времени. Возможно, в ходе передачи аналогичной семантики такое сказуемое в том или ином из рассматриваемых нами языков системно заменяется иными синтагмами. С тем, чтобы определить степень присутствия форм времени с участием прежде всего фазовых и вспомогательных глаголов в правилах грамматики рассматриваемых нами языков, а также убедиться в многоуровневом сходстве русских, арабских и английских глагольных синтагм, проведем сопоставление

компонентов составного сказуемого на предмет грамматики, включая вопрос функциональности, а также на предмет семантики.

Начнем с тех компонентов составного сказуемого, что передают содержание основного действия.

В трех рассматриваемых нами языках основное действие отображается в форме идентичных частей речи, сходным образом сохраняющих свою стационарность при изменении глагольных синтагм по временам: неизменяемым глаголом в форме инфинитива – в русском и английском (за исключением формы Past Perfect Tense) языках, которому функционально и семантически соответствует арабский глагол в стационарно застывшей форме настояще-будущего времени (за исключением формы давнопрошедшего времени) с учетом отсутствия инфинитива в арабской грамматике; неизменяемыми отглагольными частями речи с признаками глагола, существительного и прилагательного, транслирующими процессуальность – отглагольное существительное и причастие в русском, отглагольный масдар и причастие в арабском, отглагольный герундий и причастие в английском. В формах Past Perfect Tense в английском языке и соответствующего ему давнопрошедшего времени в арабские основные глаголы, равно как и вспомогательные, в обоих языках выступают в формах прошедшего времени.

Теперь остановимся на тех глаголах, что в рамках составного сказуемого отвечают за изменение действия во времени и в широком смысле слова являются “вспомогательными” – поскольку, обеспечивая грамматическое функционирование предложения, не передают содержание основного действия.

Во-первых, в рассматриваемых нами языках присутствуют так называемые фазовые глаголы, те, что выражают различные аспекты (фазы) протекания действия, указывая на его начало, продолжение, конец или повторение и тем самым добавляя информацию о динамике действия во времени.

В английском языке фазовые, или аспектные, глаголы фактически выступают в функции вспомогательных – хоть таковыми в рамках правил не именуются – наряду с такими исходно вспомогательными как “to be”, “to do”, “to have” и модальными глаголами.

Фазовые глаголы русского языка определяются правилами грамматики в качестве вспомогательных. На сегодняшний день они недостаточно глубоко изучены: российские языковеды приступили к исследованию данной темы ближе к концу 20 в. т.е. сравнительно недавно. В частности, в Лингвистическом энциклопедическом словаре русского языка 1990 г. отдельной статьи о фазовых глаголах нет.

В арабской грамматике фазовые глаголы имеют свое собственное наименование, что способствует наглядности исследования при систематизации глагольных синтагм по временным формам: это глаголы “начинания” (أفعال الشروع) и “продолжения” (أفعال الاستمرار) действия. Арабские модальные глаголы не считаются вспомогательными: в рамках грамматических правил их единственная семантическая функция заключается в передаче отношения к действию. Действительно, само действие они никак не характеризуют. Вместе с тем, функции арабских модальных глаголов в контексте составного сказуемого в отношении фактического отображения времени действия и с учетом того, что содержание основного действия они не передают, не противоречат тому, чтобы в целом мы могли их рассматривать в качестве вспомогательных.

Далее, в арабском, также, как и в английском, присутствуют единицы языка, идентичным образом транслирующие длительность: это вспомогательный глагол “to be” в английском языке и “كان” в арабском.

В русском языке вспомогательный глагол длительного времени отсутствует. Семантика длительного времени в русском языке налицо: для отображения указанной грамматической формы служит морфология простого глагольного сказуемого. В качестве примера сравним глаголы “плавал” (туда-сюда) и “плыл” (из пункта А в пункт Б): глагол “плыл” транслирует длительность времени направленного действия благодаря, в данном случае, трансформации корня слова. Утверждаем, что единственный способ передать аналогичную длительность времени при переводе на арабский и английский языки состоит в использовании соответствующих вспомогательных глаголов длительного времени в контексте составных сказуемых.

В арабской грамматике также присутствуют сложные временные формы глагола, выраженные составным сказуемым: “длительное время”, образуемое с участием вспомогательного глагола бытия كان, и “давнопрошедшее время”, как правило, образуемое с участием фазовых глаголов. Арабские формы времени соответствуют формам времени английского языка: длительное время арабского языка соответствует формам Continuous Tense настоящего, прошедшего, будущего времени; давнопрошедшее время арабского языка – английской форме Past Perfect Tense.

В грамматике русского языка отсутствует форма времени глагола, которая соответствовала бы Past Perfect Tense в английском языке, равно как и давнопрошедшему времени в арабском. Вместо сложных форм в русском языке присутствует соответствующая семантика предложения, например: “Он пришел прежде, чем ты написал письмо”. Как отмечалось выше, в русском языке очередность действий в прошедшем времени понимается на основании контекста; при переводе на арабский и английский языки в этом

случае, также, как и в грамматической форме длительного времени, потребуется использовать составные сказуемые с участием соответствующих вспомогательных глаголов.

На основании проведенного нами сравнительного описания компонентов составных глагольных сказуемых, включая сопоставление их свойств, мы готовы, во-первых, подтвердить присутствие составных глагольных сказуемых в трех рассматриваемых нами языках; во-вторых, подтвердить сходство компонентов указанных глагольных синтагм на уровне грамматики, семантики, функций в предложении; в-третьих, подтвердить проявление языковых универсалий в контексте составного сказуемого в виде некоторых лингвистических закономерностей, а также отдельных компонентов – морфем, глаголов, отглагольных именных форм; в-четвертых, утвердить значимость составного сказуемого в качестве структурной основы нашего сопоставительного исследования.

Материалом для проведения сравнительно-сопоставительного исследования послужит выбранный нами русский литературный источник и его переводы на арабский и английский языки.

С тем, чтобы приступить к последовательному отбору и сопоставительному анализу русских, арабских и английских глагольных синтагм – прежде всего, с участием фазовых и вспомогательных глаголов – в целях выявления и систематизации наиболее удачных переводческих трансформаций, прежде необходимо выбрать один из трех рассматриваемых нами языков, который наряду с составным сказуемым послужит отправной точкой нашей работы. При проведении выбора следует принять во внимание менее подробную разработку форм времени с участием фазовых и вспомогательных глаголов в грамматике русского языка по сравнению с формами времени, представленными как в арабской, так и в английской грамматике – а именно, отсутствие русских форм длительного и давнопрошедшего времени. Необходимо принять к сведению и тот факт, что фазовые глаголы в русском языке на данный момент времени могут быть недостаточно всесторонне изучены по сравнению с фазовыми глаголами арабского и английского языков.

В этой связи в качестве основы нашего исследования выбираем между арабским и английским языками, каждый из которых характеризуется полным комплектом грамматических форм времени с участием необходимых для нашей работы фазовых и вспомогательных глаголов.

Хотелось бы отметить, что тонкости грамматики и семантики арабского глагола присутствуют как во вспомогательных, так и в основных компонентах составного сказуемого включая отглагольные именные формы, транслирующие содержание основного действия. Сложная система так называемых «пород» арабских глаголов, где каждая имеет свое значение, позволяет выражать нюансы семантики, требующие более сложных конструкций в русском и английском языках. В арабской грамматике насчитывается десять активно употребляемых пород глагола. Высокая степень разработанности глагольной системы арабского языка является существенным фактором при проведении сопоставительного анализа. Система глаголов арабского языка безусловно представляет собой детализированную и гибкую систему выражения различных аспектов глагольного действия, обогащающих выразительные возможности языка. Лингвистически разнообразные формы времени, в которых могут принимать участие вспомогательные глаголы, наблюдается в трех исследуемых нами языках. Однако наиболее наглядно, в виде грамматически великолепным образом разработанных составных глагольных синтагм, семантика времени представлена именно в арабской грамматике.

В частности, арабский глагол точнее английского передает аспектуальность действия – указывает не только на время как таковое, но и на характер его протекания: интенсивность, пассивность, возвратность, фактор принуждения к действию, фактор совместности действия и так далее. Если в английском языке аспектуальность выражается через вспомогательные глаголы и словосочетания, то арабский язык в этих же целях не требует дополнительной лексики. Например, предложение “He has just written” (“Он только что написал”) в арабском переводе – с использованием глагола в сопровождении частицы, обозначающей факт совершения действия – выглядит значительно компактнее: “قد كتب”. Для отображения содержания, аналогичного русскому или же английскому предложению с участием подлежащего и простого глагольного сказуемого (пример: “Я пришел” / “I came”), в арабском языке достаточно использовать глагол (пример: “وصلت”).

В связи с вышеизложенным предлагаем остановить выбор на арабском языке. В практике сравнительно-сопоставительного исследования это означает, что мы проводим последовательный отбор и сравнение синтагм на языке оригинала и переводов, в каждом случае начиная с очередной глагольной синтагмы в виде составного глагольного сказуемого на арабском языке – корпусное исследование в миниатюре с целью идентификации системных переводческих трансформаций. Для этого необходимо экстраполировать правила арабской грамматики, отображающие формы времени с участием вспомогательных глаголов, на правила русского и английского языков в качестве объединяющего фактора исследования.

Наблюдение лингвистических универсалий, передающих абсолютную универсалию времени, выявление закономерностей выражения времени в неродственных языках на основании сложных синтаксических кон-

струкций с участием вспомогательных глаголов, использование полученных наблюдений для подбора наиболее эффективных приемов с целью достижения эквивалентности перевода при передаче характера исходного действия – эти вопросы актуальны для теории языкознания, а также для практики перевода и преподавания, и потому заслуживают углубленного изучения.

С 2020 по 2025 гг. нами проведены исследования и представлены доклады по сравнительно-сопоставительному анализу составных глагольных сказуемых арабского и английского языков в рамках международных конференций МГИМО, Дипломатической Академии МИД, ИНИОН РАН, Финансового университета при Правительстве РФ, НИУ «Высшая школа экономики».

В частности, в электронных сборниках международных конференций Дипломатической академии МИД «Новый мир. Новый язык. Новое мышление» за 2021-2025 гг. опубликованы такие статьи как «О грамматико-синтаксической структурной идентичности ряда конструкций арабского и английского языков», «Учебная дисциплина «Практикум по культуре речевого общения» как важнейший компонент основной профессиональной образовательной программы по специальности «перевод и переводоведение» (на примере обучения арабскому языку)», «О значимости контекста арабского литературного языка в искусстве перевода с учетом полисемии арабского глагольного ядра на основании ряда учебных материалов», «Постановка открытого вопроса: "case study" на примере учебного текста عادات العرب واخلاقهم об обычаях и традициях арабских стран», «О преподавании грамматики арабского языка по аналогии». В сборнике международной конференции ИНИОН РАН «Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала» за 2023-й г. вышла статья «О формировании билингвальной личности: билингвальность и грамматические языковые универсалии как неотъемлемые компоненты современной методики преподавания дисциплины ПКРО (практикум культуры речевого общения) арабского языка»; в сборнике ИНИОН РАН за 2024-й – статья «О языковых универсалиях и переводческих грамматических трансформациях в арабском и английском языках с учетом обращения к литературному источнику». В январе 2025-го года в рамках IV Международной научно-практической конференции Финансового университета «Методика преподавания иностранных языков: научные исследования высшей школы» прозвучал доклад «О структурном сходстве арабской и английской грамматики».

В 2023-м году по инициативе редакции научно-издательского центра (НИЦ) Инфра-М на сайте электронной библиотеки znanium.ru размещено методическое пособие «Современная специфика преподавания дисциплины «Практикум по культуре речевого общения арабского языка» с учетом новой роли преподавателя и билингвальности, грамматических языковых универсалий и контекста», в котором мы впервые приняли систему арабских грамматических времен начинания, продолжения и продления действия за основу сопоставления арабских и английских составных глагольных сказуемых.

Что касается сравнительно- сопоставительных лингвистических исследований последних лет в мире: в 2021-м году Вестник РУДН (Россия, Москва) опубликовал статью о роли словообразовательной мотивации в русском и арабском языках при достижении эквивалентности перевода, подготовленную на базе РУДН и Багдадского университета [1].

В 2022-м году в Журнале арабо-английских исследований Кашмирского университета (Индия) опубликован обзор по теме сравнительного анализа глагола в арабском и английском языках как жизненно важного элемента любого языка мира [2].

В 2023-м году на базе ИЯЛИ ДФИЦ РАН (Россия, Махачкала) подготовлена статья по сопоставительному анализу предлогов арабского языка – относящегося, как известно, к числу семитских языков – и послелогов даргинского языка, входящего в северокавказскую семью языков; в статье подчеркивается, что исследуемые языки являются как генетически, так и структурно различными [3].

В 2023-м году в Чеченском университете (Россия, Грозный) в сборнике материалов Всероссийской конференции по лингвистике вышла статья по сопоставительному анализу арабоязычных и англоязычных устойчивых выражений и способов их перевода на русский язык [4].

Приступаем к сравнительно- сопоставительному анализу глагольных синтагм на основании оригинального текста вступительной части романа М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита” и четырех переводов, количество которых мы сочли достаточным для наблюдения необходимых закономерностей: на арабском языке – от переводчика произведений Льва Толстого Хаффаля Юсефа; три перевода на английском – в исполнении А) Дианы Бургин и Кэтрин Коннор (США); Б) Майкла Гленни (Великобритания); В) Хьюго Эплина (Великобритания).

Буквы А), Б), В) при классификации ниже обозначают грамматические конструкции – они дополнительно выделены жирным шрифтом – этих трех английских источников, соответствующие очередному составному глагольному сказуемому арабского перевода романа.

Римскими цифрами обозначаем арабские конструкции с участием составного сказуемого в том или ином грамматическом времени в порядке очередности выявления в арабском переводе. Здесь же буквами А), Б), В) обозначаем грамматические конструкции 3-х соответствующих английских переводов.

I. Начинание действия в прошедшем времени (вспомогательный гл-л كان) / Verbal Construction with a Gerund (A), (B); Infinitive Construction (Б) (английский язык).

Семантически эквивалентные лексические единицы:

يحزقان (الاديبان) بدا / *(the writers) began hiccupping(A), began to hiccup (Б), started hiccupping (B)*

وما ان ارتوى الاديبان حتى بدااا يحزقان فدفعا ما عليهما وجلسا على مقعد وجهاهما باتجاه البحيرة وظهراهما باتجاه شارع بروناياا [5, с. 10].

А) "The writers drank it down and immediately began hiccuping [6, с. 4].

Б) "After drinking it the two writers immediately began to hiccup" [7, с. 4].

В) "Having quenched their thirst the writers immediately started hiccuping" [8, с. 1].

«Напившись, литераторы немедленно начали икать, расплатились и уселись на скамейке лицом к пруду и спиной к Бронной» [9, с. 1] (1); (А), (Б), (В).

Грамматическая форма прошедшего времени с участием фазового глагола начинания действия в трех рассматриваемых нами языках отображается составным глагольным сказуемым. В каждом случае составное глагольное сказуемое характеризуется жёсткой синтаксической структурой, где основной глагол следует за вспомогательным. В арабском переводе, в частности, вспомогательным является глагол начинания действия в форме прошедшего времени двойственного числа بدااا; основным – с учетом отсутствия инфинитива, глагол в неизменяемой форме настояще-будущего времени двойственного числа "يحزقان".

Семантически арабский глагол ближе всего английскому герундию: как арабский глагол, так и английский герундий при помощи своей морфологии транслируют застывшее действие, совершающееся в данный текущий момент времени.

В грамматической форме начинания действия в переводах с русского языка на арабский и английский языки мы наблюдаем применение нулевой переводческой трансформации т. е. во всех переводах, равно как и в русском оригинале, используется одинаковый структурно-семантический способ отображения необходимой формы времени, благодаря которому достигается эквивалентность перевода: применение составного глагольного сказуемого с участием фазового глагола – соответственно, в данном случае глагола начинания действия.

II. Прошедшее длительное время (вспомогательный гл-бытия (كان) / Past Indefinite Tense (A), (B) / Past Continuous Tense с причастием настоящего времени Participle One (вспомогательный гл-л "to be") (Б).

Семантически эквивалентные лексические единицы:

كان يتمايل (يمينا ويسيرا) / *was swaying (from left to right) (Б).*

لكن ذالك لم يكن مستحيلا للأسف والمواطن القصير القامة الذي كان يرى من خلاله كان يتمايل يمينا ويسيرا دون أن تمس قدماه الارض.

А) "But alas it was, and the tall transparent man swayed from left to right in front of him without touching the ground" [6, с. 4].

Б) "But alas it was, and the tall transparent gentleman was swaying from left to right in front of him without touching the ground" [7, с. 4].

В). "But, alas, it could, and the lanky citizen you could see through swayed to both left and right in front of him without touching the ground" [8, с. 1].

«Но это, увы, было, и длинный, сквозь которого видно, гражданин, не касаясь земли, качался перед ним и влево и вправо» [9, с. 1] (2); (Б).

Грамматическая форма длительного времени в русском языке в данном случае отображается простым глагольным сказуемым "качался" в форме глагола несовершенного вида, транслирующего процессуальность за счет своей морфологии: суффикса "а". В арабском и английском глаголах соответствующих морфем нет, поэтому для передачи исходной длительности необходимы соответствующие вспомогательные глаголы в контексте составных глагольных сказуемых: كان يتمايل в арабском переводе; "was swaying" в переводе на английский язык, вариант (Б).

Поскольку без участия вспомогательных глаголов длительности, являющихся неотъемлемой частью составного сказуемого рассматриваемых языков перевода, исходно заданную русским глаголом-сказуемым процессуальность действия передать невозможно, для достижения эквивалентности перевода нам представляется оптимальной переводческая трансформация замены одного члена предложения другим: русского исходного простого глагольного сказуемого арабским и английским составными сказуемыми.

Такой вид переводческой грамматической замены обуславливается морфологией исходного русского простого глагольного сказуемого и поэтому является системным. Ни арабский, ни английский глаголы не обладают морфемами, которые позволили бы им однозначно транслировать длительность действия во времени без подключения соответствующих вспомогательных глаголов.

II. Прошедшее длительное время (вспомогательный гл-бытия كان) / Прилагательное "transparent" на месте подлежащего переводу словосочетания (А), (Б) / Глагольное предложение с модальным гл-м "could" в качестве вспомогательного (В).

Семантически эквивалентные лексические единицы:
الذي كان يرى من خلاله */ you could see through (B).*
لكن ذالك لم يكن مستحيلا للأسف والمواطن القصير القامة الذي كان يرى من خلاله كان يتمايل يمينا ويسيرا دون أن تمس قدماه الارض.

А) "But alas it was, and the tall transparent man swayed from left to right in front of him without touching the ground" [6, с. 4].

Б) "But alas it was, and the tall transparent gentleman was swaying from left to right in front of him without touching the ground" [7, с. 4].

В) "But, alas, it could, and the lanky citizen you could see through swayed to both left and right in front of him without touching the ground" [8, с. 1].

«Но это, увы, было, и длинный, сквозь которого видно, гражданин, не касаясь земли, качался перед ним и влево и вправо» [9, с. 1] (3); (В).

Перед нами две удачных лексико-грамматических трансформации и две неудачных лексических трансформации.

На наш взгляд, двумя удачными лексико-грамматическими трансформациями являются арабский перевод (3) с участием составного сказуемого (الذي كان يرى من خلاله) (“которого было видно насквозь”) и английский перевод (В) с участием модального глагола “can” в качестве вспомогательного также в контексте составного сказуемого: "you could see through" (“можно (было) видеть насквозь”).

Как видим, обе лексико-грамматических трансформации – арабская и английская (В) – представлены составным глагольным сказуемым в форме прошедшего времени. Оба эти перевода являются превосходными эквивалентами исходного русского словосочетания «сквозь которого видно».

Отметим, что ближе всего к содержанию русского текста арабский перевод с участием глагола длительного времени كان, который подчеркивает продолжительность исходного действия.

Лексическими трансформациями – значительно менее удачными, на наш взгляд – являются английские одинаковые переводы (А) и (Б), где в обоих случаях переводчики использовали далекое по своей выразительности от исходного русского словосочетания “сквозь которого видно” прилагательное "transparent".

III. **Давнопрошедшее время** / Past Perfect Tense with a Participle II.

Семантически эквивалентные лексические единицы:
تبخر (السراب) كان */ (the mirage) had evaporated (A) / had dissolved (Б), (В).*

حينها تملك برلوز رعب شديد الى درجة انه اغمض عينيه، وعندما فتحهما ثانية كان كل شيء قد انتهى، فالسراب كان قد تبخر و"المربعاتي" اختفى، وفي الوقت ذاته انسحبت الإبرة المثلومة من قلبه [5, с. 11].

А) "And when he opened them, he saw that it was all over, the mirage had evaporated" [6, с. 4].

Б) "And when he opened them, he saw that it was all over, the mirage had dissolved" [7, с. 4].

В) "And when he opened them, he saw that everything was over, the mirage had dissolved" [8, с. 1].

«Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он закрыл глаза. А когда он их открыл, увидел, что все кончилось, марево растворилось, клетчатый исчез, а заодно и тупая игла выскочила из сердца» [9, с. 1] (4); (А), (Б), (В).

В форме времени, соответствующей давнопрошедшему времени, последовательность действий в исходном русском тексте определяется контекстом, который в свою очередь обуславливает грамматическую переводческую трансформацию замены русского исходного простого глагольного сказуемого составным в арабском и английском языках – в качестве единственно возможной системной трансформации, позволяющей передать исходно заданную очередность действий и тем самым достичь эквивалентности перевода.

II. **Прошедшее длительное время** (вспомогательный гл-л бытия كان) / Past Indefinite Tense (Б) / Past Continuous Tense (А), (В).

Семантически эквивалентные лексические единицы:
وكانت يداه ترتعشان */ (his hands) were shaking (A), (his hands) were trembling (B).*
وكانت يداه ترتعشان [5, с. 12].

А) "His hands were shaking" [6, с. 4].

Б) "His hands trembled" [7, с. 5].

В) "His hands were trembling" [8, с. 1].

«Он попытался усмехнуться, но … руки дрожали» [9, с. 1] (5); (А), (В).

В арабском переводе и в английский переводах (А) и (В) наблюдаем системную для арабского и английского языков в контексте длительного времени переводческую трансформацию замены русского исходного простого глагольного сказуемого арабским и английскими составными, что позволяет наиболее корректно отобразить исходно заданное длительное время и тем самым достичь эквивалентность переводов.

Также находим нулевую трансформацию (Б), выраженную английской конструкцией в форме Past Indefinite Tense. Данная конструкция семантически далека от русского исходного материала т.к. простое глагольное сказуемое "trembled" не отображает длительность действия исходного русского глагола «дрожали». Нулевая переводческая трансформация в данной форме времени в рассматриваемых нами языках перевода не может обеспечить семантическую эквивалентность русской исходной лексической единицы.

II. Прошедшее длительное время (вспомогательный гл-л бытия "كان ") (ар. яз.) / Past Indefinite Tense (А) (англ. яз.) / Past Continuous Tense (Б), (В) (англ. яз.).

Семантически эквивалентные лексические единицы:

كان لا يزال يتقافز */ (his eyes) were still blinking (Б), (alarm) was still dancing (В).*

وحاول ان يضحك ضحكة ساخرة لكن الهلع في عينيه كان لا يزال يتقافز [5, с. 12].

А) "He tried to smile, but alarm still flickered in his eyes" [6, с. 4].

Б) "He tried to smile but his eyes were still blinking with fear" [7, с. 5].

В) "He tried to grin, but alarm was still dancing in his eyes" [8, с. 1].

«Он попытался усмехнуться, но в глазах его еще прыгала тревога» [9, с. 1] (6); (Б), (В).

Как видим, нулевая переводческая трансформация не может обеспечить семантическую эквивалентность русской исходной глагольной синтагмы: глагол "flickered" не транслирует длительность действия простого глагольного сказуемого «прыгала». Перед нами очередной пример, когда исходное русское простое глагольное сказуемое, отображающее действие в процессе, обуславливает в качестве семантически предпочтительной применение в арабском и английском переводах переводческой трансформации в виде грамматической замены с участием составного сказуемого.

II. Прошедшее длительное время (вспомогательный гл-бытия كان) / Past Perfect Continuous Tense (английский язык, вспомогательный гл-л «быть» – "to be").

Семантически эквивалентные лексические единицы:

كان الحديث يتعلق */ (they) had been talking (Б).*

كان الحديث يتعلق بيسوع المسيح [5, с. 12].

А) "This conversation, as was learned subsequently, was about Jesus Christ" [6, с. 4].

Б) "They had been talking, it seemed, about Jesus Christ" [7, с. 5].

В) "This speech as was learnt subsequently was about Jesus Christ" [8, с. 1].

«Речь эта, как впоследствии узнали, шла об Иисусе Христе» [9, с. 1] (7); (Б).

Наиболее удачным из переводов на английский язык представляется вариант (Б) с использованием Past Perfect Continuous Tense: данная временная форма позволяет сделать смысловой акцент на самом факте проведения дискуссии (насчет Иисуса Христа) – отправной точки дальнейшего развития сюжета.

Русское простое глагольное сказуемое вновь, как и в примерах выше, обуславливает в арабском и английском языках в качестве эквивалентного перевода грамматическую трансформацию в виде замены простого глагольного сказуемого на составное: только составное сказуемое позволяет передать длительность действия исходной русской синтагмы.

II. Прошедшее длительное время (вспомогательный гл-бытия كان) / Past Simple Tense (А), (Б), (В).

Семантически эквивалентные лексические единицы в англ. переводах отсутствуют. (ان يبر هن للشاعر) كان يريد

لكن برلوز كان يريد ان يبر هن للشاعر أن الأمر الربيسي لا يمكن في ما إذا كان يسوع شخصا سيئا بل في ان يسوع هذا كالشخس لم يتوجد قط [5, с. 12].

А) "Thus Berlioz wanted to prove to the poet that the important thing was not what kind of man Jesus was, good or bad, but, rather, that Jesus, as an individual, had never existed on earth at all" [6, с. 5].

Б) "Berlioz however wanted to prove to the poet that the main object was not who Jesus was, whether he was bad or good, but that as a person Jesus had never existed at all" [7, с. 5].

В) "And Berlioz wanted to demonstrate to the poet that the main thing was not what Jesus was like, whether he was good or bad, but that this Jesus, as a person, had not existed in the world at all" [8, с. 1].

«Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете» [9, с. 1].

Находим одну лексико-грамматическую переводческую трансформацию – в арабском и четыре лексических трансформации – в трёх английских переводах.

В английских переводах в данном случае отсутствуют структурные аналоги арабскому составному сказуемому – несмотря на то, что синтагма с модальным глаголом “он хотел” в форме перевода “he was wanting” могла бы быть.

Что касается семантической эквивалентности, в данном случае исключительно арабский перевод (8) 'كان يريد' с указанным составным сказуемым передаёт содержание длительности действия исходного русского простого глагольного сказуемого (“хотел”).

II. Прошедшее длительное время (вспомогательный гл-бытия كان) / Past Simple Tense (A), (Б), (B).

كان يستشهد ب *Семантически эквивалентные лексические единицы в англ. переводах отсутствуют.*

في حديثه وكان يستشهد بالمؤرخين القدماء [5, с. 12].

A) "And in his speech, he made very clever allusions to ancient historians" [6, с. 5].

Б) "The editor was a well read man and able to make skilful reference to the ancient historians" [7, с. 5].

B) "The editor was a well-read man, and pointed very skilfully in his speech to the ancient historians" [8, с. 1].

«Редактор был человеком начитанным и очень умело указывал в своей речи на древних историков» [9].

Находим три грамматических переводческих трансформации: (9) كان يستشهد ب с участием составного сказуемого на арабском, (А) "made allusions" и (Б) " was able to make reference" на английском.

Также одна нулевая английская синтаксическая трансформация (В) "pointed".

Ни в одном из английских переводов структурного аналога арабскому нет; им мог бы стать вариант перевода “was pointing”.

Русскому исходному простому глагольному сказуемому “указывал” из всех переводов семантически эквивалентен арабский (9) с его составным сказуемым, где благодаря участию глагола бытия – арабского эквивалента английского глагола “to be” – передается необходимая длительность действия. Русское простое глагольное сказуемое, выраженное глаголом несовершенного вида, для достижения эквивалентности перевода обуславливает грамматическую замену на составные арабское и английское сказуемые.

II. Прошедшее длительное время (вспомогательный гл-л бытия كان) / Verbal Construction with a Participle (A), (Б), (B).

Семантически эквивалентные лексические единицы:

كان يحزق */ listened hiccuping (A), (Б), (B).*

وهو يحدق فيه بعينيه اليقظتين وكان يحزق بين الحين والآخر فحسب وهو يلعن شراب المشمش همسا [5, с. 13].

A) "The poet…shared at Mikhail Alexandrovich with his sharp green eyes and listened to him attentively, hiccuping only occasionally and cursing the apricot juice under his breath" [6, с. 5].

Б) "The poet...listened attentively to Mikhail Alexandrovich, fixing him with his bold green eyes, occasionally hiccuping and cursing the apricot juice under his breath" [7, с. 5].

B) "The poet… listened to Mikhail Alexandrovich attentively with his lively green eyes fixed upon him, and only hiccuping occasionally, cursing in a whisper the apricot squash" [8, с. 1].

«Поэт, для которого все, сообщаемое редактором, являлось новостью, внимательно слушал Михаила Александровича, уставив на него свои бойкие зеленые глаза, и лишь изредка икал, шепотом ругая абрикосовую воду» [9, с. 1] (10); (А), (Б), (В).

Конструктивное сходство при использовании составных сказуемых в арабском и английском заметно сразу, но есть отличие в арабском переводе: исходное “слушал” здесь выпущено; в арабском переводе поэт на Берлиоза уставился и при этом “лишь временами икал”. Вот это “икал” арабский язык отображает с помощью составного сказуемого, где вспомогательный глагол бытия " كان " транслирует длительность, а основной глагол 'يحزق ' (“икает”) – содержание действия.

Что касается подбора лексики для передачи основного действия, все три английских перевода (А), (Б) и (В) одинаковы: в каждом случае мы находим глагольный оборот “listened hiccuping” с причастием в функции основного глагола. На русский перевели бы деепричастием “слушал, икая”; в английском языке понятие деепричастия, как известно, отсутствует.

В русском исходном предложении составного сказуемого нет – есть однородные члены предложения: “слушал и икал”. Значит, перед нами четыре грамматических переводческих трансформации, все четыре с участием составного сказуемого, с заменой русского глагола-сказуемого “икал” на соответствующий глагол в арабском языке в форме настоящего времени и на причастие в английском переводе.

Перед нами очередной пример, когда русское простое глагольное сказуемое обуславливает в качестве эквивалента перевода арабскую и английскую грамматические переводческие трансформации в виде составного сказуемого, где фазисный глагол отображает исходную длительность действия.

II. Прошедшее длительное время (вспомогательный гл-л бытия كان) / Past Simple Tense (A), (Б), (В).

كان صوت يدوي *Семантически эквивалентные лексические единицы в англ. переводах отсутствуют.*

كان صوت برلوز العالى يدوي في الممشي الخالي [5, с. 13].

А) "Berlioz's high tenor resounded along the deserted path" [6, с. 5].

Б) "Berlioz's high tenor resounded along the empty avenue" [7, с. 5].

В) "Berlioz's high tenor resounded in the deserted avenue" [8, с. 1].

«Высокий тенор Берлиоза разносился в пустынной аллее» [9, с. 1] (13).

Глаголу-сказуемому "разносился" семантически эквивалентен исключительно арабский перевод в виде грамматической трансформации с участием вспомогательного глагола бытия "كان ", который в рамках составного сказуемого транслирует присущую исходному русскому глаголу длительность действия – в отличие от английских переводов в форме нулевых трансформаций с их простыми глагольными сказуемыми.

II. Прошедшее длительное время (вспомогательный гл-л бытия كان) / Past Simple Tense (A), (Б), (В).

كان الشاعر يتعرف *Семантически эквивалентные лексические единицы в англ. переводах отсутствуют.*

كان الشاعر يتعرف الى المزيد فالمزيد مما هو ممتع ومفيد عن اوسيري [5, с. 13].

А) "The poet learned more and more interesting and useful things about the Egyptian Osiris" [6, с. 5].

Б) "The poet learned more and more useful and instructive facts about the Egyptian god Osiris" [7, с. 5].

В) "The more and more interesting and useful were the things the poet learnt about the Egyptian Osiris" [8, с. 1].

«поэт узнавал все больше и больше интересного и полезного и про египетского Озириса» [9, с. 1]) (14).

Находим одну арабскую грамматическую трансформацию (12) " كان الشاعر يتعرف " с участием составного сказуемого вместо исходного русского простого глагольного, а также три английских нулевых синтаксических трансформации в форме Past Simple Tense: использован глагол "learned/learnt" для переводов (А), (Б) и (В).

Стилистических взаимных соответствий арабского и английских переводов нет.

С целью достижения эквивалентности перевода русское простое глагольное сказуемое в форме длительного времени, выраженное глаголом несовершенного вида, обуславливает необходимость составного сказуемого в арабском и английском языках. Следовательно, исходному глаголу-сказуемому «узнавал» из четырех вариантов перевода семантически соответствует исключительно арабский перевод в виде грамматической трансформации с участием фазового глагола бытия "كان". Английские нулевые трансформации с их простыми глагольными сказуемыми не могут передать исходную длительность действия русской синтагмы.

II. Прошедшее длительное время (вспомогательный гл-л бытия كان) / Past Perfect Continuous Tense (A), (Б) / Past Simple Tense with a Participle Two (В).

Семантически эквивалентные лексические единицы:

كان الازتيك يجلونه */(who) had been venerated(by the Aztecs)(A)/(who) had been held in veneration (by the Aztecs) (Б).*

وحتى عن الإله فيسليبوسلا الرهيب الأقل شهرة الذي كان الازتيك يجلونه أكب الإجلال في وقت من الأوقات [5, с. 13].

А) "(The poet learned more and more...) even about the lesser known terrible god Uitzilopochtli who had once been venerated by the Aztecs in Mexico" [6, с. 5].

Б) "(The poet learned more and more...) even about the fierce little known god Vitzli Putzli, who had once been held in great veneration by the Aztecs of Mexico" [7, с. 5].

В) "(The poet learnt...) even about the lesser-known stern god Huitzilopochtli, who was at one time much revered by the Aztecs in Mexico" [8, с. 1].

«(Поэт узнавал все больше и больше…) и даже про менее известного грозного бога Вицлипуцли, которого весьма почитали некогда ацтеки в Мексике» [9, с. 1] (13); (А), (Б).

Находим три грамматических переводческих трансформации замены русского исходного простого глагольного сказуемого "почитали": одну на арабском (13) в форме длительного времени с заменой на составное сказуемое يجلونه (الازتيك) كان (("ацтеки) его почитали") и две на английском языке с использованием грамматической формы Past Perfect Continuous Tense: (А) "had been venerated" и (Б) "had been held in veneration".

Отображая длительность исходного действия, данные глагольные конструкции эквивалентны значению русского сказуемого.

При переводе на английский язык русское простое глагольное сказуемое «почитали» обуславливает грамматическую переводческую трансформацию с участием составного сказуемого в грамматической форме Past Perfect Continuous Tense, что наблюдаем в английских переводах (А) и (Б).

II. Прошедшее длительное время (вспомогательный гл-л бытия كان) / Past Continuous Tense (A), (Б), (В).

Семантически эквивалентные лексические единицы:

يروي كان (للشاعر) / *was telling (the poet) (А), (Б), (В).*

وفي اللحظة التي كان ميخايل الكسندروفيتش يروي فيها للشاع كيف كان الازتيك يصنعون تمثال فيسلبوسلا من العجين ظهر أول شخص في الممر [5, с. 13].

А) "And just as Mikhail Alexandrovich was telling the poet how the Aztecs had modeled figures of Uitzilopochtli out of dough, the first man appeared on the pathway" [6, с. 5].

Б) "At the very moment when Mikhail Alexandrovich was telling the poet how the Aztecs used to model figurines of Vitzli Putzli out of dough the first man appeared in the avenue" [7, с. 5].

В) "And it was at precisely the moment when Mikhail Alexandrovich was telling the poet about how the Aztecs used to make a figurine of Huitzilopochtli from dough that the first person appeared in the avenue" [8, с. 1].

«И вот как раз в то время, когда Михаил Александрович рассказывал поэту о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вицлипуцли, в аллее показался первый человек» [9, с. 1] (14); (А), (Б), (В).

Наблюдаем очередной пример выбора глагольных конструкций для отображения грамматической формы длительного времени, когда русское исходное простое глагольное сказуемое («рассказывал») обуславливает в арабском и английском переводах грамматические переводческие трансформации замены русского исходного простого сказуемого составными, где исходная длительность действия отображается при помощи фазовых глаголов.

II. Прошедшее длительное время (вспомогательный гл-бытия كان) / Past Indefinite Tense с модальным глаголом "used to" (Б) и (В) / Past Perfect Tense.

كان يصنعون *Семантически эквивалентные лексические единицы в англ. переводах отсутствуют.*

وفي اللحظة التي كان ميخايل الكسندروفيتش يروي فيها للشاع كيف كان الازتيك يصنعون تمثال فيسلبوسلا من العجين ظهر أول شخص في الممر [5, с. 13].

А) "And just as Mikhail Alexandrovich was telling the poet how the Aztecs had modeled figures of Uitzilopochtli out of dough, the first man appeared on the pathway" [6, с. 5].

Б) "At the very moment when Mikhail Alexandrovich was telling the poet how the Aztecs used to model figurines of Vitzli Putzli out of dough the first man appeared in the avenue" [7, с. 5].

В) "And it was at precisely the moment when Mikhail Alexandrovich was telling the poet about how the Aztecs used to make a figurine of Huitzilopochtli from dough that the first person appeared in the avenue" [8, с. 1].

«И вот как раз в то время, когда Михаил Александрович рассказывал поэту о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вицлипуцли, в аллее показался первый человек» [9, с. 1] (15); (А).

С учетом последовательности и содержания действий в русском предложении – где подразумеваются ушедшие цивилизации – значению русского простого глагольного сказуемого “лепили” ближе всего английский перевод (А) в форме грамматического времени Past Perfect Tense: "had modeled".

Что касается длительности действия, отображенного в русском простом исходном сказуемом: из четырех переводов эту длительность отображает исключительно арабское составное сказуемое (15) كان يصنعون с его глаголом бытия كان , который передает длительность действия в точности так, как это делает английский глагол "to be" при его использовании в рамках составного сказуемого.

Взаимных соответствий арабского и английских переводов нет.

Как представляется, выбор грамматической формы Past Perfect Continuous Tense для "had been modelling" мог бы стать удачным. В этом случае были бы отображены как последовательность действий в предложении, так и процесс лепки из теста той самой священной фигурки божества.

И вновь русское простое глагольное сказуемое обуславливает в арабском и английском языках переводческие трансформации с участием составного сказуемого: как-нибудь по-другому длительность действия исходного глагола «лепили» – или же его повторяемость, в зависимости от интерпретации содержания русского текста романа переводчиками – не передать.

Выводы

Проведенная нами работа демонстрирует целесообразность классификации арабских, английских, русских глагольных конструкций по грамматическим временам, формирующимся с участием вспомогательных глаголов и представленным в грамматике арабского языка.

В ходе сравнительно-сопоставительного исследования решены следующие задачи:

1. Выявлены следующие формы времени: начинание действия в прошедшем времени, прошедшее длительное время, давнопрошедшее время.

2. В рамках вводной части романа “Мастер и Маргарита” последовательно выявлены и рассмотрены 15 арабских составных глагольных сказуемых. Как показал анализ, наиболее распространенной является грамматическая форма II прошедшего длительного времени – 13 глагольных синтагм, что ожидаемо с учетом повествовательного стиля рассмотренного нами вступления к роману.

3. Подтверждена предварительная догадка насчет функциональной, а также структурной, идентичности и семантико-грамматического сходства составных глагольных синтагм таких неродственных языков как арабский, английский, русский: важнейшая функция вспомогательных глаголов в рассматриваемых языках одинакова, она состоит в отображении грамматического времени. Что касается синтаксического наполнения – основные смысловые глаголы, равно как и отглагольные именные формы, одинаковым образом отвечают за отображение содержания основного действия.

4. Многоуровневая идентичность компонентов составных сказуемых неродственных языков, а также одинаковость связывающих их неразрывных взаимоотношений, объясняются фактом отображения глагольными синтагмами абсолютной универсалии времени.

5. Выявлена системная переводческая трансформация при переводе с русского языка на арабский и английский, необходимая как в целях передачи длительности времени действия глагола, так и для отображения очередности последовательных действий, выполненных в прошлом: это грамматическая трансформация замены одного члена предложения другим – русского исходного простого глагольного сказуемого составным с участием вспомогательных и фазовых глаголов соответственно.

6. Выявлена переводческая трансформация, к которой следует прибегать при переводе русских составных сказуемых с участием фазовых глаголов начинания и продолжения действия, а также модальных глаголов, на арабский и английский языки: это нулевая трансформация.

7. Выявлены способы передачи длительности действия русским простым сказуемым в виде глагола несовершенного вида: это совместное – или же поштучное – использование ряда морфем: видоизмененного корня, присутствие одного из суффиксов; обязательным условием выглядит фактор отсутствия префикса, превращающего несовершенный глагол в глагол совершенного вида, обозначающего выполнение или же завершение действия.

8. Выявлен способ передачи в русском языке времени, семантически соответствующего формам Past Perfect Tense в английском языке и давнопрошедшего времени в арабском: это контекст.

В результате проведенного сопоставительного исследования мы можем идентифицировать две переводческих трансформации, каждая из которых идентична для отображения двух очередных форм времени при переводе с русского языка на арабский и английский: нулевая трансформация – для случаев использования фазовых, а также модальных глаголов в составе исходного русского сказуемого; грамматическая трансформация замены простого глагольного сказуемого составным – для передачи длительности времени (отображаемого морфологией русского глагола), а также очередности последовательных действий, выполненных в прошлом (отображаемых контекстом русского глагольного предложения).

Полагаем, что наша работа может иметь как теоретическую ценность в том, что касается расширения знания о языковых универсалиях и о способах отображения некоторых форм времени в русском языке сравнительно с языками перевода, так и практическую: в работе переводчика – при использовании выявленных нами переводческих трансформаций с целью обеспечения эквивалентности перевода в ходе отображения ряда упомянутых форм времени, заданных исходным русским текстом; в преподавании арабского языка – в вопросе содействия учащимся быстрее и эффективнее сориентироваться в грамматике экзотического арабского языка в ходе использования педагогом-билингвалом метода преподавания по аналогии, а именно, преподавания правил арабской грамматики, в частности, в том, что касается отображения форм времени, по аналогии с грамматическими правилами английского и русского языков.

Список источников

1. Магомедов М.А. Структурно-семантической анализ причастий действительного залога арабского языка и их соответствия в аварском языке // Мир науки, культуры, образования 2023. № 4. С. 309 – 311. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-semanticheskiy-analiz-prichastiy-deystvitelnogo-zaloga-arabskogo-yazyka-i-ih-sootvetstviya-v-avarskom-yazyke/viewer (дата обращения: 15.07.2025).

2. Башир Т. Comparative Analysis of Arabic and English Verbs: An Overview // Университет Баба Гулам Шах Бадшах, Раджаори, Джамму и Кашмир. Spring Journal of Arabic English Studies. 2022. С. 170 – 176. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=57038089 (дата обращения: 14.06.2025).

3. Магомедов М.А., Расулова А.Г. Сопоставительный анализ предлогов арабского и послелогов даргинского языков // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 4. С. 311 – 313. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-predlogov-arabskogo-i-poslelogov-darginskogo-yazykov/viewer (дата обращения: 17.07.2025).

4. Эделгериев А. Сопоставительный анализ арабоязычных и англоязычных устойчивых выражений и способов их перевода на русский язык // Чеченский государственный университет им. Кадырова: сборник трудов конференции. 2023. С. 148 – 152. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54385935 (дата обращения: 14.06.2025).

5. Хаффаль Юсеф (هـ فال يـ و سف). تا الـمعـلم ومرغريـ: Мастер и Маргарита, М.А. Булгаков / пер. на арабский язык // Бейрут: Al-Kamel Verlag. Германия: Фрайбург, 2015. 576 с.

6. Бургин Д., Тьернан О'Коннор К. Мастер и Маргарита / пер. на английский язык. UK: Picador, 2010. 367 с.

7. Майкл Гленни. Мастер и Маргарита / пер. на английский язык. London: Collins and Harvill Press, 1967. 205 с. URL: eben001_mastermargarita_glenny.pdf (дата обращения: 18.01.2025).

8. Хью Эплин. Мастер и Маргарита / пер. на английский язык. М.: KAPO, 2020. 600 с. URL: https://www.litres.ru/book/mihail-bulgakov/the-master-and-margarita-master-i-margarita-kniga-dlya-cht-57399821/chitat-onlayn/ (дата обращения: 18.02.2025).

9. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: Readli.net, 1985. 96 с. URL: https://readli.net/chitat-online/?b=501&pg=1 (дата обращения: 08.10.2024).

References

1. Magomedov M.A. Structural and semantic analysis of active participles of the Arabic language and their correspondences in the Avar language. The World of Science, Culture, Education 2023. No. 4. P. 309 – 311. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-semanticheskiy-analiz-prichastiy-deystvitelnogo-zaloga-arabskogo-yazyka-i-ih-sootvetstviya-v-avarskom-yazyke/viewer (date of accessed: 15.07.2025).

2. Bashir T. Comparative Analysis of Arabic and English Verbs: An Overview. Baba Ghulam Shah Badshah University, Rajauri, Jammu and Kashmir. Spring Journal of Arabic English Studies. 2022. P. 170 – 176. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=57038089 (date of accessed: 14.06.2025).

3. Magomedov M.A., Rasulova A.G. Comparative analysis of Arabic prepositions and Dargin postpositions. The World of Science, Culture, and Education. 2023. No. 4. P. 311 – 313. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-predlogov-arabskogo-i-poslelogov-darginskogo-yazykov/viewer (date of accessed: 17.07.2025).

4. Edelgeriev A. Comparative analysis of Arabic-language and English-language set expressions and methods of their translation into Russian. Chechen State University named after Kadyrov: conference proceedings. 2023. P. 148 – 152. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54385935 (date of accessed: 14.06.2025).

5. Haffal Yusef (Master and Margarita). The Master and Margarita, M.A. Bulgakov. Translated into Arabic. Beirut: Al-Kamel Verlag. Germany: Freiburg, 2015. 576 p.

6. Burgin D., Tiernan O'Connor K. The Master and Margarita. Translated into English. UK: Picador, 2010. 367 p.

7. Michael Glenny. The Master and Margarita. Translated into English. London: Collins and Harvill Press, 1967. 205 p. URL: eben001_mastermargarita_glenny.pdf (date of accessed: 18.01.2025).

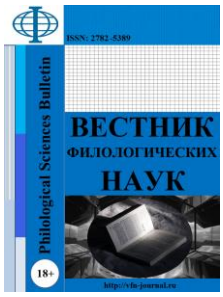
8. Hugh Aplin. The Master and Margarita. Translated into English. Moscow: KARO, 2020. 600 p. URL: https://www.litres.ru/book/mihail-bulgakov/the-master-and-margarita-master-i-margarita-kniga-dlya-cht-57399821/chitat-onlayn/ (date of accessed: 18.02.2025).

9. Bulgakov M.A. The Master and Margarita. Moscow: Readli.net, 1985. 96 p. URL: https://readli.net/chitat-online/?b=501&pg=1 (date of accessed: 08.10.2024).

Информация об авторах

Курляндская О.Г., *преподаватель, кафедра ближневосточных языков, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ*

© Курляндская О.Г., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81-2

[1] Лю Син, [1] Цю Юнкан ***[1] Хуайиньский технологический институт***

Язык жестов и его особенности

Аннотация: *в человечесокм обществе разделяется вербальная и невербальная коммуникация. Язык жестов как невербальное средство выражения эмоций и чувств обладает семантическими многообразием, выполняет разнообразные прагматические функции, а также несет в себе огромное количество национальной и культурной информации. Однако, по сравнению с вербальным языком, изучение языка жестов не привлекло достаточного внимания ученых как в России, так и за рубежом. В связи с этим в настоящей статье в качестве объекта исследования рассматривается язык жестов, и на основе анализа результатов соответствующих исследований в данной области определяется содержание понятия «язык жестов». Систематически анализируются семантические характеристики и прагматические функции языка жестов. Между тем с помощью конкретных примеров проводится сравнение жестов рук и головы, часто встречаемых в русской и китайской культурах, чтобы раскрыть национально-культурную специфику языка жестов. Обнаружится, что язык жестов – это своеобразное средство общения, которое не следует игнорировать в межличностных взаимодействиях, особенно в межкультурной коммуникации.*

Ключевые слова: *язык жестов, семантические особенности, прагматические функции, национально-культурная специфика, жесты рук, жесты головы*

Для цитирования: Лю Син, Цю Юнкан. Язык жестов и его особенности // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 82 – 87.

Поступила в редакцию: 02 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Liu Xing, [1] Qiu Yongkang ***[1] Huaiyin Institute of Technology***

Body language and its characteristics

Abstract: *human society distinguishes between verbal and nonverbal communication. Body language, as a nonverbal means of expressing emotions and feelings, possesses semantic diversity, performs various pragmatic functions, and also carries a vast amount of national and cultural information. However, compared to verbal language, the study of body language has not attracted sufficient attention from scholars in Russia or abroad. In this article, we examine body language in Russian and Chinese cultures and, based on an analysis of the results of relevant studies in this field, define the concept of "body language". A method for classifying gestures is proposed, and their semantic characteristics and pragmatic functions are systematically analyzed. Meanwhile, specific examples are used to compare hand and head gestures commonly found in Russian and Chinese cultures in order to reveal the national and cultural specificity of body language. It is discovered that body language is a kind of means of communication that should not be ignored in interpersonal interactions, especially in intercultural communication.*

Keywords: *body language, semantic features, pragmatic functions, national and cultural specificity, hand gestures, head gestures*

For citation: Liu Xing, Qiu Yongkang. Body language and its characteristics. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 82 – 87.

The article was submitted: September 02, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Коммуникация – это универсальное явление, от которого зависит выживание человечества. Коммуникация существует с самого начала человечества, и на протяжении всей истории эти два явления были неразделимы на каждом шагу. Как социальная деятельность по передаче и обмену информацией, коммуникация является важнейшим средством для поддержания существования и развития человечества. Все материальные и духовные цивилизации формируются, распространяются и развиваются посредством межличностного взаимодействия. Вербальный язык остается наиболее характерным и важным средством коммуникации человечека, однако невербальный язык в равной степени передает богатую информацию. Отсутствие голосовых произношений в коммуникации не означает исчезновения намерения или отсутствия воли говорящего [1, с. 73]. В процессе коммуникативной деятельности сознательные или подсознательные жесты, позы, мимика и интонация говорящего часто передают гораздо более тонкий смысл. Подобно вербальному языку, эти невербальные средства коммуникации составляют сложную символическую систему и являются носителем разнообразной информации. Язык жестов как совокупность невербальных знаков, способных передавать информации и выражать эмоции с помощью тела человека, представляют собой незаменимый инструмент в повседневных межличностных взаимодействиях, особенно в межъязыковой и межкультурной коммуникации, обладая уникальными метафорическими и суггестивными качествами, а также мощным межличностным притяжением и привлекательностью.

В России язык жестов привлек немало внимания ученых, особенно в последние десятилетия. Например, Г.Е. Крейдлин в своей книге «Невербальная семиотика» (2004) рассмотрел многоуровневую роль невербальных знаков, отмечая, что невербальные знаки не только дополняют и усиливают вербальную коммуникацию, но и самостоятельно передают смысл, и играют важную роль, особенно в межкультурной коммуникации [2]. Чэнь Вэйли в своей статье «Жесты рук в китайской и русской культуре» (2014) уделила внимание различиям и сходствам между русскими и китайскими жестами рук, подчеркнув, что понимание и уважение данных жестов позволяет повышать эффективность межкультурной коммуникации [3]. В китайской русистке изучение языка жестов еще находятся в зачаточном состоянии, но по мере углубления межкультурной коммуникации и развития лингвистического анализа все больше и больше работ было посвящено данной проблеме. Подводя итог, можно сказать, что китайские ученые провели исследования в основном в следующих аспектах: 1) общий обзор типов, характеристик и функций языка жестов; 2) изучение языка жестов с точки зрения одной науки, как прагматики, социолингвистики и т.д.; 3) междисциплинарное исследование языка жестов.

Как неотъемлемая часть системы человеческой коммуникации, язык жестов – это в высшей степени изобразительный и динамичный способ общения, который тесно связан с культурными традициями, социальными нормами, гендерными ролями и другими факторами. Таким образом, в настоящей статье объектом исследования служит именно язык жестов, и цель исследования состоит в том, чтобы определить содержание понятия «язык жестов» и раскрыть его многообразных особенностей.

Материалы и методы исследований

В настоящей статье с помощью метода исследования с конкретными примерами, главным образом выбранными из словарей и жудожественной литературы, выясняются семантические особенности и прагматические функции языка жестов. И на основе сопоставительного анализа широко используемых жестов в русской и китайской культурах раскрывается национальная и культурная специфика языка жестов. Надеемся, что результаты данного исследования смогут не только оказать определенную помощь для будущего теоретического исследования русской и китайской невербальной коммуникации, но и содействовать преподаванию русского языка в Китае, предоставить русистам прагматические материалы для практического применения языка жестов в качестве подспорья.

Результаты и обсуждения

1. Понятие «язык жестов»

В китайском языке для языка жестов часто используются различные по звучанию, но одинаковые по значению названия, как «身势语» (shen shi yu), «身体语言» (shen ti yu yan), «体语» (ti yu), «体态语» (ti tai

yu), «态势语» (tai shi yu) и т.п. В целом, китайские ученые, занимающиеся изучением английского языка, склонны назвать этот особый вид общения «体态语» (ti tai yu), а русисты предпочитают термин «身势语» (shen shi yu). В русском языке также существует множество терминов, таких как «язык жестов», «кинесика», «язык телодвижения», «жесты», «соматический язык» и т.д. Многие ученые не проводят различия между вышеупомянутыми понятиями при обсуждении их конкретного содеражния, а используют их как взаимозаменяемые.

В настоящей статье язык жестов рассматривается как абстрактная символическая система. В него включаются многообразные изобразительные знаки, обладающие выразительной функцией, как мимка, позы, движения тела, изменение положения тела и др. Под кинесикой понимается наука, выбирающая язык жестов и жестовую коммуникацию как объект исследования; а жесты – это широкое понятие, употребляемое для обозначения элементов языка жестов. Это симоволические единицы человеческого общения, которые обладают специфической телесной формой выражения (при помощи рук, лица или других частей тела) и выполняют определенные коммуникативные задачи.

2. Семантико-прагматический анализ языка жестов.

2.1. Семантические особенности языка жестов.

Язык жестов обладает многообразными семантическими особенностями. Первая – это многозначность. Например, «махать / махнуть рукой» – это типичное полисемичное действие в русском языке, которое демонстрирует высокую степень прагматической эластичности и контекстной зависимости в его реальном употреблении. Вообще говоря, в разных ситуациях данный жест может выражать разные значения, как «нежелание вступать в контакт, отказ высказать свое мнение», «недовольство, гнев», «ситуация без надежды, без выхода» [4, с. 55]. См.:

(1) – Отстань! – проговорил вдруг Алеша, все по-прежнему не глядя на него и устало махнув рукой. – Ого, вот мы как! [5, с. 219].

(2) – Неблагодарный! Да что, никогда ничего не стыдно! – проговорила Катя, махнув на него рукой, как будто на совершенно потерянного человека [5, с. 219].

В предложении (1) Алеша не говорит прямо то, что он думает, и с помощью жеста «махнуть рукой» указывает на свое нежелание продолжать разговор. Видно, что здесь он обозначает «отказ». В предложении (2) «махнуть рукой» несет более сильную эмоциональную окраску, с четкой амплитудой движения и эмоциональными всплесками, показывая сильное разочарование Кати в другом человеке.

В некоторых случаях значения, выражаемые жестами, противоречат друг другу. Например, «качать головой» в русском языке может означать как покачивание головой из стороны в сторону, так и кивок головой вверх и вниз, поэтому его можно понимать как отрицание, так и утверждение [6, с. 31].

Кроме этого, разные жесты обладают семантической близостью или сходством, что позволяет им и передавать одно и то же значение. См.:

(3) – Душевно рад познакомиться. Дайте пожать мне вашу руку. – Чичиков дал ему обе [5, с. 199].

(4) (Мечеткин (приподнимает шляпу)): Лесорубам, передовикам производства! (Помигалов:) Добрый вечер [5, с. 236].

В этих двух примерах жесты «пожать руку» и «приподнимать шляпу», несмотря на значительные различия в формах выполнения, несут одну и ту же функцию «приветствия / поздравления», что отражает важную роль языка жестов в указании отношений между собеседниками и выражении их эмоций.

Под влиянием социальных, культурных, исторических и традиционных факторов язык жестов также имеет ярко выраженную национальную и культурную специфику. Например, некоторые китайцы привычно используют жест «тыкать» при разговоре, который может относиться как к ним самим, так и к другим людям. Когда они говорят о себе, они часто касаются или указывают на свой нос указательным пальцем или большим пальцем; однако, когда они говорят о других, они не должны указывать прямо на нос, а скорее указывать общее направление. В китайской культуре это не считается невежливым. Однако в русской культуре указание на кого-то пальцем считается невежливым. Например, жест «показывать пальцем (на кого-н.)» в русском языке имеет коннотации публичной критики, обвинения или порицания. При указании направления русские чаще используют голову, чем руки. Итак, «кивать головой» – это характерный русский жест. Проблему национально-культурной специфики языка жестов будем обсуждать в следующем.

На самом деле, даже в рамках одного и того же государства или народа значение одного же жеста меняется в зависимости от ряда социальных факторов. Одним из важнейших факторов является гендер. Например, по мнению российского ученого Е.А. Земской, женщины, как правило, используют прямой взгляд гораздо больше, чем мужчины. Женщины чаще смотрят на собеседника и больше не отводят глазой [7, с. 112-113].

Это объясняется, по предположению психологов, традиционной социальной ролью женщины как воспитательницы детей – взгляд используется как средство общества для установления психологического контакта с ребенком, еще не умеющим говорить. Конечно, некоторые гендерные особенности языка жестов также можно объяснить с точки зрения естественной физиологии. Например, когда русский мужчина колеблется или ерзает, он может «погладить бороду» или «потирать челюсть», в то время как женщина никогда не сделает того же самого [4, с. 58].

2.2. Прагматические функции жестов в русском языке.

В повседневной межличностной коммуникации язык жестов берет на себя функцию дополнения информации и усиления смысла. Разговорная речь часто не может передать весь спектр намерений говорящего из-за двусмысленности или экспрессивных ограничений, в то время как невербальные средства, такие как язык жестов, могут восполнить этот недостаток. Например, когда говорящий выражает смысл «большой» вербально, он часто сопровождает это действие разводом рук параллельно в обе стороны, чтобы конкретизировать измерение размера описываемого им предмета и усилить ясность семантики.

Наряду с этим, язык жестов обладает высокой степенью прагматической эффективности при выражении эмоций и отношения. Как отмечает китайский ученый Чэн Цяньшань, язык жестов фактически является прямым отображением психологических эмоций или чувств говорящего, а также истинным выражением его субъективного отношения во время разговора [8, с. 85]. Эмоции, как наиболее субъективный и непосредственный фактор общения, зачастую трудно выразить полностью с помощью звукового языка, в то время как невербальные сигналы, передаваемые с помощью движений тела, более заразительны и интуитивны. Например, такие распространенные в русском языке жесты, как разведение рук, пожатие плечами, подержание лба и т.д., могут выражать такие сложные эмоциональные состояния, как «беспомощность», «непонимание» или «удивление».

По сути, в процессе общения язык жестов не только выполняет основную функцию передачи информации, но и играет важную роль в организации дискурса и регулировании коммуникативного процесса. В частности, некоторые жесты могут использоваться как невербальные сигналы для переключения, контроля темпа и управления взаимодействием между коммуникантами. Например, в ситуациях многолюдного диалога говорящий может сигнализировать о том, что другие могут начать говорить, или выразить свое желание продолжать, подняв руку, повернув ладонь наружу, кивнув головой и т.д. Эти невербальные средства выполняют значительную модераторскую функцию, поддерживая порядок общения, предотвращая конфликты в дискурсе и способствуя интерактивной гармонии.

3. Национально-культурная специфика языка жестов.

Значительная часть языка жестов приобретается в конкретных социокультурных контекстах и несет в себе ярко выраженные национальные культурные особенности. Например, жест «покрутить пальцем у виска» для китайцев означает глубокую задумчивость, а для русских – глупость, неловкоссть. В русском языке «щелкнуть по шее (по воротнику)» часто используется для выражения намерения «пить», но китайцам это трудно понять. Аналогичным образом, русские часто с помощью жеста «крутить (указательным) пальцем; рисовать (пальцем) круги (в воздухе)» дают собеседникам понять, чтобы перестань говорить или прекрати свои замечания. В китайской культуре это намерение обычно передается жестом «хлопать в ладоши (или, скорее, аплодировать в знак неодобрения)».

Как в России, так и в Китае существуют разные подходы классификации языка жестов. Например, в соответствии с частями тела, при помощи которых совершаются жесты, китайские ученые Чжоу Гогуан и Ли Сяньнун предлагают выделить четыре основных типа жестов: 1) жесты головы; 2) жесты верхних конечностей, в число которых входят движения рук (от плеча до кисти); 3) жесты нижних конечностей, т.е. движения ног; 4) жесты корпуса, т.е. изменение положения всего тела [9, с. 36-37]. Из-за нехватки времени и ограниченности размера статьи в следующем намерены раскрыть национально-культурную специфику языка жестов на основе сопоставительного анализа типичных жестов рук и головы в русской и китайской культурах.

Жест «сжать руку в кулак», т.е. «пальцы соединяются в кулак (в кулаки) ладонью вверх», тоже часто встречается в повседневном общении у русских и китайцев, но имеет совершенно разное значение. В китайском языке «сжать руку в кулак» – это внешнее проявление сильного эмоционального возбуждения или высокого умственного напряжения. Он может быть использован для указания крайней степени гнева, а также для произнесения клятвы и выражения твердой решимости. По словам китайских ученых Чжоу Гогуана и Ли Сяннуна, в Китае данный жест чаще встречается у мужчин, особенно у взрослых [9, с. 180]. В словаре «Мимика и жесты в русской речи» различаются два типа употребления данного жеста: 1) для обозначения силы воли, твердости, собранности. Подчеркивает и иллюстрирует высказывания о чьем-л. сильном

характере. Сопровождается словами: «Железный человек!», «Железная воля!», «Вот он какой человек!», «Характер вот какой!»; 2) для обозначения строгости, суровости. Подчеркивает и иллюстрирует высказывания о строгом обращении, воспитании и т.п. Сопровождается словами: «Вот как в руках держит!», «Вот какая дисциплина!» и т.п. [5, с. 100] Ср.:

(5) – Беззаконие! – Командир отделения Янь сжал руку в кулак и прорычал. – ... Подайте на него в суд. (“Wu Fa Wu Tian!” Yan Ban Zhang De Quan Tou Zuan De Ge Ge Xiang, “…Qu Gao Ta.”) (Ши Янь, «Любовь на озере Цю Сюеху»).

(6) – А товарищ твой нас не подведёт?

– Ты что! Он человек железный. (Парень сжал руку в кулак.) Раз уж обещал, так обязательно сделает [5].

В предложении (5) командир отделения Янь не только произнес такие слова, как «беззаконие», но и «сжал руку в кулак», что полностью подтверждает его внутренний гнев. В предложении (6) высказывание «Он человек железный!», сопровождающая жест «сжать руку в кулак», определяет, что он здесь означает сильный характер.

Поцелуй, который широко применяется во всех аспектах жизни человека, в свою очередь, является весьма типичным мужским жестом, обращенным к женщине. Как правило, мужчины целуют руку женщинам солидного возраста и замужним дамам для выражения почтения. Этот обычай более всего распространен на Западе, не исключая и Россию. В Китае люди, кроме влюбленных и супруг, редко используют жест «поцелуй руки» в знак приветствия. Это явление, с одной стороны, связано с национальным этикетом, распространившимся по всему Китаю в течения тысяч лет, и с другой, со стыдливостью и сдержанностью восточных мужчин и женщин. Китайские мужчины стесняются целовать руку женщины, а женщины, не привыкши к такому виду тактильного контакта, постоянно чувствуют себя неловко, особенно на улице и в других общественных местах [10, с. 417].

Объятие, при котором обе стороны протягивают руки и обнимают друг друга, является важным ритуалом приветствия, особенно распространенным при долгожданных встречах. Это связано с тем, что обе стороны (которые находятся в близких отношениях) испытывают взаимные чувства и эмоции, что составляет эмоциональную основу для этого физического жеста. С точки зрения тех, кто выполняет это действие, оно чаще всего встречается между влюбленными или молодыми супругами (за исключением дипломатических ситуаций). Однако в Китае, из-за влияния традиционного этикета, передаваемого из века в век и проистекающего из скромности и сдержанности, характерных для восточных мужчин и женщин, оно редко наблюдается в общественных местах. Напротив, русские часто используют объятие в качестве обычного жеста приветствия при встрече с близкими друзьями.

Из вышесказанного нетрудно видеть, что, будучи социально признанными и широко принятыми формами общения, язык одновременно несет в себе ярко выраженные национальные особенности. Это требует от людей осторожности в поведении во время взаимодействия, особенно при общении с представителями других этнических групп или народов, уделяя особое внимание своим действиям.

Выводы

Язык жесстов – это особая форма человеческого общения, которую нельзя игнорировать. Определение содержания понятия языка жестов и раскрытие его семантических, прагматических и национально-культурных особенностей не только создает систематическую теоретическую базу для ученых, интересующихся проблемой невербальной коммуникации, но и обеспечивает практическую основу для совершенствования навыков кросс-культурной коммуникации у обучающихся. В будущем мы можем углубить анализ прагматического механизма языка жестов в конкретных контекстах, особенно совместить его с реальными контекстами образования, СМИ, перевода и дипломатии, провести больше эмпирических кросс-культурных исследований, заложив тем самым основу для построения модели кросс-культурной невербальной коммуникации, имеющей практическое значение.

Список источников

1. Сюй Хун. Западная философия языка и российские исследования в области прагматики. Пекин: Китайское издательство социальных наук, 2012. 282 с.

2. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 581 с.

3. Чэнь Вэйли. Жесты рук в китайской и русской культуре // Научное мнение. 2014. № 5. С. 249 – 253.

4. Лю Син. Прагматический анализ гендерных различий в русском соматическом языке // Исследование иностранных языков в Северо-Восточной Азии. 2018. № 4. С. 54 – 59.

5. Акишина А.А. Жесты и мимика в русской речи. М.: Русский язык, 1991. 144 с.

6. Чжао Хунцзюань. Русский язык жестов и и сравнение его с китайским // Журнал Сианьского университета международных исследований. 2005. № 1. С. 29 – 32.

7. Земская Е.А., Шмелёв Д.Н. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. 224 с.

8. Чэн Цяньшань. О конфликте субъективности между языком тела и дискурсом // Журнал «Исследования по иностранным языкам». 2012. № 2. С. 85 – 88.

9. Чжоу Гогуан, Ли Сяннун. Язык тела китайцев. Гуанчжоу: Издательство «Высшее образование Гуандун», 2017. 292 с.

10. Чжоу Миньчуань, Чжоу Вэй, Чэн Чуньхун. Сопоставительно-прагматическое исследование гендерных стереотипов в русском и китайском языках. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2018. 434 с.

References

1. Xu Hong. Western Philosophy of Language and Russian Research in Pragmatics. Beijing: China Social Sciences Press, 2012. 282 p.

2. Kreidlin G.E. Nonverbal Semiotics. Moscow: New Literary Review, 2004. 581 p.

3. Chen Weili. Hand Gestures in Chinese and Russian Culture. Scientific Opinion. 2014. No. 5. P. 249 – 253.

4. Liu Xing. Pragmatic Analysis of Gender Differences in Russian Somatic Language. Research of Foreign Languages in Northeast Asia. 2018. No. 4. P. 54 – 59.

5. Akishina A.A. Gestures and Facial Expressions in Russian Speech. Moscow: Russian Language, 1991. 144 p.

6. Zhao Hongjuan. Russian Sign Language and Its Comparison with Chinese. Journal of Xi'an International Studies University. 2005. No. 1. P. 29 – 32.

7. Zemskaya E.A., Shmelev D.N. Russian Language in Its Functioning. Communicative-Pragmatic Aspect. Moscow: Nauka, 1993. 224 p.

8. Cheng Qianshan. On the Conflict of Subjectivity between Body Language and Discourse. Journal of Foreign Language Studies. 2012. No. 2. P. 85 – 88.

9. Zhou Guoguang, Li Xiangnong. The Body Language of the Chinese. Guangzhou: Guangdong Higher Education Publishing House, 2017. 292 p.

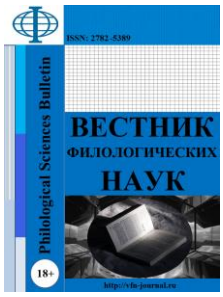
10. Zhou Minchuan, Zhou Wei, Cheng Chunhong. Comparative-pragmatic study of gender stereotypes in the Russian and Chinese languages. Beijing: Peking University Press, 2018. 434 p.

Информация об авторах

Лю Син, *доктор филологических наук, старший преподаватель, Хуайиньский технологический институт, liuxing19880222@126.com*

Цю Юнкан, *Хуайиньский технологический институт, 2722657919@qq.com*

© Лю Син, Цю Юнкан, 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 821.161.1

[1] Бай Бисяо ***[1] Сианьский нефтяной университет***

Разрушение мифа о «самостоятельном» творчестве: классовая мобильность в «Больших надеждах» Чарльза Диккенса

Аннотация: *на первый взгляд, «Большие надежды» рассказывают историю невинного сельского мальчика Пипа, которого таинственный благодетель спонсирует для осуществления его мечты «стать джентльменом» в Лондоне, но мечта оказывается разрушенной, и он в итоге возвращается домой. По сути, описывая взлёт и падение Пипа, Диккенс раскрывает иллюзорность концепции «люди, сделавшие себя сами», господствовавшей в середине викторианской эпохи. По мнению Диккенса, сама концепция «люди, сделавшие себя сами» – это культурный миф, истинная цель которого – защищать интересы среднего класса и укреплять своё превосходство в социальной иерархии; низшему классу сложно получить возможность продвижения по социальной лестнице.*

Ключевые слова: *Чарльз Диккенс, «Большие надежды», миф о людях, сделавших себя сами, классовая мобильность*

Для цитирования: Бай Бисяо. Разрушение мифа о «самостоятельном» творчестве: классовая мобильность в «Больших надеждах» Чарльза Диккенса // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 88 – 93.

Поступила в редакцию: 02 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Bai Bixiao ***[1] Xi'an University of Petroleum***

Destroying the myth of “independent” creativity: class mobility in Charles Dickens’ Great Expectations

Abstract: *on the surface, Great Expectations tells the story of an innocent country boy, Pip, who is sponsored by a mysterious benefactor to pursue his dream of “becoming a gentleman” in London, only to have his dream shattered and he eventually returns home. In fact, by describing Pip’s rise and fall, Dickens exposes the illusory nature of the “self-made man” concept that was prevalent in the mid-Victorian era. According to Dickens, the very concept of the "self-made man" is a cultural myth, the true purpose of which is to protect the interests of the middle class and strengthen its superiority in the social hierarchy; the lower class has difficulty in getting an opportunity to move up the social ladder.*

Keywords: *Charles Dickens, Great Expectations, the self-made man myth, class mobility*

For citation: Bai Bixiao. Destroying the myth of “independent” creativity: class mobility in Charles Dickens’ Great Expectations. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 88 – 93.

The article was submitted: September 02, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления классических произведений викторианской литературы в контексте современных социологических и культурологических теорий. Роман Чарльза Диккенса «Большие надежды», по мнению автора, представляет особый интерес как произведение, которое подвергает критическому анализу один из центральных мифов викторианской эпохи – миф о человеке, который сам себя создал. Викторианская эпоха характеризовалась беспрецедентным экономическим ростом, технологическими инновациями и социальными изменениями, что породило веру в возможность индивидуального успеха и социального восхождения исключительно благодаря личным усилиям и талантам.

Целью настоящего исследования является анализ способов разрушения мифа о самостоятельном творении собственной судьбы в романе «Большие надежды» и исследование механизмов классовой мобильности, представленных в произведении.

Теоретические основы авторского исследования базируются на работах по социологии литературы, теории классовой мобильности и культурологических исследованиях викторианской эпохи. Особое значение имеют концепции социального конструктивизма и критической теории, позволяющие рассматривать литературное произведение как отражение и одновременно критику социальных процессов своего времени.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования служит роман Чарльза Диккенса «Большие надежды» в его оригинальной версии, а также критическая литература, посвященная творчеству писателя и социально-культурному контексту викторианской эпохи. В исследовании автором применяется комплексный методологический подход, включающий литературоведческий анализ текста с акцентом на характеристике персонажей и сюжетных линий, историко-культурный метод для понимания социального контекста произведения, социологический анализ для исследования механизмов классовой мобильности, представленных в романе, и сравнительно-типологический метод для сопоставления различных моделей социального восхождения в произведении. Особое внимание автора уделяется анализу символических образов и мотивов, связанных с темой социального статуса и классовой принадлежности.

Результаты и обсуждения

В 1860 году Диккенс писал своему другу Джону Форстеру: “для небольшого произведения, которое я пишу – или пишу, потому что надеюсь закончить его сегодня, – мне в голову пришла такая прекрасная, новая и гротескная идея, что я начинаю сомневаться, не лучше ли мне отказаться от этой небольшой работы и оставить эту идею для новой книги. Вы всё поймёте, как только я напечатаю её. Но она так раскрывается передо мной, что я могу увидеть всю последовательность событий, происходящих на ней, в самой необычной и комичной манере” [8, с. 109].

Рассказ, упомянутый в письме Диккенса, называется «Большие надежды» и публиковался в еженедельном журнале «Круглый год», который он редактировал с декабря 1860 по август 1861 года. «Большие надежды» рассказывает историю деревенского парня Пипа, который отправился в Лондон, чтобы осуществить свою мечту стать «высшим классом» с помощью таинственного благотворителя. Но его мечта в конце концов разбилась, и он покинул дом. В юности Пип был добрым, трудолюбивым и целеустремлённым. У него не было ни выдающихся духовных качеств, необходимых для успеха, ни удачи, ни возможностей. Но почему же его стремление к мечте закончилось неудачей?

Некоторые критики считают, что неудача Пипа – результат его образа «паразита», выслуживающегося перед сильными мира сего. Его деньги – не личные заслуги, а поддержка благодетелей. Другие критики связывают неудачу Пипа с его расточительной жизнью после прибытия в Лондон и последовавшей за этим моральной деградацией. Все эти взгляды разумны. Однако, если связать мечту Пипа с социальным и историческим контекстом того времени, можно обнаружить, что его мечта стать «высшим» – это на самом деле неприкрытая мечта о деньгах. Описывая превращение Пипа из простого и доброго сельского парня в тщеславного и лицемерного городского юношу, Диккенс не только критикует развращение людей деньгами при капиталистической системе, но, что более важно, разоблачает иллюзию мечты о начале жизни с нуля и классовой мобильности в викторианскую эпоху [2, с. 201].

Главный рассказчик романа «Большие надежды» – Пип, и вся книга вращается вокруг его мечты стать джентльменом. Пип потерял обоих родителей в детстве и воспитывался сестрой и зятем, Гарджерями. Гарджеры происходили из низов общества и едва зарабатывали на жизнь, владея кузницей. Согласно плану, своего зяти Джо Гарджери, Пип сначала работал учеником в кузнице, а затем, достигнув совершеннолетия, открыл собственное дело, чтобы продолжать зарабатывать на жизнь кузнечным ремеслом. Однако Пип не

был удовлетворен планом, намеченным зятем. Он мечтал избавиться от бедности и стать богатым и праздным сословием.

Эта идея укрепилась во время его визита в Сатис-хаус, особняк мисс Хэвишем, знатной дамы из города. Когда Пип впервые вошёл в особняк Сатис, он заметил, что приёмная дочь мисс Хэвишем, Эстелла, была красива и горда, хорошо одета, и каждое её движение выдавало аристократизм. Пип же, напротив, говорил грубо, выглядел неряшливо, и Эстелла даже презрительно называла его «простым рабочим мальчиком» [5, с. 164].

Разница в одежде и внешнем виде вызывала у Пипа тревогу и грусть: «раньше меня никогда не беспокоили, а теперь беспокоят, как пошлые придатки». Исходя из этого, Пип понял, что разница между ними заключалась не только в одежде и внешности, но и в классовой принадлежности и социальном статусе. Поэтому он решил стать богатым и уважаемым джентльменом собственными усилиями. Для Пипа стать джентльменом означало не только избавиться от нехватки еды, одежды и дискриминации, но и улучшить свой экономический и социальный статус. Что ещё важнее, у него появилась возможность добиться расположения прекрасной и гордой Эстеллы. В этот момент две мечты слились воедино и стали целью всей жизни Пипа [6, с. 183].

Как следует из названия романа «Большие надежды», мечта Пипа стать джентльменом – не просто личная мечта, но, что ещё важнее, она отражает социальную тенденцию «стать джентльменом» викторианской эпохи. Существует две основные причины, по которым люди викторианской эпохи стремились стать джентльменами.

Во-первых, это было обусловлено присущим британцам аристократическим комплексом. Как всем известно, древняя Британия была строго иерархическим обществом, где особое внимание уделялось родословной и семейному происхождению. Аристократия получала титулы, опираясь на семейное наследство или королевские награды. Они находились на вершине социальной иерархии, владели огромными землями и богатствами и контролировали политическую и экономическую жизнь страны. В отличие от них, простые люди были лишены возможности продвигаться по социальной лестнице из-за ограничений, наложенных их происхождением. В таких условиях аристократия стала объектом поклонения и подражания для простого народа. В викторианскую эпоху, несмотря на эволюцию социальной структуры и упадок аристократии, глубоко укоренившийся аристократический комплекс по-прежнему позволял среднему классу и рабочему классу с гордостью подражать аристократии и её образу жизни.

Во-вторых, это было тесно связано с изменениями в стандартах оценки джентльменов, вызванными развитием капиталистической системы. Слово «джентльмен» изначально относилось к аристократическому классу, символом которого был герб в форме щита, которому не нужно было заниматься физическим трудом. После XVIII века, с развитием капиталистической системы, значение понятия «джентльмен» постепенно эволюционировало. Аристократическое происхождение и ношение герба больше не являются единственными признаками джентльмена [10, с. 4205].

Соответствующая одежда, элегантные манеры, хорошее образование и знания также стали важными критериями определения джентльмена. После XIX века, прогресс промышленной революции и развитие капиталистической промышленности и торговли привели к значительному повышению мобильности британского общества. Растущая буржуазия постепенно вытеснила пришедшую в упадок аристократию и стала главной экономической силой британского общества.

Чтобы компенсировать культурный разрыв, средний класс включил такие стандарты, как богатство, самодисциплина, бережливость и братство, в традиционное представление о джентльмене, сформировав новое представление о джентльмене, совместимое с идеологией и экономическим статусом среднего класса.

В то же время сфера охвата джентльменов расширилась от «исключительно аристократии» в начале XIX века до «групп, стоящих выше обычных бизнесменов, при условии, что их поведение отличается элегантностью и интеллигентностью» в середине XIX века. Это, несомненно, является стимулом для тех, кто происходит из бедных семей, но имеет амбиции и стремление подняться по социальной лестнице. Достоинство и доступность статуса джентльмена побуждали людей викторианской эпохи стремиться к нему, и джентльменство стало важной частью исторической тенденции социальной мобильности в Виктории.

Стать джентльменом невозможно в одночасье, это требует длительного обучения и подготовки. Как уже упоминалось, джентльмены в викторианскую эпоху оценивались по ряду критериев: значительный доход, изысканная внешность, благопристойные манеры и выдающиеся духовные качества, такие как самодисциплина, трудолюбие, бережливость и чувство ответственности. Эти условия достигаются посредством строгого элитного образования и надлежащей подготовки [4, с. 71].

«Большие надежды» не был первым романом Диккенса о переходе из нищеты в богатство и классовой мобильности. Более того, ещё в 1850 году в «Дэвиде Копперфилде» Диккенс создал образ сироты по имени Копперфилд, который добился финансового успеха и литературной славы благодаря «привычке к пунктуальности, порядку и трудолюбию», а также «упорству и постоянным усилиям». Среди них «упорство, терпение и постоянная энергия» – то, что Копперфильд называет «источником моего успеха». В романе «Холодный дом», написанном между 1852 и 1853 годами, Диккенс также в позитивном ключе описывает взлет стального магната мистера Раунсуэлла. Несмотря на семейное происхождение дворецкого и отсутствие формального образования, господин Раунсуэлл оставался непреклонным и непоколебимым.

Он усердно занимался самообразованием, активно участвовал в обучении и совершенствовании технологий, и в конечном итоге его упорный труд принес плоды. Он добился огромного финансового успеха и стал известным стальным магнатом. По мнению Диккенса, успех господина Раунсуэлла был обусловлен не исключительным талантом или дипломатической хваткой, а, скорее, практичным подходом к делу и непоколебимой предприимчивостью.

Подобно стальному магнату мистеру Раунсуэллу, механик Дэниел Дойс в романе «Крошка Доррит» также поднимается из низов, проходит долгое и трудное ученичество и, в конце концов, благодаря усердному обучению и упорному труду, основывает собственную компанию и успешно ею управляет. Диккенс восхищается Дойсом и словами Артура Кленнэма, персонажа романа, называет его «честным, самоотверженным, неутомимым стариком, который всю жизнь прокладывал себе путь».

Если ранние персонажи Копперфилд, Ронсуэлл и Дойс олицетворяют восхищение Диккенсом и его хвалу человеку, добившемуся всего своими силами, то более поздние персонажи Джозайя Баундерби, Пип и Брэдли Хедстоун отражают неприятие Диккенсом мифа о человеке, добившемся всего своими силами, господствовавшего в викторианскую эпоху [1, с. 1076].

Баундерби в «Тяжёлых временах» утверждает, что он сам себя сделал, но, будучи брошенным матерью в юном возрасте, благодаря упорному труду и борьбе, становится известным банкиром и владельцем фабрики. Однако позже выясняется, что он был мошенником, добившимся всего своими силами. По сути, «Баундерби» представляет собой сдвиг в социальном мышлении Диккенса, который, по словам критика Робина Гилмора, «равнозначен отказу от человека, добившегося всего своими силами, как потенциально возрождающей современной фигуры. Идея о том, что новый класс энергичных и амбициозных людей, добившихся всего своими силами, поможет преобразовать английское общество, теперь отвергнута».

Пип, главный герой романа «Большие надежды», видит в мифе о богатстве путь от нищеты к богатству как в путеводителе. Он пытается стать «джентльменом», получив образование, покупая изысканную одежду и обставляя свою комнату, чтобы завоевать любовь своей возлюбленной Эстеллы. Однако все его усилия приносят ему лишь разочарование и разочарование. Хотя Пип в конечном итоге достигает самореализации и определённой степени скрытого счастья, роман в целом пронизан пессимизмом и беспомощностью.

В романе «Наш общий друг» Диккенс использует образ Хедстона, чтобы подчеркнуть негативное влияние мифа о переходе из нищеты в богатство. Хедстон – бедный мальчик с сильной волей и амбициями. Эти амбиции поначалу позволяют ему подняться по социальной лестнице, от нищеты до директора начальной школы. Однако они также приводят к растущей ограниченности и упрямству, что в конечном итоге приводит его к убийству любовного соперника, а после неудачи – к самоубийству.

Между «Дэвидом Копперфилдом» и «Нашим общим другом» отношение Диккенса к человеку, добившемуся всего сам, претерпело радикальные изменения. Эти изменения были тесно связаны с личной жизнью Диккенса. В 1858 году, за два года до публикации «Больших надежд», Диккенс расстался со своей женой Кэтрин Хогарт, с которой прожил в браке 22 года [9, с. 77].

Причиной расставания стала его любовь к молодой актрисе Эллен Тернан. Эта любовь сделала его всё более нетерпимым к своей жене. В письме от 9 мая 1858 года своей подруге, британской филантропке Анджеле Бердетт-Куттс, Диккенс жаловался: «Никогда не было создано двух людей, между которыми были бы столь невозможны интерес, симпатия, доверие, чувство, нежный союз любого рода, как между моей женой и мной».

Семья и друзья Диккенса выразили своё непонимание и недоверие в связи с расставанием. Разрозненная семейная жизнь привела к тому, что сын пристрастился к азартным играм, а его любимая дочь даже поспешно вышла замуж и уехала от семьи, несмотря на желание отца. Чтобы облегчить психологические муки изоляции и покрыть огромные расходы на содержание семьи, Диккенс, несмотря на слабое здоровье, решил проводить публичные чтения.

В то же время он продал свою недвижимость в центре Лондона и переехал в Гэдс-Хилл-Плейс, свой загородный дом в Кенте. С одной стороны, это символизирует разрыв Диккенса с жизнью последних двадца-

ти лет, а с другой – его возвращение к источнику силы. Дело в том, что Гейтс-Хилл был детской мечтой Диккенса, которая вдохновляла его стремление к возвышению.

В «Путешествии за границей» Диккенс рассказывает историю о детской прогулке с отцом по сельской местности Кента. Отец указал на Гейтс-Хилл и сказал: «Если ты будешь очень упорным и будешь много работать, то, возможно, когда-нибудь ты поселишься здесь».

Хотя Диккенс, которому было уже за сорок, осуществил свою детскую мечту – стать владельцем Гейтс-Хайтс и образцом успеха, добытого собственным трудом, он обнаружил, что эти «возвышенные идеалы» богатства и славы не принесли ему большего счастья. В этой ситуации он создал ряд персонажей, достигших экономического и социального статуса ценой моральной деградации, высмеивая и критикуя викторианский миф о самостоятельном успехе и классовой мобильности [3, с. 257].

Изменение отношения также может быть обусловлено опасениями Диккенса, что нереалистичные амбиции и стремления могут привести к серьезным социальным проблемам. С одной стороны, Диккенс беспокоился, что миф о бедняке-богатом не только подогревал стремление рабочего класса к мирскому успеху, но и порой намеренно подрывал их самооценку, побуждая их недооценивать и презирать положение простых рабочих. Например, после посещения особняка мисс Хэвишем и знакомства с жизнью высшего класса, Пип в романе «Большие надежды» претерпевает радикальную смену отношения: от благодарности за воспитание Джо к презрению к её жизни, он считает рабочий класс вульгарным и неотёсанным. Перемена взглядов Пипа перекликается с утверждением Уильяма Андерсона из его книги «Люди, сделавшие себя сами».

Андерсон ясно заявляет: «Нет ничего постыдного в том, чтобы родиться в самом низу, но оставаться там, где ты есть, после стольких блестящих примеров – это унизительно. Поднявшись на столько ступеней от низших к высшим, ты, любой авторитет в мире, осудил бы тебя, если бы остался там, где ты сейчас».

С другой стороны, Диккенс также беспокоился, что, если простые рабочие люди не добьются классового и статусного продвижения, как утверждал созданный ими самими миф, они будут представлять угрозу для среднего класса и даже приведут к серьезным социальным конфликтам.

Орлик в «Больших надеждах» – типичный пример. Критик Джулиан Мойнахан видит в Орлике тёмную сторону Пипа, его альтер-эго. Несмотря на стремление к карьерному росту, ему не так повезло, как Пипу, заручиться поддержкой таинственного благодетеля. Этот психологический разрыв заставляет его сначала яростно нападать на сестру Пипа, а затем на самого Пипа, чей социальный статус постепенно растёт. Он жалуется: «В детстве ты всегда стоял на пути старого Орлика», «Тебе оказывали покровительство, а меня запугивали и били» [7, с. 142]. Опыт Орлика показывает, что когда рабочий класс, подпитываемый мифом середины викторианской эпохи о человеке, добившемся всего сам, не может реализовать свои социальные устремления, у него возникает глубокое чувство недовольства. Это недовольство может затем трансформироваться в ненависть к тем, кто находится в привилегированном положении или имеет более высокий социальный статус. По мнению Диккенса, эта классовая дисгармония приобретает насильственный характер, представляя собой разрушительную угрозу для викторианского общества.

Выводы

Проведенное автором настоящей статьи исследование позволяет сделать вывод о том, что роман Чарльза Диккенса «Большие надежды» представляет собой глубокую критику викторианского мифа о самосозидании и индивидуальном успехе. Через историю Пипа автор демонстрирует иллюзорность представлений о возможности самостоятельного социального восхождения, показывая, что классовая мобильность в значительной степени зависит от внешних факторов, покровительства и случайных обстоятельств. Диккенс разрушает романтизированное представление о меритократии, раскрывая сложную систему социальных связей и зависимостей, которые определяют положение индивида в обществе.

По мнению автора, роман свидетельствует о том, что викторианское общество, несмотря на декларируемые возможности социального роста, остается жестко стратифицированным, где истинное джентльменство определяется не происхождением или богатством, а моральными качествами личности. Таким образом, «Большие надежды» выступают как произведение, предвосхищающее современные критические подходы к анализу социальной мобильности и классовых отношений.

Список источников

1. Горошкова Р.Р. Проект "Письма Чарльза Диккенса" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 4. С. 1075 – 1076.

2. Гредина И.В. Альтернативные финалы романа Ч. Диккенса "Большие надежды" в англоязычной критике // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (146). С. 198 – 203.

3. Гуманова Т.С. Образ Чарльза Диккенса в биографии Джона Форстера "Жизнь Чарльза Диккенса" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5-2 (83). С. 253 – 259.

4. Демкина Ю.А. Концепт «испорченность» в романе Ч. Диккенса «Большие надежды» // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2024. № 1 (53). С. 65 – 74.

5. Крупенина М.И. Роман Ч. Диккенса "Большие надежды" как роман-инициация // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3-2. С. 162 – 165.

6. Купченко М.Л. Роль пейзажа и вещного мира в философском единстве духовного, социального и материального у Диккенса на примере романа "Большие надежды" // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. Т. 226. С. 178 – 187.

7. Матвеева А.С. Онтологическая ситуация порога в романе Ч. Диккенса "Большие надежды" // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 19. С. 139 – 145.

8. Махмудова Н.А. Своеобразие жанра романа воспитания в творчестве Чарльза Диккенса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 3 (7). С. 106 – 110.

9. Ощепкова К.Е. Тема воспитания в романе Чарльза Диккенса "Большие надежды" // Проблемы современной науки и образования. 2014. № 3 (21). С. 74 – 78.

10. Хэ Ц. Девиантные женские образы в романе Чарльза Диккенса «Большие надежды» (на примере первой встречи с мисс Хэвишем и Эстеллой) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 12. С. 4203 – 4207.

References

1. Goroshkova R.R. Project "Letters of Charles Dickens". Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2021. Vol. 14. No. 4. P. 1075 – 1076.

2. Gredina I.V. Alternative endings to Charles Dickens's novel "Great Expectations" in English-language criticism. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2014. No. 5 (146). P. 198 – 203.

3. Gumanova T.S. The image of Charles Dickens in John Forster's biography "The Life of Charles Dickens". Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2018. No. 5-2 (83). P. 253 – 259.

4. Demkina Yu.A. The Concept of "Corruption" in Charles Dickens's Novel "Great Expectations". Bulletin of the State University of Social Sciences and Humanities. 2024. No. 1 (53). P. 65 – 74.

5. Krupenina M.I. Charles Dickens's Novel "Great Expectations" as an Initiation Novel. Historical and Social-Educational Thought. 2016. Vol. 8. No. 3-2. P. 162 – 165.

6. Kupchenko M.L. The Role of Landscape and the Material World in Dickens's Philosophical Unity of the Spiritual, Social, and Material: The Example of the Novel "Great Expectations". Transactions of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2022. Vol. 226. P. 178 – 187.

7. Matveeva A.S. The Ontological Situation of the Threshold in Charles Dickens's Novel "Great Expectations". Problems of History, Philology, and Culture. 2008. No. 19. P. 139 – 145.

8. Makhmudova N.A. The Peculiarities of the Genre of the Bildungsroman in the Works of Charles Dickens. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2010. No. 3 (7). P. 106 – 110.

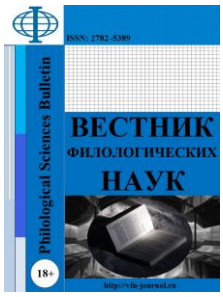
9. Oshchepkova K.E. The Theme of Education in Charles Dickens's Novel "Great Expectations". Problems of Modern Science and Education. 2014. No. 3 (21). P. 74 – 78.

10. He Ts. Deviant Female Images in Charles Dickens's Great Expectations (Based on the First Meeting with Miss Havisham and Estella). Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2023. Vol. 16. No. 12. P. 4203 – 4207.

Информация об авторах

Бай Бисяо, *преподаватель, Сианьский нефтяной университет, 574745503@qq.com*

© Бай Бисяо, 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81’367.625.41

[1] Вековищева С.Н., [1] Исмаилова П.Х. ***[1] Государственный университет просвещения***

Лингвокультурологические особенности перевода артионимов (на примере работ, представленных на выставочном проекте «Передвижники»)

Аннотация: *в данной статье рассматривается лингвокультурологическое наполнение артионима, в частности процесс лингвокультурологической адаптации, а также специфика используемых переводческих приёмов (тактик) при интерпретации названий картин. Авторами была сформулирована гипотеза: названия картин Передвижников на русском языке претерпевают семантические, стилистические, синтаксические изменения в процессе их перевода на английский язык. При этом лингвокультурологическая адаптация приобретает оттенки образной эвфемии или дисфемии. Для подтверждения или опровержения гипотезы, а также достижения цели, поставленной в рамках написания работы, авторами был проведён сопоставительный анализ артионимов и их переводов на английский язык, представленных на выставочном проекте «Передвижники» в Государственной Третьяковской галерее. По результатам исследования удалось прийти к выводу о том, что в названиях картин Передвижников имеет место синтаксическая, стилистическая или семантическая лингвокультурологическая адаптация, характеризующаяся эпизодами характерной дисфемии с преобладанием конкретизации с усилением значения, либо образного лейтмотива, изображаемого на полотне.*

Ключевые слова: *артионим, ономастика, перевод, дисфемия, образно-конкретизирующая переводческая дисфемия, лингвокультурология, передвижники*

Для цитирования: Вековищева С.Н., Исмаилова П.Х. Лингвокультурологические особенности перевода артионимов (на примере работ, представленных на выставочном проекте «Передвижники») // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 94 – 105.

Поступила в редакцию: 02 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Vekovishcheva S.N., [1] Ismailova P.Kh. ***[1] Federal State University of Education***

Linguistic and cultural features of the translation of artionyms (on the example of works presented at the exhibition project "Peredvizhniki")

Abstract: *this article examines the linguistic and cultural content of the artionym, in particular, the process of linguistic and cultural adaptation, as well as the specifics of the translation techniques (tactics) used in interpreting the names of paintings. The aim of the study was to identify semantic, stylistic and syntactic inconsistencies between the names of the Peredvizhniki paintings in the original and the translation in the process of linguistic and cultural adaptation. The authors also formulated a hypothesis: the names of the paintings of the Wanderers in Russian undergo semantic, stylistic, and syntactic changes in the process of their translation into English. At the same time, linguistic and cultural adaptation acquires shades of figurative euphemia or dysphemia. To confirm or refute the hypothesis, as well as to achieve the goal set in the framework of writing the work, the authors conducted a comparative analysis of the artionyms and their translations into English presented at*

the exhibition project "Peredvizhniki" in the State Tretyakov Gallery. According to the results of the study, it was possible to come to the conclusion that in the names of the Peredvizhniki paintings there is a syntactic, stylistic or semantic linguistic and cultural adaptation, characterized by episodes of characteristic dysphemia with a predominance of concretization with an increase in meaning, or a figurative leitmotif depicted on the canvas.

Keywords: *artionym, title, onomastics, translation, dysphemia, figuratively-concretizing translation dysphemia, linguoculturology, extralinguistics, art, peredvizhniki*

For citation: Vekovishcheva S.N., Ismailova P.Kh. Linguistic and cultural features of the translation of artionyms (on the example of works presented at the exhibition project "Peredvizhniki"). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 94 – 105.

The article was submitted: September 02, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Перевод названий картин (артионимов) представляет собой уникальный объект транслатологического исследования. Согласно словарю русской ономастической терминологии Н.В. Подольской, под термином «артионим» следует понимать «имя собственное (название) произведения искусства (живописи, скульптуры, графики, пластики)» [24]. Отметим, что рассматривать артионимы исключительно с точки зрения языка – не совсем корректно, так как название картины – это комбинация как минимум двух факторов – лингвистического и культурологического, которые мы рассмотрим на примерах названий полотен, представленных на выставочном проекте «Передвижники» в Государственной Третьяковской галерее. Ю.В. Дулова в своём исследовании подчёркивает, что артионим и вовсе «наделен в первую очередь культурным значением, создается для вызова определенных культурных смыслов в сознании реципиента и для создания культурного пространства» [7].

Целью статьи стало выявление семантических, стилистических и синтаксических несоответствий между названиями картин Передвижников в оригинале и переводе в процессе лингвокультурологической адаптации.

Таким образом, артионим несёт в себе экстралингвистическое наполнение, помимо исключительно языкового. Согласно В.П. Даниленко, понятие «лингвокультурология» входит в понятие «экстралингвистика» – науку, которая изучает язык в тесной связи с объектами неязыковыми: культурологическими, психологическими и пр. [6]. О.В. Марьина, М.А. Винокурова и В.Ю. Краева пишут о том, что составляющими лингвокультурологии, служащими её теоретической основой и источником, являются лингвистика и культурология, многие направления которых сегодня определяются как дисциплины собственно антропологической ориентации [20].

Кроме того, эти же исследователи отмечают глубинную связь лингвокультурологии с этнолингвистикой и лингвострановедением [20]. По мнению В.И. Карасика, будучи многомерным образованием, язык органически входит в наиболее общие феномены бытия: как важнейшее средство общения язык рассматривается в качестве компонента коммуникативной деятельности; как важнейший способ преобразования мира, информационного обеспечения и межличностной регулировки язык анализируется в качестве средства воздействия, побуждения людей к тем или иным действиям, к фиксации социальных отношений; как важнейшее хранилище коллективного опыта язык является составной частью культуры [12].

Экстралингвистический аспект артионима проявляется в том, что «название произведения искусства, его семантический потенциал зачастую отражают культурно-историческую специфику той или иной страны, эпохи, события, а также содержит оценочную характеристику денотата», что было отмечено В.И. Ивановой и М.В. Евсиной [10].

По Е.В. Абраменко, ценность артионима как с точки зрения языка, так и культурологии состоит в том, что данный феномен «…представляет собой значительный лексический пласт, функционирующий в качестве своеобразного культурно-исторического и языкового индекса, дающего возможность для всестороннего изучения сознания, культуры и языка конкретного этноса» [1]. При переводе названия картины номинатор должен учитывать изображённое на полотне, годы написания картины, специфику работы и стиль того или иного художника, возможную личную историю, заложенный в картину смысл и иные экстралингвистические факторы.

Являясь одной из основных единиц ономастики, артионим как языковое явление появляется впервые во втором издании словаря русской ономастической терминологии [24] авторства Н.В. Подольской уже в 1988 году, где дефинируется как «вид идеонима. Имя собственное (название) произведения изобрази-

тельного искусства (живописи, графики, пластики)». В данном случае следует говорить о семантической гипонимизации. В то время как идеоним, будучи гиперонимом, несёт в себе семантику имени собственного объекта, который относится, например, либо к художественной сфере, к сфере средств массовой информации либо иной другой, артионим (гипоним) дефиницирует исключительно имена собственные, относящиеся к сфере искусства.

И.В. Погорелова и П.С. Тарасова рассматривают артионим не только как текстовый знак, но и как «…знак, участвующий в передаче информации в ситуации восприятия картины реципиентом.» [23]. Л.П. Рупосова же в своём исследовании делает акцент на том, что артионим дефиницирует исключительно те виды изобразительного искусства, которые воспринимаются зрением (живопись, скульптура, графика, дизайн, фотоискусство) [26].

Основной функцией артионима является не только передача смысла изображённого за счёт языковых средств, но и трансляция культурного кода картины, эмоционального дополнения. Е.А. Бурмистрова в своей работе затрагивает и иные функции артионимов: «номинативную, сигнификативную, информативную, рекламную, мемориальную, агитационно-идеологическую, эмоционально-ассоциативную, коммуникативную познавательную, эстетическую и пр.» [4]. И.П. Лугаськова подчёркивает, что «функция перевода названия картины шире, и заключается не просто в отражении содержания, но прежде всего в информировании о тех или иных исторических событиях, местах, личностях. Перевод названия картины координирует её смысловое восприятие зрителем» [18].

Помимо экстралингвистического наполнения артионима, перевод имён собственных художественной направленности нередко вызывает у переводчика затруднения и с точки зрения самого языка, вследствие чего он вынужден прибегать к особым приёмам для выполнения качественной интерпретации названия с учётом лингвокультурологических особенностей наименования на исходном языке (далее – ИЯ). По мнению Т.Ю. Махортовой, при переводе названий художественных объектов задача переводчика заключается в том, чтобы «…основываясь на культурном опыте художника и зрителя, создать название картины, способное раскрыть ее содержание и привлечь внимание реципиента» [21].

Т.А. Казакова в своей работе пишет о том, что при переводе исходного текста интерпретатор может использовать три основные группы приёмов: грамматические, стилистические и лексические, подчёркивая наиболее частое использование третьей группы приёмов при переводе артионимов [11]. К группе лексических приёмов автор пособия по художественному переводу относит калькирование, семантическую модификацию, описание, комментарий, а также смешанный перевод.

Согласно В.И. Ивановой и М.В. Евсиной, одной из стратегий перевода названий произведений изобразительного искусства, содержащих в своем названии лексемы, обозначающие предметы материальной культуры, призванные передать национальный колорит, является переводческая транскрипция (часто с элементами транслитерации) [10]. С одной стороны, данный приём позволяет сохранить культурные особенности страны, где была написана картина, однако, при недостатке экстралингвистических знаний, данный приём не сможет обеспечить реципиента полным пониманием заложенного автором смысла.

Наряду с переводческой транскрипцией, сохранить культурные особенности помогает иная переводческая трансформация – использование культурных аналогов. Это один из приёмов перевода, позволяющих передать коммуникативный эффект исходного названия путем апеллирования к фоновым знаниям реципиента [10].

Е.Г. Бабаскина в своей работе [3] пишет об опущении как одной из ключевых трансформаций, выполняемых интерпретатором при наименовании картины на переводящем языке (далее – ПЯ). Использование данного приёма автор статьи обуславливает тем, что переводчики нередко «…стараются передать название произведения искусства в максимально простом и лаконичном виде…Однако данная трансформация очень часто лишает реципиента важного контекста и понимания изображённого сюжета» [3].

Приём добавления также является нередким при переводе названий картин. Именно он позволяет переводчику восстанавливать в ПЯ определённые элементы, которые в артиониме на ИЯ были опущены. Это может позволить наиболее полно отразить культурологические особенности произведения и иные экстралингвистические факторы за счёт внесения в название картины на ПЯ дополнительной информации.

В работе Л.Д. Захаровой указан ещё один приём, используемый при работе с артионимами, – лексико-семантическая замена – «прием перевода слова или эквивалентной ему лексической единицы путем использования в переводе единиц ПЯ, значения которых не совпадают или частично совпадают, так как являются легко выводимыми на основе определенного типа логических отношений» [8]. Использование лексико-семантической замены актуально, когда пары слов в ИЯ и ПЯ имеют исключительно частичные совпадения в семантике. Именно тогда возникает задача подобрать подходящую по контексту лексическую

единицу, которая бы не исказила или минимально исказила смысл авторского названия, сюжет, изображённый на полотне, историю написания и иные экстралингвистические факторы.

Генерализация как один из приёмов перевода артионимов выполняет замену лексической единицы ИЯ с более узким лексическим, а иногда и грамматическим значением на более широкую в ПЯ. По Е.Г. Бабаскиной, приём генерализации направлен на то, чтобы не перегружать текст ПЯ и использовать более простое значение слова [3]. Конкретизация выполняет ровно противоположную функцию, сужая значения в ПЯ. Модуляция как третий подвид данной группы переводческих трансформаций, заменяет лексическую единицу ИЯ такой единицей ПЯ, которая выводится из значения единицы исходной, первоначальной.

Иной переводческий приём, используемый при переводе артионимов – перестановка. Согласно Н.В. Комиссарову, как вид переводческой трансформации, перестановка – это изменение порядка следования языковых единиц в сообщении перевода по сравнению с текстом подлинника [15]. Нередко именно особенности грамматического строя языка вынуждают интерпретатора прибегать к данной трансформации.

Целостное преобразование: данный приём уместен, когда фактическая точность не имеет особого значения, а стилистические характеристики выходят на первый план. Наглядным примером является передача фразеологизмов, коммуникативных клише (формул приветствия, благодарности и т.д.), которые в разных языках имеют мало общего, о чём пишут Т.В. Кушнарёва и В.И. Прибыткова [17].

Материалы и методы исследований

В работе использованы следующие методы лингвистического исследования. Метод семантико-грамматического анализа, позволяющий провести комплексное сопоставление лексических значений отдельных слов в названиях работ Передвижников и их переводах на английский язык. Для сопоставления артионимов в названиях произведений и вариантов их перевода на английский использованы методы дистрибутивного и трансформационного анализа.

Результаты и обсуждения

Далее проанализируем некоторые названия картин, представленные на выставочном проекте «Передвижники» с точки зрения их перевода на английский язык. При проведении сопоставительного анализа будет производиться выявление используемого переводческого приема.

Обратимся к следующим примерам переводов названий картин на английский язык, которые были представлены на выставочном проекте «Передвижники» в Государственной Третьяковской галерее:

Название картины И.Н. Крамского «Христос в пустыне» было трансформировано на английский язык как «Christ in the Wilderness». Обратим внимание на перевод имени существительного wilderness (букв. дикая местность). Заметно, что происходит конкретизация (специализация) значения при переводе на английский язык. Переводчиком был сделан выбор в пользу передачи оттенка запустения. Можно предположить, что номинатор предпочёл заменить словосочетание более общего значения одним словом, тем самым, сужая его, подчёркивая лейтмотив и символизм изображения. Вариант перевода является характерным результатом стилистической лингвокультурологической адаптации с элементами образной дисфемии. По С.Н. Вековищевой и И.Н. Филипповой, «дисфемия имеет различные варианты презентации, она может быть представлена обсценной лексикой, вульгаризмами, единицами с негативными коннотациями. Стилистическая дифференциация таких единиц остается дискуссионной.» [27].

На картине И.Н. Крамским изображён Иисус Христос в период его продолжительного духовного и телесного воздержания в безлюдной местности. Опираясь на описание картины с официального сайта Галереи, «…на границе двух миров в геометрическом центре картины находятся сомкнутые в замок кисти рук. Замок рук и лицо Христа, находящиеся на одной оси круга, – зрительные и смысловые центры картины» [16]. Акцентом на картине является величественная пустыня, окружающая Иисуса, которая, безмолвна и безжизненна, безразлична к его мукам, но именно её бескрайние просторы помогают выдержать борьбу морали и непорочности с обманом и искушениями.

Далее проанализируем названия двух картин с идентичными номинациями на русском языке, но с заложенными грамматическими и культурологическими особенностями при их переводе на английский. Так, картина Н. Н. Сапунова «Зима» на ПЯ была интерпретирована как «The Winter», с нарочитым использованием определённого артикля the. В противовес, работа Н.Н. Дубовского с тем же названием на русском языке была трансформирована в «Winter» при переводе на английский язык. Отсутствие артикля в названии картины отражает абстрактность зимы, представленной на данном полотне, этим же объясняется и семантическая генерализация как лексическая трансформация, оформленная переводчиком при номинации картины на ПЯ.

Из курса английской грамматики В.Л. Каушанской [13] известно, что артикль при упоминании времён года, идентично использованию его с названиями месяцев и недель, как правило, не используется, за ис-

ключением того случая, когда мы говорим о сезоне как о конкретном периоде времени: который грядёт или прошёл, или же когда мы упоминаем определённый сезон определённого года [13]. Для того, чтобы обосновать использование определённого артикля при выполнении перевода названия картины Н.Н. Сапунова на английский язык, обратимся к историко-культурологической справке к данной работе, которая размещена на официальном сайте Третьяковской галереи. Известно, что «исполненный Николаем Сапуновым в 1900 году пейзаж «Зима» относится к раннему периоду творчества художника и связан со временем его учебы в мастерской Исаака Левитана в Московском училище живописи, ваяния и зодчества». Использование переводчиком определённого артикля может быть связано с желанием подчеркнуть важный период в жизни автора данной картины. Также, использование определённого артикля the английского языка может быть объяснено желанием интерпретатора подчеркнуть особое величие, значимость и трепетное отношение к зиме как времени года автором «Зимы» Н.Н.Сапуновым, ведь, опираясь на информацию, представленную на сайте галереи, он любил зиму и всегда обращал особое внимание даже на самые незначительные для среднестатистического человека детали и особенности данного сезона.

Таким образом, делаем вывод, что данный вариант перевода картины Н.Н. Сапунова является характерным результатом синтаксической лингвокультурологической адаптации, так как даже в сравнении с переводом артионима с идентичным названием на ИЯ, в англоязычном названии появляется новый структурный элемент – определённый артикль the, семантикой закладывающий упоминание определённой зимы, в то время как отсутствие определённого артикля при переводе названия картины Н.Н. Дубовского, наоборот, демонстрирует обыденность данного сезона.

Смесь художественного и информативного перевода представлена как результат работы переводчика с номинацией картины Н.Д. Кузнецова «В праздник» на английском языке. Дословно, без желания подчеркнуть что-либо через название, работа могла бы быть переведена как «On a holiday» или же «In the feast». Однако, номинатор добавляет дополнительные лексемы с целью внесения определённых акцентов. Как итог, мы получаем «Resting on a Public Holiday». Использование глагола «to rest» (букв. отдыхать) объясняется переносом изображаемого в название полотна. Автор демонстрирует своему зрителю девушку в национальном костюме, которая лежит на траве, окружённая полевыми цветами. В этот момент она не занята работой, вокруг лишь тишина и спокойствие вдали от шумного мероприятия. ПЯ демонстрирует и особый оттенок праздника. Интерпретатор подчёркивает нечто социальное, публичное, используя словосочетание «public holiday» (a day when almost everyone in a particular country does not have to go to work or school» [32] в названии картины, что подчёркивает и дефиниция данного словосочетания в Кэмбриджском словаре. Таким образом, номинатор использует добавление как переводческую трансформацию при работе с данным артионимом.

Отметим тот факт, что данный вариант перевода является характерным результатом лингвокультурологической адаптации с элементами образной дисфемии. Исключительно из изображённого на картине реципиенту неясно, почему данная девушка лежит на траве: возможно, это элемент игры или же девушка легла на землю по причине резко настигнувшего её плохого самочувствия. Однако интерпретатор подчёркивает, что девушка отдыхает, тем самым, не оставляя иных вариантов для восприятия, изображённого на полотне.

Картина «Объяснение» В.Е. Маковского в музейной практике России, и, в частности, на выставочном проекте «Передвижники» в Третьяковской галерее, на иностранном языке представлена как «Declaration of Love». Согласно толковому словарю Ожегова, объяснение – это «письменное или устное изложение в оправдание чего-н., признание в чём-н.; то, что разъясняет, помогает понять что-н.» Существительное declaration, согласно одному из англоязычных источников [28], используется в английском языке, когда время на тщательное и долгое объяснение отсутствует и нужно донести информацию в срочном порядке. Чрезвычайные ситуации такого типа зачастую требуют действий больше, чем самого процесса обучения и передачи определённого знания. Какой-либо исключительный оттенок у слова «объяснение» в русском языке отсутствует, однако, переводчик в данной номинации передаёт особый оттенок отношений – любовный. При переводе данного артионима номинатор специализировал значение существительного «объяснение» с опорой на перевод информативный. Оттенок любовных чувств в названии обусловлен сюжетом, изображённым на картине, где друг напротив друга запечатлены юноша и девушка, в эмоциях молодого человека виднеется трепет и страх признания в момент, именуемый переводчиком «декларацией любви» (досл.). Мы считаем, что при переводе названия данной картины номинатор прибегает к конкретизации как одному из видов переводческой трансформации, где русское существительное «объяснение», не имеющее специального оттенка в передаваемой семантикой межличностной коммуникации, приобретает особый оттенок – романтический. Таким образом, данный вариант перевода представляет собой результат одновременно как стилистической, так и синтаксической лингвокультурологической адаптации, так как наряду с

приобретением особого оттенка у существительного «объяснение», при переводе произошла замена одной лексемы на словосочетание при номинации картины на ПЯ.

Картина Н.А. Ярошенко «Курсистка», где в качестве словообразовательной единицы существительного женского рода выступает суффикс – ка, в интерпретации на английском языке обозначена как «Student of Women's Courses». В толковом словаре Ушакова [5], курсистка – студентка, слушательница высших женских курсов. Генерализованно на английский язык данное существительное можно перевести одной лексемой – «the student». Однако номинатор прибегает к приему добавления как синтаксической трансформации при работе с данным артионимом. Таким образом переводчиком была обозначена специфика данного рода курсов: на них обучаются исключительно представительницы женского пола.

При работе с данным названием картины мог использоваться приём калькирования, чтобы не перегружать реципиента дополнительной информацией, однако, с другой стороны, недостаток экстралингвистических культурологических знаний лишит представителя иной культуры полного понимания изображённого на картине, ведь данная трансформация направлена исключительно на передачу языкового материала как такового, без акцента на семантику.

Таким образом, в данном случае, имеет смысл говорить об образно-конкретизирующей переводческой дисфемии (термин – наш), так как исходя из изображаемого на полотне мы не можем сказать точно о роде деятельности девушки и способны лишь высказывать предположения о том, что девушка является школьницей или студенткой, так как на полотне она изображена с книгой в руке, что зачастую является атрибутом ученика или студента. Однако интерпретатор, номинируя картину на ПЯ, конкретизирует информацию об образе, который воспринимает реципиент и делает акцент на том, что она обучается именно на высших женских курсах. Наряду с образно-конкретизирующей переводческой дисфемией, отметим, что перевод названия данной картины является результатом синтаксической лингвокультурологической адаптации, так как из номинации, оформляемой на ИЯ в одну лексему, на ПЯ получаем распространённое словосочетание.

Далее проанализируем название картины В.М. Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу», на ПЯ получившее интерпретацию «Sorcerer Comes to a Peasant Wedding». При выполнении анализа данного артионима, остановимся на имени существительном «sorcerer», на русский язык переводимое как «колдун» и на ПЯ имеющий заложенную семантикой негативную коннотацию, о чём говорит толкование данной лексемы в Кэмбриджском словаре (in stories, a man who has magical powers and who uses them to harm other people) [14]. Дефиниция подчёркивает, на что направлены силы человека, обладающего подобными силами. Цель его действий – причинить людям вред.

Также отметим, что английский язык располагает и иным синонимом лексемы sorcerer, со стилистически более нейтральным оттенком – «magician», однако, номинатор сделал выбор в пользу негативно окрашенного существительного.

Согласно онлайн-словарю WordHunt [14], основным вариантом перевода слова «колдун» на английский является существительное «witch», однако, в Кэмбриджском словаре [35] «witch» определяется как «a woman who is believed to have magical powers and who uses them to harm or help other people» (досл. женщина, которая, как считается, обладает магической силой и использует ее, чтобы причинить вред другим людям или помочь им). Словарь Cambridge поясняет, что в семантике данного существительного заложена определённая гендерная принадлежность человека, обладающего такого рода способностями. Возможно, именно поэтому оно не было выбрано переводчиком при номинации данной картины.

Для более глубокого анализа обратимся к историко-культурологической справке к данной работе, представленной на сайте Галереи [19]. Из описания узнаем, что именно «по древним поверьям, подобные ему люди, обладающие магическими способностями, могли нанести порчу и большие несчастья», и сам художник закладывает в сюжет определённый оттенок эзотерики, язычества, традиционных русских поверий, представляя, к тому же, данного персонажа полной противоположностью всех остальных людей, изображённых на полотне – с хмурым лицом, в грязной одежде, пришедший на чужой праздник без приглашения. Таким образом, негативно окрашенное «sorcerer» в ПЯ коррелирует с авторским замыслом и отношением к персонажу, что обуславливает выбор переводчика. В данном случае имеет смысл говорить об использовании интерпретатором культурного аналога как трансформации при работе с артионимом.

Наряду с использованием культурного аналога, по результатам анализа данного артионима и его интерпретации, можем сделать вывод, что при переводе происходит синтаксическая трансформация, а результат является примером синтаксической лингвокультурологической адаптации, так как русское имя существительное «приход» в названии на ИЯ трансформируется в английское «comes» – глагол с выраженным действием, в активном залоге, отражающий субъектно-предикативные отношения.

Ещё один объект транслатологического анализа, который будет упомянут в данной статье, картина И.Е. Репина «Стрекоза». Называя картину на ПЯ, автор прибегает к антономасии. «Стрекоза» в качестве прозвища подразумевает человека чрезмерно подвижного, неусидчивого. Цвет, движение, положение, личная история – всё это обусловило именно такой авторский выбор. В переводе названия картины на английский язык, номинатор использовал кальку и дословно передал авторский смысл как «dragonfly». Согласно одному из англоязычных источников [29], узнаём, что и в английском языке существительное «dragonfly» обозначает не только насекомое, но и употребляется в некоторых идиомах, в которых имеет иную семантику. Так, например, идиоматическое выражение «to have a dragonfly heart» означает «быть беззаботным, беспечным». Также в английском языке есть выражение «chasing dragonflies» со значением «погоня за чем-то неуловимым». Из приведённой информации можно сделать вывод, что и в английском языке «dragonfly» в переносном значении подчёркивает оттенок лёгкости, беззаботности (говоря о человеке), поэтому, выбор в пользу данной кальки с русского языка переводчиком обоснован.

Таким образом, перевод данного артионима является результатом семантической лингвокультурологической адаптации, где интерпретатор использует лексему, которая, переводясь калькой, имеет идентичное переносное значение тому, что имеет и использованное при номинации слово на ИЯ.

Результат лингвокультурологической адаптации может быть отмечен при номинации на ПЯ картины Н.А. Ярошенко «Портрет П.А.Стрепетовой». В английском языке данная картина получила название «Portrait of Pelageya Strepetova». Данное решение переводчика обосновывается культурологическими различиями в двух культурах. Для русского языка обращение по отчеству – своеобразная особенность. Она выполняет определённую социокультурную функцию, ведь в русской культуре упоминание фамилии и имени вместе с отчеством гласит и о выражении уважения к персоне, может указывать на её положение в обществе или возраст. Когда-то в английском языке тоже существовали отчества, однако позднее они трансформировались в фамилии. Из этого можно сделать вывод, что именно поэтому номинатором было исключено решение указывать в названии картины отчество. Однако для того, чтобы познакомить иностранных любителей русской культуры с великой драматической актрисой, изображённой на картине, он полностью раскрывает её имя с использованием транслитерации и добавляет к нему фамилию девушки. Недостаток экстралингвистических знаний не будет компенсирован за счёт использования транслитерации как вида переводческой трансформации, однако, облегчит поиск дальнейшей информации, ведь имя девушки в англоязычном варианте указано полностью.

Данный перевод является характерным результатом стилистической лингвокультурологической адаптации за счёт подстраиваемых интерпретатором культурных особенностей страны ИЯ при номинации картины на языке иностранном.

Перевод названия картины Г.Г. Мясоедова «Земство обедает» представляет собой пример важности транслитерации как приёма при переводе терминов – в данном случае, исторического. Дав на ПЯ название «The Zemstvo Dines», переводчиком было продемонстрировано отсутствие в английском аналога для русского «земства». Именно в подобных случаях используется транслитерация, чтобы воспроизвести исключительно буквенный состав, графическую форму слова с переводимого языка без объяснения семантики слова. Стоит также отметить использование в названии на ПЯ определённого артикля the. Данный грамматический выбор может быть обусловлен желанием подчеркнуть, отграничить лишь определённую часть земства, которая изображена на картине. Для подтверждения данного предположения обратимся к описанию картины, представленному на официальном сайте Государственной Третьяковской галереи [22]. Из культурологической справки узнаём, что «на хмурых лицах крестьян запечатлены глубокая сосредоточенность и грусть, ведь не показанная на холсте дворянская часть земства обедает в помещении… Художник показывает социальное неравенство» [22]. Перевод данного артионима является результатом синтаксической лингвокультурологической адаптации – при интерпретации на ПЯ происходит уточнение, отграничение части упоминаемого земства за счёт использования определённого артикля, что, в свою очередь, в названии на ИЯ не уточняется.

Картина В.М. Васнецова «С квартиры на квартиру» наполнена болью и страданием бедных скитающихся людей, идущих по серой и мрачной северной столице России. Знание исключительно названия картины на исходном языке без дополнительных знаний о сюжете, создаёт у реципиента неоднозначные образы – неясно, что значит это перемещение: приобретение нового жилища или же речь идёт о разовом походе в гости. В английском языке данная работа получила иное название – «From Rented Room to Rented Room», в котором подчёркивается тип жилья, о котором идёт речь, и социальное положение тех людей, которые изображены на полотне. Интерес вызывает выбранное номинатором существительное «room», переводимое на русский как «комната», но не как «квартира». Возможно, это обусловлено тем, что слово «room» имеет

больше одного значения в русском языке. Обратившись к Кэмбриджскому словарю, видим, что «room» может переводиться на русский не только как «комната», но и как «место, пространство», однако пространство для вещей, чтобы их помещать (анг. space for things to fit into) [33]. Можно сделать предположение, что переводчиком намеренно была использована литота с целью демонстрации уровня материального достатка людей, изображённых на картине, их социального положения.

Таким образом, перевод данного артионима представляет собой результат стилистической лингвокультурологической адаптации за счёт нарочитого использования лексемы на ПЯ со значением, преуменьшаемым размеры пространства, упоминаемого в исходном названии, что влияет на перцепцию сюжета реципиентом.

Название картины С.Б. Иванова «В дороге. Смерть переселенца» и его перевод на английский язык «On the Road. Death of a Migrant» также представляет интерес для сравнительно-сопоставительного анализа. По О.Б. Романовой, в современной научной литературе понятия «переселенец» и «мигрант» практически не различаются, однако, стоит отметить, что если смотреть на хронологию, то понятие «переселение» часто использовалось именно в дореволюционный период [8], а понятие «миграция» появилось уже позднее.

Обращаясь к этимологическому словарю английского языка [31], попытаемся понять, насколько давно лексема «мигрант» (анг. «migrant») используется в обиходе англоговорящего населения. Узнаём, что лексема «migrant» упоминалась ещё в 1670-е годы, однако, выступала в роли прилагательного и использовалась исключительно по отношению к животным, меняющим место своего пребывания. Только в 1807 году начала широко использоваться в качестве существительного со значением «человек, передвигающийся с одного места на другое» (анг. "changing place, migratory," 1670s of animals, by 1807 of persons, from Latin migrantem (nominative migrans), present participle of migrare "to remove, depart, to move from one place to another", о чём говорит этимологический онлайн-словарь английского языка [31].

О.Б. Романова в своей работе также отмечает, что некоторые учёные-социологи всё же разграничивают данные понятия следующим образом: «мигрант – лицо, совершающее территориальное передвижение (миграцию) со сменой постоянного места жительства и работы навсегда или на определенный срок (от 1 дня до нескольких лет)»; переселенец – это «лицо, добровольно покидающее страну своего проживания и переезжающее на постоянное место жительства в другую страну» [25].

Доказывая логичность такого разделения данных понятий, обратимся к историко-культурологической справке по данной картине [9] и сделаем вывод, что данное мнение вполне обоснованно. Люди, изображённые на полотне С.В. Иванова, добровольно покинули родное место с целью поиска лучшей жизни, однако, не в другой стране, а на Востоке России, после реформы 1861 года.

Опираясь на проведённый выше анализ, делаем вывод, что использование лексемы «migrant» как аналог русского «переселенец» и использование культурного аналога при переводе данного артионима вполне обоснованно. Понятие «мигрант» (анг. migrant) появилось в англоязычном мире и начало использоваться раньше, нежели у русского населения. Более того, в ПЯ не выделяют различий в данных понятиях и для выражения семантики «человек, движущийся с одного места в другое» используется, как правило, одна лексема – migrant.

Таким образом, перевод данного артионима является характерным примером семантической лингвокультурологической адаптации, так как для передачи авторского смысла при переводе на ПЯ была использована лексема, которая несёт в себе идентичную семантику, наряду с той, что заложена в авторском названии и не имеет семантического разделения между двумя схожими в ИЯ понятиями.

В качестве заключительного примера, обратимся к названию полотна Н.А. Ярошенко «Всюду жизнь», в английском языке получившему название «Life Goes on Everywhere». Отметим, что в названии, заложенном автором, глагол отсутствует как таковой, он опущен, в то время как в ПЯ для обозначения протекающей повсюду жизни номинатором используется фразовый глагол «go on» с его основным значением «продолжаться, тянуться, продолжать что-то делать» (анг. to last for a particular period of time; to continue doing something) [30]. Использование при переводе данного фразового глагола обоснованно, ведь номинатором передаётся одновременно как художественный, так и информативный перевод. На своём полотне автор демонстрирует остро социальный сюжет и закладывает глубокий смысл – гуманизм и проявление лучших человеческих качеств есть и за решёткой, жизнь, действительно, продолжается повсюду – как на свободе, так и за её пределами, что и подчёркивается интерпретатором при номинации данного артионима, а реализовать это на ПЯ помогает добавление как переводческая трансформация. Приходим к выводу, что перевод данного артионима является результатом синтаксической лингвокультурологической адаптации, так как при переводе в названии появляется фразовый глагол, демонстрирующий продолжающееся, длящееся действие, в то время как в авторском названии глагол опущен вовсе.

Таким образом, в названиях картин Передвижников имеет место синтаксическая, стилистическая или семантическая лингвокультурологическая адаптация, характеризующаяся эпизодами характерной дисфемии с преобладанием конкретизации с усилением значения, либо образного лейтмотива, изображаемого на полотне.

Выводы

Анализ артионимов, представленных на выставочном проекте «Передвижники» в Государственной Третьяковской галерее, демонстрирует сложную игру лингвистических и культурологических факторов в процессе перевода. Задача переводчика выходит за рамки исключительно подбора эквивалентов, требуя глубокого понимания исторического контекста, художественных особенностей эпохи и индивидуального стиля художника, а также умения адаптировать название картины для восприятия иноязычными реципиентами, для чего используются различные переводческие приёмы и трансформации.

Выявленные в ходе исследования семантические, стилистические и синтаксические несоответствия между оригинальными названиями картин и их переводами на английский язык подтверждают нашу гипотезу о том, что лингвокультурологическая адаптация артионимов неизбежно влечёт за собой изменения – семантические, стилистические или синтаксические. Более того, как показал сравнительно-сопоставительный анализ, эти изменения могут приобретать форму заострения и усиления выразительности – дисфемии – в зависимости от конкретной цели интерпретатора и специфики изображённого на полотне.

Список источников

1. Абраменко Е.В. Артионим как единица искусствоведческого дискурса // Язык и культура в глобальном мире: сборник статей. Санкт-Петербург: ООО «Издательство «ЛЕМА», 2024. С. 23 – 29.

2. Ахметова А.Р. Артионимы как культурный феномен текста города // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2020. № 2 (39). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/artionimy-kak-kulturnyy-fenomen-teksta-goroda (дата обращения: 08.07.2025).

3. Бабаскина Е.Г. Особенности перевода артионимов // Перевод и межкультурная коммуникация: теория и практика. 2025. № 15. С. 3 – 8.

4. Бурмистрова Е.А. Названия произведений искусства как объект ономастики: дис. … канд. филол. наук: 5.9.8. Волгоград, 2006. 204 с.

5. Винокур Г.О., Ларин Б.А., Ожегов С.И., Томашевский Б.В., Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Сов. Энцикл.: ОГИЗ, 1935. 5618 с.

6. Даниленко В.П. Введение в языкознание: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2020. 288 с.

7. Дулова Ю.В. Артионим как исторический источник / Актуальные проблемы источниковедения: материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии. Витебск, 25-27 апреля 2019 года. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2019. С. 48 – 50.

8. Захарова Л.Д. Лексико-семантическая замена // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник. 2010. № 2010. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskaya-zamena (дата обращения: 09.07.2025).

9. Иванов С.В. В дороге. Смерть переселенца. URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/51580 (дата обращения: 08.07.2025).

10. Иванова В.И., Евсина М.В. Передача национально-культурных особенностей при переводе артионимов // ТяиМК. 2021. № 4 (43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/peredacha-natsionalno-kulturnyh-osobennostey-pri-perevode-artionimov (дата обращения: 09.07.2025).

11. Казакова Т.А. Художественный перевод: учебное пособие для ВУЗов. Санкт-Петербург: ИВЭСЭП, 2002. 113 с.

12. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

13. Каушанская В.Л., Ковнер Р.Л., Кожевникова О.Н., Прокофьева Е.В. Грамматика английского языка. Пособие для студентов педагогических институтов. М.: Айрис-пресс, 2008. 384 с.

14. Колдун – основные варианты перевода на английский, примеры, транскрипция. URL: https://wooordhunt.ru/word/колдун (дата обращения: 08.07.2025).

15. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

16. Крамской И.Н. Христос в пустыне. URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/8448 (дата обращения: 08.07.2025).

17. Кушнарёва Т.В., Прибыткова В.И. Достижение адекватности перевода посредством лексических трансформаций // Современное педагогическое образование. 2022. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dostizhenie-adekvatnosti-perevoda-posredstvom-leksicheskih-transformatsiy (дата обращения: 09.07.2025).

18. Лугаськова И.П. Лингвокультурологический аспект перевода названий произведений изобразительного искусства с английского на русский язык (на примере названий картин английских художников XVIII – XIX вв.) // Центр и периферия. 2021. № 1. С. 90 – 93.

19. Максимов В.М. Приход колдуна на крестьянскую свадьбу. URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/21154 (дата обращения: 08.07.2025).

20. Марьина О.В., Винокурова М.А., Краева В.Ю. Лингвокультурология: учебно-методическое пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2024. 92 с.

21. Махортова Т.Ю. Названия произведений живописи как объект транслатологического исследования // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2023. № 12 (104). URL: https://scipress.ru/philology/articles/nazvaniya-proizvedenij-zhivopisi-kak-obekt-translatologicheskogo-issledovaniya.html (дата обращения: 08.07.2025).

22. Мясоедов Г.Г. Земство обедает. URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/34217 (дата обращения: 08.07.2025).

23. Погорелова И.В., Тарасова П.С. Артионим в семиотике живописного произведения // Культура и искусство. 2024. № 2.

24. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии: 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

25. Романова О.Б. Понятия «Мигрант» и «Переселенец»: теоретические особенности и социальная реальность // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 1 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-migrant-i-pereselenets-teoreticheskie-osobennosti-i-sotsialnaya-realnost (дата обращения: 22.07.2025).

26. Рупосова Л.П. Артионимы и эксфрасисы как элементы языковой игры в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» // Вестник МГОУ. 2013. № 3. URL: https://evestnikmgou.ru/ru/Articles/View/444 (дата обращения: 08.07.2025).

27. Филиппова И.Н., Вековищева С.Н. Дисфемия в гендерлекте // Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives: Proceedings of the 8 th International symposium. Вена, 22 января 2022 года. Вена: Premier Publishing s.r.o., 2022. С. 20 – 24.

28. Distinction: Declare vs. Explain. URL: https://steves3minutecoaching.com/s1356-distinction-declare-vs-explain/ (дата обращения: 08.07.2025).

29. Dragonfly: Meaning, Usage, Idioms & Fun Facts Explained. URL: https://www.crestolympiads.com/spellbee/dragonfly (дата обращения: 08.07.2025).

30. Go on. English meaning – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/go-on (дата обращения: 08.07.2025).

31. Migrant – Etymology, Origin & Meaning. URL: https://www.etymonline.com/word/migrant (дата обращения: 08.07.2025).

32. Public Holiday. English meaning – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/public-holiday (дата обращения: 08.07.2025).

33. Room. English meaning – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/room (дата обращения: 08.07.2025).

34. Sorcerer. English meaning – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/sorcerer (дата обращения: 08.07.2025).

35. Witch. English meaning – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/witch (дата обращения: 08.07.2025).

References

1. Abramenko E.V. Artionim as a Unit of Art Critical Discourse. Language and Culture in the Global World: A Collection of Articles. St. Petersburg: LEMA Publishing House, 2024. P. 23 – 29.

2. Akhmetova A.R. Artionims as a Cultural Phenomenon of the City Text. Bulletin of Sholem Aleichem PSU. 2020. No. 2 (39). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/artionimy-kak-kulturnyy-fenomen-teksta-goroda (date of accessed: 08.07.2025).

3. Babaskina E.G. Features of Artionims Translation. Translation and Intercultural Communication: Theory and Practice. 2025. No. 15. P. 3 – 8.

4. Burmistrova E.A. Titles of works of art as an object of onomastics: dis. ...cand. Philol. Sciences: 5.9.8. Volgograd, 2006. 204 p.

5. Vinokur G.O., Larin B.A., Ozhegov S.I., Tomashevsky B.V., Ushakov D.N. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vol. M.: Sov. Encycl.: OGIZ, 1935. 5618 p.

6. Danilenko V.P. Introduction to linguistics: textbook. M.: FLINTA, 2020. 288 p.

7. Dulova Yu.V. Artionym as a Historical Source. Current Issues in Source Studies: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference dedicated to the 110th Anniversary of the Vitebsk Scientific Archival Commission. Vitebsk, April 25-27, 2019. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherov, 2019. P. 48 – 50.

8. Zakharova L.D. Lexical and Semantic Replacement. Basic Concepts of Translation Studies (Domestic Experience). Terminological Dictionary and Reference Book. 2010. No. 2010. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskaya-zamena (date of accessed: 09.07.2025).

9. Ivanov S.V. On the Road. Death of a Migrant. URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/51580 (date of accessed: 08.07.2025).

10. Ivanova V.I., Evsina M.V. Conveying National and Cultural Peculiarities in the Translation of Artionims. TyaiMK. 2021. No. 4 (43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/peredacha-natsionalno-kulturnyh-osobennostey-pri-perevode-artionimov (date of accessed: 09.07.2025).

11. Kazakova T.A. Literary Translation: A Textbook for Universities. St. Petersburg: IVESEP, 2002. 113 p.

12. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.

13. Kaushanskaya V.L., Kovner R.L., Kozhevnikova O.N., Prokofieva E.V. English Grammar. A Handbook for Students of Pedagogical Institutes. Moscow: Iris-Press, 2008. 384 p.

14. Sorcerer – Main Translation Options into English, Examples, Transcription. URL: https://wooordhunt.ru/word/колдун (date of accessed: 08.07.2025).

15. Komissarov V.N. Translation Theory (Linguistic Aspects). Moscow: Vysshaya Shkola, 1990. 253 p.

16. Kramskoy I.N. Christ in the Desert. URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/8448 (date of accessed: 08.07.2025).

17. Kushnaryova T.V., Pribytkova V.I. Achieving Translation Adequacy through Lexical Transformations. Modern Pedagogical Education. 2022. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dostizhenie-adekvatnosti-perevoda-posredstvom-leksicheskih-transformatsiy (date of accessed: 09.07.2025).

18. Lugaskova I.P. Lingvocultural Aspect of Translating Titles of Works of Fine Art from English into Russian (using the example of the titles of paintings by English artists of the 18th – 19th centuries). Center and Periphery. 2021. No. 1. P. 90 – 93.

19. Maksimov V.M. “The Sorcerer’s Arrival at a Peasant Wedding.” URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/21154 (date of accessed: 08.07.2025).

20. Maryina O.V., Vinokurova M.A., Kraeva V.Yu. “Linguocultural Studies: A Study Guide.” Barnaul: Altai State Pedagogical Univ., 2024. 92 p.

21. Makhortova T.Yu. “Titles of Paintings as an Object of Translatological Research.” Philological Aspect: International Scientific and Practical Journal. 2023. No. 12 (104). URL: https://scipress.ru/philology/articles/nazvaniya-proizvedenij-zhivopisi-kak-obekt-translatologicheskogo-issledovaniya.html (date of accessed: 08.07.2025).

22. Myasoedov G.G. The Zemstvo is Having Lunch. URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/34217 (date of accessed: 08.07.2025).

23. Pogorelova I.V., Tarasova P.S. Artionim in the Semiotics of a Painting // Culture and Art. 2024. No. 2.

24. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian Onomastic Terminology: 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Nauka, 1988. 192 p.

25. Romanova O.B. “The Concepts of ‘Migrant’ and ‘Resettler’: Theoretical Features and Social Reality”: Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East. 2013, No. 1 (21). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-migrant-i-pereselenets-teoreticheskie-osobennosti-i-sotsialnaya-realnost (date of accessed: 22.07.2025).

26. Ruposova, L.P. “Artionyms and Exphrasis as Elements of Language Play in Ilf and Petrov’s Novel ‘The Golden Calf’”. Vestnik MGOU. 2013. No. 3. URL: https://evestnikmgou.ru/ru/Articles/View/444 (date of access: 08.07.2025).

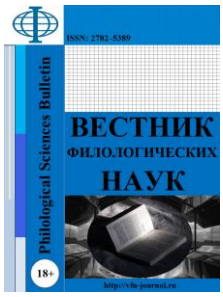
27. Filippova I.N., Vekovishcheva S.N. Dysphemia in genderlect. Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives: Proceedings of the 8th International symposium. Vienna, January 22, 2022. Vienna: Premier Publishing s.r.o., 2022. P. 20 – 24.
28. Distinction: Declare vs. Explain. URL: https://steves3minutecoaching.com/s1356-distinction-declare-vs-explain/ (date of access: 08.07.2025).
29. Dragonfly: Meaning, Usage, Idioms & Fun Facts Explained. URL: https://www.crestolympiads.com/spellbee/dragonfly (date of access: 08.07.2025).
30. Go on. English meaning – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/go-on (date of access: 08.07.2025).
31. Migrant – Etymology, Origin & Meaning. URL: https://www.etymonline.com/word/migrant (date of access: 08.07.2025).
32. Public Holiday. English meaning – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/public-holiday (date of access: 08.07.2025).
33. Room. English meaning – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/room (date of access: 08.07.2025).
34. Sorcerer. English meaning – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/sorcerer (date of access: 08.07.2025).
35. Witch. English meaning – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/witch (date of access: 08.07.2025).

Информация об авторах

Вековищева С.Н., *кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет просвещения*

Исмаилова П.Х., *Государственный университет просвещения*

© Вековищева С.Н., Исмаилова П.Х., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.351

[1] Гусейнова М.Б.

[1] Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова

Зоонимы в пословицах и поговорках дагестанских языков

Аннотация: *в статье проводится сравнительный анализ зоонимов в пословицах и поговораках дагестанских языков. К сравнительному анализу привлечены аварский, даргинский, табасаранский и рутульский языки. Зоонимические пословицы активно употребляются в речевом акте говорящих на разных языках. Такие пословицы составляют достаточно объемную часть пословичного фонда дагестанских языков. В них можно обнаружить большое количество образов, заимствованных из животного мира. Эти выражения созданы на основе имеющегося или приписываемого животному признака. Собственное значение одного имени переносится на другое значение, которое подходит первому лишь ввиду того сравнения, которое находится в сознании носителя языка в клишированном виде. Отмечается, что наиболее активно используются такие названия животных, как осел, бык, волк, лошадь, кошка, собака. А названия насекомых не так часто отмечаются в пословицах данных языков. Зоонимические пословицы и поговорки отличаются повышенной экспрессивностью и эмоциональностью. Большинство пословиц, содержащих зоонимы, в дагестанских языках совпадают. Хотя отмечается ряд пословиц, которые отмечаются лишь в одном из указанных языков. Это характеризует национальный менталитет и особенности культуры носителей языков.*

Ключевые слова: *дагестанские языки, пословицы и поговорки, зоонимы, сравнительный анализ, образы животных, пласт лексики, культура народа*

Для цитирования: Гусейнова М.Б. Зоонимы в пословицах и поговорках дагестанских языков // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 106 – 109.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Guseynova M.B.

[1] Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov

Zoonyms in proverbs and sayings of the Dagestan languages

Abstract: *the article provides a comparative analysis of zoonyms in the proverbs and sayings of the Dagestani languages. The Avar, Dargin, Tabasaran and Rutul languages are involved in the comparative analysis. Zoonymic proverbs are actively used in the speech act of speakers of different languages. Such proverbs make up a fairly voluminous part of the proverbial fund of the Dagestan languages. In them, you can find a large number of images borrowed from the animal world. These expressions are based on an existing or attributed attribute of an animal. The proper meaning of one name is transferred to another meaning, which is suitable for the first one only because of the comparison that is in the mind of a native speaker in a cliched form. It is noted that such animal names as donkey, bull, wolf, horse, cat, dog are most actively used. And the names of insects are not often mentioned in the proverbs of these languages. Zoonymic proverbs and sayings are characterized by increased expressiveness and emotionality. Most of the proverbs containing zoonyms coincide in the Dagestan languages. Although there are a number of proverbs that are noted only in one of these languages. This characterizes the national mentality and cultural peculiarities of native speakers.*

Keywords: *the Dagestan languages, proverbs and sayings, zoonyms, comparative analysis, images of animals, layer of vocabulary, culture of the people*

For citation: Guseynova M.B. Zoonyms in proverbs and sayings of the Dagestan languages. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 106 – 109.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Актуальность работы. Сравнительное рассмотрение зоонимических пословиц в указанных языках – вопросы, на сегодня все еще не освещенные. Имеется ряд работ, связанных с этими вопросами. Однако сравнительное рассмотрение пословиц разных дагестанских языков на сегодняшний день не проводилось. Значительная часть имеющихся работ посвящена сопоставлению дагестанских и европейских языков.

Основная цель – осуществление контрастивного анализа зоонимичных пословиц в названных языках.

Задачи:

- обрисовать пословицы с зоонимами в упомянутых языках;
- осуществить контрастивный анализ данных выражений.

Материалы и методы исследований

Основу для анализа составляют материалы из различных источников, в том числе из словарей пословиц [3, 4, 8].

Применялись метод компонентного анализа и сравнительный метод, с помощью которого было проведено исследование.

Результаты и обсуждения

Пословицы формировались в течение большого периода времени. При рассмотрении культурного и языкового рассмотрения носителей языков, пословицы воспринимаются как бесценность. Данные формулы речи считаются находящимися в широком употреблении в коммуникативном общении. «С их помощью можно охарактеризовать любого человека, его поступки, состояние эмоций или гнева» [2].

Они распространены в достаточной степени, так как «такие сочетания делают язык более привлекательным и насыщенным [1].

Мультикультурная неординарность пословиц ориентированна коммуникативными и исконными факторами. Картографический фактор дагестанского ареала (леса, горы) обусловили основные черты и направления рационализации материального производства. В жизни горских народностей во все времена присутствовали животные.

В исследовании участвуют аварский, даргинский, табасаранский, рутульский языки. Нами выделены следующие зооморфные образы, которые наиболее часто встречаются в пословицах: «собака», авар. гьой, дарг. хя, табас.ху, рутул.хий.

«кошка», авар. кето, дарг.жита, табас.гату, рутул.га1т.

«волк», авар.бац1, дарг. бец1, табас.жанивар, рут.убул.

«корова», авар.г1ака, дарг.кьял, табас. к1ар, рутул.зебыр.

«осел», авар.х1ама, дарг.эмх1е, табас.дажи, рутул.юмаль.

«мышь», авар.г1унк1, дарг.ваца, табас.кьюл, рутул.кьу1л

«лиса», авар.цер, дарг.гурда, табас.сул, рутул.сик1.

«заяц», авар. г1анк1у, дарг.г1яра, табас.гъюр, рутул.гъы1р.

«лошадь», авар.чу, дарг.урчи, табас.гьяйван, рутул.иыван.

«бык», авар.оц, дарг.унц, табас.яц, рутул.яц.

В рамках обозначенных наименований фауны особое место в ценностной картине мира занимают следующие виды, которые расцениваются как помощники в хозяйстве. Это: осел, лошадь, бык, волк, собака, которые отличаются частотностью употребления:

Авар.Чияр чода рек1ани – хехго гъоркье решт1уна. «На чужую лошадь сядешь – быстро с нее сойдешь».

Дарг. Х1ябяркъурси урчиличи гили чех1едирхьу. «На коня седло надевают после его приручения» [4].

Табас. Гьяйвнарин юргъа, маларин бугъа чпин аьжлиинди дирихур. «Из лошадей неистовый скакун, из коров неистовый бык своей смертью не умирают» [3].

Рутул. Викьид зер йывдырат1лад вуруъура. «Околевшая корова больше всего молока давала» [8].

Наблюдение над пословицами приведенных языков установил, что в них достаточно проступают образы из мира животных. Такие сочетания созданы на основе имеющегося или приписываемого животному признака [7].

Это продиктовано тем, что пословицы отсвечивают эпохальный прогресс народа, и то, что народ постоянно состоял в непреложной связи с животными.

«Животное было мерилом многих человеческих качеств – как физических, так и нравственных» [9].

«Тождество мысли или понятий не удивительно, так как предписания здравого смысла, наблюдений природы и навыков животных более или менее одинаковы у всех народов» [10].

Проработка пословичного материала указывает на то, что в дагестанских языках реже встречаются пословицы о насекомых.

Наше исследование показывает, что аллегорическую природу имеют множество пословичных сочетаний. Они этимологически связанны с устоями прошлого и суеверными воззрениями. Парафернальный смысл одного имени откладывается на другой смысл. А он это значение может подходить первому только из-за компарирования, которое может иметься в понимании представителя языка в стереотипной форме.

В пословицах указанных языков фигурируют не все названия фауны. Цикличностью обладают «лошадь», «осел», «волк», «лиса», «собака», «бык».

Через них выстраиваются первоплановые символы лиц по их поведению, по их отношению к другим людям. Символы при данных обстоятельствах сообщают о положительных и отрицательных действиях.

Подавляющая часть пословиц с зоонимами во всех исследованных языках идентична. Отмечаются сочетания, отличающиеся в небольшой степени, что продиктовано их этнической спецификой.

В аспекте наличия совпадений отметили следующие группы:

1. Пословицы-эквиваленты, конгруэнтные в данных языках по семантике и по составу лексических компонентов. Ср.:

дарг. Гидгари биг1уну – г1ярг1яра билг1я «Своровал яйцо – сворует и курицу»;

авар. Жакъа г1анк1у бикьарас, метер оцги бикьула «Кто украл яйцо, украдёт и курицу»;

рут. Гъигъа гъылыгъ сувухьунара, бага г1ат1 сувухус ви «Тот, кто сегодня украл яйцо, завтра украдет курицу».

дарг. Бебк1ибси кья ниъ мурити дирар «У мертвой коровы молоко сладкое бывает»;

авар. Хвараб г1ана рахьдалаб «Мертвая корова молочная»;

рут. Викъиди заьр нек киди вурукъури «Мертвая корова с молоком бывает».

дарг. Бец1 кьяшмани балха «Волка ноги кормят»;

авар. Бегараб бац1 бакъараб, бахъараб бац1 г1орц1араб «И волка ноги кормят»;

рут. Шеед вар джуду гъилифан аьгъури «Волк получает богатство ногами».

дарг. Кахк1ебушибси синкала гули мабурт1ид «Не дели шкуру неубитого медведя»;

авар. Талмикь г1анк1 бук1аго, ц1еда гереги лъоге «Не убив медведя, шкуры не продавай»;

табас.: Дийик1ну одру шечдин кьидикь пай мак1ан «Не дели шкуру неубитого медведя».

2. Пословицы, совпадающие по значению, но имеющие различные зоонимы:

1дарг. Г1ях1си урчилис гьачам бяхъялли биур «Хорошему коню – один удар, хорошему человеку – одно слово»;

авар. Лъик1аб чое цо ц1ал, лъик1ав чиясе цо раг1и. «Хорошему коню – один удар, хорошему человеку – одно слово»;

рут. Йума1ла1да1 веше йихь, илсынды сада «Ослу сто раз говори, человеку один раз».

дарг. Маза дих1яхъес бец1личи хъармабирид «Не доверяй волку стеречь овец»;

авар. Г1и ц1унизе бац1 тоге, яс ц1унизе вас тоге «Овец сторожить волка не оставляй, девушку стеречь парня не оставляй»;

дарг. Жибх1ни г1ебшни дирар дуйг1ути «Цыплят по осени считают»;

авар. Г1анк1удул т1анч1и хаслихъе рик1к1уна «Цыплят по осени считают»;

табас. Шюхъяр чвну гьисаб ак1уру «Цыплят по осени считают»;

рут. Дэвлет хумухунд кьыли вакь «Считай богатство осенью».

Наши наблюдения показывают, что в приведенных дагестанских языках различаются ряд пословиц с зоонимами. К примеру, пословицы, наблюдающиеся в даргинском, не встречаются в других языках. Приведем примеры: агарси кьадалиуб, ах1ек1уб г1ярала дурх1я «у кустика, который еще не вырос, зайчонок, который еще не родился», мургьили бакадалра эмх1е эмх1ели бирар «хоть золотым слоем покрой, осел есть осел», х1и чедаалли, х1яйванра г1ег1бик1ар «на кровь и скотина вырывает».

Они свидетельствуют о национальном менталитете носителей языка.

Выводы

Таким образом, приведенные пословицы с зоонимами отличаются повышенной экспансивностью, высокой колоритностью. В зоонимических пословицах в сравниваемых дагестанских языках обозначаются переживания людей, которые осложняются этническими и культурными устоями. Различия могут быть интерпретированы тем, что в пословицах более четко и рельефно всплывают особенности и специфика каждого народа, говорящего на своем языке.

Список источников

1. Гасанова У.У., Давудов Ш.З. Структурно-семантический анализ соматических фразеологических единиц русского и рутульского языков // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 6. С. 98 – 102.
2. Гасанова У.У., Максимова А.Н. Сравнительный анализ лексико-семантических групп устойчивых сочетаний дагестанских языков // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 6. С. 170 – 175.
3. Гасанова М.А. Словарь табасаранских пословиц и поговорок. Махачкала, 2014. 208 с.
4. Гасанова У.У. Словарь пословиц и поговорок даргинского языка. Махачкала, 2014. 290 с.
5. Загиров В.М. Лексика табасаранского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1981. 108 с.
6. Магомедханов М.М. Вопросы фразеологии и фразеографии аварского языка. Махачкала, 1989. 86 с.
7. Махмудов М.О. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в даргинском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5. Махачкала, 2016. 167 с.
8. Махмудова С.М. Фразеологический словарь рутульского языка. Махачкала, 2016. 215 с.
9. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1989. 344 с.
10. Тимошенко И.Е. Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897. 300 с.

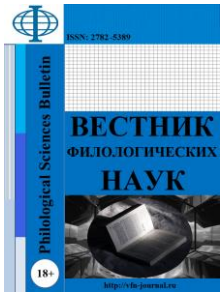
References

1. Gasanova U.U., Davudov Sh.Z. Structural and semantic analysis of somatic phraseological units of the Russian and Rutul languages. Bulletin of philological sciences. 2024. Vol. 4. No. 6. P. 98 – 102.
2. Gasanova U.U., Maksimova A.N. Comparative analysis of lexical and semantic groups of set phrases of the Dagestan languages. Bulletin of philological sciences. 2024. Vol. 4. No. 6. P. 170 – 175.
3. Gasanova M.A. Dictionary of Tabasaran proverbs and sayings. Makhachkala, 2014. 208 p.
4. Gasanova U.U. Dictionary of proverbs and sayings of the Dargin language. Makhachkala, 2014. 290 p.
5. Zagirov V.M. Vocabulary of the Tabasaran Language. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1981. 108 p.
6. Magomedkhanov M.M. Phraseology and Phraseography of the Avar Language. Makhachkala, 1989. 86 p.
7. Makhmudov M.O. Comparative Analysis of Phraseological Units with a Zoonym Component in the Dargin and English Languages: Cand. Sci. (Philology) Dissertation: 5.9.5. Makhachkala, 2016. 167 p.
8. Makhmudova S.M. Phraseological Dictionary of the Rutul Language. Makhachkala, 2016. 215 p.
9. Mokienko V.M. Slavic Phraseology. Moscow, 1989. 344 p.
10. Timoshenko I.E. Literary Sources and Prototypes of Three Hundred Russian Proverbs and Sayings. Kiev, 1897. 300 p.

Информация об авторах

Гусейнова М.Б., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала, nurselin7@mail.ru*

© Гусейнова М.Б., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки)
УДК 811.111

[1] *Салимова Наргиз Самед гызы* **[1] *Азербайджанский университет языков***

Стилистические изменения в текстах искусственного интеллекта

Аннотация: *представленная статья написана на актуальную тему. Её значимость и своевременность не вызывает никаких сомнений. Искусственный интеллект столь прочно вошёл в нашу жизнь, что обойтись без него не могут ни учащиеся школ и вузов, ни специалисты в самых разных областях научной или общественной жизни. Об этом вкратце говорится в самом начале настоящей статьи. Далее, в разделе «Результаты и обсуждения», на наш взгляд, привлекает несомненное внимание несколько следующих моментов. Во-первых, некоторые теоретические положения, вводимые в научный оборот, касаются не только прогрессивного человечества (что и так очевидно), но и непосредственно Азербайджана. Во-вторых, при переходе к главному аспекту любые стилистические изменения благоразумно рассматриваются автором как в лингвистическом тексте (а он, понятно, всегда строго научный), так и в современной художественной литературе. Это, безусловно, повышает, так сказать, себестоимость данной работы. В-третьих, весьма показательно, что избранная тема реализуется на различных языковых уровнях. А именно, в орбиту лингвистического анализа попадают новейшие технологические средства, как-то: специализированные блок-чаты, чаты-боты, описаны всевозможные пути вхождения в Интернет-сайты и т.д. Эти операции целиком и полностью согласуются с центральной проблемой, так как ИИ – это по сути дела механизированная реакция машинного производства на вложенную человеком компьютерную программу. И эти новшества достаточно подробно здесь обосновываются. В-четвёртых, основная направленность всей работы на лингвистику тем не менее не помешала автора отразить и методологический аспект.*

Ключевые слова: *стилистика, условная фигура речи, модификации, трансформации, функции ИИ, цифровая эра, языкознание*

Для цитирования*:* Салимова Наргиз Самед гызы. Стилистические изменения в текстах искусственного интеллекта // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 110 – 116.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] *Salimova Nargiz Samad gyzy* **[1] *Azerbaijan University of Languages***

Stylistic changes in artificial intelligence texts

Abstract: *the presented article is written on a relevant topic. Its importance and timeliness are beyond any doubt. Artificial intelligence has become so firmly embedded in our lives that neither students of schools and universities, nor specialists in various fields of scientific or social life can do without it. This is briefly discussed at the very beginning of this article. Further, in the section "Results and discussions", in our opinion, the following points undoubtedly attract attention. Firstly, some of the theoretical provisions introduced into scientific circulation concern not only progressive humanity (which is obvious), but also Azerbaijan itself. Secondly, when moving on to the main aspect, any stylistic changes are wisely considered by the author both in the linguistic text (and, of course, it is always strictly scientific) and in modern fiction. This, of course, increases, so to speak, the cost of this work.*

Thirdly, it is very significant that the chosen topic is implemented at various language levels. Namely, the latest technological tools fall into the orbit of linguistic analysis, such as specialized block chats, chatbots, various ways of accessing Internet sites are described, etc. These operations are entirely consistent with the central problem, since AI is essentially a mechanized reaction of machine production to a human – embedded computer program. And these innovations are explained in sufficient detail here. Fourthly, the main focus of the entire work on linguistics nevertheless did not prevent the author from reflecting the methodological aspect.

Keywords: *stylistics, conditional figure of speech, modifications, transformations, AI functions, digital age, linguistics*

For citation: Salimova Nargiz Samad gyzy. Stylistic changes in artificial intelligence texts. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 110 – 116.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Человечество перешагнуло за вторую половину 2025-го календарного года, и технологический взлёт достиг очень высокого уровня. Понятно, что в эпоху глобализации, расширения сети Интернета, грандиозных возможностей Искусственного Интеллекта и увеличения информационного пространства на всей планете к тексту с использованием перечисленных новейших средств предъявляются особые требования. Игнорировать модификацию стилей, которыми в наши дни пользуются наладчики Искусственного интеллекта, принципиально невозможно. Об ИИ вообще – отдельное слово в нашей статье. Не применять его колоссальные возможности в эпоху глобализации – значит выпасть из всего современного цивилизованного мира. Как следствие, во всём прогрессивном мире, включая и Азербайджан, решительно возрастает роль и значимость соответствующих стилистических изменений. Причём, в самых разных ракурсах: как в строго научном лингвистическом дискурсе, так и в современной художественной литературе.

Стилистические изменения можно проследить на различных языковых уровнях: скажем, при моделировании так называемых блок-чатов, или чат-ботов. Если обучение в школах и вузах Азербайджана или других государств мира любому иностранному языку успешнее ведётся при ведении беседы, когда роли распределяются по диалогам, то ИИ способен создавать оригинальные «диалоговые системы». Это не только активный методический приём для постепенного усложнения беседы, но и генерация текстов (чаще всего в письменном виде). И это только часть стилистической работы ИИ. От неё, словно пучки света, отходят способы создания литературных сочинений различных жанров, пишутся также сценарии для кинофильмов, генерируются видеоролики, монтируются программы для усложнённых компьютерных игр в так называемом онлайновом режиме и т.д. Стилистические модификации, безусловно, расширяют сферу лингвистики в её нынешнем состоянии. Причём, если ранее стилистические нормы регулировались исключительно человеком, точнее, оформлялись под «пером» специалиста-языковеда, то отныне контроль за ними отчасти ведётся ИИ, что существенно дополняет творческие потенции реальной личности. Более того, ИИ словно делегирует полномочия человека в плане воссоздания девиаций (отклонений от нормативов) в языках разных групп. Их можно в изменённом виде внедрять в процесс преподавания языков в разных учебных заведениях. Таким образом, инновации машинного производства заметно расширяют спектр не только собственно теоретических, но и практических вопросов. На некоторые из них до сих пор ещё нет прямых ответов.

Наконец, не имеем права обойти вниманием такой аспект, как проблема авторства в ИИ. Непосредственно для стилистических изменений выработан новый типаж автора. Он выполняет за человека заданные ему программные действия, а специалисты в интересующей нас области в последние годы окрестили его «языковой технической личностью» (По другой трактовке – должность). ИИ в такой степени «наловчился» моделировать известные на сегодняшний день стили, что они по своим основным функциям могут выражать и законы жанров. Не секрет, что в этой своей ипостаси ИИ уже соперничает с человеком, точнее – с автором. В настоящей статье планируется вкратце осветить обозначенные нами вопросы.

Материалы и методы исследований

В статье использован метод сопоставительного анализа, сравнение и систематизация эмпирических и теоретических данных. Данной теме посвящено очень много исследований. Среди них можно выделить работы таких авторов как Абдулатипова М.А., Камилова Р.Ш. [1], Киселев Б.Н. [3], Колесникова Г.И. [4], Свищёва И.В. [7], Смагин М.Р. [8] и др. Этим вопросом занимаются сегодня некоторые учёные. Нас, естественно, более интересует разница применительно к видоизменению стилистических норм в языках. Так,

Ф.М. Вангаева в соавторстве с Х.В. Тайсумовой в одной из своих статей задались подобной целью. Они попытались провести такое комплексное сопоставление, выяснив потенциальные способности человека и машины по отношению к рече-производству, или же рече-восприятию. Оказалось, что этот процесс на сегодняшний день ещё нуждается в серьёзной технологической доработке. Чтобы вносить какие-либо коррективы в стили речи, нужно прежде всего её правильно распознавать. Но, как полагают Ф.М. Вангаева и Х.В. Тайсумова, «реальные силы и возможности ИИ в этом процессе до сих пор в известной степени ограничены» [2, с. 310]. Это и понятно: интеллектуальные способности такого типа машин покамест действуют под приглядом человек, точнее сказать, прямо и непосредственно зависят от их программируемой установки. Но сами-то компьютеры, ещё не в полной мере расшифровывают человеческую речь (даже с учётом того факта, что после 2015 года перестали выпускать наиболее мощный компьютер марки «Pentium – 5»); за последние 10 лет его стали модифицировать. ИИ – это проекция от соответствующей комп. программы. В такой ситуации сложно говорить о существенных стилистических изменениях, потому что боты или так называемые «голосовые помощники» сами нуждаются в толковых языковых переводчиках и модулировании речи. Тем не менее, вопреки логике поговорки «Что имеем – не храним», ИИ используют в качестве регулятора речи или тестера. Следовательно, хотя и в незначительной мере, но эта функция ему всё же доступна.

Результаты и обсуждения

Основной мотивацией к языковым видоизменениям стилей речи в рамках допустимых литературных норм (о жаргонах или диалектах в разных языках как ненормированной лексике речь не идёт в настоящей работе) является потенциальная возможность ИИ прочитывать тексты на основе относительно небольшого лексического запаса слов. В этом случае ИИ, по крайней мере, в крайне ускоренном темпе и профессионально грамотно имитируют языковые стили. Это нетрудно объяснить. Большой набор лексем (а традиционно в современной лингвистике считается, что для свободного владения языком необходимо знать их порядка восьмисот) словно «застопоривает» мозговую деятельность ИИ, надевая на него шоры. Но при ограниченном наборе лексем, она, напротив, у него увеличиваются в геометрической прогрессии, Существо дела заключается в том, что семантика слов и выбор их стиля по назначению первоначально переносится в компьютер, а затем – на базе его данных – в ИИ соответственно [9]. Далее, как по цепи ИИ поручают видоизменять стили речи в зависимости от доли их творческого поиска. То есть, машина, в нашем случае предназначенная для создания текста (или другими словами – текстовой структуры), почти не пользуется тропами. Уточним и добавим: в таком тексте как правило, очень мало эпитетов метафор и сравнений. Созданному или, лучше сказать, воссозданному стилю в целом и общем не свойственны эмоции, уменьшительно-ласкательные слова. Эмотивное поле явно снижено. Подмечено, что при создании текстов художественной направленности (чаще – «малый жанр» в литературе) ИИ стремится отбирать именно полярные к ней стили. Например, если главным мотивирующим стимулом-сигналом для ИИ становятся тексты, написанные строгим научным языком, где в большом изобилии встречаются литературоведческие или технические термины, то для человека-творца, напротив, в стиле доминирует «эмоциональная жилка», то есть стиль порою бывает поэтическим. В жанровом отношении он более напоминает лирику.

Кстати сказать, такое теоретическое положение отнюдь не является предметом нашей фантазии. Это, к примеру, наглядно показал А.Г. Максимов, который провёл соответствующей искомой для нас задаче лингвистический эксперимент. Человеку и машине с определённой последовательностью операций было предложено создать тексты двух небольших рассказов. Сюжет в форме изложения материала был заблаговременно зачитан для людей в устной форме и письменной – для ИИ. За действиями человека и электронной машины соответственно следили специалисты в двух областях: лингвисты проверяли стиль; литераторы – перипетии в сюжете. Нас, ясно, в основном, интересует мнение второго профессионала своего дела. Так как инициатор проведения данного эксперимента – А. Максимов является языковедом, то он прежде всего обратил внимание на стилевые отличия двух «реципиентов»: живого человека-творца и его антипода, машинного заменителя. По версии А.Г. Максимова, «ИИ захватил лидерство в использовании книжного стиля, а человек был склонен к проявлению эмоций, то есть к поэтике» [6, с. 109]. По резонному выводу автора статьи это, конечно же, не умаляет достоинств ИИ, но даёт учёным в руки ясное доказательство его «креативности» в плане быстроты мышления и порою отражения богатого внутреннего содержания созданного, в явный противовес «глубокой поэтичности, пока ещё лишённой мозговой деятельности для ИИ» [6, с. 110]. К сожалению, в небольшой по объёму статье на этом эксперименте все суждения автора и завершаются. По всей видимости, такова была основная цель его работы и корить А.Г. Максимова за это недопустимо. Но нам объективно видится, что ставить на таком интересном эксперименте жирную точку ни в коем случае нельзя. Напротив, дискуссия должна быть симптоматично продолжена. И она, по нашему мнению, заклю-

чается в том, чтобы правильно рассчитать КПД от алгоритма совместных действия человека и ИИ. В том числе и в отношении стилистических изменений в тексте разных типов.

Некоторые современные исследователи убеждены в том, что такой тандем способен привести к созданию серьёзной и добротной печатной продукции. Заслуга разработчиков ИИ состоит здесь в том, что электронный препарат, во-первых, снимет любого вида сомнения, образно выражаясь, «с чистого листа». (Сомнения, недоверия вообще ведь никак не свойственны в целом машинам-роботам). Во-вторых, ИИ, в отличие от писательской работы человека, компенсирует отсутствие эмоциональной струи в текстах благодаря «естественности», продуцируемой им информации. Изучая специальную литературу по этой теме, нам удалось, в частности, узнать, что подобный вид «писательства» некоторые учёные именуют гибридным). И, кстати, считают его вполне успешным на данном этапе истории развития и совершенствования ИИ. Параллельно решается и другой, острый и очень болезненный вопрос: может ли бороться ИИ с плагиатом? Оставляем за рамками нашей работы эту крайне существенную проблему, когда проверку на плагиат производят не только в случае с написанием таких крупных научных исследований, как монографии или диссертации, но даже школьных и студенческих сочинений.

Скажем больше того, эту дискуссию можно в максимальной степени развернуть, расширить и углубить, и тогда в её орбиту можно будет включить и такую проблему, как стилистические изменения в текстах с помощью ИИ при обработке или создании собственных историй. Практически в любом жанре. Любопытно, что они смогут приблизиться к тем, что пишут люди. В наши дни это не покажется фантастическим, если, к примеру, обратиться к ряду характерных работ на обозначенную нами тему. Скажем, большой коллектив авторов всерьёз занялись этой проблемой. Отсутствие поэтических стилевых тенденций у ИИ привело к неверному, а порою и прямо искажённому суждению ряда критиков относительно того, что «творческие работы нельзя подвергать логическому анализу» [5, с. 109-110]. Конечно, это перегиб. ИИ действительно чаще функционирует в логических схемах. И далеко за примерами ходить не надо. На сегодняшний день имеется специальная программа – «ChatGPT», которая позволяет напрямую задать вопрос ИИ. В этом смысле возможности ИИ практически безграничны. Он не только отвечает на вопросы реципиента (собеседника), но и особым образом стилизует текст, подвергая его корректировке.

Однако спешим предупредить, что с вопросами к ИИ следует быть осторожным. Никогда нельзя забывать о том, что на нынешнем витке технического взлёта ИИ прежде всего руководит человек с его компьютерной программой. Если в Интернет вкралась ошибка, то, к сожалению, она может быть повторена, а в худшем случае – удвоена. ИИ не всегда с абсолютной точностью корректирует научный или художественный текст, в том числе и стили. Но несомненным достоинством современной электронной машины является его логическое мышление. Здесь, как говорится, ничего не прибавить и не убавить. Есть определённая вероятность благоприятного исхода. Это, в сущности, и есть логический подход к тексту, при котором ИИ генерирует стилистические изменения в тексте, согласно вложенным в него нормам. Это даёт хорошую возможность поставить человеком перед ИИ специальную задачу: намеренно видоизменять стили любого текста в зависимости от его содержания в научном дискурсе, а от личностного волеизъявления автора – в художественной литературе.

По нашему убеждению, такая задача не только ответственная, но и актуальная. Так, в современном мировом литературном постмодерне открыто демонстрируется немалое количество текстов со смешением стилей. Активно постулируется и такое явление, как пастиш. Этим термином в литературном постмодернизме обозначают имитацию различных стилей с комбинаторикой авторов произведения. В свете отмеченного становится понятным, насколько важна в этом процессе роль ИИ, который при умелом управлении со стороны человека способен комбинировать стилевыми оттенками текстов, менять их по ходу, смешивать один с другим и т.д. В этом плане нас заинтересовала статья современного английского лингвиста Л. Генриксона, который, на наш взгляд, остроумно сопоставил тексты по европейскому постмодернизму с теми сочинениями, которые были созданы ИИ. Проведя ряд научных экспериментов, европейский языковед чётко установил, что в совместно проделанной работе имеются некоторые общие черты. Однако человек (творец, писатель) в определённых случаях путал своего читателя своими разными измышлениями, представлявшимися только ему правильными и ясными. Перегруженность различными стилевыми направлениями – не лучший путь к своему читателю. Отчасти это можно объяснить идеологическим хаосом в сознании писателя-постмодерниста. Другим объяснением может служить неоправданное логикой содержания смешением стилевых потоков. Напротив, как поясняет Л. Генриксон, ИИ было дано задание смоделировать лингвистический текст и в рамках того же научного дискурса производить стилистические изменения исключительно по необходимости, не нарушая логики повествования. По словам учёного, ИИ сумел «грамотно суммировать отдельные факторы нарушения герменевтики. Её стиль оказался более удобным и понятным

для читателя» [10, с. 59-60]. Отсюда можно сделать вывод, что стилистические изменения в двух сопоставляемых текстах оказались далеко не равноценными. При непроизвольном смешении стилей писатель словно «затемнил» язык текста, тогда как ИИ, в свою очередь, безусловно, смог сконструировать его в более понятном и доступном для массового читателя формате. Возможно, было бы некоторым преувеличением утверждать, что все типы машин-роботов или ИИ сейчас либо в скором будущем в данном отношении обязательно превзойдут творческие поиски людей (в конечном итоге единичные эксперименты не могут дать абсолютно достоверных ответов на этот вопрос), но приведённые в статье современного лингвиста Л. Генриксона факты по следам проведённого им эксперимента всё же весьма показательны.

Нам представляется, что лучшим объяснением данному феномену ИИ явится указание на его широкий «фронт» действий. Причём, диапазон, начиная ориентировочно со второй половины 2010-х годов постоянно и неуклонно разрастается. Даже ко второй половине 2025 года нельзя сказать, что он достиг своего апогея. ИИ всё время в процессе, поиске, так как предела прекрасному нет. Объективно рассуждая, ясным тому доказательством служит определённое количество компьютерных программ, данных в услужение пользователям. Скажем, в известной системе «Google» для ИИ предусмотрено несколько операций с текстом единовременно. Во-первых, «Программа-переводчик». Она рассчитана на переводы текстов разных типов. Понятно, что на сегодняшний день самым популярным и широко распространённым (в том числе и среди граждан-пользователей Азербайджана) является перевод с английского – на русский язык и наоборот. Однако с тем же успехом и скорострельностью машина переводит тексты многих языков мира. Однако применительно к статье об этой функции ИИ следует сказать особо. Как нам видится, она имеет как свои плюсы, так и минусы. Плюсы заключаются в том, что этот электронный агрегат в крайне ускоренном темпе (точнее, почти моментально) переводит небольшие абзацы и это, конечно же, существенно экономит время людей. Минусы в том, что ИИ, к сожалению, в рамках этой программы менее всего обращает внимание на стилистику. В её задачу входит быстрый перевод. Чаще всего он оказывается буквальным. Так изначально запрограммирован ИИ. Если необходимо «слепо» подражать как части речи, цепью следующей одна за другой, то ИИ переводит именно таким способом. А так как разделы языкознания почти всегда тесно переплетаются между собой, то за ошибками, недочётами или искажениями в грамматике или лексике текста неотступно следует и стилистика.

Но именно здесь в работе ИИ обнаруживаются серьёзные недочёты. К примеру, лингвистами подмечено, что переводчик с английского на другие языки, безусловно, знает все времена глагола, но почти всегда обходится несколькими, основными. ИИ осведомлён в том, что глаголы азербайджанского языка ставятся в конце предложения, но в процессе перевода почти не следует этому правилу. И грамматика, и стилистика страдают от такого перевода. ИИ легко может допускать, казалось бы, простейшие стилистические ошибки. Например, он беззастенчиво начинает фразы с такого оборота: «В современное время», не задумываясь над однокорневыми словами. ИИ слабо разбирается в знаке «;» вторая часть (рема) всегда должна быть более распространённой по сравнению с темой. Но это положение редко соблюдается. Когда стиль перегружен причастными и деепричастными оборотами, ИИ редко его «разгружает». Его перевод осуществляется по словам. Корректировка стиля со стороны человека в таких случаях обязательна. Так что в настоящем аспекте имеется ещё немало недоработок и большое нераспаханное поле для деятельности специалистов в этой области. Между тем наивно отрицать помощь ИИ, когда пользователю необходимо иметь относительное понятие о тексте в сжатых временных рамках и лишь кратком содержании переводимого текста.

Далее укажем на систему по проверке письменных текстов, в том числе и по стилистике. Например, в наши дни разработчики электронных систем стремятся научить ИИ самостоятельно и на всё более высоком уровне писать тексты. Среди лучших наладчиков такого рода систем в первую очередь назовём GPT-3 – технологию. В деле сохранения и модуляции текстов разных типов – это немалая подмога для лингвистов, потому что GPT-3 – технология – это фактически модель / схема прогнозирования любого иностранного языка. При определённых обстоятельствах (и это дело ближайшего будущего) такой текст от ИИ в незначительной степени сможет отличаться от созданного человеком.

Несомненным достоинством GPT-3 – технологии является её реальная возможность писать ИИ тексты для представителей самых разных специальностей. Нас в особенности заинтересовала журналистика. Поясним, почему. Журналы и уже тем более газета – это оперативные органы печати, а короткие заметки, рецензии и корреспонденции становятся своего рода катализаторами стилистических изменений. Стиль в журналистике в буквальном смысле слова незамедлительно отзывается на любые новшества в нашем обществе. Более того, молниеносно впитывает в себя завоевания в разных областях наук или общественной деятельности в мировом масштабе. Мы уже не станем подробно говорить о том, что изменения стилевых тенденций в этой профессии тесно связаны с полиграфией в современном Азербайджане. Хотя взлёт этого

типа промышленности особо отмечен в XXI столетии, за последние два десятилетия печатная продукция стала особенно быстро развиваться. Выясняется, что стилевые изменения, производимые ИИ, положительно действуют на психологию как самих издателей, так и подписчиков. Во-первых, они помогают поддерживать напряжение читающей публики. Во-вторых, это своеобразное переключение внимания сродни изменениям в регистре текста. Например, от сухого перечисления или строгой фиксации фактов в малой по объёму корреспонденции ИИ автоматически переходит в другой режим работы. Под факты прежде всего подводятся аргументы. Скажем, в последние годы ИИ научился вместо колонки «новости и заметки» генерировать, синтезировать и стилизовать статьи большего объёма, привнося в них элементы аналитики.

Выводы

Итак, небольшое проведённое нами исследование позволяет сделать некоторые выводы и обобщения. В мировое информационное пространство в последние годы решительно вступает ИИ. Он не является механистическим заменителем деятельности человеке, но, по задумке реальной личности, в рамках своих «полномочий» всячески помогает ему в различных областях научной и общественной жизни. Языковая личность – специфическая отрасль ИИ. Он расширяет лингвистическое пространство и тем самым заметно увеличивает возможности управления определёнными процессами. Одними из них и становятся стилевые изменения в текстах разных типов, которые под прямым и непосредственным руководством человека модулирует ИИ. Электронная машина на сегодняшний день функционирует согласно вложенной в него компьютерной программе, но объективно представляется, что недалеко то время, когда ИИ продолжит линию исследования в конкретной научной сфере самостоятельно.

Таким образом, мы пришли к выводу, что ИИ – это реальное подспорье человеку в соавторстве. Он не только программирует действия человека, направляет его в нужное русло, но и отвечает на множество вопросов разной сложности. При этом он не дублирует знания человека, но органично дополняет их. Маневрируя стилями в текстах, ИИ параллельно корректирует их, ставя на первое место самое важное в содержании и отсеивая второстепенное. Это тем более значимо с учётом некоторых художественных текстов, созданных писателями-постмодернистами, когда хаос порою берёт верх. Такое вторжение в гуманитарное или, лучше сказать, общечеловеческое пространство, автоматически возводит ИИ в ранг помощника человека, его надёжного партнёра ассистента и соавтора. Все эти функции ИИ на современном витке истории трудно переоценить.

Список источников

1. Абдулатипова М.А., Камилова Р.Ш. Искусственный интеллект // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2013. № 5 (12). С. 23 – 28.

2. Вангаева Ф.М., Тайсумова Х.В. Проблемы обучаемости искусственного интеллекта и обучаемости искусственным интеллектом // В поисках социальной истины. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. С. 308 – 311.

3. Киселев Б.Н. Результат интеллектуальной деятельности, созданный искусственным интеллектом // Актуальные проблемы науки и практики. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2019. С. 123 – 126.

4. Колесникова Г.И. Искусственный интеллект: проблемы и перспективы // Видео наука. 2018. № 2 (10). С. 34 – 39.

5. Краснояров А.Ю., Аргузова М.А., Хужамурадов Ж.А., Рахимов С.Р. «Речевое творчество» искусственного интеллекта // Вестник ННГУ. 2021. № 1. С. 108 – 110.

6. Максимов А.Г. Искусственный интеллект как автор и соавтор литературного произведения // Вестник ННГУ. 2021. № 1. С. 108 – 110.

7. Свищёва И.В., Фёдорова А.С. Применение технологий искусственного интеллекта для синхронного перевода «Google Translate» // Colloquium-journal. 2020. № 10 (62). С. 51 – 53.

8. Смагин М.Р., Филатова Е.Ю., Кузнецов И.А. Компьютерная лингвистика и искусственный интеллект // Успехи в химии и химической технологии. 2018. Т. 32. № 4 (200). С. 162 – 164.

9. Солнцева О.Г. Аспекты применения технологий искусственного интеллекта // E-Management. 2018. № 1. С. 43 – 51.

10. Henrickson L. Computer-generated fiction in a literary lineage: breaking the hermeneutic contract // Logos. 2018. Vol. 29 (2/3). P. 54 – 63.

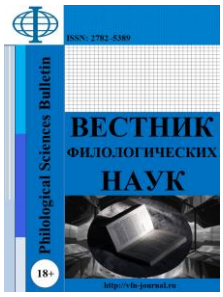
References

1. Abdulatipova M.A., Kamilova R.Sh. Artificial Intelligence. International Research Journal. Ekaterinburg, 2013. No. 5 (12). P. 23 – 28.
2. Vangaeva F.M., Taisumova H.V. Problems of Learning Ability of Artificial Intelligence and Learning Ability by Artificial Intelligence. In Search of Social Truth. Irkutsk: Irkutsk State University, 2020. P. 308 – 311.
3. Kiselev B.N. The Result of Intellectual Activity Created by Artificial Intelligence. Actual Problems of Science and Practice. Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2019. P. 123 – 126.
4. Kolesnikova G.I. Artificial Intelligence: Problems and Prospects. Video Science. 2018. No. 2 (10). P. 34 – 39.
5. Krasnoyarov A.Yu., Arguzova M.A., Khuzhamuradov Zh.A., Rakhimov S.R. "Speech creativity" of artificial intelligence. Bulletin of UNN. 2021. No. 1. P. 108 – 110.
6. Maksimov A.G. Artificial intelligence as an author and co-author of a literary work. Bulletin of UNN. 2021. No. 1. P. 108 – 110.
7. Svishcheva I.V., Fedorova A.S. Application of artificial intelligence technologies for simultaneous translation "Google Translate". Colloquium-journal. 2020. No. 10 (62). P. 51 – 53.
8. Smagin M.R., Filatova E.Yu., Kuznetsov I.A. Computational linguistics and artificial intelligence. Advances in chemistry and chemical technology. 2018. Vol. 32. No. 4 (200). P. 162 – 164.
9. Solntseva O.G. Aspects of applying artificial intelligence technologies. E-Management. 2018. No. 1. P. 43 – 51.
10. Henrickson L. Computer-generated fiction in a literary lineage: breaking the hermeneutic contract. Logos. 2018. Vol. 29 (2/3). P. 54 – 63.

Информация об авторах

Салимова Наргиз Самед гызы, *старший преподаватель, Азербайджанский университет языков*

© Салимова Наргиз Самед гызы, 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 32.019.5+323

[1] Цкриалашвили А.Д.

[1] Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Розовый дым: концепт позитивной иллюзии в современной политической риторике

Аннотация: *данная статья посвящена концептуализация феномена «розового дыма» в политических коммуникациях и его обоснование как самостоятельной аналитической категории. Под «розовым дымом» понимается позитивно окрашенная, но искажённая информационная картина, используемая для маскировки кризисных процессов и поддержания лояльности аудитории.*

Методология исследования включает дискурс-анализ и контент-анализ политических текстов и визуальных материалов, а также сопоставление рассматриваемого феномена с существующими концептами – пропагандой, фреймингом, спин-докторингом и симулякрами.

Результаты показывают, что «розовый дым» обладает устойчивыми характеристиками: эмоциональной привлекательностью, селективной интерпретацией фактов, эстетизацией и функцией отвлечения от негативной повестки. Эмпирический анализ примеров из кампаний Дональда Трампа («Make America Great Again»), Барака Обамы («Yes We Can») и движения Brexit («Take Back Control») демонстрирует применение абстрактных лозунгов, метафор и визуальных символов для формирования привлекательных, но иллюзорных политических нарративов.

Научная новизна исследования заключается во введении категории «розовый дым» в понятийный аппарат политической науки. Практическая значимость состоит в возможности применения данного концепта в политологическом анализе, журналистике и экспертной практике для выявления стратегий позитивной манипуляции.

Ключевые слова: *политические коммуникации, розовый дым, позитивная иллюзия, манипуляция, электоральные кампании, лексические маркеры*

Для цитирования: Цкриалашвили А.Д. Розовый дым: концепт позитивной иллюзии в современной политической риторике // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 117 – 124.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Tskrialashvili A.D.

[1] Lomonosov Moscow State University

Pink smokescreen: the concept of positive illusion in contemporary political rhetoric

Abstract: *this article is devoted to the conceptualization of the phenomenon of "pink smokescreen" in political communications and its substantiation as an independent analytical category. "pink smokescreen" is understood as a positively colored, but distorted information picture used to mask crisis processes and maintain audience loyalty.*

The research methodology includes discourse analysis and content analysis of political texts and visual materials, as well as a comparison of the phenomenon under consideration with existing concepts – propaganda, framing, spin-doctoring and simulacra.

The results show that "pink smokescreen" has stable characteristics: emotional appeal, selective interpretation of facts, aestheticization and the function of distraction from the negative agenda. An empirical analysis of examples from the campaigns of Donald Trump ("Make America Great Again"), Barack Obama ("Yes We Can") and the Brexit movement ("Take Back Control") demonstrates the use of abstract slogans, metaphors and visual symbols to form attractive but illusory political narratives.

The scientific novelty of the study lies in the introduction of the category of "pink smokescreen" into the conceptual apparatus of political science. The practical significance lies in the possibility of using this concept in political science analysis, journalism and expert practice to identify strategies of positive manipulation.

Keywords: *political communications, pink smokescreen, positive illusion, manipulation, electoral campaigns, lexical markers*

For citation: Tskrialashvili A.D. Pink smokescreen: the concept of positive illusion in contemporary political rhetoric. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 117 – 124.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Современные политические коммуникации характеризуются возрастающей ролью эмоционально-символических стратегий, направленных на формирование у аудитории устойчивых позитивных представлений о деятельности власти и политических акторов. В условиях кризисов, социальных конфликтов и снижения доверия к институтам наблюдается тенденция к замещению рационального дискурса эмоциональными нарративами, где приоритет отдаётся эстетизированным образам и обещаниям, а не фактам и реальным показателям.

В существующем понятийном аппарате политической науки подобные практики описываются через категории «пропаганды» (Г. Лассуэлл, Ж. Эллюль), «фрейминга» (Р. Энтман, Э. Гоффман), «спин-докторинга» (Дж. Уоттес и Дж. Мальтиз) и «симулякров» (Ж. Бодрийяр). Однако указанные концепции лишь частично охватывают феномен позитивной иллюзорной коммуникации, нацеленной на эмоциональное вовлечение граждан посредством создания привлекательной, но искаженной картины социально-политической реальности.

В данной связи актуальной представляется необходимость введения новой аналитической категории – «розовый дым», под которым понимается целенаправленное конструирование в публичном пространстве образов, обладающих позитивной эмоциональной окраской и функцией маскировки проблемных аспектов действительности.

Цель исследования – концептуализировать феномен «розового дыма» в современных политических коммуникациях. определить его основные характеристики и границы применения.

Для достижения поставленной цели мы решаем следующие задачи:

1. Рассматриваем теоретико-методологические основания изучения позитивных иллюзий в политических коммуникациях.
2. Сопоставляем понятие «розового дыма» с существующими смежными концептами.
3. Выявляем ключевые признаки данного феномена.
4. Анализируем проявления «розового дыма» на эмпирическом материале современных политических практик.

Научная новизна исследования заключается во введении в научный оборот понятия «розовый дым» и обосновании его как самостоятельной категории анализа политических коммуникаций, описывающей специфическую форму искаженной, но позитивно окрашенной риторики, применяемой для поддержания лояльности и вовлеченности аудитории.

Материалы и методы исследований

Изучение феномена позитивных иллюзий в политической риторике невозможно без обращения к устоявшемуся понятийному аппарату в области политических коммуникаций. На протяжении XX-XXI вв. сформировалось несколько ключевых исследовательских направлений, каждое из которых вносит вклад в осмысление природы манипулятивных практик, однако не исчерпывает анализ специфических форм эстетизированного искаженного дискурса.

Традиция анализа пропаганды восходит к работам Г. Лассуэлла, определившего пропаганду как управление коллективным мнением посредством манипуляции символами [3, с. 40-42]. Ж. Эллюль развил данное

направление, акцентировав внимание на системности и институциональной укорененности пропагандистских механизмов [4, с. 29-30]. В рамках этого подхода описывается мобилизующая функция коммуникации, однако позитивная эмоциональная окраска рассматривается как второстепенный элемент, а не как самоцель.

Концепция фрейминга (Э. Гоффман, Р. Энтман) позволяет выявлять механизмы структурирования информации, когда отдельные аспекты действительности акцентируются, а другие маргинализируются или исключаются. Фреймы определяют рамки интерпретации событий, но не всегда объясняют феномен эмоциональной «эстетизации», который выходит за пределы когнитивного упорядочивания и затрагивает сферу символического и чувственного воздействия [2, с. 42].

Спин-докторинг как технология (термин закрепился в 1980-е гг.) описывает деятельность специалистов по формированию выгодной повестки и интерпретации событий для политиков. Он направлен преимущественно на управление информационными потоками и подачей фактов, что отличает его от явлений, ориентированных на создание долговременной иллюзорной картины социального благополучия [5, с. 61].

Особое значение для анализа имеет концепт симулякра Ж. Бодрийяра, трактующего современные медиа- и политические дискурсы как сферу, где знаки утрачивают связь с реальностью и начинают функционировать автономно [1, с. 17]. Симулякры позволяют объяснить процесс замещения реальности её образом, однако эта категория носит универсальный характер и не фиксирует целенаправленного акцента на позитивной эмоциональной окраске политического дискурса.

Таким образом, существующие теоретические подходы описывают отдельные аспекты искажённой коммуникации – мобилизующий потенциал (пропаганда), структурирование восприятия (фрейминг), управляемую интерпретацию (спин-докторинг), автономизацию знаков (симулякр). Однако все они не охватывают явление, в рамках которого создаётся эстетизированная позитивная иллюзия, выполняющая функцию маскировки кризисных процессов и поддержания лояльности.

Результаты и обсуждения

В целях концептуализации феномена позитивной иллюзии в политической риторике предлагается введение термина «розовый дым». Под данным понятием понимается целенаправленное формирование политическими акторами информационной среды, обладающей следующими характеристиками:

1. Позитивная окраска – дискурс выстраивается преимущественно вокруг образов надежды, будущего процветания, социальной гармонии, даже при отсутствии объективных предпосылок для подобных утверждений.

2. Искаженность информации – реальные проблемы либо маскируются, либо интерпретируются в упрощённой форме, не соответствующей действительному положению дел.

3. Эмоциональная привлекательность – основным инструментом воздействия является не рациональный аргумент, а эстетизированный образ, вызывающий чувство сопричастности и доверия.

4. Функция маскировки – феномен служит своего рода «дымовой завесой», которая отвлекает внимание аудитории от кризисных и конфликтных аспектов действительности.

Использование метафоры «дым» подчеркивает временность и неустойчивость создаваемой картины: подобная конструкция способна вызвать краткосрочный эффект лояльности, однако при столкновении с объективной реальностью рассеивается столь же быстро, как дымовое облако. Атрибут «розовый» акцентирует специфику феномена: он не направлен на устрашение или агрессивную мобилизацию, а опирается на позитивные эмоциональные ожидания.

В отличие от смежных категорий, «розовый дым» обладает рядом принципиальных отличий:

• от фейк-ньюс он отличается отсутствием необходимости в прямой лжи: зачастую это полуправда, поданная через селективное освещение;

• от пропаганды – тем, что здесь не преобладает мобилизующий или идеологический компонент, а доминирует эстетизация политической повестки;

• от фрейминга – акцентом не столько на когнитивной структуре, сколько на эмоциональном кодировании образов;

• от симулякра – целевой политической функцией, связанной с поддержанием электоральной или социальной лояльности.

Таким образом, «розовый дым» следует рассматривать как особую форму политической коммуникации, в рамках которой создаётся привлекательная, но искажённая картина реальности, служащая инструментом мягкой манипуляции общественным сознанием.

Феномен «розового дыма» находит широкое применение в современной политической практике, особенно в условиях высокой конкуренции за внимание аудитории и необходимости поддержания социальной стабильности. Его проявления можно выделить в нескольких ключевых сферах.

Избирательные кампании.

В предвыборных стратегиях «розовый дым» используется для создания эмоционально насыщенного образа будущего, который апеллирует к надежде и оптимизму избирателей. Рекламные материалы, визуальные слоганы и видеоролики нередко демонстрируют счастливые семьи, динамично развивающиеся города и символы национального возрождения. Подобные нарративы выполняют функцию отвлечения от реальных социально-экономических проблем (безработицы, инфляции, кризиса институтов), формируя у электората ощущение приближающихся позитивных перемен, хотя объективные индикаторы указывают на стагнацию.

Национальные проекты и государственные программы.

«Розовый дым» активно проявляется в презентации масштабных инициатив, сопровождаемых яркими визуальными и медийными кампаниями. Акцент делается на привлекательных образах – «будущее для детей», «страна возможностей», «цифровой прорыв». При этом конкретные показатели, сроки и объёмы финансирования часто остаются на периферии внимания, либо преподносятся выборочно. Основной акцент переносится с реальной эффективности на символическую ценность и позитивное восприятие.

Социальная реклама и имиджевые кампании.

В данном случае «розовый дым» функционирует как инструмент поддержания доверия к институтам власти и формирование эмоциональной сопричастности граждан. Кампании о «новом общественном договоре», «гармонии поколений» или «экологически устойчивом будущем» ориентированы на эмоциональный эффект. Их цель – вызвать у аудитории ощущение участия в позитивной трансформации, даже если реальные изменения ограничены или носят декларативный характер.

Медийные нарративы в кризисных ситуациях.

Особую значимость «розовый дым» приобретает в периоды социальных и политических кризисов. В условиях нарастающего недовольства акцент смещается на демонстрацию избирательных успехов, новых дипломатических побед или символических жестов лидеров. Таким образом, кризисная повестка затушёвывается позитивными иллюзиями, которые временно снижают уровень тревожности в обществе.

Общим для всех перечисленных случаев является системность и целенаправленность применения «розового дыма». Он не ограничивается отдельными сообщениями или акциями, а объединяется в комплексный коммуникационный конструкт, встраивающийся в более широкий дискурсивный контекст политической жизни.

Предвыборные кампания Дональда Трампа как иллюстрация концепции «розового дыма».

1. Создание эмоционально насыщенного образа будущего.

Кампания Трампа активно использовала символы и образы, способные вызвать энтузиазм и патриотизм – такие как лозунг «Make America Great Again» (MAGA) [10], образ сильного лидера в лице «сильного человека» [12], яркие визуальные интонации в стиле 1980-х, атмосфера борьбы и победы. Эстетика кампании стремилась создать ощущение национального возрождения и уверенности в будущем, несмотря на объективные экономические или социальные трудности.

Слоган MAGA стал культурным феноменом, привязывая позитивную эмоциональную окраску к политическому сообщению. Исследователи отмечают, как Трамп стилизовал свой образ: архаичные деловые костюмы, яркие галстуки, символика патриотизма, ретро-мотивы – всё это выстраивало привлекательный, эмоционально насыщенный медийный имидж [14].

2. Искаженность: замаскированные реальные проблемы.

Рекламные ролики и агитационные материалы часто создавали впечатление, что Трамп «исправляет» или «спасает» экономику и общество, даже когда объективные данные говорили об ином. Например, рекламный ролик, утверждавший, что Трамп восстанавливает разрушенную экономику, использовал устаревшие данные и преувеличения [11]. Это – классический случай «розового дыма»: позитивная обёртка и ощущение контроля, при отсутствии соответствующих изменений на деле.

3. Мощный эмоциональный образ «жертвенного героя».

Фотография, запечатлевшая Трампа с окровавленным лицом и поднятым кулаком после покушения – стала мощной визуальной метафорой борьбы, стойкости и патриотизма [7]. Это образ, который эмоционально усиливает поддержку, создаёт миф о героическом лидере, защищающем своих людей. Вокруг этой фотографии сформировался иконический нарратив, усиливающий позитивные эмоции и образы, которые отвлекают от критической оценки реальных обстоятельств.

Этот пример наглядно демонстрирует, как позитивный, эстетически привлекательный образ (то, что мы называем «розовым дымом») может использоваться в политической риторике для маскировки реальных проблем и усиления эмоциональной лояльности. Он иллюстрирует применимость концепта в контексте массовых медиа, визуального нарратива и символического кодирования политического сообщения.

Лексические маркеры, присущие «розовому дыму»:

Языковое манипулирование.

Этот приём активно используется в политических лозунгах и коммуникациях, когда слова с мощной эмоциональной окраской задействуются для создания ценностного эффекта.

Маркировка «против логики» и «в пользу эмоций» делает этот приём особенно характерным для «розового дыма».

Абстрактные идеологические символы.

Идеографы – это слова и короткие фразы, отражающие абстрактные идеи, призванные вызывать коллективную идентификацию без чёткого содержания [13].

Например, слова вроде «freedom», «rights», «greatness» работают как привлекательные символы, не несущие конкретики, но вызывающие эмоции – типичный приём «розового дыма».

Прагматические маркеры.

Прагматические маркеры вроде «конечно», «несомненно», «я считаю» могут усиливать манипулятивное воздействие, создавая впечатление достоверности и вовлечённости.

Они создают впечатление «мы с вами на одной волне», даже если за словами скрыта манипуляция [8].

Метафоры.

Метафоры делают сложные идеи более доступными и вызывают сильную эмоциональную реакцию.

Метафоры вроде «Вернем Америке былое величие» (MAGA) – классический приём «розового дыма» (таблица 1).

Таблица 1

Анализ политических слоганов на соответствие концепции «розового дыма».

Table 1

Analysis of political slogans for compliance with the "pink smoke" concept.

Слоган	Лексический маркер	Анализ
«Make America Great Again» (MAGA) – Дональд Трамп [6]	Идеограф «great»	Слово great не имеет конкретного содержания – оно наполнено ностальгией и патриотизмом. Лозунг предлагает эмоциональный образ «возврата к золотому прошлому», не уточняя, когда именно Америка была «великой» и что это значит на практике
«Yes We Can» – Барак Обама [15]	Языковое манипулирование (мобилизующее выражение, построенное на позитивной эмоциональной окраске)	Слоган не содержит фактической информации, но вызывает мощный эмоциональный отклик. Использование местоимения we создаёт эффект коллективной идентичности и сопричастности
«Take Back Control» – кампания Brexit (2016) [9]	Метафора («вернуть контроль» = метафора потери суверенитета)	Лозунг апеллирует к чувству тревоги и одновременно к ностальгии. Категория «контроля» не уточняется, но метафора эффективна за счёт эмоциональной простоты

Можно сделать вывод, что лексические маркеры «розового дыма» – это использование абстрактных идеографов (great, hope, freedom), нагруженных эмоциональных слов (forward, together), коллективных местоимений (we, us), а также метафор (take back control), которые создают привлекательную иллюзию, не закреплённую в фактах.

Анализ предвыборных кампаний и медианарративов показал, что феномен «розового дыма» обладает устойчивыми признаками, выходящими за пределы традиционных категорий анализа политической коммуникации. Его специфика заключается в акценте на эстетизацию и эмоциональную привлекательность образов, которые служат инструментом маскировки кризисных или конфликтных аспектов действительности.

Сравнение с классическими подходами позволяет уточнить место новой категории в научном дискурсе. Так, пропаганда в трактовке Г. Лассуэлла и Ж. Эллюля описывает системное управление массовым сознанием, однако её основным инструментом выступает мобилизация, а не создание позитивных иллюзий. Фрейминг объясняет, каким образом информация структурируется и интерпретируется, но не фиксирует ключевую роль эмоциональной окраски. Спин-докторинг сосредоточен на контроле повестки и выгодной подаче фактов, тогда как «розовый дым» описывает более широкий дискурсивный конструкт, опирающийся на символическую и эмоциональную составляющую. Концепт симулякра Ж. Бодрийяра близок по смыслу, поскольку

ку также предполагает замещение реальности её образом, однако «розовый дым» фиксирует именно специфическую позитивную иллюзию, целенаправленно используемую в политическом процессе для поддержания лояльности.

Выводы

Таким образом, «розовый дым» может рассматриваться как самостоятельная аналитическая категория, позволяющая фиксировать особый класс политических сообщений, где доминирует не рационально-аргументативная составляющая, а эмоционально-эстетическая. Его включение в понятийный аппарат политических коммуникаций расширяет возможности анализа современных кампаний и стратегий, особенно в условиях цифровой медиасреды, где эмоциональные и визуальные образы имеют приоритет над фактологическим содержанием.

Перспективным направлением дальнейших исследований является количественный анализ эффективности «розового дыма» в электоральных кампаниях, в том числе через изучение лексических маркеров и визуальных символов в социальных сетях. Это позволит эмпирически подтвердить масштабы его воздействия и выявить закономерности восприятия позитивных иллюзий в различных социокультурных контекстах.

Проведённое исследование позволило концептуализировать феномен «розового дыма» как особую форму политической коммуникации, основанную на создании эмоционально привлекательной, но искажённой картины действительности. В отличие от традиционных категорий – пропаганды, фрейминга, спин-докторинга или симулякров – «розовый дым» акцентирует внимание на позитивной иллюзии, которая не столько мобилизует или устрашает, сколько маскирует кризисные аспекты и поддерживает ощущение стабильности и надежды.

Анализ теоретико-методологических оснований показал, что существующий понятийный аппарат лишь частично охватывает данный феномен. «Розовый дым» фиксирует специфический пласт риторических и визуальных стратегий, направленных на эмоциональное кодирование реальности через абстрактные лозунги, метафоры и символические образы.

Эмпирический материал, основанный на примерах избирательных кампаний Дональда Трампа, Барака Обамы и движения Brexit, подтвердил аналитическую применимость концепта. Использование лозунгов («Make America Great Again», «Take Back Control»), селективное представление данных и визуальные метафоры (например, фотография Трампа с поднятым кулаком) наглядно продемонстрировали основные признаки «розового дыма»: позитивную окраску, искаженность информации, эмоциональную привлекательность и функцию маскировки.

Научная значимость исследования заключается во введении в оборот новой категории анализа политической риторики, позволяющей более точно описывать процессы формирования позитивных иллюзий в условиях цифровой медиасреды.

Практическая значимость определяется возможностью применения концепта при анализе электоральных кампаний, стратегий политических акторов и медиадискурса, а также в экспертной и журналистской практике для выявления манипулятивных приёмов позитивной коммуникации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с развитием количественных методик анализа «розового дыма» (контент-анализ лексических маркеров, выявление визуальных паттернов в социальных сетях), а также с изучением его эффективности в разных культурных и политических контекстах.

Включение категории «розовый дым» в понятийный аппарат политической науки позволяет не только углубить теоретическое понимание процессов символического конструирования реальности, но и предложить инструмент для практического анализа современной политической риторики, где иллюзия зачастую оказывается сильнее факта.

Список источников

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом "ПОСТУМ", 2016. 240 с.

2. Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. Р.Е. Бумагина, Ю.А. Данилова, А.Д. Ковалева, О.А. Оберемко; под ред Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН; ФОМ, 2004.

3. Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне / пер. с англ. Л.: Государственное издательство, 1929. 199 с.

4. Эллюль Ж.С.Э. Феномен пропаганды / пер. с фр. Г. Шариковой. Алетейя, 2023. 410 с.

5. Watts D. The Mass Media: Political Communication in Britain Today. Sheffield: Sheffield Hal-lam University Press, 2000. 188 p.

6. 2024 gop platform make america great again // Republican Party Platform. URL: https://rncplatform.donaldjtrump.com/ (дата обращения: 29.07.2025).
7. Журнал Time поместил фото Трампа после покушения на обложку. РИА Новости. URL: https://ria.ru/20240714/tramp-1959633603.html (дата обращения: 29.07.2025).
8. Зайдес К.Д. Прагматические маркеры предикативного типа в устной спонтанной речи представителей разных социальных групп // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-markery-predikativnogo-tipa-v-ustnoy-spontannoy-rechi-predstaviteley-raznyh-sotsialnyh-grupp (дата обращения: 28.07.2025).
9. Brexit slogans // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/15/take-back-control-the-nine-most-meaningful-words-of-the-brexit-campaign?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 29.07.2025).
10. MAGA movement // Britannica. URL: https://www.britannica.com/topic/MAGA-movement (дата обращения: 28.07.2025).
11. Pro-Trump TV Ad Overstates His Second-Term Economic Record // Factcheck. URL: https://www.factcheck.org/2025/05/pro-trump-tv-ad-overstates-his-second-term-economic-record/ (дата обращения: 29.07.2025).
12. The Age of the Strongman: Understanding Trump // Intelligence Squared. URL: https://www.intelligencesquared.com/events/the-age-of-the-strongman-understanding-trump/ (дата обращения: 28.07.2025).
13. The Truth About Ideographs // Wiley. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781119265771.ch10#:~:text=Ideographs%20are%20brief%20summaries%20of,a%20single%20word%20or%20phrase. (дата обращения: 29.07.2025).
14. The Visual Politics and Policy of Donald Trump // Birkbeck. URL: https://eprints.bbk.ac.uk/id/eprint/44166/10/44166a.pdf (дата обращения: 29.07.2025).
15. United States presidential election of 2008 // BRITANNICA. URL: https://www.britannica.com/event/United-States-presidential-election-of-2008 (дата обращения: 29.07.2025).

References

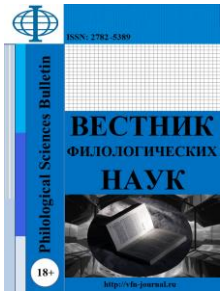
1. Baudrillard J. Simulacra and Simulations. Translated from French by A. Kachalova. Moscow: POSTUM Publishing House, 2016. 240 p.
2. Goffman I. Frame Analysis: Essay on the Organization of Everyday Experience. Translated from English by R.E. Bumagina, Yu.A. Danilov, A.D. Kovalev, O.A. Oberemko; edited by G.S. Batygin, L.A. Kozlova. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences; FOM, 2004.
3. Laswell G. Propaganda Techniques in World War II. Translated from English. L.: State Publishing House, 1929. 199 p.
4. Ellul J.S.E. The Phenomenon of Propaganda. Translated from French by G. Sharikova. Aletheia, 2023. 410 p.
5. Watts D. The Mass Media: Political Communication in Britain Today. Sheffield: Sheffield Hallam University Press, 2000. 188 p.
6. 2024 gop platform make america great again. Republican Party Platform. URL: https://rncplatform.donaldjtrump.com/ (date of access: 29.07.2025).
7. Time magazine put a photo of Trump after the assassination attempt on the cover. RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20240714/tramp-1959633603.html (date of access: 29.07.2025).
8. Zaides K.D. Pragmatic markers of the predicative type in the spontaneous oral speech of representatives of different social groups. Socio- and psycholinguistic studies. 2020. No. 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-markery-predikativnogo-tipa-v-ustnoy-spontannoy-rechi-predstaviteley-raznyh-sotsialnyh-grupp (date of access: 28.07.2025).
9. Brexit slogans. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/15/take-back-control-the-nine-most-meaningful-words-of-the-brexit-campaign?utm_source=chatgpt.com (date of access: 29.07.2025).
10. MAGA movement. Britannica. URL: https://www.britannica.com/topic/MAGA-movement (date of access: 28.07.2025).
11. Pro-Trump TV Ad Overstates His Second-Term Economic Record. Factcheck. URL: https://www.factcheck.org/2025/05/pro-trump-tv-ad-overstates-his-second-term-economic-record/ (date of access: 29.07.2025).
12. The Age of the Strongman: Understanding Trump. Intelligence Squared. URL: https://www.intelligencesquared.com/events/the-age-of-the-strongman-understanding-trump/ (date of access: 28.07.2025).

13. The Truth About Ideographs. Wiley. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781119265771.ch10#:~:text=Ideographsarebriefsummariesof,asingle wordorphrase (date of access: 29.07.2025).
14. The Visual Politics and Policy of Donald Trump. Birkbeck. URL: https://eprints.bbk.ac.uk/id/eprint/44166/10/44166a.pdf (date of access: 29.07.2025).
15. United States presidential election of 2008. BRITANNICA. URL: https://www.britannica.com/event/United-States-presidential-election-of-2008 (date of access: 29.07.2025).

Информация об авторах

Цкриалашвили А.Д., *кафедра рекламы и связей с общественностью, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, atskry@gmail.com*

© Цкриалашвили А.Д., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 81+811.112.2

[1] Шунякова О.В., [2, 3] Панова К.Д.

[1] Уральский юридический институт МВД России
[2] Уральский государственный горный университет
[3] Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина

Фабула сказки братьев Гримм как основа создания собственного текста

Аннотация: *в статье анализируется фабула сказки, которая рассматривается как базис создания собственного текста, поскольку в ней используются языковые единицы первоисточника и сохраняются при их помощи особенности национально-ментального представления действительности. Создание собственного текста может проходить на основе фабулы и рассматриваться как процесс культурно-ментального характера, авторское видение метаконцептов, отражающее целостную культурную среду и расширяющее границы субъективности. Фабула дает отсыл к традиционной культурной среде в ее субъективной форме с одной стороны и в ее статично-национальной форме – с другой. Фабула устремляется к другой культурной картине мира, при этом сохраняя объективное понимание национально-культурной основы культурной картины мира. Исследованиенацеленонаизучение фабулы как способа создания текста. Описание проводится в теоретическом и практико-алгоритмическом аспекте на материале сказок братьев Гримм. Результаты исследования представлены в форме разработки алгоритма изучения фабулы в табличной форме как способа создания собственного текста с опорой на лингвистические, культурные и ментальные признаки, которые связаны с национальными особенностями. Практическая применимость результатов состоит в возможности использования алгоритма изучения фабулы как способа создания собственного текста.*

Ключевые слова: *концепт, фабула, сказки братьев Гримм, создания текста*

Для цитирования: Шунякова О.В., Панова К.Д. Фабула сказки братьев Гримм как основа создания собственного текста // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 125 – 132.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Shunyakova O.V., [2, 3] Panova K.D.

[1] Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
[2] Ural State Mining University
[3] Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The plot of the brothers Grimm's fairy tale as the basis for creating own text

Abstract: *the article analyzes the plot of the fairy tale which can be considered as the basis for creating one's own text, since it uses the linguistic units of the original source and preserves the features of the national-and-mental representation of reality. Creating own text can be based on the plot. The plot can be considered as a cultural and mental phenomenon, the author's vision of meta-concepts which reflect an integrated cultural environ-*

ment and expanding the boundaries of subjectivity. The plot refers to the traditional cultural environment in its subjective form on the one hand and in its static national form of culture on the other. The plot strives for a different cultural picture of the world, while maintaining an understanding of the national-and-cultural basis of the cultural picture of the world. The research is aimed at studying the plot as a way to create own text. The description is carried out in a theoretical, practicaland algorithmic aspect based on the fairy tales of the Brothers Grimm. The results of the study are presented in the form of developing the algorithm for studying the plot in tabular form as a way to create own text based on linguistic, cultural and mental characteristics that are associated with national ones. The practical applicability of the results lies in the possibility of using the plot learning algorithm as a way to create one's own text.

Keywords: *concept, plot, fairy tales of the brothers Grimm, text creation*

For citation: Shunyakova O.V., Panova K.D. The plot of the brothers Grimm's fairy tale as the basis for creating own text. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 125 – 132.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Актуальность данного исследования заключается в недостаточной представленности в лингвистике применения алгоритма изучения фабулы как способа создания собственного текста с учётом языковых, культурных и ментальных признаков, которые определяют возможность создания текста.Фабула сказки позволяет создавать собственный текст с использованием языковых единиц первоисточника и сохранением при помощи этих единиц национально-ментального представления действительности, то есть концепта, включающего и особенности другой культуры. При этом языковые единицы первоисточника необходимо рассматривать как совокупность знаков, определяющих концептуальные границы смысла, заложенного в тексте. Такое рассмотрение фабулы даёт возможность научить студентов сохранять базовый смысл, наделяя его национальными особенностями.

Проблема исследования включает определение возможностей фабулы сказки как способа создания собственного текста, особенностей репрезентации национального менталитета в рамках фабулы. Цель исследования заключается в представлении фабулы как способа создания текста. В этой связи фабула рассматривается как алгоритм – основа порождения собственного текста. К задачам относим изучение теоретического материала, создание теоретического базиса, алгоритма описания фабулы в сравнительном аспекте и его экземплификации на примере оригинала и перевода сказки братьев Гримм. Материалом для исследования выступила сказка «Бременские музыканты» в оригинале и переводе на русский язык. Научная новизна представлена разработкой алгоритма изучения фабулы в табличной форме как способа создания собственного текста с учётом лингвистических, культурных и ментальных признаков, определяющих возможность создания текста на основе национального компонента. Практическая значимость состоит в возможности применения алгоритма изучения фабулы как способа создания собственного текста в рамках практических занятий языкового цикла, ставящих своей целью исследование художественного авторского текста сказки на народной основе.

Гипотеза заключается в следующем: фабула сказки может изучаться с позиции когнитивистики на основе художественного текста как базиса создания вторичного текста. Изучение сюжетной основы и ее паттернов в рамках авторской передачи элементов устного народного творчества (в том числе сказок) дает ключ не только к пониманию авторского стиля речи и языковых основ, традиционно используемых им, а также носителями языка для кодирования системы ценностей и социальных отношений, но и позволяет изучать язык, текст, культуру в частности, и текст-культуру, ментальность и метаконцептуальность языка как системы в целом, по Ю.В. Казарину, М. Бахтину, М.Ю. Лотману. Актуализация концептуально-языковых фабульных элементов в речи обучающегося может служить подспорьем для создания собственного текста с применением языковых единиц первоисточника и сохранением при помощи этих единиц особенностей национально-ментального представления реальности. Следовательно, фабула как субъективно-отобранная система метаконцептов, характерная для определенной нации, представлена в формате устного народного творчества и отражает особенности другой культуры, в том числе в формате сказки, былины, пословицы и поговорки, и прочих фольклорных произведений в широком смысле, а также в формате индивидуальных концептов автора.Создание собственного текста может проходить на основе фабулы художественно-фольклорного произведения, в связи с чем, она рассматривается как результат определенного ал-

горитма коммуникативных действий, направленных на речетворчество в рамках создания собственного вторичного высказывания.

Фабула как лингвокогнитивный феномен имеет определенную структуру, воспроизведение и оценка которой может дать возможность описания как авторской интенции, так и собственного оценочного высказывания, а также инструментарий, способствующий отображению индивидуальных мыслительных процессов автора и его языковой и ментальной картины мира. Структура фабулы включает следующие элементы – пролог, интрига, коллизия, кульминация, перипетии, развязка, эпилог; (экспозиция, завязка, перипетии, кульминация, развязка). По сути, можно рассматривать фабулу как некоторое культурно-ментальное образование, авторское видение соответствующих метаконцептов, отражающее целостную культурную среду и расширяющее границы субъективности, давая отсыл к традиционной культурной среде в ее субъективной форме с одной стороны и в ее статично-национальной форме – сдругой. Фабула устремляется к другой культурной картине мира, при этом сохраняя объективное понимание национально-культурной основы культурной картины мира. Под фабулой будем понимать культурологический языковой инструментарий, способствующий отображению индивидуальных мыслительных процессов автора и его языковой и ментальной картины мира посредством индивидуального осмысления системы метаконцептов в рамках художественного восприятия реальности. Элементами фабулы будем считать концептуально-ментальные составляющие авторского замысла на основе переосмысленных национальных сюжетов социального характера.

Материалы и методы исследований

К методам исследования относим сбор теоретического материала на начальном этапе, отбор материала для анализа методом сплошной выборки. На этапе описания теоретических особенностей применялись анализ, синтез, сравнение. На завершающем этапе использовались дескрипция, генерализация, системный подход. В качестве материала для изучения была выбрана сказка братьев Гримм «Бременские музыканты» в оригинале и переводе на русский язык. Контентно-коммуникативный потенциал фабулы мог бы открыть новые интерпретативные возможности и расширить теоретические знания, арсенал практических разработок по данной теме.

Результаты и обсуждения

Рассматриваем фабулу как концепт, отражающий цельную культурную среду. Фабула расширяет границы субъективности, устремляясь к другой культурной картине мира, при этом сохраняя объективное понимание национально-культурной основы. Фабула даёт возможность реализоваться субъекту творчески, преобразовать свои сущностные границы. Она создаёт условия для культурологического восприятия, интерпретации, а главное – для порождения нового сюжета-концепта в рамках национальной культуры. Исследования в области концептологии проводились Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, Е.М. Верещагиным, С.Г. Воркачевым, В.В. Воробьёвым, В.И. Карасиком, В.В. Красных, В.Г. Костомаровым, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачёвым, В.А. Масловой, З.Д. Поповой, Ю.С. Степановым, И.А. Стерниным, В.Н. Телией, Г.В. Токаревым, Ф.Ф. Фархутдиновой, А.Т. Хроленко, В.М. Шаклеиным. Семиотическое пространство сказочного дискурса изучали Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В., Ловянникова В.В. [7]. Текстологические особенности сказки исследовались Казариным Ю.В. Философско-культурологический анализ сказок исследовался Кулагиным Д.Л. [8]. Творчество братьев Гримм в культуре Германии изучали Баранов Н.Н. [2], Бастриков Д.А. [3], Беспалова Е.В. [4], Емельянова Е.В. [6], Матвеичева Т.В. [9], Селезень О.А. [14], Ноздрина Л.А., Соколова Г.А. [11]. Стилистикой немецких сказок занимались Нечай Ю.П., Поверенная А.А. [10], Пропп В.Я. [12], [13], Сухоруков Е.А., Чугунова Т.Б., Алексеева Е.В. [15], Майер М.

Термин «концепт» – основная мыслительная единица когнитивной лингвистики, с помощью которой можно интерпретировать окружающую действительность с учётом личного опыта, социального статуса и профессиональной принадлежности. Концепт есть явление ментальное, обобщающее значения лексических единиц носителя языка, способствует объективному пониманию слова. Изучением фабулы занимались Сухоруков Е.А., Баранов А.Н., Емельянова Н.А.Фабула представляет собой материал представления о реальности на культурологической основе. Фабула – это метаконцептологический базис сюжета сказки. Исследованием сюжетных линий сказки занимались Чугунова Т.Б., Алексеева Е.В., Ловянникова В.В., Никифоров А.Н., Кулагин Д.Л. Сюжет – это надстройка над базисом – фабулой. Под ним будем понимать это устойчивую детально-содержательную линию развития событий сказки, представленную происшествиями, делами и поступками героев, наделённый интенциональностью, модальностью, повествовательностью и предикативностью, представленный общим ходом развития событий; семантической насыщенностью, национальной и социальной стереотипичностью и культурной уникальностью, эстетической значимостью, загадочностью и интертекстуальностью. По Чугуновой Т.Б., Алексеевой Е.В., событийная составляющая сюжета сказок братьев Гримм сохранена; композиция отличается диалогической речью; темпоральная ре-

презентация концептов имеет многоступенчатые обороты и временные конструкции; номинативно-лексическим составом нейтральной окраски; частотностью звукоподражаний, эпитетов и сравнений, гипербол и фразеологизмов. Полагаем, что сюжет представляет собой краткое изложение сущности сказки, может быть номинирован одним словом, фолкористичен и вариативен (динамичен во времени и культурно-диалектном пространстве Германии); в сюжете сказок братьев Гримм явно наблюдается наличиепротагонистов и антагонистов, общей задачи, объединяющей персонажей сказок, действия, направленные на решение задачи, наличие объединяющей силы – дружбы между персонажами; атрибуты действующих лиц включают облик, особенности появления, жилище.Сюжет изменяется благодаря фабуле, поскольку она его подчиняет себе. Связано это с тем, что фабульные эпизоды трансформируют сюжет за счёт включения культурных, традиционных, ментальных факторов.

Выводы

Зафиксируем отличительные признаки фабулы и сюжета в алгоритме изучения фабулы в табличной форме (таблица 1).

Таблица 1

Отличительные признаки фабулы и сюжета.

Table 1

Distinctive features of plot and storyline.

Критерий отличия	Фабула	Сюжет
1. Цель	Представление об одном из национальных повествований	
	Обобщенное	Детальное
2. Природа	Народная	Индивидуально-народная
3. Суть	Концепт культурной среды нации в целом	Краткое изложение сказки, устойчивая детально-содержательная линия развития событий
4. Структура	Структура фабулы	
	Более обобщена	Более детальна
	Место и время	
	Давние времена	Задано авторами как их современность или давние времена
	Предикация и общее целеполагание: возможные действия, направленные для решения жизненно-важных задач, объединяющая сила дружбы / братства	
	Единство в преодолении сложностей, полезные навыки	
	Номинируемые действующие объекты: протагонисты и антагонисты	
		и их атрибуция
	Целеполагание: задача, объединяющая персонажей сказок	
	Выводы: метафоричность и иносказательность в представлении морали	
5. Свойства	Темпоральность, инвариантность, культурологическая кумулятивность, антропоцентричность, диалогичность, деятельностная, функциональная, знаковая, категориальная нормативная основа	Фолкористичность, вариантивность, динамичность, интенциональность, модальность, повествовательность, предикативность, семантическая насыщенность, национальная, социальная стереотипичность
	Общее: культурная уникальность, эстетическая значимость, и интертекстуальность	
5. Функционал	Закрепить в памяти народа обобщенное представление об одном из национальных повествований в устном народном творчестве	
		Детализировать, индивидуализировать во временном и локационном аспекте данное представление
6. Внешний референт	Общее: национально-культурное пространство, темпорально-историческая соотнесенность	

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

7. Внутренний концепт	Социально-детерминированная система действий в определенной ситуации и последствия неправильных действий	Ментально и знаково репрезентированная линия действий персонажей и их последствий часто с наложением авторской интенции на систему народных представлений
8. Родовидовое соотношение	Родовое понятие, поскольку объединяет концепт-«задумку» автора на основе народных сказаний, которые были детерминированы необходимостью объяснять детям социальные и культурные нормы народа, имеет морально-нравственный характер	Видовое понятие, так как персонифицирует концепт-«идею» автора на основе народных сказок
9. Роль в системе культурных представлений народа	Национально и культурно детерминированная снова социального взаимодействия народа, квинтэссенция текста-культуры	Вариативно-детальное, региональное (межкультурное – для общихдля разных культур сказок) и индивидуально осмысленное выражение памяти народа, предикативная репрезентация текста-культуры

Термин «фабула» представляет интерес с позиций лингвокультурологического аспекта, поскольку раскрывается через три процесса, – восприятие, интерпретация, порождение – включающих языковые структуры лексико-номинативного, семантико-коммуникативного синтаксически-стилистического уровней, которые проявляют себя в представлении номинативных групп в конкретномсюжете произведения. Языковые уровни, реализуемые в номинативной группе, являются базовым материалом в построении системы событий и представляют собой фабульные эпизоды, которые включают референции, интенции.

Покажем на примере номинативных групп сказки «Бременские музыканты» аутентичной и русского варианта. Например, группа «ОСЕЛ». Семантический аспект номинации в русском варианте «Хороший осёл, умный и сильный. Долго работал, таскал на спине» [5] показывает силу и выносливость героя как сверхкачества для жизни в оригинале выглядит как «Einen Esel, welcher schon lange Jahre unverdrossen die Säcke in die Mühle getragen hatte» [16]. Выносливость героя в оригинале передается через семантику времени «schonlangeJahre». В русскоязычном варианте мы сталкиваемся со значимостью порученного и выполняемого дела, в оригинале с семантикой верности делу, службе, постоянству, характерной для немцев.

«Группа «ПЕС» в русскоязычном варианте передает беззаветное служение, преданность, разочарование («По полям и болотам за дичью для него бегала…Ах, осел», – говорит собака…») [5], в оригинале отражает семантику верности делу, службе; выражение эмоций («Fand er einen Jagdhund…" Ach", sagte der Hund …» [16]). В группе «КОТ» в переводе есть атрибутивность, передающая потерю надежды на благополучие «печальный, сидит, невеселый» [5], а в немецком варианте «da sahen sie eine Katze am Wege sitzen, die machte ein Gesicht wie drei Tage Regenwetter» [16] сталкиваемся с семантикой выражения эмоций, а также общих действий в дальнейшем контексте («DieKatzehieltdasfürgutundgingmit.» [16]). Группа «ПЕТУХ» в русскоязычном варианте представлена сначала только предикативно («кричит во все горло: «Ку-ка-ре-ку!» / кукарекает» [5]), в оригинале – номинативно, и предикативно («der Haushahn auf dem Tor und schrie aus Leibeskräften» [16]), что показывает его усердие как значимое национальное качество.

Данные примеры позволяют выявить разницу и сходство в представлении такого аспекта фабулы как группы номинируемых объектов. Реализация конкретного явления, представленного в фабуле, позволяет не только глубоко переживать общечеловеческие ценности и идеалы, но и через слово представить другой или похожий образ жизни, её понимание. Фабула – основа установления диалога смысловых отношений, способствует раскрытию внутреннего состояния субъекта через взаимоприятие, взаимоотражение в смысловых структурах концепта. Концепт, реализованный в тексте, будет отражать систему нравственных и этических норм.Фабула в отличие от сюжета более объективна, универсальна, сюжет же субъективен, завязан на конкретную культуру, открывает национальное представление об объектедействительности.Сюжет – это эпизод в обобщенной зарисовке национально детерминированных действий социального характера, направленных на приобретение житейской мудрости, сохранение жизни и здоровья, приобретение и спасение друзей, общественного положения и благополучия.В фабуле через язык представлены ценностные ориентиры, принятые в конкретной стране. Фабула может выступать неким интертекстом, поскольку в ней есть воз-

можность соотнесения не только текстовой оболочки сюжета, но и ментального сходства или различия в представлении действительности. Сюжет представляет собой субъективно-культурологическое отражение мыслей автора по поводу определенной фабулы, существующей в мире или национальной культуре. Он может быть ментально-стилистически организован. Обращение к тем или иным сюжетам, фактам действительности определяется, по Ю.Н. Караулову, значимыми критериями, включающими: 1) эмоциональность и интеллектуальную значимость для представителей конкретной культуры; 2) известность процессов и фактов, проявляющихся в любой культуре через аксиомы, не требующие доказательств; 3) постоянное обращение к этим общечеловеческим категориям; 4) темпоральность фабулы и ее историческая соотнесенность; 5) инвариантность фабулы; 6) культурологическая кумулятивность. Отличительной чертой в фабуле сказок (немецкоязычный и русскоязычный вариант) будет ментальное представление действительности, заключённой в национальном самосознании, переосмыслении и представлении мира (О. Шпенглер). В нем заключено отражение образного понимания мира, поэтому создаваемый или созданный текст, является собственно культурой – текстом-культурой (Ю.В. Казарин). На основе фабулы создаётся текст-культура, включающий в себя концепты, которым свойственно ментально-национальное представление о действительности. Концепт содержит стороны словесного знака, за которым стоит понятие, относящееся к ментальной, духовной или материальной сфере существования человека, закреплённое в общественно-историческом опыте народа.Фабула в таком тексте-культуре несёт в себе значимые признаки, которые акцентируют особенности восприятия и понимания действительности: 1) антропоцентричность (ориентация для будущих поколений); 2) диалогичность рассматриваем как возможность интерпретации фабульного контекста как культурного кода, имеющего в своей основе информацию социального характера; 3) деятельностная (речевая, языковая) основа фабулы предполагает неразрывную связь с осмыслением как художественного контекста, так и средств его языковой репрезентации, содержащих замысел автора и народную мудрость, основы традиций и обычаев; 4) знаковая основа фабулы сопряжена со способностью к сохранению и памяти народа в контентно-знаковой форме; 5) функциональная основа предполагает использование ее в процессе становления человека для жизни по установленным народом правилам морали и нравственности; 6) нормативная основа сказки включает соблюдение языковых, коммуникативных и этикетных правил и норм; 7) категориальная основа показывает все целостное, индивидуальное и национальное своеобразие мыслительных когнитивных категорий народа.Фабуле свойственно не только представление реальности на основе ассоциативно-образной, но и возможность моделирования этой реальности бесконечное количество раз.

Сравнивая фабулус сюжетом на основе вышеперечисленных признаков, можно говорить о том, что фабула более обобщена и включает такие компоненты как пространственно-локационный, предикационный и целеполагающий, номинируемый. Сюжет более детален, хотя в целом совпадает с фабулой. В фабуле представлен мотив единого действия. Мотив – это устойчивый формально-содержательный компонент сказки, представленный поступками героев, значимый для сюжета, наделённый предикативностью, представленной через задачу, реализуемую по отношению к противнику при содействии помощника (друга) и применения силы и умения; семантической насыщенностью, повторяемостью (функции действующих лиц, имеющих парную функцию: борьба / 1) победа – следствие; 2) отправка из дома; 3) награда; 4) бой – победа; 5) задача – разрешение), эстетической значимостью, загадочностью и интертекстуальностью (через атрибуты (облик, особенности появления, жилище) – совокупность внешних качеств).

Итак, вконцепте «дружба» в оригинале преобладает семантика верности своему делу, взаимной поддержки. Морфологический уровень характеризуется наличием семантики дружбы, профессионализма, совместных действий, показанных посредством приставочного способа, реже, суффиксального. Лексический уровень представлен номинациями разговорной речи, имеющими доброжелательно-аппелятивную семантику. Наиболее частотны предикативные номинации, нежели номинативные. Синтаксический уровень репрезентирован обилием прямой речи, придаточных времени и условия. Является самым распространенным, частотным уровнем. Стилистический уровень выражен посредством когнитивных метафор, сравнений и реже, эпитетов, носит разговорный характер (таблица 2).

Таблица 2

Особенности сравнительного анализа концептов «дружба» / «Freundschaft».

Table 2

Characteristics of a comparative analysis of the concepts "friendship" / "Freundschaft".

Русский язык		Немецкий язык	
В картине мира	Для языковой личности	В картине мира	Для языковой личности
Ценностное начало, привязанность, духовную близость, доверие, взаимовыручку, бескорыстное отношение	«Дружба» – это не просто коммуникация, а основа развития более ёмких и глубоких явлений таких, как «мужество», «самопожертвование»; историческая традиция	Понимается как дружеское подбадривание, помощь, бескорыстная поддержка, слаженная работа, отличный результат. Дружба упорядочена, спокойна, гарантирует выживание, комфортную жизнь	Предполагает открытость к другим культурам, готовность заводить новых друзей. Это отражено в легкости общения, доброжелательности

Список источников

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум: 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.

2. Баранов Н.Н. Братья Гримм в политической культуре Германии первой половины XIX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-2 (63). С. 12 – 16.

3. Бастриков Д.А. Комментирование художественного текста при формировании лингвокультурной компетенции иностранных учащихся // Филология и культура. 2021. № 4 (66). С. 243 – 249.

4. Беспалова Е.В. Природный ландшафт в немецкой народной сказке как элемент национальной языковой картины мира // Верхневолжский филологический вестник. Серия: Теория языка. 2017. № 2. С. 50 – 54.

5. Братья Гримм. Сказки. Серия: Библиотека мировой литературы. 544 с.

6. Емельянова Е.В. Жизнь и творчество братьев Гримм как объект литературного туризма // Научно-практические исследования. 2019. № 5.2 (20). С. 9 – 14.

7. Ловянникова В.В. Структурно-семантические особенности заголовков сказок Братьев Гримм Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15. № 3. С. 167 – 179.

8. Кулагин Д.Л. Функции русских сказок: философско-культурологический анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 1. С. 133 – 136.

9. Матвеичева Т.В. Специфика языковой экспликации пространственно-временных координат в сказочной модели мира: дис. … канд. филол. наук: 5.9.6. Ставрополь, 2011. 29 с.

10. Нечай Ю.П., Поверенная А.А. Сравнение и литота в текстах немецких волшебных сказок и их трансформации на русский язык // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 100. № 5. С. 79 – 85.

11. Соколова Г.А. Временная и пространственная концептуализация в немецкой романтической сказке: дис. … канд. филол. наук: 5.9.6. М., 2013. 204 с.

12. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки: монография. Серия: Архетип: русская культура. М.: МИФ, 2025. 251 с.

13. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: «ACADEMIA», 1928. 152 с.

14. Селезень О.А. Языковые особенности современной немецкой литературной сказки // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 3 (742). С. 19 – 29.

15. Чугунова Т.Б., Алексеева Е.В. Сюжетно-композиционное и стилистическое своеобразие сказки «Бременские музыканты» и её современной интерпретации // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2017. № 4 (12). С. 1 – 3.

16. Brüder Grimm. Kinder- und Hausmärchen. Auswahl. Leipzig: Verlag Philipp Reclam, 1971. 288 p.

References

1. Babenko L.G., Kazarin Yu.V. Linguistic analysis of fiction. Theory and practice: textbook; practical course: 3rd ed., corrected. Moscow: Flinta: Nauka, 2005. 496 p.

2. Baranov N.N. The Brothers Grimm in the political culture of Germany in the first half of the 19th century. Bulletin of Kemerovo State University. 2015. No. 3-2 (63). P. 12 – 16.

3. Bastrikov D.A. Commenting on fiction in the development of foreign students' linguocultural competence. Philology and Culture. 2021. No. 4 (66). P. 243 – 249.

4. Bespalova E.V. Natural Landscape in German Folk Tales as an Element of the National Linguistic Picture of the World. Upper Volga Philological Bulletin. Series: Language Theory. 2017. No. 2. P. 50 – 54.

5. The Brothers Grimm. Fairy Tales. Series: Library of World Literature. 544 p.

6. Emelyanova E.V. The Life and Work of the Brothers Grimm as an Object of Literary Tourism. Scientific and Practical Research. 2019. No. 5.2 (20). P. 9 – 14.

7. Lovyannikova V.V. Structural and Semantic Features of the Titles of the Brothers Grimm's Fairy Tales Modern Studies of Social Problems. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 167 – 179.

8. Kulagin D.L. The Functions of Russian Fairy Tales: A Philosophical and Cultural Analysis. Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota, 2017. No. 1. P. 133 – 136.

9. Matveicheva T.V. Specificity of Linguistic Explication of Spatio-Temporal Coordinates in the Fairy-Tale Model of the World: Diss. … Cand. Philological Sciences: 5.9.6. Stavropol, 2011. 29 p.

10. Nechay Yu.P., Poverennaya A.A. Comparison and Litotes in the Texts of German Fairy Tales and Their Transformations into Russian. Humanitarian and Social Sciences. 2023. Vol. 100. No. 5. P. 79 – 85.

11. Sokolova G.A. Temporal and Spatial Conceptualization in the German Romantic Fairy Tale: Diss. … Cand. Philological Sciences: 5.9.6. Moscow, 2013. 204 p.

12. Propp V.Ya. Historical Roots of the Fairy Tale: Monograph. Series: Archetype: Russian Culture. Moscow: MIF, 2025. 251 p.

13. Propp V.Ya. Morphology of the Fairy Tale. Leningrad: "ACADEMIA", 1928. 152 p.

14. Selezen O.A. Linguistic Features of the Modern German Literary Fairy Tale. Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2016. Iss. 3 (742). P. 19 – 29.

15. Chugunova T.B., Alekseeva E.V. Plot, compositional and stylistic originality of the fairy tale "The Bremen Town Musicians" and its modern interpretation. Scientific notes of the Yaroslav the Wise Novgorod State University. 2017. No. 4 (12). P. 1 – 3.

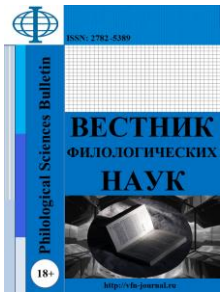
16. Brüder Grimm. Children's and Haussmärchen. Auswahl. Leipzig: Verlag Philipp Reclam, 1971. 288 p.

Информация об авторах

Шунякова О.В., *кандидат филологических наук, доцент, кафедры иностранных языков, ФГКОУ ВО «Уральский юридический институт МВД России», г. Екатеринбург, olga.sharkunova@mail.ru*

Панова К.Д., *кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков и деловой коммуникации, ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, tabatchicova@mail.ru*

© Шунякова О.В., Панова К.Д., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.11

[1] Е Сысы ***[1] Белорусский государственный университет***

Музыкальное творчество в репрезентации белорусских и китайских специализированных печатных средствах массовой информации

Аннотация: *рассматривается вопрос о специфике репрезентации музыкального творчества в специализированных газетах и журналах Беларуси и Китая. Актуальность исследования обусловлена переосмыслением вклада этого вида медиа в оформление парадигм национальной идентичности. Цель работы – выявить дискурсивно-художественные механизмы репрезентации музыкального творчества и определить их уникальность в фокусе культурных «кодов». Представлены результаты сопоставительного анализа публикаций ведущих печатных изданий двух стран за 2024-2025 гг. Методология исследования включает концепцию культурных кодов Ю.М. Лотмана, теорию медиадискурса Н. Фэркло и методики репрезентации С. Холла, приемы компаративного и нарративного анализа. Практическая значимость подтверждается авторской методикой контент-анализа публикаций, выявившей отличительные особенности в использовании диалогических стратегий и художественных приемов репрезентации музыкального искусства. Определены и описаны доминирующие репрезентационные тактики: в белорусских медиа – культурно-охранительная модель с ориентацией на историческую преемственность, в китайских изданиях – патриотически-модернизационная модель, онованная на принципах глобальной конкурентоспособности. Научная новизна исследования заключается в разработке методологических параметров фиксации национальных маркеров в вербальных и невербальных текстах специализированных печатных изданий об искусстве.*

Ключевые слова: *специализированные СМИ, музыкальное творчество, репрезентация, культурный код, национальная идентичность, Беларусь, Китай*

Для цитирования: Е Сысы. Музыкальное творчество в репрезентации белорусских и китайских специализированных печатных средствах массовой информации // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 133 – 139.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] E Sysy ***[1] Belarusian State University***

Musical creativity in the representation of Belarusian and Chinese specialized print media

Abstract: *the article considers the issue of the specifics of the representation of musical creativity in specialized newspapers and magazines of Belarus and China. The relevance of the study is due to the rethinking of the contribution of this type of media to the formation of paradigms of national identity. The purpose of the work is to identify the discursive and artistic mechanisms of representing musical creativity and determine their uniqueness in the focus of cultural «codes». The results of a comparative analysis of publications of the leading printed media of the two countries for 2024-2025 are presented. The methodology of the study includes the concept of cultural codes by Yu.M. Lotman, the theory of media discourse by N. Fairclough and the methods of representation by S. Hall, as well as methods of comparative and narrative analysis. The practical significance is confirmed by the author's methodology of content analysis of publications, which revealed distinctive features in the*

use of dialogic strategies and artistic techniques for representing musical art. The dominant representational tactics are defined and described: in the Belarusian media – a cultural-protective model with an orientation towards historical continuity, in Chinese publications – a patriotic-modernization model based on the principles of global competitiveness. The scientific novelty of the study lies in the development of methodological parameters for recording national markers in verbal and non-verbal texts of specialized printed publications on art.

Keywords: *specialized media, musical creativity, representation, cultural code, national identity, Belarus, China*

For citation: E Sysy. Musical creativity in the representation of Belarusian and Chinese specialized print media. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 133 – 139.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Специализированные средства массовой информации востребованы не только в области решения задач отраслевого или рекламного характера, но и в качестве художественно-критического вида медиа. Современные специализированные газеты и журналы об искусстве имеют свою целевую аудиторию, проблемно-тематическую направленность и жанровую структуру. Такие издания «ориентированы на сферу культуры» [6, с. 97], так как именно они демонстрируют богатство ценностных ориентаций нации и обладают высокой социальной значимостью.

Актуальность исследования обусловлена активной трансформацией роли специализированных СМИ как акторов культурной политики. Г.Я. Вербицкая справедливо указывает на то, что «новые формы постижения и осмысления мира первоначально формулируются в искусстве, предшествуя развитию в философско-научной, теоретической сфере, и даже стимулируя это развитие» [2, с. 39], и в этой связи современные медиа можно назвать «посредниками», конструирующими гносеологию знаково-символической парадигмы музыкального наследия.

Цель исследования – выявление и сравнительный анализ дискурсивных механизмов и репрезентационных стратегий, используемых специализированными печатными СМИ Беларуси и Китая для конструирования образов музыкального творчества и формирования национальной идентичности.

Задачи исследования: 1) проанализировать в выбранных медиа тематическую и жанровую структуру публикаций, посвященных музыкальному творчеству; 2) выявить и охарактеризовать доминирующие художественные приемы, используемые для репрезентации музыки; 3) провести сравнительный анализ концептов и образов, связанных с аспектами сохранения национальных традиций и внедрения новаторских приемов; 4) сопоставить невербальный контент в материалах двух стран и определить его роль в формировании культурных «кодов»; 5) обобщить результаты и сформулировать выводы о специфике культурно-охранительной (белорусской) и патриотически-модернизационной (китайской) моделей репрезентации музыкального творчества в печатных СМИ.

Типологические схождения и отличительные особенности белорусского и китайского искусства, а также специфика форм его репрезентации в образовании и медиасреде рассматриваются в исследованиях Л.И. Перегудовой, О.Н. Губской, Д.Н. Гиргель, А.В. Гурко, И.В. Олюниной, А.И. Смолик, М.М. Соколовской, В.В. Лепешко, С.С. Худиргановой, А.А. Ковалени, Сун Цзямэй, Му Юйси, Со Мэн, Сунь Инцзе, Лю Чуаньхана, Юань Е, Ван Юй и др. Так, О.Н. Губская выделяет в научных работах последних лет о белорусско-китайском культурном взаимодействиии интерес к «четырем направлениям: а) культурный образ страны / политический дискурс; б) материальная и нематериальная культура; в) миф как первоисточник / детская (молодежная субкультура); г) переводческая деятельность» [3, с. 523-524]. Актуальными для изучения сегодня А.В. Гурко считает «аспекты влияния китайских традиций на появление в культуре Беларуси новых элементов, их влияние на развитие белорусско-китайского этнокультурного диалога» [4, с. 329]. Гэ Мэн подчеркивает, что «сегодня между белорусскими и китайскими музыкантами установились довольно тесные связи» [5, с. 3], которые оказываются в интепретационном поле традиционных и новых медиа.

Современные белорусские специализированные СМИ транслируют музыкальные традиции разных эпох и форматов. Имеют огромный успех, например, телешоу «Звездный путь» (ОНТ), «Добрый вечер!», «Фактор. BY» (Беларусь 1) и др. На радио «Культура» находят своего слушателя программы «Музычны мэйнстрым», «Музычны світанак», «Любімыя мелодыі», «Натхнёныя музыкай» и др. Белорусско-китайский диалог о музыке ведется на страницах изданий «Літаратура і мастацтва», «Культура», «На экранах», «Мастацтва».

Китайские специализированные печатные издания также участвуют в трансляции музыкальных традиции страны. Среди телешоу выделим «Певец» («歌手”), «Китайский рэп» («中国有嘻哈”), «Создание 101» («创造 101»). На радиоканале «Shanghai Opera and Folk Arts Broadcasting» уже полюбились слушателю и стали известными программы «Уцюй Сянътнь», «Цзинкунь Яюн», «Уцюй Сянъинь», «Еженедельное оперное вещание» и др. Диалог Беларуси и Китая о музыкальном искусстве прослеживается во многих газетах и журналах: «Китайская газета искусств» («中国艺术报»), «Арт-исследование» («艺术探索»), «Привет, искусство» («Hi 艺术»), «Художественное образование» («艺术教育杂志»).

Материалы и методы исследований

Эмпирической базой исследования стал корпус вербально-невербальных текстов, отобранный методом сплошной выборки из ведущих специализированных печатных СМИ за период с января 2024 г. по апрель 2025 г.: белорусские газеты «Літаратура і мастацтва» и «Культура», а также журнал «Мастацтва», «Китайская газета искусств» («中国艺术报») и журнал «Художественное образование» («艺术教育杂志»).

Методологическая основа исследования – это синтез разных методов и приемов анализа, позволивших всесторонне раскрыть специфику репрезентации музыкального творчества в печатных изданиях Беларуси и Китая. Дискурс-анализ Н. Фэркло применялся для выявления субъектно-объектных языковых «кодов» и скрытых смыслов, репрезентованных в текстах. Элемиенты нарративного анализа использовались для изучения структуры и жанровых особенностей медиатекстов, для установления способов конструирования образа музыканта и музыкального события. Концепция культурных кодов Ю.М. Лотмана послужила основой для интерпретации национально-специфических элементов текста – знаков, передающих семантику в рамках белорусской / китайской семиосферы.

Контент-анализ применялся для верификации качественных наблюдений и предполагал философско-эстетическое осмысление частотности ключевых концептов (например, «спадчына», «сусветны», «нацыянальны»), характеристику жанровой структуры (доля интервью, репортажей, статей), определение специфики невербального контента (архивные черно-белые и современных студийные фотографии, их функции), выявление художественных приемов.

Новые смыслы, переданные через культурные «коды» специализированных медиа, оформляют «текст в тексте», который, как указывает Ю.М. Лотман, есть «специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста» [8, с. 66]. Анализ медиатекстов об искусстве позволяет увидеть траекторию изменения структуры семантических границ при «смене установок на тот или иной код». На динамику взаимодействия в средствах массовой информации «”первичного дискурса” (представляющий или сообщающий дискурс) и “вторичного дискурса”» (дискурс, представленный или сообщаемый)» [11, с. 54-55] указывает Н. Фэркло, отмечая, что «стилистика измеряет степень репрезентации неидеациональных, межличностных значений вторичного дискурса» (перевод наш. – Е С.) [11, с. 60]. Под репрезентацией объекта / субъекта в медиа мы вслед за С. Холлом будем понимать «неотъемлемую часть процесса производства и обмена смыслом между представителями культуры», которая «подразумевает использование языка, знаков и изображений», обозначающих или представляющих «вещи» (перевод наш. – Е С.) [12, с. 15].

Результаты и обсуждения

Анализ материалалов разных жанров, представленных в белорусских и китайских специализированных печатных СМИ, репрезентирующих музыкальное творчество, позволяет выделить ряд ключевых особенностей.

Во-первых, заметна активная популяризация национального музыкального искусства, которое ориентировано на укрепление национального самосознания как «одной из составляющих идентичности человека, связанной с ощущаемой им национальной или этнической принадлежностью» [1], продвижение и популяризацию национальных героев в сфере искусства. Другое типологическое схождение, указывающее на значимость стилистической стороны дискурса о музыке, – индивидуально-авторский стиль публикаций, яркие художественные приемы, которые придают текстам определенную эмоциональную окраску и усиливают художественную рецепцию художественно-критического контента.

В декабрьском номере 2024 г. журнала «Мастацтва» выходит очерк «Прымадонна. Ларыса Александроўская» [7, с. 38-39] Э. Иоффе, в котором представлен профессиональный отклик о жизни и творчестве «белорусской Неждановой» и посредством которого осуществляется культурная связь нескольких поколений белорусов. Л. Александровская предстает в материале автора настоящей легендой с уникальным голосом и невероятным творческим путем, который был определен «любоўю да народнай творчасці». На особое чувство Л. Александровской к Беларуси автор материала указывает посредством нарративных

маркеров «Я» и «Она»: «Я – беларуска», «У час Вялікай Айчыннай вайны Ларыса Пампееўна выступала ў складзе канцэртных брыгад перад франтавікамі, у шпіталях і партызанскіх атрадах”». Эмоциональный тон очерка располагает читателя к эстетической и патриотической рецепции. Содержание материала включает элементы биографии, которые подкрепляются художественными приемами. Метафора «сэрца захаланула» помогает передать переживания автора, делает описание более убедительным. Эпитеты «мастацкі густ», «магутны тэмперамент» и «ўпартая ўпэўненасць» акцентируют внимание на чертах характера артистки, а эпитет «глыбокія веды» указывает на ее высокий профессионализм. Вербальный текст подкрепляется архивной черно-белой фотографией героини очерка, благодаря которой читатель воспринимает ее как символ целой эпохи.

Синтез интервью (с О.Е. Янум) и концертного репортажа представлен в материале «Духоўныя каштоўнасці» Е. Шитько [10, с. 14], опубликованном 28 февраля 2025 г. в рубрике «Музыка» газеты «Літаратура і мастацтва». Вербальный текст погружает читателя в события праздничной программы «Вібрацыі часу», приуроченной к 85-летию заслуженного коллектива Государственной академической хоровой капеллы Республики Беларусь имени Григория Ширмы. Автор материала анализирует программу выступления артистов, атмосферу мероприятия, реакцию зрителей. Особый акцент делается на преемственности поколений и патриотических чувствах исполнителей: «Мінск – гэта мой родны горад, таму вяртацца сюды заўсёды вельмі радасна. А калі ёсць нагода выканаць на беларускай сцэне вялікую несмяротную музыку – хвалююся і радуюся ўдвайне». Художественный облик интервью-репортажа дополнен яркими метафорами: «чэрпаць натхненне», «адчуваць змены часу», «адгукнулася ў сэрдцы». Эмоциональный тон таких материалов всегда связан с культурной памятью (Я. Ассман), с ценностным пафосом национальной идентичности. Невербальное дополнение интервью-репортажа – несколько черно-белых фотографий, передающих и визуальную концепцию издания, и идейную основу материала. Исследование медийно-художественных приемов репрезентации музыкального творчества в белорусских изданиях выявляет функционирование культурно-охранительной модели диалога медиа и читателя, подкрепленной преемственно-патриотическими интенциями, а также индивидуально-авторским стилем критика.

Обилием художественных приемов, усиливающих эмоциональный эффект репрезентации музыкального искусства – вторичного дискурса, поддерживающего патриотически-модернизационную модель коммуникации, – характеризуются материалы газет и журналов Китая. Так, в «Китайской газете искусств» («中国艺术报») от 11 мая 2024 г. опубликовано интервью «Писать музыку для вечной молодости народа» [15] с Чжэн Сяоин – первым китайским дирижером, который вышел на зарубежную сцену. Подготовленный Ван Юй материал полон эпитетов и метафор: «крутая вещь», «симфония тронула», «твердо верить», «музыкальный воин». Интервью сопровождается черно-белыми фотографиями (прием визуальной ретроспекции), побуждающими читателя к диалогу с разными эпохами – так формируется «текст в тексте». Невербальный план материала добавляет визуальной привлекательности, придает особую историческую ценность словесной составляющей интервью и делает ее экзистенциально ощутимой.

В журнале «Художественное образование» («艺术教育杂志») за 8 июня 2024 г. выходит эссе «В праздник Dragon Boat послушайте песню “Размышление о Нанкине”» Фу У [13], в котором журналист успешно сочетает несколько разных жанровых дискурсов: эссе (простота изложения, наличие тезисов и аргументов, субъективность изложения), информационная статья (библиографические сведения серии документальных фильмов о Нанкине, подготовленной профессором Ван Вэй), творческий «коллаж» (текст песни «Размышление о Нанкине»), обор события («Dragon Boat Festival»). Основной эмоциональный маркер эссе – текст песни «Размышление о Нанкине». Среди художественных приемов материала выделим метафоры и образные «персонификации». Метафора «фиолетовая гора» используется для создания эмоционального тона, она помогает передать красоту и мистичность эстетического объекта, а метафора «запомнить историю в сердце» указывает на значимость воспоминания. Персонификация Нанкина («город стоит») как живого субъекта усиливает художественный пафос этой локации-бренда.

Как показывает сравнительный контент-анализ, жанр интервью занимает особое место в белорусских и китайских специализированных печатных СМИ. Именно эта форма успешнее всего позволяет формировать общественное мнение, создает многогранный портрет обсуждаемой темы через личную историю, помогает объективно представить экспертное мнение. В печатных изданиях двух стран регулярно выходят интервью с известными артистами / музыкантами, тематика которых актуальна и разнообразна: смена этико-эстетической парадигмы музыки, проблемы преемственности музыкальных традиций, причины трансформации музыкального искусства и изменений горизонта ожидания, специфика (ре)презентации музыкального произведения на международных площадках.

Например, в газете «Культура» от 11 октября 2024 г. выходит интервью «Нам засталася спадчына…» Д. Шейко [9, с. 6-7], приуроченное к 55-летнему юбилею главного музыкального бренда Беларуси – ансамбля «Песняры». Автор материала подчеркивает, что это событие – не только является важной частью культурной жизни страны, но и представляет белорусское искусство на международном уровне. В интервью участники ансамбля рассказывают о проведении досуга, об отборе новых участников коллектива, делятся впечатлениями о рецепции своего творчества разными поколениями зрителей. Так, Артур Михайлов считает, что «людзі сталага веку, якія памятаюць нашых папярэднікаў, кажуць шмат добрых слоў, яны дзякуюць за тое, что мы працягваем справу», а Сергей Горбатский добавляет, что «у калектыве новыя галасы і новыя абліччы», «аднак манеру падачы матэрыялу, традыцыі ансамбля мы вельмі шануем». Из материала очевидно, что «Песняры» стремятся объединить опыт прежних участников коллектива и потенциал новых исполнителяей, сочетают традиции и актуальные музыкальные течения.

Интервью «Тянь Цин: понимая китайскую музыку, мы также понимаем китайцев», подготовленное Чжан Лу [14] опубликовано в «Китайской газете искусств» («中国艺术报») от 26 февраля 2024 г. В беседе с автором книги «Китайская музыка» Тянь Цинь арт-журналист поднимает ряд актуальных вопросов, например, «Насколько хороша и красива китайская музыка?», «Знают ли китайцы национальную музыку?». Тянь Цин делится с читателями своим творческим опытом в области создания музыки, рассуждает о вкладе этого вида искусства в историю Китая, указывает на роль художественной критики в репрезентации музыки. Герой интервью убежден, что несмотря на то, что «сегодня молодые люди любят поп-музыку, но все больше и больше людей стали возвращаться к национальной музыке, и это в первую очередь вызвано влиянием тенденций современной культурной среды, в условиях которой государство выступает за возрождение традиционной китайской культуры» (перевод наш. – Е С.).

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует типологические схождения и отличительные особенности репрезентации музыкального творчества в специализированных печатных СМИ Беларуси и Китая. К сходствам в репрезентации музыки белорусскими и китайскими специализированными печатными СМИ отнесем: регулирование музыкальной индустрии на государственном уровне, участие контента изданий в формировании общественного мнения, оценка и анализ развития современных музыкальных направлений, характеристика международных музыкальных трендов и их воздействия на национальную музыкальную культуру. Вместе с тем китайские специализированные печатные средства массовой информации в большей степени ориентированы на мировые музыкальные тенденции и на коммерческий успех, а белорусские – на сохранение национальной идентичности, на поддержку социокультурной значимости музыкального произведения.

Специализированные печатные СМИ Беларуси и Китая имеют очень подвижную жанровую парадигму, соединяют традиционные и новые форматы, в изданиях этого вида активно популяризируется национальное музыкальное искусство, поддерживается его имиджевая функция.

В текстах белорусских специализированных газет и журналов доминируют метафоры исторической памяти («музычныя карані»), эпитеты персонификации традиций («спадчына жыве»). В китайских публикациях превалируют метафоры прогресса («выйти на мировую сцену»), эпитеты «силы» («крутая вещь»), гиперболизация достижений («триумф нации»).

Таким образом, белорусские и китайские специализированные печатные средства массовой информации об искусстве имеют свои уникальные особенности, вызванные различиями в социокультурном контексте, однако в журналах и газетах двух стран подчеркивается значимость музыки как культурного феномена, указывается на межкультурный потенциал музыкального искусства, с помощью художественных приемов и концептов конструируется образ развитого государства. Содержательно-формальная структура изданий отражает трансформационные процессы, вызванные тенденциями современной эпохи, а потому обнажает круг воспросов, которые современной науке еще предстоит осмыслить.

Список источников

1. Велилаева Л.Р., Абдуллаева Н.Р. Понятие «национальной идентичности»: теоретико-литературный аспект исследования // Universum: Филология и искусствоведение. 2020. № 6 (73). URL: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/9770 (дата обращения: 29.07.2025).

2. Вербицкая Г.Я. Гносеология художественного творчества: конфликт как способ реализации познавательных возможностей искусства // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. № 3 (76). С. 39 – 49.

3. Губская О.Н. Изучение направлений китайских исследований в области культуры как способ формирования межкультурного диалога // Актуальные векторы белорусско-китайского торгово-экономического сотрудничества: сборник статей III международной научно-практической конференции / под ред. Ю.А. Шаврук. Минск, 16 декабря 2022 года. Минск: Колорград, 2023. С. 520 – 572.

4. Гурко А.В. К вопросу об элементах китайских традиций в культуре Республики Беларусь // Счастье не в награде за доблесть, а в самой доблести: материалы междунар. науч. круглого стола, посвящ. 70-летнему юбилею проф. В.А. Федосика / под ред. И.О. Евтухова, О.И. Малюгина, А.А. Прохорова. Минск, 9 февраля 2021 года. Минск: БГУ, 2021. С. 329 – 334.

5. Гэ М. Музыка для саксофона в творчестве китайских и белорусских композиторов второй половины XX – начала XXI века: дис. … канд. искусствоведения: 17.00.02. Минск, 2018. 28 с.

6. Зинин Р.В. Специализированные издания в сфере культуры как коммуникационный канал // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 7 (256). С. 95 – 98.

7. Іофе Э. Прымадонна // Мастацтва. 2024. № 12. С. 38 – 39.

8. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПБ», 2000. 704 с.

9. Шейка Д. Нам засталася спадчына // Культура. 2024. № 41. С. 6 – 7.

10. Шыцько Я. Духоўныя каштоўнасці // Літаратура і мастацтва. 2025. № 8. С. 14.

11. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London; New York: LONGMAN, 1995. 256 p.

12. Hall S. Representation: Cultural representations and signifying practices. London: Sage Publications, 1997. 400 p.

13. В праздник Dragon Boat послушайте песню «Размышление о Нанкине» // Художественное образование. 2024. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/_MxcNp2EBICeyaOkUR9UwA (дата обращения: 03.07.2025).

14. Чжан Л. Тянь Цин: понимая китайскую музыку, мы также понимаем китайцев // Китайская газета искусств. 2024. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/e4Snt3kjv21pVoTXGN1pMA (дата обращения: 02.07.2025).

15. Ван Ю. Писать музыку для вечной молодости народа // Китайская газета искусств. 2024. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/hwv889WZeg07I-dMbZ1zfA (дата обращения: 29.07.2025).

References

1. Velilaeva L.R., Abdullaeva N.R. The Concept of "National Identity": Theoretical and Literary Aspect of the Study. Universum: Philology and Art Criticism. 2020. No. 6 (73). URL: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/9770 (date of accessed: 29.07.2025).

2. Verbitskaya G.Ya. Epistemology of Artistic Creativity: Conflict as a Way of Realizing the Cognitive Potential of Art. Pedagogical Journal of Bashkortostan. 2018. No. 3 (76). P. 39 – 49.

3. Gubskaya O.N. Studying the Directions of Chinese Cultural Research as a Way of Developing Intercultural Dialogue. Current Vectors of Belarusian-Chinese Trade and Economic Cooperation: Collection of Articles from the III International Scientific-Practical Conference. Edited by Yu.A. Shavruk. Minsk, December 16, 2022. Minsk: Colorgrad, 2023. P. 520 – 572.

4. Gurko A.V. On the Elements of Chinese Traditions in the Culture of the Republic of Belarus. Happiness Is Not in the Reward for Valor, but in the Valor Itself: Proceedings of the International Scientific Round Table Dedicated to the 70th Anniversary of Prof. V.A. Fedosik. Edited by I.O. Yevtukhov, O.I. Malyugin, A.A. Prokhorov. Minsk, February 9, 2021. Minsk: BSU, 2021. P. 329 – 334.

5. Ge M. Music for Saxophone in the Works of Chinese and Belarusian Composers of the Second Half of the 20th – Early 21st Century: Cand. of Art Criticism Dissertation: 17.00.02. Minsk, 2018. 28 p.

6. Zinin R.V. Specialized Publications in the Sphere of Culture as a Communication Channel. Scientific Vedomosti. Series: Humanitarian Sciences. 2017. No. 7 (256). P. 95 – 98.

7. Iofe E. Primadonna. Mastatstva. 2024. No. 12. P. 38 – 39.

8. Lotman Yu.M. Semiosphere. St. Petersburg: "Iskusstvo – SPB", 2000. 704 p.

9. Sheika D. "We have found our heritage". Kultura. 2024. No. 41. P. 6 – 7.

10. Shyts'ko Ya. "Duhoŭnyya kashtoŭnast's'. Literature and Art. 2025. No. 8. 14 p.

11. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London; New York: LONGMAN, 1995. 256 p.

12. Hall S. Representation: Cultural representations and signifying practices. London: Sage Publications, 1997. 400 p.

13. On the Dragon Boat holiday, listen to the song "Reflections on Nanjing". Artistic education. 2024. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/_MxcNp2EBICeyaOkUR9UwA (date of accessed: 03.07.2025).

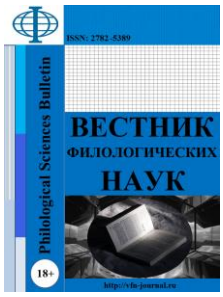
14. Zhang L. Tian Qing: Understanding Chinese Music, We Also Understand the Chinese. China Arts Newspaper. 2024. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/e4Snt3kjv21pVoTXGN1pMA (date of accessed: 02.07.2025).

15. Wang Yu. Writing Music for the Eternal Youth of the People. China Arts Newspaper. 2024. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/hwv889WZeg07I-dMbZ1zfA (date of accessed: 29.07.2025).

Информация об авторах

Е Сысы, *кафедра литературно-художественной критики, Белорусский государственный университет, yesisi525977@gmail.com*

© Е Сысы, 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 378:81’23:81.161.1(560)

[1] Камбак Б.

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Коммодификация русского языка в Турции экономический потенциал и рынок труда

Аннотация: *в статье проводится исследование влияния русского языка на рынок труда Турции в контексте растущей русскоязычной диаспоры и коммодификации языковых навыков. Автор рассматривает трансформацию языкового ландшафта Турции и экономические возможности, возникающие благодаря знанию русского языка. Особое внимание уделяется анализу спроса на русскоязычных специалистов в различных секторах турецкой экономики, а также изучению механизмов, посредством которых русский язык становится активом на рынке труда. Исследование охватывает адаптацию русскоязычных мигрантов, оценку их конкурентоспособности и факторов, влияющих на их трудоустройство. Рассматриваются практики использования русского языка в бизнес-коммуникации, образовании, туризме и влияние этих практик на формирование новых экономических ниш. Анализируется также государственная политика, направленная на поддержку и интеграцию русскоязычных мигрантов.*

В работе используется комплексный подход, сочетающий анализ статистических данных о миграции, анализ вакансий и объявлений на рынке труда, а также экспертные интервью с представителями бизнеса и русскоязычной диаспоры.

Полученные результаты, проведенного анализа указывают на растущую экономическую важность и значимость русского языка для Турции, а в частности для турецкого рынка труда, при определении основополагающих факторов, которые оказывают существенное влияние на коммодификацию. Основным вкладом автора стала разработка модели оценки экономического потенциала русского языка в Турции, которая обоснована повышением спроса на русскоязычных специалистов, а также на их конкурентоспособности на рынке труда, что оказывает существенное влияние на развитие отдельных сфер экономики, а именно туризма, торговли, образования и IT. Результаты исследования могут быть использованы для разработки эффективных стратегий интеграции русскоязычных мигрантов в турецкую экономику, а также для развития образовательных программ, направленных на подготовку специалистов, владеющих русским языком и востребованных на рынке труда.

Ключевые слова: *русский язык, коммодификация, экономический потенциал, рынок труда, Турецкая Республика, трудовая миграция, геополитика, языковая политика, востребованность, специалисты*

Для цитирования: Камбак Б. Коммодификация русского языка в Турции экономический потенциал и рынок труда // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 140 – 149.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Kambak B.

[1] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Commodification of the Russian language in Turkey: economic potential and labor market

Abstract: *this article investigates the impact of the Russian language on the Turkish labor market in the context of a growing Russian-speaking diaspora and the commodification of language skills. The author examines the transformation of Turkey's linguistic landscape and the economic opportunities arising from knowledge of the Russian language. Particular attention is paid to analyzing the demand for Russian-speaking specialists in various sectors of the Turkish economy, as well as studying the mechanisms through which the Russian language becomes an asset in the labor market. The research covers the adaptation of Russian-speaking migrants, assesses their competitiveness, and identifies factors influencing their employment. The use of the Russian language in business communication, education, tourism, and the impact of these practices on the formation of new economic niches are also considered. Furthermore, the governmental policy aimed at supporting and integrating Russian-speaking migrants is analyzed.*

The study employs a comprehensive approach, combining the analysis of statistical data on migration, the analysis of job vacancies and advertisements in the labor market, and expert interviews with representatives of the business community and the Russian-speaking diaspora.

The main findings of the study identify the growing economic significance of the Russian language in the Turkish labor market and determine the key factors influencing its commodification. The novelty of the research lies in the comprehensive analysis of the impact of Russian-speaking migration on the transformation of the Turkish labor market and the identification of new economic opportunities associated with knowledge of the Russian language. A specific contribution of the author to the topic is the development of a model for assessing the economic potential of the Russian language in Turkey, taking into account factors such as the demand for Russian-speaking specialists, their competitiveness, and the impact on the development of individual sectors of the economy. The research shows that the Russian language is becoming an important competitive advantage for specialists in the fields of tourism, trade, education, and IT, and also contributes to the development of new business areas geared towards the Russian-speaking audience. The results of the study can be used to develop effective strategies for integrating Russian-speaking migrants into the Turkish economy, as well as to develop educational programs aimed at training specialists who speak Russian and are in demand in the labor market.

Keywords: *the Russian language, commodification, economic potential, labor market, the Republic of Turkey, labor migration, geopolitics, language policy, demand, specialists*

For citation: Kambak B. Commodification of the Russian language in Turkey: economic potential and labor market. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 140 – 149.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

В условиях глобализации и растущей международной мобильности населения владение иностранными языками приобретает все большее экономическое значение. Коммодификация языка, то есть превращение языковых навыков в товар, востребованный на рынке труда, становится важным фактором, влияющим на занятость и доходы населения.

В данном исследовании рассматривается проблема анализа коммодификации русского языка в Турции, стране, испытывающей значительный приток русскоязычного населения в последние годы. Актуальность исследования определяется геополитическими изменениями, упрощением визового режима между Россией и Турцией, увеличением туристического потока и ростом экономических связей между двумя странами, что формирует новый сегмент на рынке труда, требующий специалистов, владеющих русским языком. Цель исследования заключается в определении и анализе влияния владения русским языком на турецкий рынок труда, выявлении основных секторов экономики, где востребованы русскоязычные специалисты, и оценке экономического потенциала коммодификации русского языка. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- определить основные сектора турецкой экономики, где наблюдается повышенный спрос на специалистов, владеющих русским языком;
- провести эмпирическое исследование методом опроса работодателей для оценки значимости владения русским языком для соискателей;
- проанализировать статистические данные для выявления связи между уровнем владения русским языком и уровнем дохода в различных секторах экономики;
- выявить и описать основные тенденции, связанные с коммодификацией русского языка в публичном пространстве Турции;
- оценить экономический потенциал коммодификации русского языка для работников, бизнеса и экономики Турции в целом.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили данные, полученные из открытых источников: статистические данные Управления по миграции Турции, данные порталов по трудоустройству Kariyer.net и HeadHunter, аналитические отчеты деловых и туристических ассоциаций, а также научные статьи и публикации по лингвистике, экономике и социологии языка. В рамках исследования были проанализированы статьи, посвященные коммодификации языка, влияния миграции на рынок труда и экономического значения владения иностранными языками. Использовались данные опросов работодателей и соискателей, опубликованные в специализированных изданиях и на профильных сайтах. Основные методы исследования включают в себя: сравнительный анализ, статистический анализ, метод опроса и контент-анализ.

В основе исследования лежат теории коммодификации языка, рассматривающие язык как экономический ресурс и фактор, влияющий на социальную мобильность и экономическое неравенство. Также используются концепции человеческого капитала, подчеркивающие роль образования и языковых навыков в формировании конкурентоспособности на рынке труда. Важными теоретическими источниками являются работы Bourdieu (1991) о символическом капитале и его влиянии на социальные отношения, а также исследования Grin (2006) и Lazear (1999) об экономических аспектах многоязычия и языковой политики.

В данном исследовании использовался комбинированный подход, включающий качественные и количественные методы. Исследование коммодификации русского языка в Турции проводилось в следующих сферах: коммодификация в сфере образования, коммодификация в промышленности и деловом общении, коммодификация в туристическом секторе, коммодификация в медиа и цифровом пространстве

Для анализа данных использовались методы описательной статистики (расчет средних значений, стандартных отклонений) и корреляционный анализ для выявления взаимосвязей. Также был проведен регрессионный анализ для определения степени влияния различных факторов.

Результаты и обсуждения

В рамках данного исследования под коммодификацией языка понимается трансформация языковых навыков в товар, обладающий рыночной ценностью. Данный процесс, рассматриваемый с позиций экономической лингвистики [29, с. 23], подразумевает не только использование языка как инструмента коммуникации, но и его превращение в ресурс, генерирующий прибыль. Коммодификация языка проявляется в спросе на владение определенным языком со стороны работодателей, предложении образовательных услуг, ориентированных на формирование соответствующих языковых компетенций, а также в применении языка в маркетинговых и рекламных стратегиях. В контексте глобализации, развитие международного бизнеса и усиление миграционных процессов создают благоприятную среду для коммодификации различных языков [36, с. 78].

Исследование углубляет понимание теории коммодификации языка, развивая ее применение к русскому языку в Турции и анализируя его роль как экономического актива с учетом геополитических и социально-экономических особенностей страны. Работа конкретизирует концепцию человеческого капитала, демонстрируя эмпирически, как знание русского языка влияет на конкурентоспособность на рынке труда, и расширяет границы экономической лингвистики, предоставляя данные о влиянии владения языком на экономические процессы и предлагая методологический инструмент для аналогичных исследований.

Результаты исследования полезны работникам для определения перспективных направлений развития языковых навыков, бизнесу для оптимизации кадровой политики и адаптации к русскоязычной аудитории, а также образовательным учреждениям для разработки востребованных программ обучения. Органы государственной власти могут использовать исследование при разработке языковой политики и программ привлечения инвестиций, а инвесторы – для оценки потенциала рынка труда в Турции. Полученные данные служат основой для рекомендаций по планированию карьеры и предоставляют инструменты для оценки влияния языкового капитала на доход и экономические возможности.

Вопрос об оценочном числе русскоязычных в Турции остаётся предметом обсуждений, так как данные различных источников значительно варьируются. Следует отметить, что оценки численности русскоязычного населения в Турции, представленные в различных источниках, значительно варьируются. Данные Ethnologue [27, с. 47] и Babbel Magazine [22, с. 12] могут быть завышены, так как включают не только мигрантов, но и изучающих язык, а также не учитывают динамику миграционных процессов. Более поздние данные, основанные на официальной статистике, указывают на иные цифры. Согласно информации Wikipedia [40], число граждан России с видом на жительство в Турции составляло 240 715 человек. Reuters [33] сообщает о снижении числа россиян, покинувших страну после 2022 года, до 96 000 к маю 2024 года. Наиболее точными следует считать данные Управления по миграции Турции (T.C. Göç İdaresi Başkanlığı) за 2022 год, согласно которым в крупных городах, таких как Анталья, Стамбул, Анкара и Измир, проживает более 100 000 русскоязычных [37]. Однако, эти данные также не охватывают всех русскоязычных, так как не учитывают туристов, временных работников и граждан других стран, говорящих на русском языке. Таким образом, вопрос о точной численности русскоязычного населения в Турции остается открытым и требует дальнейших исследований.

Увеличение численности русскоязычного населения в Турции в последние годы является следствием ряда взаимосвязанных факторов. Геополитическая нестабильность в регионе, в частности, вооруженный конфликт на Украине, привела к миграции значительного числа граждан из России, Украины и Беларуси в Турцию [32]. Упрощенный визовый режим, привлекательные условия для ведения бизнеса и приобретения недвижимости в Турции, а также культурная близость, также способствуют притоку русскоязычных мигрантов. Данный приток населения, в свою очередь, генерирует спрос на товары и услуги, ориентированные на русскоязычную аудиторию, и, следовательно, повышает востребованность владения русским языком на рынке труда.

Эмпирические данные подтверждают растущий спрос на русскоязычных специалистов в различных секторах турецкой экономики. Согласно данным сайта Kariyer.net от 12 марта 2025 года [30], русский язык занимает второе место по востребованности среди иностранных языков в Турции, составляя 5.74% от общего числа объявлений, требующих знания иностранного языка. При этом английский язык занимает лидирующую позицию с 86.48%.

Таблица 1 представляет собой обобщение оценок численности русскоязычного населения в Турции, основанных на данных различных источников. Вопрос об оценочном числе русскоязычных в Турции является сложным и многогранным, поскольку данные варьируются в зависимости от методологии подсчета, охвата целевой аудитории (мигранты, туристы, студенты и т.д.) и временного периода. Таблица позволяет сопоставить данные, полученные из различных источников, и оценить возможный диапазон численности русскоязычного населения в Турции.

Таблица 1

Данные, полученные из различных источников о численности русскоязычных в Турции.

Table 1

Data obtained from various sources on the number of Russian speakers in Turkey.

Источник	Оценка численности
Ethnologue (2019)	более 150000, включая не только мигрантов, но и изучающих язык
Babbel Magazine (2017)	более 100000, включая не только мигрантов, но и изучающих язык
Wikipedia (2022)	240 715 граждан России с видом на жительство в Турции
Reuters (2024)	96 000 россиян, покинувших страну после 2022 года
T.C. Göç İdaresi Başkanlığı (2022)	более 100 000 русскоязычных в крупных городах (Анталья, Стамбул, Анкара и Измир), без учета туристов, временных работников и граждан других стран, говорящих на русском языке

Оценки, учитывающие более широкий спектр русскоязычных, включая туристов, временных работников и граждан других стран, вероятно, превышают представленные цифры. Таким образом, для получения более точной картины необходимы дальнейшие исследования, учитывающие все категории русскоязычных, проживающих в Турции, и использующие единую методологию подсчета. Также следует учитывать динамику миграционных процессов, которая может существенно влиять на численность русскоязычного населения в стране.

Анализ объявлений о вакансиях и интервью с представителями бизнеса указывает на высокую востребованность владения русским языком в следующих областях:

– Туристическая индустрия и гостиничный бизнес. Знание русского языка является критически важным для работников сферы гостеприимства, гостиничного бизнеса, туристических агентств и развлекательных заведений, ориентированных на обслуживание русскоязычных туристов [7, с. 123]. В 2019 году Турцию посетило более 7 миллионов российских туристов, что сформировало высокую потребность в русскоговорящем персонале в курортных зонах (Анталия, Аланья и др.) [39].

– Сектор услуг. Предприятия, оказывающие услуги населению (рестораны, магазины розничной торговли, салоны красоты и т.д.), нуждаются в сотрудниках, способных эффективно взаимодействовать с русскоязычными клиентами [8, с. 245].

– Рынок недвижимости. В условиях активного развития рынка недвижимости, ориентированного на иностранных инвесторов, существует потребность в русскоязычных риелторах, юристах и консультантах [9, с. 880]. В 2022 году россияне приобрели более 15 000 объектов недвижимости в Турции, в основном в прибрежных регионах, что создаёт спрос на русскоязычных юристов, агентов и менеджеров по продажам [34].

– Информационные технологии. Развитие IT-сектора в Турции создает спрос на русскоязычных программистов, разработчиков программного обеспечения и специалистов по технической поддержке [38].

– Образование. Появление частных образовательных учреждений, предлагающих обучение на русском языке, обуславливает потребность в квалифицированных педагогах, владеющих русским языком [31]. Русский язык занимает третье место по популярности среди иностранных языков в системе частного образования Турции, уступая только английскому и немецкому. Это создаёт устойчивый спрос на квалифицированных преподавателей русского языка как в частных языковых школах, так и в системе формального образования [21]. По состоянию на 2025 год, 19 университетов в Турции предлагают программы по специальности «Русский язык и литература», а в 7 университетах действуют отделения по специальности «Русский перевод и переводоведение», что отражает спрос на профессиональных переводчиков [24].

– Энергетика и строительство. Проект строительства АЭС «Аккую» в провинции Мерсин реализуется при активном участии более 3 000 российских специалистов, что делает русский язык обязательным инструментом в техническом и административном взаимодействии [28].

– Внешняя торговля и логистика. Двусторонний товарооборот между Турцией и Россией в 2022 году превысил 68,19 миллиарда долларов США, что повышает спрос на специалистов со знанием русского языка в сфере логистики, ВЭД и управления поставками [41].

– Медицина и фармацевтика. В Анталии и других туристических центрах около 20% частных клиник активно обслуживают русскоязычных пациентов, поэтому наличие медицинского персонала, владеющего русским языком, становится критически важным [35].

Для подтверждения данных о востребованности русского языка на турецком рынке труда было проведено эмпирическое исследование. Результаты исследования показали, что значительная часть работодателей считает владение русским языком важным конкурентным преимуществом для соискателей, особенно на позициях, связанных с обслуживанием клиентов. Также, работодатели готовы предложить более высокую заработную плату сотрудникам, владеющим русским языком. Статистический анализ выявил связь между уровнем владения русским языком и уровнем дохода. Владение русским языком является значимым фактором при трудоустройстве в сфере туризма, наряду с образованием и опытом работы.

Глобализация и развитие российско-турецких отношений ведут к росту коммерческой ценности русского языка в образовании Турции.

Образовательные возможности:

Высшее образование: в Турции 21 университет предлагает программы по русскому языку и переводу, включая 17 по русскому языку и литературе и 4 по переводу. Как государственные, так и частные учебные заведения предлагают эти программы.

Среднее образование: расширяются возможности изучения русского языка в школах и центрах, ориентированных на русскоязычных детей и изучающих русский как иностранный. Примеры: "Russian School Antalya", "Moscow International School".

Программы обмена: действуют правительственные программы по обучению турецких студентов в России. Например, программа Akkuyu. В 2015 году по этим программам было отправлено 110 студентов, а в 2024 году – 76.

Рост интереса к русскому языку в образовании отражает его растущую ценность как товара в условиях глобализации и укрепления связей между странами.

Историческое и текущее промышленное сотрудничество между Турцией и СССР / Россией (например, совместные проекты в металлургии, энергетике) также стимулирует интерес к русскому языку. Например,

при поддержке СССР был построен Искендерунский металлургический комбинат. Сейчас реализуется проект строительства АЭС "Аккую" с участием "Росатома".

Сотрудничество между Турцией и СССР/Россией привело к созданию ряда промышленных объектов, имеющих экономическую ценность.

Искендерунский металлургический завод (1970): построен при поддержке СССР, один из крупнейших центров производства листовой стали в Турции.

Сейдишехирский алюминиевый завод (1973): построен с использованием советской инженерии, первое предприятие по производству алюминия в Турции.

Нефтеперерабатывающий завод в Алиаге (1967): построен для производства нефтепродуктов при поддержке советского кредита и технической помощи.

АЭС "Аккую" (2018 (строится) / 2025 (план)): первая атомная электростанция в Турции, строящаяся компанией "Росатом". Проект состоит из четырех реакторов общей мощностью 4800 МВт.

Данные объекты демонстрируют, как сотрудничество с СССР / Россией сыграло важную роль в развитии ключевых отраслей турецкой промышленности. Происходит обмен технологиями, знаниями и ресурсами. Проект АЭС "Аккую" является примером стратегического сотрудничества в энергетической сфере, которое укрепляет двусторонние отношения и создает новые рабочие места. Рост промышленного сотрудничества увеличивает спрос на специалистов со знанием русского языка и культуры.

Туристический сектор Турции – яркий пример коммодификации русскоязычного туризма. Представим динамику русскоязычного туризма, пик которого пришелся на 2019 год. В 2019 году более 10 миллионов туристов из разных стран СНГ и Прибалтики прибыли в Турцию. Однако, уже в 2020 году наблюдается спад русскоязычного туризма, который был обоснован коронавирусной инфекцией и запретом русским гражданам вылетать за границу. В 2023-2024 гг. в Турцию прибыло 6,3 млн. туристов из РФ и около 2 млн. из СНГ и Прибалтики.

Все приведенные выше данные, свидетельствуют о стремительном и устойчивом росте русскоязычного туризма в Турции даже не смотря на внезапно вспыхнувшую и стремительно развивающуюся инфекцию. Русский язык за последние пять лет стал частью сервиса турецкого туризма, в частности в таких основных регионах, как Анталия и Алания.

Появление и развитие коммодификации русского языка в Турции связано в первую очередь с тем, что турецким гражданам было необходимо адаптироваться под возрастающее количество русскоязычных туристов. В туризме появляется русскоязычный персонал, меню ресторанов представляется не только на турецком языке, но и на русском, телеканалы начинают транслировать российские передачи, появляется все больше и больше экскурсий и развлечений для русских туристов. Для привлечения российских туристов в Турции используется реклама на русском языке, банки начинают представлять перевод турецкого на русский на своих билбордах и рекламных плакатах. Вывески многочисленных магазинов Турции также начали представляться на русском языке.

В данной связи, стоит сказать о том, что Турция превратила культурные и языковые особенности русскоязычных туристов в экономически выгодный ресурс.

Присутствие российских медиа:

С начала 2010-х активно присутствуют российские медиаструктуры: Sputnik Türkiye, RT, Telegram-каналы, YouTube-блогеры и Facebook-сообщества. Они предоставляют новости, аналитику, представляющие интересы российских госструктур или частных медиа.

Использование языка:

– Привлечение этнических и мигрантских групп, туристов и граждан СНГ.

– Распространение информации и нарративов, отвечающих определенным политическим или экономическим интересам.

Влияние и манипуляции:

Исследование Oxford Internet Institute (2019) показало, что Россия систематически применяет тактики манипуляции в социальных сетях. Турция упоминается как одна из стран, где российские платформы пытались влиять на политическую повестку.

Турецкие медиа:

Anadolu Ajansı имеет разделы на русском языке. Русскоязычные онлайн-издания, такие как «МК-Турция» и «Аргументы и Факты – Турция», публикуют новости, рекламу, обзоры недвижимости и туризма.

Цели коммодификации:

1. Привлечение целевой аудитории (туристы, мигранты, инвесторы).

2. Коммерциализация (реклама, продвижение товаров и услуг).

3. Формирование общественного мнения.

4. Укрепление имиджа Турции.

В результате, использование русского языка в медиапространстве Турции служит целям влияния, коммерциализации и продвижения определенных интересов.

Проведенное исследование подтверждает возрастающее экономическое значение русского языка в Турецкой Республике. Рост численности русскоязычного населения, обусловленный геополитическими факторами, изменениями в миграционной политике (упрощение визового режима, возможность получения ВНЖ) и экономическими возможностями, генерирует спрос на русскоязычных специалистов в различных секторах экономики и способствует коммодификации языковых навыков. Результаты эмпирического исследования демонстрируют, что значительная часть работодателей (особенно в туристическом секторе, сфере недвижимости и услуг) считает владение русским языком важным или даже необходимым конкурентным преимуществом для соискателей. Владение русским языком становится важным активом на рынке труда Турции, открывая двери к более высоким заработным платам и карьерным возможностям.

Выводы

Основной результат исследования заключается в том, что коммодификация русского языка в Турции представляет собой важный экономический фактор, оказывающий многогранное влияние на рынок труда:

1. Повышение конкурентоспособности работников – владение русским языком обеспечивает значительное конкурентное преимущество для соискателей, особенно в секторах, ориентированных на русскоязычных клиентов (туризм, сфера услуг, недвижимость, торговля). Работники, владеющие русским языком, имеют больше шансов на трудоустройство, быстрое продвижение по карьерной лестнице и получение более высокой заработной платы.

2. Расширенные возможности для развития бизнеса, данное обстоятельство свидетельствует о том, что в Турции в бизнес стали привлекать русскоязычных сотрудников, с помощью которых компании расширяли масштабы своей деятельности и клиентскую базу. Все это позволяло выйти на новые рынки сбыта, а также постоянно улучшать качество обслуживания, что способствовало росту прибыли и укреплению конкурентных позиций на рынке.

3. Развитие и расширение образовательных услуг в Турции. Постоянно возрастающий спрос на изучение русского языка начинает стимулировать развитие рынка образовательных услуг Турции. На данном рынке появляются многочисленные языковые курсы, университетские программы, которые предлагали изучение русского языка за наиболее короткое время.

4. Возможность привлечения иностранных инвестиций. Данный факт говорит о том, что знание русского языка турецкими гражданами повышает шансы привлечения иностранных инвестиций из России. Стоит учитывать то, что компании, которые инвестировали свой капитал в развитие турецких предприятий хотят видеть в их штате сотрудников, которые будут эффективно взаимодействовать с российскими партнерами, а также государством и клиентами.

5. Повышение роли экспертного капитала, говорит о том, что владение русским языком для Турции способствует развитию многочисленных внешнеторговых связей не только с Россией, но и с иными странами СНГ. Все компании, которые предоставляют экспортную продукцию нуждаются в квалифицированных специалистах, способных вести переговоры, заключать контракты, планировать логистические маршруты и обеспечивать качественную обратную связь с клиентами на русском языке.

Практическая значимость исследования – результаты исследования оказывают положительное влияние на рынок труда, что обосновано появлением новых возможностей для работников, бизнеса и экономики в целом. Коммодификация способствует повышению конкурентоспособности компаний Турции, расширению их рынков сбыта, развитию образовательной сферы в Турции и привлечению иностранного капитала.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение влияния других языков, например, украинского, арабского, немецкого или английского, а также на анализ долгосрочных последствий миграционных процессов и изменений в геополитической обстановке на языковую ситуацию в Турции. Ограничением данного исследования является преимущественный фокус на сфере туризма при проведении количественного анализа. Будущие исследования могут расширить охват секторов экономики (например, строительство, логистика, IT) для более полной и объективной оценки влияния русского языка на рынок труда. Также важно учитывать, что текущая геополитическая ситуация является динамичной, и изменения в миграционной политике, международных отношениях или экономической конъюнктуре могут существенно повлиять на спрос на русскоязычных специалистов в Турции. В будущих исследованиях целесообразно учитывать региональные различия в проявлении коммодификации русского языка (например, сравнение ситуации в Анталье и Стамбуле). Тем не менее, результаты данного исследования могут быть полезны для раз-

работки образовательных программ, ориентированных на подготовку специалистов, владеющих русским языком, а также для формирования стратегий развития бизнеса, ориентированного на русскоязычную аудиторию, и для разработки государственной политики в области миграции и образования.

Список источников

1. Бэкхаус П. Лингвистические ландшафты: сравнительное исследование городского многоязычия в Токио. Bristol, UK: Multilingual Matters, 2007. 240 с.
2. Бломмарт Я. Социолингвистика глобализации. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 248 с.
3. Купланд Н. Социолингвистическая теория: стиль, аутентичность и адаптация. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. 304 с.
4. Яворски А. Семиотические ландшафты: язык, изображение, пространство / ред. К. Терлоу. Лондон: Continuum, 2010. 320 с.
5. Каллен Дж.Л. Работа с языком и миграцией. Bristol, UK: Multilingual Matters, 2009. 288 с.
6. Урри Дж. Туристский взгляд: 2-е изд. Лондон: Sage, 2002. 192 с.
7. Akkaya A. The impact of Russian language on tourism industry in Turkey // Journal of Tourism and Cultural Heritage. 2018. Vol. 6. No. 2. P. 123 – 135.
8. Demir B., Sever M. The role of Russian language in service sector in Turkey: A case study // International Journal of Social Sciences. 2020. Vol. 9. No. 3. P. 245 – 258.
9. Erkan S., Ozcan A. Russian-speaking real estate market in Turkey: Trends and challenges // Journal of Economic Studies. 2021. Vol. 48. No. 5. P. 876 – 890.
10. Heller M. The commodification of language // Annual Review of Applied Linguistics. 2010. Vol. 30. P. 128 – 142.
11. MEB (Ministry of National Education). National education statistics. Ankara: MEB, 2023. 150 p.
12. OECD (Organisation for Economic Co-operation and Development). International migration outlook 2023. Paris: OECD Publishing, 2023. 200 p.
13. Shohamy E., Gorter D. Linguistic landscape: Expanding the scenery. Routledge, 2009. 350 p.
14. TUIK (Turkish Statistical Institute). Information and communication technology usage survey. Ankara: TUIK, 2022. 120 p.
15. Kariyer.net. URL: https://www.kariyer.net/ (дата обращения: 27.03.2025).
16. Secretcv.com. URL: https://www.secretcv.com/ (дата обращения: 27.03.2025).
17. Tourism Research Turkey. Анализ спроса на русскоязычных специалистов в туристическом секторе Турции. URL: https://report.az/en/tourism/antalya-russian-groups-boost-tourism-sector-in-turkey/ (дата обращения: 27.03.2025).
18. Tech Insights Turkey. Анализ потребностей турецкого бизнеса в русскоязычных IT-специалистах. URL: https://www.patika.dev/insights/turkey-the-rising-tech-talent-hub (дата обращения: 27.03.2025).
19. GYODER. Роль русскоязычной диаспоры в развитии рынка недвижимости Турции. URL: https://gyoder.org.tr/ (дата обращения: 27.03.2025).
20. Akkaya A.H. Impact of Russian language skills on tourism employment in Turkey // Journal of Tourism Studies. 2018. Vol. 15. No. 2. P. 45 – 62.
21. AyrinGreen HR. Обзор современного рынка труда в Турции. URL: ayringreen.com (дата обращения: 27.03.2025).
22. Babbel Magazine. Where is Russian spoken today? URL: babbel.com/en/magazine/where-is-russian-spoken (дата обращения: 27.03.2025).
23. Demir O., Sever M. The role of Russian language in service sector development in Turkey // International Journal of Business and Management. 2020. Vol. 8. No. 4. P. 78 – 92.
24. Eleman.net. Rus Dili ve Edebiyatı Taban Puanları ve Üniversiteleri. URL: eleman.net (дата обращения: 27.03.2025).
25. Epey.com. Rusça Mütercim ve Tercümanlık Bölümü Taban Puanları ve Üniversiteleri. URL: epey.com (дата обращения: 27.03.2025).
26. Erkan I., Ozcan F. Russian-speaking real estate agents in Turkey: A case study // Journal of Urban Studies. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 112 – 128.
27. Ethnologue. Russian Language Profile. URL: ethnologue.com/language/rus (дата обращения: 27.03.2025).
28. HEDClub. Popularity of Russian Education in Turkey. URL: hedclub.com (дата обращения: 27.03.2025).
29. Heller M. Linguistic commodification // Language Sciences. 2010. Vol. 32. No. 2. P. 127 – 138.
30. Kariyer.net. Объявления о работе в Турции. URL: www.kariyer.net (дата обращения: 12.03.2025).

31. MEB. Статистика по образовательным учреждениям в Турции. Министерство образования Турции. 2023. 150 с.

32. OECD. International Migration Outlook 2023. OECD Publishing. 2023. 200 p.

33. Reuters. Another Russian Exodus: Many who fled to Turkey move again. URL: reuters.com/world/another-russian-exodus-many-who-fled-turkey-move-again-2024-05-21/ (дата обращения: 27.03.2025).

34. RussiaPost. Русские в Турции: адаптация, язык, рынок жилья. URL: russiapost.info (дата обращения: 27.03.2025).

35. RussiaPost. Русскоязычные пациенты и медицина в Турции. URL: russiapost.info (дата обращения: 27.03.2025).

36. Shohamy E., Gorter D. Linguistic landscape: Expanding the scenery. Routledge, 2009. 350 p.

37. Göç İdaresi Başkanlığı T.C. Статистика по видам на жительство в городах Турции. URL: goc.gov.tr (дата обращения: 27.03.2025).

38. TUIK. Статистика по информационным технологиям в Турции. Турецкий статистический институт. 2022. 115 с.

39. Washington Institute. Turkey's Growing Ukrainian and Russian Communities. URL: washingtoninstitute.org (дата обращения: 27.03.2025).

40. Wikipedia. Russians in Turkey. URL: en.wikipedia.org/wiki/Russians_in_Turkey (дата обращения: 27.03.2025).

41. Министерство торговли Турции. Годовой отчёт по внешней торговле. URL: ticaret.gov.tr (дата обращения: 27.03.2025).

References

1. Backhouse P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Bristol, UK: Multilingual Matters, 2007. 240 p.

2. Blommaert J. Sociolinguistics of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 248 p.

3. Coupland N. Sociolinguistic Theory: Style, Authenticity, and Adaptation. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. 304 p.

4. Jaworski A. Semiotic Landscapes: Language, Image, Space. London: Continuum, 2010. 320 p.

5. Cullen J.L. Working with Language and Migration. Bristol, UK: Multilingual Matters, 2009. 288 p.

6. Urry J. Tourist gaze: 2nd ed. London: Sage, 2002. 192 p.

7. Akkaya A. The impact of Russian language on tourism industry in Turkey. Journal of Tourism and Cultural Heritage. 2018. Vol. 6. No. 2. P. 123 – 135.

8. Demir B., Sever M. The role of Russian language in the service sector in Turkey: A case study. International Journal of Social Sciences. 2020. Vol. 9. No. 3. P. 245 – 258.

9. Erkan S., Ozcan A. Russian-speaking real estate market in Turkey: Trends and challenges. Journal of Economic Studies. 2021. Vol. 48. No. 5. P. 876 – 890.

10. Heller M. The commodification of language. Annual Review of Applied Linguistics. 2010. Vol. 30. P. 128 – 142.

11. MEB (Ministry of National Education). National education statistics. Ankara: MEB, 2023. 150 p.

12. OECD (Organization for Economic Co-operation and Development). International migration outlook 2023. Paris: OECD Publishing, 2023. 200 p.

13. Shohamy E., Gorter D. Linguistic landscape: Expanding the scenery. Routledge, 2009. 350 p.

14. TUIK (Turkish Statistical Institute). Information and communication technology usage survey. Ankara: TUIK, 2022. 120 p.

15. Kariyer.net. URL: https://www.kariyer.net/ (date of access: 27.03.2025).

16. Secretcv.com. URL: https://www.secretcv.com/ (date of access: 27.03.2025).

17. Tourism Research Turkey. Analysis of demand for Russian-speaking specialists in the tourism sector of Turkey. URL: https://report.az/en/tourism/antalya-russian-groups-boost-tourism-sector-in-turkey/ (date of access: 27.03.2025).

18. Tech Insights Turkey. Analysis of the needs of Turkish businesses for Russian-speaking IT specialists. URL: https://www.patika.dev/insights/turkey-the-rising-tech-talent-hub (date of access: 27.03.2025).

19. GYODER. The Role of the Russian-Speaking Diaspora in the Development of the Turkish Real Estate Market. URL: https://gyoder.org.tr/ (date accessed: 27.03.2025).

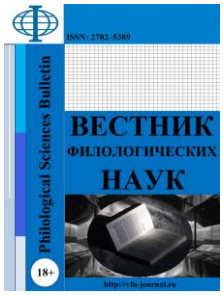
20. Akkaya A.H. Impact of Russian Language Skills on Tourism Employment in Turkey. Journal of Tourism Studies. 2018. Vol. 15. No. 2. P. 45 – 62.

21. AyrinGreen HR. Review of the Current Labor Market in Turkey. URL: ayringreen.com (date of access: 27.03.2025).
22. Babbel Magazine. Where is Russian Spoken Today? URL: babbel.com/en/magazine/where-is-russian-spoken (date accessed: 27.03.2025).
23. Demir O., Sever M. The role of Russian language in service sector development in Turkey. International Journal of Business and Management. 2020. Vol. 8. No. 4. P. 78 – 92.
24. Eleman.net. Eng Dili ve Edebiyatı Taban Puanları ve Üniversiteleri. URL: eleman.net (date of access: 27.03.2025).
25. Epey.com. Rusça Mütercim ve Tercümanlık Bölümü Taban Puanları ve Üniversiteleri. URL: epey.com (date of access: 27.03.2025).
26. Erkan I., Ozcan F. Russian-speaking real estate agents in Turkey: A case study. Journal of Urban Studies. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 112 – 128.
27. Ethnologue. Russian Language Profile. URL: ethnologue.com/language/rus (date of access: 27.03.2025).
28. HEDClub. Popularity of Russian Education in Turkey. URL: hedclub.com (date of access: 27.03.2025).
29. Heller M. Linguistic Commodification. Language Sciences. 2010. Vol. 32. No. 2. P. 127 – 138.
30. Kariyer.net. Job Postings in Turkey. URL: www.kariyer.net (date of access: 12.03.2025).
31. MEB. Statistics on Educational Institutions in Turkey. Ministry of Education of Turkey. 2023. 150 p.
32. OECD. International Migration Outlook 2023. OECD Publishing. 2023. 200 p.
33. Reuters. Another Russian Exodus: Many who fled to Turkey move again. URL: reu-ters.com/world/another-russian-exodus-many-who-fled-turkey-move-again-2024-05-21/ (date of access: 27.03.2025).
34. RussiaPost. Russians in Turkey: Adaptation, Language, and the Housing Market. URL: russiapost.info (date of access: 27.03.2025).
35. RussiaPost. Russian-Speaking Patients and Medicine in Turkey. URL: russiapost.info (date of access: 27.03.2025).
36. Shohamy E., Gorter D. Linguistic landscape: Expanding the scenery. Routledge, 2009. 350 p.
37. Göç İdaresi Başkanlığı T.C. Residence permit statistics in Turkish cities. URL: goc.gov.tr (date of access: 27.03.2025).
38. TUIK. Information technology statistics in Turkey. Turkish Statistical Institute. 2022. 115 p.
39. Washington Institute. Turkey's Growing Ukrainian and Russian Communities. URL: washingtoninsti-tute.org (date of access: 27.03.2025).
40. Wikipedia. Russians in Turkey. URL: en.wikipedia.org/wiki/Russians_in_Turkey (date of access: 27.03.2025).
41. Ministry of Trade of Turkey. Annual Foreign Trade Report. URL: ticaret.gov.tr (date of access: 27.03.2025).

Информация об авторах

Камбак Б., *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, buragkambak@hotmail.com*

© Камбак Б., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.11

[1] Пряникова А.И. ***[1] Белорусский государственный университет***

Специфика освещения молодежных инициатив в белорусских республиканских печатных СМИ (на примере газеты «Звязда»)

Аннотация: *целью статьи является определение стратегий репрезентации молодежных инициатив в белорусских печатных СМИ на примере материалов республиканской общественно-политической газеты «Звязда». В статье дана характеристика термину «молодежная инициатива», выявлены ее функции, описана роль средств массовой информации в освещении и популяризации данного вида активности среди молодого поколения. Внимание автора сосредоточено на тематическом направлении представленных в издании молодежных инициатив, особенностях и приемах репрезентации, актуализированных в конкретных материалах. Анализ стратегий репрезентации молодежных инициатив в белорусских печатных СМИ позволит определить и описать пути дальнейшего построения диалога между государством и молодежью, а также выявить методы, предоставляющие возможность в большей мере активизировать созидательный потенциал молодого поколения белорусов. Выработка методики построения эффективного диалога будет содействовать созданию уникальной коммуникативной площадки для продуктивного участия молодежи в жизни страны. Результаты исследования будут актуальны для совершенствования контент-стратегии белорусских печатных СМИ в области освещения молодежных инициатив, а также для осмысления перспективных путей развития белорусских СМИ в работе с современной молодежью.*

Ключевые слова: *государственная молодежная политика, молодежная инициатива, молодежь, печатное издание, республиканское издание, СМИ*

Для цитирования: Пряникова А.И. Специфика освещения молодежных инициатив в белорусских республиканских печатных СМИ (на примере газеты «Звязда») // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 150 – 155.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Pryanikova A.I. ***[1] Belarusian State University***

The specifics of the coverage of youth initiatives in Belarusian republican mass media (based on the example of the newspaper «Zvyazda»)

Abstract: *the purpose of the article is to determine the strategies for representing youth initiatives in Belarusian print media using the materials of the republican socio-political newspaper Zvyazda as an example. The article characterizes the term "youth initiative", identifies its functions, and describes the role of the media in covering and popularizing this type of activity among the younger generation. The author's attention is focused on the thematic direction of the youth initiatives presented in the publication, the features and methods of representation, updated in specific materials. Analysis of the strategies for representing youth initiatives in Belarusian print media will help to determine and describe the ways of further building a dialogue between the state and youth, as well as to identify methods that provide an opportunity to activate the creative potential of the younger generation of Belarusians to a greater extent. The development of a methodology for building an effective dialogue will contribute to the creation of a unique com-*

munication platform for the productive participation of young people in the life of the country. The results of the study will be relevant for improving the content strategy of Belarusian print media in the field of covering youth initiatives, as well as for understanding promising ways of developing Belarusian media in working with modern youth.

Keywords: *state youth policy, youth initiative, youth, print edition, republican edition, mass media*

For citation: Pryanikova A.I. The specifics of the coverage of youth initiatives in Belarusian republican mass media (based on the example of the newspaper «Zvyazda»). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 150 – 155.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы определяется совокупностью нескольких факторов. Исследование фокусируется на осмыслении специфики репрезентации молодежных инициатив в СМИ, что в белорусской науке является новой и малоизученной проблемой. Статья предлагает конкретные инструменты для улучшения диалога между государством и молодежью посредством стратегий печатных изданий. Анализ конкретных форматов и содержательно-тематических направлений позволяет выработать практические рекомендации для редакций по совершенствованию траектории освещения молодежных инициатив. Верификация научных наблюдений осуществлялась на актуальном материале (публикации за первое полугодие 2025 г.), что уточняет современную белорусскую медиаповестку и стратегические подходы к освещению молодежных инициатив.

Целью исследования стало определение стратегий репрезентации молодежных инициатив в белорусских республиканских печатных СМИ. Несмотря на внедрение цифровых маркеров во все сферы культуры, печатные издания до сих пор остаются важной составляющей медиаструктуры Беларуси – они формируют облик государства, дают общее представление о жизни общества.

Задачи исследования: 1) охарактеризовать креативный потенциал современной белорусской молодежи, определить степень ее участия в общественной жизни страны; 2) осмыслить семантическую парадигму понятия «молодежные инициативы», определить их задачи и тематическое разнообразие; 3) обозначить роль СМИ в поддержке молодежных инициатив, а также в укреплении диалога между государством и молодежью; 4) проанализировать контент газеты «Звязда», определить принципы освещения темы молодежных инициатив.

В современной гуманитарной науке разносторонне рассматривается потенциал СМИ в контексте их влияния на политическую и социальную активность молодых людей, на формирование их нравственного облика. В том числе это касается роли печатных изданий по сопровождению государственной молодежной политики. Однако осмыслению сущности и специфики репрезентации молодежных инициатив в медиасреде внимания уделяется недостаточно. В данном направлении можно выделить исследования А.В. Белините [1], П.П. Могутовой [2], но чаще всего молодежную активность изучают с точки зрения культурологии, педагогики и социологии (Ф.И. Храмцова [3], А.В. Гулякевич [3], А.Э. Саликов [4], О.Н. Фаблинова [5], И.В. Домасевич [6], С.И. Климин [7], В.А. Сидорова [7] и др.), а не в фокусе репрезентации этого вида активности в средствах массовой информации. Анализ стратегий освещения молодежных инициатив в белорусских СМИ позволит определить и описать пути диалогического взаимодействия государства и молодежи, а также выявить методы, которые способствуют активизации созидательного потенциала молодого поколения белорусов.

Материалы и методы исследований

Для исследования подходов к репрезентации молодежных инициатив в белорусских печатных республиканских изданиях была выбрана ежедневная общественно-политическая газета «Звязда». Проанализированы публикации за период с января по июнь 2025 г. В ходе определения подходов государства в сфере работы с молодежью и роли печатных изданий в поддержке молодежных инициатив использовались сравнительно-сопоставительный анализ научных трудов по теме исследования, обзор, изучение и описание актуальных правовых документов. Для выявления стратегий освещения молодежных инициатив в печатном издании актуализированы контент-анализ, синтез, обобщение и систематизация.

Результаты и обсуждения

Молодежь является активной группой, нацеленной на самореализацию в различных социокультурных сферах. Как верно указывает И.М. Дзялошинский, именно молодое поколение в большей степени нацелено на повышение своего социального статуса, а также на освоение новых социальных ролей [8, с. 59]. С точки

зрения ученого, эта социальная группа способна быстро адаптироваться и проявлять инициативу, способствуя запуску инновационных процессов в жизни страны. Таким образом, молодежь – та группа населения, которая представляет особый интерес для развивающегося государства. Поддержка молодого поколения в этой связи является приоритетным направлением работы, одним из проявлений которой становятся молодежные инициативы.

Осмысляя семантический потенциал понятия «молодежных инициатив» А.А. Михалева рассматривает его с точки зрения «лица» инициатора [9, с. 1148]. Некоторые проекты запускаются именно благодаря усилиям молодого поколения, но иногда мероприятия могут быть ориентированы на молодежь, которая при этом инициатором не является; в данном случае их инициатор – различные ведомства, учреждения. Исследователь выделяет задачи молодежных инициатив [9, с. 1149], отмечая, что они могут быть направлены на содействие адаптации молодого поколения к профессиональной деятельности, поиск лидеров, поддержку талантливой молодежи, повышение престижа образования, организацию их досуга, повышение культурного уровня и др. Данное уточнение просматривается в направлениях государственной молодежной политики Беларуси, установленных Законом Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной молодежной политики» [10]. Среди них – патриотическое и гражданское воспитание, помощь в получении образования, формирование ЗОЖ, поддержка молодых семей, поддержка талантливой и одаренной молодежи и т.д., при этом поддержка молодежных инициатив выделяется в документе как самостоятельное направление государственной молодежной политики.

Стратегически продуманная деятельность государства способствует социализации молодежи, побуждает ее к созидательному бытию, поддержке нравственных приоритетов страны. Это дает возможность, по мнению С.И. Климина и В.А. Сидоровой, подготовить лидеров из числа молодых людей, способствует обмену опытом между поколениями [7]. Молодежь – один из сегментов целевой аудитории печатных изданий, что объясняет важность репрезентации в них молодежной проблематики. В этой связи освещение мероприятий, затрагивающих вопросы молодежных инициатив, является одной из актуальных задач республиканских СМИ [10]. Обеспечивая информационное сопровождение молодежным инициативам, издания способны привлечь молодое поколение к активности, выявить перспективы их участия в мероприятиях. Осознание молодежью внимания государства к их проблемам и интересам содействует формированию положительного имиджа страны, и СМИ в данном направлении диалога играют не последнюю роль.

А.В. Белините считает, что важным аспектом такого диалога является построение эффективной контент-стратегии, которая должна отличаться разнообразием форматов и жанров [1, с. 184]. Задействовать свои силы в этом вопросе могут не только специализированные молодежные издания. Важно также привлекать к освещению молодежных инициатив общественно-политические печатные СМИ республиканского уровня. В качестве примера реализации молодежных инициатив в изданиях данного вида рассмотрим контент газеты «Звязда» за первое полугодие 2025 г. Среди публикаций издания по избранной теме прослеживается тенденция привязки к инфоповоду. Немаловажную роль играет масштабность мероприятия: в первую очередь, «Звязда» охватывает проекты республиканского уровня. Так, например, активно освещались с фокусом на значимости события для молодого поколения «Марафон адзінства» и «100 идей для Беларуси». Во время выборной кампании и вступительной кампании 2025 г. газета публиковала материалы, акцентирующие внимание в том числе и на молодежи. Отметим, что чаще всего в дисплее повышенного внимания газеты оказываются инициативы, направленные на молодежь, события, инициатором которых она не выступает.

Наибольший акцент в публикациях 2025 г. о молодежных инициативах был сделан на мероприятиях, направленных на гражданско-патриотическое воспитание. Так, освещалась акция «Твой голас першы»: материал представляет собой информационную заметку, в которой представлены молодые люди [11]. В тексте заметки кратко описаны две героини-участницы данной акции. Такой стратегический ход направлен на повышение лояльности молодых людей к мероприятию и изданию. В публикации прослеживается идея о том, что молодежь услышана, ее участие важно для политической жизни общества. Кроме того, в рамках освещения газетой «Марафона адзінства» публиковались материалы о направленных на молодежь мероприятиях [12]. К сфере освещенных в газете гражданско-патриотических проектов можно отнести и экскурсии для молодых людей по Дворцу Независимости [13].

«Звязда» освещала Единый день открытых дверей, который проходил в белорусских университетах [14], что указывает на внимание газеты к образовательному процессу страны. На страницах издания присутствуют материалы о вручении премий молодым ученым [15], марафоне профессионального мастерства для школьников [16], появляются тексты о встречах с абитуриентами [17]. Выбор будущей профессии и дальнейшее развитие – актуальные вопросы для молодежи. Очевидно, что издание отражает спектр работ, осуществляемых государством в данном направлении, популяризирует проекты соответствующей тематики.

Также газета уделяет внимание мероприятиям, направленным на поддержку талантливой молодежи, волонтерства и воспитывают лидеров среди молодого поколения. Пример таких публикаций – «Мы задумалі праект…» о встрече председателя Минского городского исполнительного комитета Владимира Кухарева с молодежными активистами в Национальном детском технопарке [18]. К данной категории относится и материал «Зрабілі гэта па закліку сэрца» о высадке минской молодежью аллеи к 80-летию Победы [19]. На страницах газеты освещалась деятельность волонтеров на участках для голосования во время выборной кампании [20]. Издание готовит материалы и о спортивных мероприятиях, в которых принимают участие молодые люди, тем самым поддерживая направление молодежной политики по формированию ЗОЖ. Например, в материале о «Чижовской лыжне» акцент делается на участии молодежи в мероприятии [21].

Ведущими жанрами, которые «Звязда» выбирает для освещения молодежных инициатив, выступают информационная заметка и репортаж. Также актуальны опросы и комментарии, где главными героями могут быть представители властей, организаторы мероприятий и молодые люди. Безусловно, такая субъектная репрезентация формирует у молодежи положительное отношение к изданию. Еще один формат, который встречается на страницах газеты, – фоторепортаж, поддерживающий актуальные для молодежи формы визуальной репрезентации.

Выбор в пользу информационных жанров, в частности, репортажа, обусловлен особенностями медиапотребления современной аудитории. Реципиент привык получать информацию в коротких емких сообщениях, и под эти стандарты печатные издания тоже адаптируются. С развитием Интернета визуализация стала неотъемлемой частью контента. Важной составляющей, благодаря которой можно удержать читателя, является интерактивность, игровое начало. Репортаж позволяет отразить динамику события, а обилие фотоматериалов выступает и как элемент привлечения внимания, и как дополнительный канал коммуникации с аудиторией. Заметим, что в отдельных публикациях, которые касаются массовых мероприятий, фотографии могут содержать и скрытое сообщение, направленное на молодежь. Речь идет об использовании в качестве иллюстративного материала кадров, где запечатлены молодые люди, хотя само событие не было организовано исключительно для них. Фотография способна дополнить символический посыл, который передается в газете посредством вербального текста, задает эмоциональный тон материалу. Так, в публикации, посвященной концерту «Каждый третий», который проводился в связи с юбилеем Победы, газета выбрала иллюстрации с молодежью [22]. Фокус на ней сделан и в фотографиях к материалам о прошедшей в Минске международной книжной выставке [23]. Такая тенденция выявлена и в материале «Зялёная спадчына ўнукам» о республиканской акции «Дай лесу новае жыццё» [24]. В самих текстах нет ориентира исключительно на молодых людей, но фотография говорит о том, что молодежь является частью целевой аудитории этих мероприятий. Таким образом, закодированное сообщение, которое передает «Звязда», несет информацию в том, что подобные мероприятия могут представлять интерес и для молодого поколения, что молодежь там присутствует и является активной частью жизни общества.

Выводы

На основе проделанного анализа можно сделать несколько ключевых выводов о стратегических подходах белорусских республиканских печатных СМИ в области репрезентации молодежных инициатив и событий с участием молодых людей. Молодежь является активной социальной группой, которая содействует положительным преобразованиям в современном обществе. В этой связи для государства молодое поколение белорусов представляет особый интерес, что реализуется в виде поддержки молодежных инициатив.

Термин «молодежная инициатива» имеет двойную семантику: это и проекты, инициатором которых является молодежь, и мероприятия, направленные на взаимодействие государства с молодым поколением. Задачи молодежных инициатив пересекаются с основными направлениями государственной молодежной политики, которая регламентируется в Беларуси на законодательном уровне.

Роль СМИ в реализации государственной молодежной политики прописана в соответствующем Законе и заключается в информационном сопровождении мероприятий. При этом актуализация молодежной проблематики в изданиях способствует формированию их положительного имиджа среди молодежной аудитории, а также позволяет наладить связь между государством и молодежью.

Республиканская общественно-политическая газета «Звязда» включает в свою повестку молодежную проблематику, освещает молодежные инициативы. Чаще всего издание обращается к репрезентации мероприятий республиканского уровня. Инициатор в данном случае не молодежь, но молодое поколение – целевая аудитория, участник. Чаще всего в фокусе внимания оказываются проекты гражданско-патриотической тематики, что говорит об активности государства в реализации этого направления молодежной политики. Также можно проследить востребованность молодежных инициатив, способствующих образованию молодых людей и их становлению в профессиональной сфере. Третье направление тематики

молодежных инициатив, которые оказываются в фокусе внимания «Звязды», – поддержка талантливой и одаренной молодежи. Кроме того, издание обращает внимание на мероприятия, нацеленные на воспитание лидеров среди молодого поколения. Не обходит стороной газета и волонтерские проекты, спортивные мероприятия, относящиеся к направлению формирования ЗОЖ. При этом освещение молодежных инициатив в издании «Звязда» связано с инфоповодом.

С точки зрения формы / формата газета отдает предпочтение информационным заметкам и репортажам, которые более всего отвечают потребностям современного реципиента. Изменения в медиапотреблении аудитории определяют контент-стратегию изданий. Информационная заметка предоставляет информацию в сжатой форме, выделяет главные элементы «сюжета». Репортаж добавляет динамики, имеет интерактивную природу, что позволяет удержать внимание читателя. Еще один эффективный формат освещения молодежных инициатив, с которым экспериментирует газета «Звязда», – фоторепортаж. Жанр ориентируется на визуальную составляющую, передает историю посредством графических символов, что соответствует особенностям медиапотребления аудитории, на которую значительное воздействие оказал Интернет.

Визуальность – неотъемлемая часть современного печатного издания. Оформление вербального текста делает его привлекательнее для читателя, содержит в себе дополнительное, «закодированное» сообщение. Так, для публикаций о массовых республиканских мероприятиях «Звязда» в кадрах показывает молодежь, несмотря на то, что сам проект не нацелен исключительно на молодое поколение.

Таким образом газета «Звязда» действует стратегически, стремится сформировать положительный имидж республиканского печатного издания в глазах молодежи, подчеркивает в своих материалах, что именно молодое поколение – активный участник жизни страны, важная креативная часть социума.

Список источников

1. Белините А.В. СМИ как фактор развития государственной молодежной информационной политики // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Тольятти: АНО ВО «ВУиТ», 2018. № 2. С. 177 – 186.

2. Могутова П.П. Эффективность средств массовой информации как инструмента донесения до молодежи государственной молодежной политики // Образование и наука в современных условиях: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 12 марта 2017 года. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. С. 202 – 208.

3. Храмцова Ф.И., Гулякевич А.В. Развитие системы поддержки молодежных инициатив в Республике Беларусь в контексте интеграционных процессов СГ, СНГ, ЕАЭС // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Новосибирск: ООО «Капитал», 2023. № 6-3 (81). С. 17 – 22.

4. Саликов А.Э. Цифровое измерение молодежного культуротворчества: к постановке проблемы // Современная молодежь и общество: сб. науч. ст. Минск: РИВШ, 2021. № 9. С. 18 – 24.

5. Фаблинова О.Н. Интернет-досуг студенческой молодежи Беларуси: состояние и тенденции развития: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. Минск, 2017. 26 с.

6. Домасевич И.В. Формирование лидеров общественного мнения в среде студенческой молодежи: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Минск, 2017. 27 с.

7. Климин С.И., Сидорова В.А. Молодежная политика в Республике Беларусь и ее роль в социализации подрастающего поколения // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: сборник материалов XIX Международной конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 1088 – 1097.

8. Дзялошинский И.М. Медиа и социальная активность молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово: КемГУКИ, 2009. № 9. С. 59 – 65.

9. Михалева А.А. Молодежные инициативы и их роль в развитии совеременного общества // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: сборник материалов XIX Международной конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 1143 – 1153.

10. Об основах государственной молодежной политики: Закон Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=h10900065 (дата обращения: 19.06.2025).

11. Капрыленка Н. Хваляванне першага выбару. Звязда. 2025. С. 6.

12. Ушкевіч М. Марафан адзінства – у сталіцы. Звязда. 2025. С. 8 – 9.

13. Валасач Я. Нават не магла ўявіць, што тут некалі пабываю. Звязда. 2025. С. 5.

14. Выбар прафесійнай траекторыі. Звязда. 2025. С. 5.

15. Анцэлевіч А. Будучыня навукі. Звязда. 2025. С. 14.

16. Голад Л. Што ўмеюць мінскія майстраняты? Звязда. 2025. С. 15.

17. Воўк А. Інжынеры ў топе. Звязда. 2025. С. 15.

18. Валасач Я. Мы задумалі праект. Звязда. 2025. С. 8.
19. Хмяльніцкі Д. Зрабілі гэта па закліку сэрца… Звязда. 2025. С. 9.
20. Хмяльніцкі Д. Шматлюдна, якасна і без праблем. Звязда. 2025. С. 4 – 5.
21. Іванчыкаў В. Лыжныя гонкі у вясновых дэкарацыях // Звязда. 2025. С. 13.
22. Кожны трэці. Нельга забыць. Звязда. 2025. С. 6.
23. Валасач Я. Нас усіх тут сабрала любоў да кнігі. Звязда. 2025. С. 6.
24. Мядзведзева В., Гвоздзева А. Зялёная спадчына ўнукам. Звязда. 2025. С. 1 – 8.

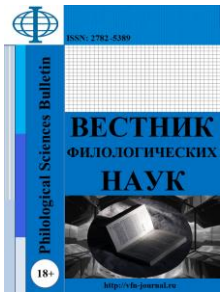
References

1. Belinite A.V. Mass media as a factor in the development of state youth information policy. Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. Tolyatti: ANO VO "VUiT", 2018. No. 2. P. 177 – 186.
2. Mogutova P.P. Effectiveness of mass media as a tool for communicating state youth policy to young people. Education and science in modern conditions: proc. X Int. scientific-practical conf. Cheboksary, March 12, 2017. Cheboksary: Center for scientific cooperation "Interactive plus", 2017. P. 202 – 208.
3. Khramtsova F.I., Gulyakevich A.V. Development of the system of support for youth initiatives in the Republic of Belarus in the context of the integration processes of the SS, CIS, EAEU. International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. Novosibirsk: OOO "Kapital", 2023. No. 6-3 (81). P. 17 – 22.
4. Salikov A.E. Digital Dimension of Youth Cultural Creativity: Towards the Problem Statement. Modern Youth and Society: Collection of Scientific Articles. Minsk: RIVSh, 2021. No. 9. P. 18 – 24.
5. Fablinova O.N. Internet Leisure of Belarusian Student Youth: Status and Development Trends: Diss. ... Cand. of Sociological Sciences: 22.00.01. Minsk, 2017. 26 p.
6. Domasevich I.V. Formation of Opinion Leaders Among Student Youth: Diss. ... Cand. of Sociological Sciences: 22.00.08. Minsk, 2017. 27 p.
7. Klimin S.I., Sidorova V.A. Youth Policy in the Republic of Belarus and Its Role in the Socialization of the Younger Generation. Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research: Collection of Materials of the XIX International Conference. Yekaterinburg: UrFU, 2016. P. 1088 – 1097.
8. Dzyaloshinsky I.M. Media and Social Activity of Youth. Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. Kemerovo: KemGUKI, 2009. No. 9. P. 59 – 65.
9. Mikhaleva A.A. Youth Initiatives and Their Role in the Development of Modern Society. Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research: Collection of Materials of the XIX International Conference. Ekaterinburg: UrFU, 2016. P. 1143 – 1153.
10. On the fundamentals of state youth policy: Law of the Republic of Belarus of December 7, 2009 No. 65-Z. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=h10900065 (date of access: 19.06.2025).
11. Kaprilenka N. Praise to the Pershaga I will choose. Zvyazda. 2025. 6 p.
12. Ushkevich M. Marathon of hellishness - near the capital. Zvyazda. 2025. P. 8 – 9.
13. Valasach Y. Navat is not a muggle ўyavits, that I've been here for a while. Zvyazda. 2025. 5 p.
14. Choice of professional trajectories. Zvyazda. 2025. 5 p.
15. Antselevich A. Future science. Zvyazda. 2025. 14 p.
16. Golad L. What can the Minsk masters do? Zvyazda. 2025. 15 p.
17. Vouk A. Engineers at the top. Zvyazda. 2025. 15 p.
18. Valasach Y. We conceived a project. Zvyazda. 2025. 8 p.
19. Khmyalnitskiy D. Zrabili heta at the request of the sir... Zvyazda. 2025. 9 p.
20. Khmyalnitski D. Shmatlyudna, clearly and without problems. Zvyazda. 2025. P. 4 – 5.
21. Ivanchyka V. Ski racing at vyasnovye dekaratsyakh // Zvyazda. 2025. 13 p.
22. Skin treatments. Nelga forget it. Zvyazda. 2025. 6 p.
23. Valasach Ya. We all gathered here all kinds of books. Zvyazda. 2025. 6 p.
24. Myadzvedzeva V., Gvozdzeva A. Green spadchyna ўnukam. Zvyazda. 2025. P. 1 – 8.

Информация об авторах

Пряникова А.И., *кафедра литературно-художественной критики, Белорусский государственный университет, arina.pryanikova01@gmail.com*

© Пряникова А.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.11

[1] Арустамян Д.Г., [1] Харатокова М.Г. ***[1] Московский университет «Синергия»***

К проблеме перевода (на примере значения термина «текст»)

Аннотация: *главной целью данной статьи является определение термина текст, так как существующее описание вводит в заблуждение и не отвечает на главный вопрос о том, чем же является текст, как в лингвистическом, так и в применительном смысле. Для решения данной проблемы авторами предложена альтернативная, иносказательная или образная форма подачи информации. Основываясь на этом, они пришли к выводу, что текст – это непосредственно физический носитель, использовать который можно в качестве объекта для хранения, передачи объема информации с неограниченным (символьно-графическим) содержанием, которое несет в себе информацию договорного характера с единым пониманием для всех участников.*

Ключевые слова: *текст, межязыковая коммуникация, лексические единицы, переводческая деятельность, адаптация*

Для цитирования: Арустамян Д.Г., Харатокова М.Г. К проблеме перевода (на примере значения термина «текст») // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 156 – 163.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Arustamyan D.G., [1] Kharatokova M.G. ***[1] Moscow "Synergy" University***

On the problem of translation (using the example of the meaning of the term “text”)

Abstract: *the main purpose of this article is to define the term text, as the existing description is misleading and does not answer the main question of what the text is, both linguistically and philosophically. To solve this problem, the authors propose an alternative, allegorical or figurative form of information presentation. Based on this, they came to the conclusion that text is a physical medium itself, which can be used as an object for storing and transmitting a volume of information with unlimited (symbolic and graphical) content, which carries information of a contractual nature with a common understanding for all participants.*

Keywords: *text, interlanguage communication, lexical units, translation activity, adaptation*

For citation: Arustamyan D.G., Kharatokova M.G. On the problem of translation (using the example of the meaning of the term “text”). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 156 – 163.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Человечество разделено не только континентами, рубежами естественных преград, политическими границами, но и границами информационными. В частности, речь идет о различии между языками, которые

становятся той самой преградой для взаимопонимания между народами, как между представителями одного вида. Это обусловлено, прежде всего, различием языков, как основы генерации, передачи и хранения информации.

Непонимание языков друг друга приводит к грандиозным сложностям в межязыковой коммуникации. Эта проблема стояла на заре межкультурных коммуникаций и остается актуальной и по сей день. Целью данной статьи является определение термина текст, так как существующее описание вводит в заблуждение и не отвечает на главный вопрос о том, чем же является текст, как в лингвистическом, так и в философском смысле.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили работы в области изучения понятия текста, извлеченные методом сплошной выборки из следующих лексикографических источников:

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. КомКнига. 2007.
2. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. Русский язык. 1981.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-Русский словарь. Около 50000 слов. Издание второе, переработанное и дополненное. Русский язык. 1976.
4. Колшанский Г.В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения. Иностранные языки в школе. 1985.
5. Лукин В.А. Художественный текст. Ось-89. 2005.
6. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения. Наука. 1985.

К исследованию также привлекались сведения о понятии текста таких зарубежных авторов, как П. Хайду (1990), П. Рикёр (1978), Ч. Риган (1978), Д. Пелоэр (1979), Ван Дьюк (2014), Д. Хай (2024), Водак (2013).

Методология исследования включает в себя: а) сбор данных: сбор данных путем наблюдения, записи и транскрипции; б) анализ дискурса: анализ дискурса для выявления функций и закономерностей использования термина «текст» в социуме; в) социолингвистические опросы и интервью: проведение опросов и интервью для сбора данных о восприятии текста, языковых предпочтениях и языковой идентичности.

Результаты и обсуждения

Очевидным является факт, что чем выше, в широком смысле, развивается культура народов, тем усложняется семантика лексических единиц, лингвистических конструкций и контекст информационного замысла. Важным механизмом подобного усложнения являются множество факторов, среди которых основными можно выделить фольклор, разговорный язык и особенно художественную литературу. Именно они предают новые прочтения обычным словам, наделяя их несвойственными, до введения в оборот, значениями.

Для решения проблемы понимания друг друга между носителями разных языков логичным шагом в истории человечества было развитие переводческой деятельности. Исходя из представления о таком явлении как язык, можно предположить, что люди по всему миру имеют, в целом, схожие принципы взаимодействия с информацией, иначе говоря, функции, свойства, цели, задачи и другие действия, связанные с языком, являются идентичными. Однако человеческое мышление в глобальном контексте – это незапрограммированный процесс с единым стандартом. В условиях группирования человечества, как объекта по разного рода субъектам, где в каждой группе существуют свои некодифицированные языки, часть элементов из которых рано или поздно попадает в языки официальные, получить минимальный шанс законсервировать язык в каком-то одном виде, является задачей невыполнимой.

Таким образом, даже самые консервативные сообщества не способны удержать язык в стагнации. Этому, как говорилось ранее, способствуют в основном фольклор, разговорная речь и художественная литература. Последние особенно сильно проявляют себя в части искажения существующих значений слов, проводя их сквозь трансформационный конвейер авторского и художественного слова, который зачастую мгновенно популяризируется настолько, что общество буквально забывает о предыдущем значении, взяв новое в качестве эталона. Не приводя всем известных примеров, напомним, что совершенно безобидные слова и фразеологизмы прошлого сегодня приобрели настолько грязный и оскорбительно пошлый, вульгарный контекст, что их выводят из литературного оборота. В то же время, популярность некоторых новых образов и фразеологизмов в обществе приобретает настолько привычное звучание в новом значении, что постоянное их употребление буквально превращает первоначальный смысл в архаизм.

Такие неологизмы и фразеологизмы не только в официальных, но и в разговорных языках с учетом различных территориальных и социальных диалектов вносят практический хаос в перевод. Доносимый объем информации необходимо тщательно препарировать и адаптировать для носителя языка, на который осуществляется перевод.

Адаптация происходит различными средствами, например, лексико-грамматическими и иными методами трансформаций, среди которых конкретизация, генерализация, модуляция и многое другое. Это все призвано на помощь тем, кто конвертирует один и тот же объем информации в равнозначный в других языках. Заменяя оригинальные слова и выражения в переводимом языке на аналогичные в языке перевода, переводчик преследует единственную цель – донести полный информационный пакет, включая контекст и посыл автора.

В классическом представлении большинства ученых этот информационный пакет и его объем принято считать текстом. Разберем несколько основных представлений этого термина учеными в области лингвистики.

Российские лингвисты И.Р. Гальперин [1, с. 18], В.А. Лукин [5, с. 5], Г.В. Колшанский [4, с. 10], Н.Д. Зарубина [2, с. 11], Сорокин Ю.А. [6, с. 62] и другие, в основном, указывают на текст как информационный продукт письменного характера. Такого же мнения придерживаются и такие зарубежные авторы, как П. Хайду [8, с. 671], П. Рикёр [9, с. 102], Ч. Риган [10, с. 45], Д. Пелоэр [11, с. 98], Ван Дьюк [12, с. 407], Д. Хай [13, с. 307], Водак [14, с. 341]. Из их высказываний можно сделать умозаключение, что текстом является информация, содержащаяся на носителе. Запомним это утверждение и разберемся, так ли это и может ли быть аргументированная альтернатива?

Перевод между языками сама по себе задача непростая, чему есть ряд обстоятельств. Для начала важно понять, что из себя представляет язык.

Язык в широком лингвистическом смысле или в смысле инструмента общения людей друг с другом, это систематизированная устная или письменная форма генерации, передачи и хранения информации.

Однако, если по разным представлениям ученых-лингвистов текстом считается некий оконченный объем сообщения, то по какой причине споры о том, что является текстом, продолжаются по сей день? Заострив внимание на том, что все заявляют текст как информацию, хранящуюся на носителе, они упускают ключевую деталь, которая и создает почву для споров.

Это побудило нас взяться за исследование столь актуальной проблемы, которая при ошибочной трактовке способна увести по ложному пути.

Отталкиваясь от исследований о тексте, мы стали склоняться в пользу того, что текст – это не столько информация, хранящаяся на носителе, сколько сам носитель при содержании какой-либо информации. И тут стоит особенно сосредоточить внимание, так как парадоксально, что даже отсутствие информации может указывать на ее наличие. Кажущееся бессмыслицей, данное утверждение, в действительности, имеет под собой основание. Чтобы разобраться, что за подобным высказыванием стоит, необходимо смоделировать ситуацию с учетом всех аспектов значения языка (как системы) и взаимодействия с информацией.

Принимая во внимание тот факт, что письменный язык, состоящий из слов, в минимальном значении состоит из букв, то сами буквы, в отличие от рисунка, являются условными графическими символами. Иначе говоря, все известные письменные языки всего человечества передают информацию с помощью носителей именно, посредством символов. Это, в свою очередь, прямо указывает на характер восприятия письменной информации читающего, как символизм. В этом же смысле проблемы дислексии и дисграфии, возможно, стоило бы искать, включая во внимание нарушения восприятия символизмов в целом, а не только в письме.

Итак, если графическое письмо в тексте является символьным, то оно собой представляет символизм. Моделируя ситуацию, где все стороны находятся в информационном обмене, в котором определяющим условием будет обязательное знание какого-либо языка, включая даже выдуманного, которым владеют только эти субъекты, например, шифровка, то такой язык будет иметь договорной характер. Заметим, что, собственно, любой язык имеет договорной характер. Послание, которое получит адресат, должно быть ему понятно, как определенный информационный объем. Представим, что двое договорились, что в тексте могут быть разные информационные сообщения. Читая их, адресат понимает суть. Например, стороны договорившись заранее, что на какой-то секретной операции, если в тексте написано слово свет, то адресат должен включить свет, привлекая к себе внимание. Если же написано, что стул привезут завтра утром; пожалуйста, встретьте его и проверьте на наличие брака, то адресат должен наблюдать за кем-то, сидящем в оговоренном месте. Однако в случае, если послание в виде носителя, например, бумаги, будет пустым, то это значит, что операция под угрозой раскрытия, необходимо немедленно свернуть всю деятельность и максимально незаметно пробраться через крышу, по маршруту, который был указан в момент подготовки операции и прибыть в штаб.

Как мы видим из этих трех посланий, лишь второе отвечает признакам текста, предложенным лингвистами. Так ли это в действительности? Ведь все три послания являются носителями важнейшей информации, по сути, точным заданием и указанием к действиям. То есть, они несут равноценное содержание.

Ниже уточним данную версию: допустим, что в этой модели была и еще одна сторона, которая следила за адресатом, получившим послание. Что он увидел, и как он будет рапортовать своему руководству? Он может сообщить в числе прочих и следующее: Наблюдая за объектом, видел, что он, долго держа текст перед глазами, сильно взволновался, поднялся на крышу…

Исходя из примера, будет ли справедливо заявить, что персонаж событий держал в руках текст, без единого написанного на нем символа? Мы убеждены, что все три послания являются текстом.

Мы считаем, что текстом является носитель, имеющий неограниченное информационное графическо-символьное сообщение или послание, включая нулевое, которое будет достаточным для интерпретации его содержания получателем этого послания. В таком ключе для нас многое непонятное приобретает смысл.

Так, кажущийся для кого-то несвязный по логике набор символов на любой поверхности, для осведомленного будет содержательным в информационном плане, где эта поверхность будет выступать в роли текста. И, конечно же, что-то, написанное в воздухе, текстом быть не может, так как воздух не является носителем.

Пожалуй, наилучшим сравнительным примером значения текста является современный электронный носитель информации (файл), который одним своим существованием уже несет информацию, идентифицируя себя как объект и, надо заметить, что конкретный файл несет конкретную информацию. Рассмотрим, к примеру, документ Word – файл, содержащий информацию. Виртуальная бумага на экране монитора и информация на нем является текстом. Файл – это носитель, то есть, текст, а информация, находящаяся в нем, является содержимым текста. То есть, чтобы получить доступ к конкретной информации, нужно открыть конкретный файл. Именно носитель, содержащий информацию, является той тканью, покрытием или поверхностью, которая содержит в себе информационный объем.

Для большего понимания значения термина текст, необходимо обратиться к этимологии слова. Вспомним такие слова, как текстура или текстиль. Легко узнается корень текст. Принято считать, что слово текст происходит от texo – ткань [3, с. 1010]. С одной стороны, этого определения было бы достаточно, с другой стороны, с этим утверждением мы можем согласиться лишь частично. Ведь это не единственное и не окончательное слово в поиске. По нашим представлениям текст происходит от корня tec~, еще более глубокого, который, в числе прочих, имеет смысл – укрытие, (tectio) скрытый [3, с. 1000]. По всем предпосылкам, это явление появилось в период неолита, когда из различного рода переплетенных волокон ткалось полотно для укрытия и жилищ, и человека, например, одежда, одеяло. Иными словами, приблизительный аналог этого корня в русском языке будет крыт. В более широком, образном значении этот термин можно связать с полотном, плоской поверхностью, тканной материей и подобным ею, которой можно прикрыться, или в которую можно обернуться. В подобном контексте может иметь значения: скрутку, сверток или свиток. До изобретения книги свитки пергамента, папируса, шелка, кожи использовали для письма [7, с. 1052]. Это вписывается в логику представления о древнем виде хранения и передачи информации и, в таком случае, слова текст и свиток можно считать тождественными.

Известно, что в прошлом для хранения и передачи графической информации использовали свитки или тексты. И каждый такой свиток (текст) мог хранить конкретную, записанную в нем информацию. Более того, такой свиток (текст) мог быть пустой заготовкой и не иметь никакой информации, однако такой изготовленный объект не переставал быть свитком (текстом) ровно по аналогии с приведенным примером электронного документа. Из этого можно сделать вывод, что текстом, как объектом для символьно-графического хранения информации являлся изначально совершенно определенный носитель в виде скрученного полотна.

Аналогом свитка или текста может служить привычная книга. Это тот же текст (свиток), изменивший формат, сохранив все те же свойства – конкретная книга несет конкретную информацию. По этой причине текст не может быть устным, даже при условии, что его носителем выступает сам автор, либо свидетели.

Консервативное мышление не только сохранило право называть книгу текстом, но и ошибочно перенесло значение слова текст от носителя для информации в непосредственно информацию на носителе, что указывает на существенную разницу.

Для понимания того, что текст является носителем символьно-графической информации, можно провести параллель с живописью, где традиционно в роли текста выступает «холст». Это аналогия, с той лишь разницей, что холст предназначен для нанесения на него изображения. Однако холст, как и текст, стал приобретать ошибочное значение, применяемое в широком смысле в контексте не столько объекта для хранения и передачи изобразительной информации, сколько саму такую информацию.

Как и с примером холста, находящегося в процессе потери истинного значения, слово текст полностью утратило оригинальное значение, сменив носитель на содержание. Поскольку слово текст в русском языке

является заимствованным, то и ответственность за его такое представление лежит на носителях языка, где такая подмена произошла.

При передаче информации часто в художественной литературе или речи используются аналоги. Такая форма иносказательности обычно называется образами, образными выражениями или словами.

Перевод информационного объема несет в себе сложности, как правило, именно в части той самой образности, так как иносказательность является особенностью конкретного носителя культуры и конкретного языка.

По этим причинам, особенно в разговорной речи, слова, термины, фразы имеют множество значений, порой даже иносказательность вторичного порядка, которые в прямом переводе звучат непонятно.

В современных реалиях в эпоху высокоразвитых средств массовых коммуникаций динамика появления новых фразеологизмов столь высока, что смысловой перенос информационного объема из одного языка в другой становится большой проблемой, также, как сохранение целостности и эквивалентности. Целью переводчика является не только понять смысл образов, но и контекст сказанного. В художественной литературе за создание контекста отвечает автор, который в ходе передачи замысла, подготавливает читателя до основной мысли, либо разъясняет ее различными приемами после, а также расширяет объем сопутствующей информации в передаваемой мысли.

В этом случае переводчикам становится крайне сложно полностью передать саму суть идеи, сохранив художественный стиль и авторский почерк. Образы, которые используются в оригинале, воздействуют на читателя, вызывая эмоции; они предсказуемо утрачивают свою эффективность при прямом переводе. Задача переводчика создать аналоги этих образов на базе оригинала информационного объема, адаптируя под читателя, носителя языка, на который делается перевод. Создание своих образов, отступление от оригинала, сохранение посыла, использование существующих слов оригинального информационного объема, и при этом вызов таких же или больших эмоций, следование только точной передаче смысла, а не точных слов – это то, к чему должен стремиться переводчик.

В привычном понимании информационный объем принято считать текстом. Мы считаем, что подобное применение слова текст является ошибочным. Это можно назвать другим словом, но не текстом. У каждого слова есть свое точное значение. Ошибочное применение слов приводит к ошибочному мышлению, что приводит к ошибочной интерпретации и ошибочному переводу, что в итоге приводит к ошибочной ретрансляции замысла в межкультурном обмене.

Перевод текста не может относиться к фрагменту, например, книги. Фраза «перевод книги», указывает на перевод всего ее содержимого. То же справедливо и в отношении текста. Перевод текста является переводом всего содержимого на конкретном носителе, выступающим в роле текста, а не выделенного фрагмента. И даже в таком случае, выделенный фрагмент может считаться текстом, если его перенесут на другой носитель, наделив самостоятельностью.

Искажение смысла слов, особенно в области лингвистики, наносит катастрофический урон во всех областях жизнедеятельности носителей языка. Появляются трактовки различного характера, не противоречащие правилам языка, открываются возможности для манипуляций и злоупотреблением различного толка.

Отсутствие конкретного слова для обозначения объекта, явления или термина, заполняется сумбурно, что приводит к трудностям и разночтениям. Примером такой сумбурности, в русском языке является отсутствие оригинального корня для слова «находка». Для создания нового корня наход- мы использовали корень «ход» с префиксом «на-» для обозначения неожиданного обнаружения чего-то. Однако даже в толковых словарях слово находка описывается однокоренным же словом найденная вещь [7, с. 602], что также указывает на отсутствие оригинального корня. Попытка применить дополнительные префиксы к таким новым корням вызывают затруднения, что косвенно указывает на вхождение в корень префикса. Корень наход- ничего общего не имеет с действием, которое оно описывает.

Более того, одними из форм этого слова являются такие слова, как нахождение или находится, активно используемые в математике (например, нахождение периметра квадрата или площадь квадрата находится путем умножения сторон), то есть слово указывает на результат поиска. В то же время, это же слово в таком же написании и прочтении употребляется в значении присутствия. То есть, одни и те же слова того же корня и тех же морфем используются для обозначения не связанных по смыслу терминов с той лишь разницей, что лазейкой для обхода правил был использован симбиоз префикса на- и корня ход в единый корень наход-.

Этот пример подтверждает тот факт, что в русском языке слово, указывающее на подобное действие, явление или термин, отсутствует, во всяком случае, в части массового лексикона, несмотря на весь богатый перечень синонимов; слово пришло в язык сумбурно.

Следует добавить, что подобные слова создают дополнительные сложности как переводчикам, так и особенно системам автоматизированного перевода. Связанно это, прежде всего с тем, что переводящий субъект (не носитель обоих языков) не может однозначно, уверенно понять, о чем идет речь. Особую сложность для перевода добавляет и разговорный вариант тех же слов. Например, предложив спутнику «…давай походим еще по тому соседнему парку, ты в нём находился когда-нибудь?», можно услышать в ответ находился (в контексте с меня хватит, я уже нагулялся / устал), который ровно так же может указывать и на то, что отвечающий уже бывал в том парке. Нельзя исключать, что такой вариант данного слова вполне может быть использован и в художественной литературе, в частности, в словах автора.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, мы приходим к выводу, что искажение и неверная трактовка слов усложняет межкультурную и межязыковую коммуникацию как качеством понимания друг друга по средствам перевода, так и формированием ошибочного мировоззрения, уводя по ложному пути, подтверждением чему является слово текст. Оно по нашим представлениям является непосредственно физическим носителем, использовать который можно в качестве объекта для хранения, передачи объема информации с неограниченным (символьно-графическим), включая нулевым (то есть отсутствием записей) содержанием, несущим в себе информацию договорного характера с единым пониманием для всех участников.

Условным аналогом текста как носителя может выступать любая поверхность, которую можно применить в качестве хранения и передачи информации. В то время как непосредственно сама информация является содержимым текста, но не самим текстом, как принято считать. Мы воспользовались методами, продемонстрированными выше для донесения мысли о том, что такое текст. Была предложена альтернативная, иносказательная или образная форма подачи информации – сравнительная; основываясь на ней, нам проще было принять понятие этого термина. Также мы нашли прямую связь между ошибочным употреблением слов, их восприятием и переводом.

Мы не считаем, что смена значения слова не имеет право на существование или необходимо незамедлительно возвращение его в первоначальное значение. Правила языков и нужны для того, чтобы соблюдать обретенную или актуальную семантику. Однако понимание первоначального значения слов и уделение этому внимания вместе с осмыслением метаморфоз семантики во времени конкретного слова с его образными значениями помогают проще осмыслить и найти вариативные эквиваленты в языке, на который производится перевод. Так, на сегодняшний день повсеместно в мировой практике английский язык, как язык международного общения, внедрил свой вариант семантики слова «текст», будь то в фонетическом, транслитерационном или транскрипционном варианте в значении собственно информационного объема, находящегося на носителе, исключая смысл в значении непосредственно носителя. Это утверждение актуально лишь с оговоркой, что, собственно, сам английский язык заимствовал слово текст из других языков, лишь популяризировав его в сегодняшнем виде. К тому же, на русский язык ранее английского имели большое влияние немецкий, французский, латинский, греческий и другие языки, однако английский как наиболее популярный сегодня язык внес значительное влияние на данный термин.

Данный факт создаёт условия, при котором исключается возможность критически оценить приобретенное значение, искаженного первоначального смысла, воспринимая вариант семантики заимствованного слова как аксиому. Иначе говоря, при искаженном варианте, особенно при переводах в историческом аспекте появляются не просто разночтения, а глубочайшие изломы авторского замысла, которые в свою очередь приводят к ложному пути понимания картины мира и накопленной информации.

Примером такого глубинного разночтения может быть армянский язык, исторически сохранивший в себе оба варианта одного и того же корня слова текст как носитель и как информация в привычном значении. Однако в виду разного времени появления в армянском языке этого корня его семантика, написание и произношение разное. Тем не менее, корень сохранился вполне узнаваем. Տեքստ [tek'st] – представляет из себя относительно современное значение слова текст. Но более древнее слово տեքստ [t'ught'] того же корня, с незначительно отличающейся фонетикой и написанием, переводится как бумага или, иначе говоря, носитель – то, на чем пишут. Проследить прямую связь корней просто. Во-первых, слова находятся в одной тематике. Во-вторых, если слово бумага встречается в древнеармянском языке (язык Грабар), то слово текст в нем отсутствует, что указывает на фактическое его относительно современное заимствование. В-третьих, фонетический и графический анализ прямо указывает на полную идентичность основных звуков, различных лишь по написанию и применению в разных вариантах армянских языков. Так, слово бумага – носитель (в предложенном нами значении) русскому уху будет слышаться как тухт, где звук т будет с придыханием, а слово текст в современном варианте звучит схоже – текст. При этом в некоторых диалектах армянского языка встречаются варианты слова бумага с произношением техт вместо тухт. Вариация же корня

бумажный – тхты, где пропадает гласная в первом слоге. В таком виде сухие корни (лишенные гласных) являются абсолютными близнецами с разницей лишь в фонемах кс и х, где данные звуки объяснимы вариантами произношения, которые встречаются и в других языках, например, в испанском: México – Мексика, Мехико, Texas – Техас и т.д.

Не исключено, что армяне заимствовали современный вариант слова текст в значении информации на носителе для обогащения языка и отделения его по смыслу от имеющегося слова того же корня, но сохраненным в этимологическом ключе носителя информации. В пользу этого говорит тот факт, что слово текст отсутствует в древнеармянском языке в современном значении информации на носителе, но оно же присутствует в значении бумага (носитель).

Этот пример прямо указывает на то, что перевод в историческом аспекте возможен с нарушением целостности современного представления этого корня. Вариации такого перевода могут быть как бумага, документ, текст, где будет не информационное содержание, а непосредственно физический носитель, который могут искаженно перевести как непосредственно информационное содержание. Конкретный пример показывает критическую ошибку, которая способна повести по ложному пути, нарушая целостность и эквивалентность перевода.

В перспективе, стоит обращать внимание на подобные трансформации корней и искажение при отходе от этимологического эталона, чтобы исключить ошибочное представление, в том числе в изучении переводоведения, исторических событий, описанных на других языках и улучшение понимания в межкультурных и межъязыковых коммуникациях.

Список источников

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
2. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1981. 113 с.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-Русский словарь: около 50000 слов: 2 изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Русский Язык», 1976. 1096 с.
4. Колшанский Г.В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения // Иностр. яз. в шк. 1985. № 1. С. 10 – 14.
5. Лукин В.А. Художественный текст. М.: Ось-89, 2005. 555 с.
6. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. 168 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений: 28-е изд., перераб. / под ред. Л.И. Скворцова. М.: Мир и Образование, 2019. 1376 с.
8. Haidu P. The Semiotics of Altority: a Comparison with Hermeneutics // New Literary History. 1990. Vol. 21. No. 3. P. 671 – 691.
9. Ricoeur P., Charles E. Reagan. Interviews // Paul Ricoeur: his Life and Work. Chicago: The University of Chicago Press, 1978. 206 p.
10. Charles E. Reagan, David Stewart. The Philosophy of Paul Ricoeur: An Anthology of his Works. Boston: Beacjn Press, 1978. 169 p.
11. Pellauer D., Charles E. Reagan The Significance of the Text in Paul Ricoeur`s Hermeneutical Theory in the Philosophy of Paul Ricoeur. Athens: Ohio University Press, 1979. P. 98 – 114.
12. Van Dijk, Teun A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 407 p.
13. Xie D., Sun Y. Decolonizing English academic writing education through translingual practices. Linguistics and Education. 2024. 307 p.
14. Wodak, Meyer M. Methods of critical discourse analysis. 2013. Vol. 1. 341 p.

References

1. Galperin I.R. Text as an Object of Linguistic Research. Moscow: KomKniga, 2007. 144 p.
2. Zarubina N.D. Text: Linguistic and Methodological Aspects. Moscow: Russkiy Yazyk, 1981. 113 p.
3. Dvoretskiy I.Kh. Latin-Russian Dictionary: About 50,000 Words: 2nd Edition, Revised and Supplemented. Moscow: Russkiy Yazyk Publishing House, 1976. 1096 p.
4. Kolshanskiy G.V. Linguocommunicative Aspects of Speech Communication. Foreign Languages in Schools. 1985. No. 1. P. 10 – 14.
5. Lukin V.A. Fiction. Moscow: Os-89, 2005. 555 p.
6. Sorokin Yu.A. Psycholinguistic Aspects of Text Study. Moscow: Nauka, 1985. 168 p.

7. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: approx. 100,000 Words, Terms, and Phraseological Expressions: 28th ed., revised. Edited by L.I. Skvortsov Moscow: Mir i Obrazovanie, 2019. 1376 p.

8. Haidu P. The Semiotics of Altority: a Comparison with Hermeneutics. New Literary History. 1990. Vol. 21. No. 3. P. 671 – 691.

9. Ricoeur P., Charles E. Reagan. Interviews. Paul Ricoeur: his Life and Work. Chicago: The University of Chicago Press, 1978. 206 p.

10. Charles E. Reagan, David Stewart. The Philosophy of Paul Ricoeur: An Anthology of his Works. Boston: Beacon Press, 1978. 169 p.

11. Pellauer D., Charles E. Reagan The Significance of the Text in Paul Ricoeur`s Hermeneutical Theory in the Philosophy of Paul Ricoeur. Athens: Ohio University Press, 1979. P. 98 – 114.

12. Van Dijk, Teun A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 407 p.

13. Xie D., Sun Y. Decolonizing English academic writing education through translingual practices. Linguistics and Education. 2024. 307 p.

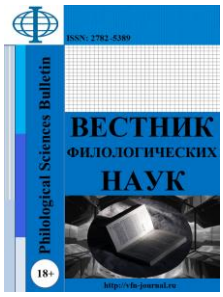
14. Wodak, Meyer M. Methods of critical discourse analysis. 2013. Vol. 1. 341 p.

Информация об авторах

Арустамян Д.Г., *факультет лингвистики, Московский университет «Синергия», diego14@yandex.ru*

Харатокова М.Г., *доктор филологических наук, профессор, кафедра иностранных языков, Московский университет «Синергия», mariatharatokova@yandex.ru*

© Арустамян Д.Г., Харатокова М.Г., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81’44

[1] Алиева Л.А., [1] Раджабова П.Т.,
[1] Гаджиева Л.Г.

[1] Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова

Лингвокреативно-прагматический потенциал дискурса научно-академической коммуникации

Аннотация: *в статье рассматривается как лингвокреативность (языковая изобретательность) и прагматика взаимодействуют в контексте научного и академического сотрудничества. В статье предпринята попытка выявить функции лингвокреативности в рамках научно-академического дискурса и основные механизмы лигвопрагматического аспекта речи на различных уровнях языка. Авторы также проанализировали сходства и различия способов реализации лингвокреативности в русском и английском языках в дискурсе международном научного сотрудничества. Результаты обзора показывают, как творческие языковые средства (лексическая изобретательность, нестандартные синтаксические конструкции, метафоры и концептуальные переносы) сочетаются с прагматическими механизмами (ресурс регистров, актов речи и т.д.) для достижения кооперативных целей (координации работы, убеждения в научной значимости, согласования грантовых и публикационных стратегий, ведения переговоров и эффективной коммуникации в международной среде). На основе проведенного анализа были сделаны выводы относительно роли лингвокреативности в формировании новых знаний и развития современной науки. Установлено, что использование нестандартнх форм выражения идей стимулирует творческий процесс, способствует рождению оригинальных гипотез и концептуальных решений и, соответственно, успех международной кооперации зависит от уровня владения исследователями инструментами лингвокреативности, позволяющими ясно формулировать мысли и эффективно взаимодействовать с коллегами из разных культурных сообществ.*

Ключевые слова: *лингвокреативность, прагматика, научное сотрудничество, научный / академический дискурс*

Для цитирования: Алиева Л.А., Раджабова П.Т., Гаджиева Л.Г. Лингвокреативно-прагматический потенциал дискурса научно-академической коммуникации // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 164 – 170.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Alieva L.A., [1] Radzhabova P.T.,
[1] Gadzhieva L.G.

[1] Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov

The linguistic creativity and pragmatic potential of the scientific and academic communication discourse

Abstract: *the article deals with the interaction of linguistic creativity and pragmatics in the context of scientific and academic collaboration. The functions of linguistic creativity within scientific discourse and the main mechanisms of linguistic and pragmatic aspects of speech at various levels of a language are revealed. The authors also analyze similarities and differences of linguistic creativity implementation in Russian and English scientific discourse in the international collaboration. The findings of the research prove that creative linguistic tools, such as*

lexical creativity, non-standard syntactic constructions, and metaphors in combination with pragmatic mechanisms contribute to achieving scientific collaborative goals. These include coordinating work, convincing others of the scientific significance of one's work, coordinating grant and publication strategies, and negotiating effectively in an international setting. Based on the analysis, conclusions are drawn regarding the role of linguistic creativity in realizing new knowledge and the development of modern science. It is stated that the use of non-standard forms of idea expressing stimulates the creative process, promotes the development of original hypotheses and conceptual solutions, and consequently, the success of international collaboration depends on the proficiency of researchers in using linguistic creativity tools, which allow them to clearly formulate their ideas and effectively communicate with colleagues from diverse cultural backgrounds.

Keywords: *linguistic creativity, pragmatics, scientific cooperation, scientific / academic discourse*

For citation: Alieva L.A., Radzhabova P.T., Gadzhieva L.G. The linguistic creativity and pragmatic potential of the scientific and academic communication discourse. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 164 – 170.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Современная наука функционирует как глобальная экосистема, где исследователи из разных стран и дисциплин обмениваются знаниями, данными и методами через письма, совместные рукописи, грантовые заявки и онлайн-платформы. В этом контексте роль языка выходит за пределы чистого кодирования информации: она становится механизмом координации, убеждения, распределения обязанностей и строительством доверия между участниками. В свете этих эти социокультурных тенденции, которые стремительно развиваются, изучение лингвистических инноваций, обусловленных определенным типом дискурса, эпохой и культурой, где они возникают стихийно или целенаправленно создаются, а также анализ причин языковых изменений, которые проявляются в дискурсе [3, 5], становятся все более актуальными.

Цели и задачи данной статьи заключаются в анализе лингвокреативно-прагматического аспекта научно-академического дискурса, в выявлении закономерностей формирования лингвистически маркированных единиц и оценке их роли в эффективном представлении учеными своей позиции и обеспечении взаимопонимания между участниками международного академического сообщества.

Для успешного взаимодействия участников такого процесса особую роль играет коммуникативный аспект – способность эффективно передавать идеи и смыслы через вербальные средства общения. Важнейшим компонентом такой коммуникации выступает лингвокреативность (от англ. linguistic creativity), представляющая собой способность творчески использовать языковые ресурсы для выражения сложных идей и концепций в рамках научной деятельности.

Материалы и методы исследований

Разнообразные формы устной и письменной коммуникации внутри научного пространства, включая конференции, семинары, публикации статей и монографий, научные мероприятия онлайн послужили материалом для исследования лингво-прагматического аспекта языка в дискурсе научно-академического сотрудничества. Для достижения поставленной цели использовались методы сравнительно-сопоставительного и контекстуального анализа, направленные на изучение конкретных примеров употребления инновационных выражений и конструкций в реальных ситуациях межкультурного научного диалога.

Результаты и обсуждения

В современной науке о языке существует множество подходов к изучению дискурса, которые позволяют исследовать различные аспекты общения и языкового творчества и дискурсивно-параметрический анализ считается наиболее эффективным. Он состоит из трех уровней: макродискурсивные параметры; микродискурсивные параметры; интердискурсивные параметры [18].

В 70-х годах XX века понятие «дискурс» понималось как последовательность речевых актов, связанных между собой. Это мог быть как устный, так и письменный текст, диалог или группа высказываний, объединённых общей темой [10, с. 467]. В современном языкознании дискурс понимается как «сложное коммуникативное явление», в котором «что сказать» и «как это сказать» представляют единое целое [16].

Согласно определению Амерхановой О.О., «научный дискурс – это процесс и результат выражения и интерпретации научных знаний с целью их дальнейшего поэтапного усовершенствования существующих или синтеза новых научных знаний» [1, 3]. Научный дискурс имеет задачу донести до научного сообщества

результаты проведённых исследований в соответствии с общепринятыми в этой среде стандартами, а также обсудить эти результаты в формате научной дискуссии [6, 13].

Жанры научно-академического дискурса обычно включают в себя статью, рецензию, научный диалог, дискуссию, дебаты, защиту проектных работ, семинар, консультацию, беседу (диалогические жанры), а также доклад, лекцию, презентацию выступления, стендовый доклад, сообщение, отчет (монологические жанры), наряду с такими современными видами как «научно-академическая экскурсия и выступление в жанре Science Slam» [11].

По мнению Ирисхановой О.К., в качестве дискурсивной категории, реализующей характеристики дискурсов донора и реципиента, может выступать категория лингвокреативности [5, с. 159], проявляющаяся на всех уровнях языка и во всех дискурсах [4].

По определению А.В. Корнева [8, 17], лингвокреативность понимается как особая форма интеллектуальной активности субъекта, проявляемая в способности создавать новые языковые единицы и комбинации, позволяющие оптимально выразить содержание мысли. Применительно к науке этот феномен становится ключевым инструментом конструирования смыслов, особенно в условиях глобализации, когда ученые вынуждены общаться с коллегами разных стран и культур.

Лингвокреативные преобразования приводят к возникновению качественно новых элементов языка и речи или, иными словами, лингвокреатем. Данный термин был введен в лингвистический оборот Г.А. Копниной и А.В. Сковородниковым. В понимании исследователей, лингвокреатемы представляют собой «языковые / речевые единицы, рождающиеся в результате творческой речевой деятельности» [7, с. 101].

Лингвокреативность проявляется на различных уровнях языка: фонологическом (создание неологизмов), лексическом (образование терминологических единиц), синтаксическом (строение сложных предложений) и семантическом (использование тропов). Важно отметить, что ученые зачастую используют специальные термины и устойчивые выражения, характерные для определенной научной области. Вместе с тем такие специализированные конструкции позволяют передавать сложное содержание простым языком и способствуют развитию понятийного аппарата.

Термин «лингвокреативность» подчеркивает важность инновационного подхода к использованию языка, необходимого для решения нестандартных коммуникативных задач, возникающих в процессе межкультурного научного диалога, выполняя несколько функций в рамках научно-академического дискурса: эмоционально-экспрессивная, объяснительная, эстетическая функции.

Данный феномен охватывает широкий спектр внутриязыковых изменений: использование метафор и сравнений, аналогий, неологизмов и терминообразований, каламбур с лексическими структурами, а также специфические формы аргументации и презентации знаний, характерные именно для академической среды. Лингвокреативность упрощает объяснение сложных концепций, визуализацию процессов и согласование целей, что особенно важно в междисциплинарных и межкультурных командах. Например, Д. Лакофф и М. Джонсон отмечают важную роль метафоры в развитии человеческого сознания и познания мира [9]. Они подчеркивают, что метафора служит мощным средством когнитивного моделирования, позволяя человеку осмыслить абстрактные понятия посредством образных ассоциаций, способствует лучшему пониманию и запоминанию материала. Эта идея была успешно воспринята отечественными исследователями. Например, термин «нейронная сеть» происходит от биологической аналогии и помогает визуализировать процессы обработки информации в искусственных системах. Таким образом, использование образных сравнений повышает эффективность передачи знаний и стимулирует дальнейшее развитие научной мысли.

Рассмотрим еще несколько примеров реализации вышеперечисленных функций лингвокреативных элементов в российском и зарубежном научном дискурсах. Например, Стернин И.А. предлагает рассматривать категорию вежливости как совокупность универсальных культурных норм, используя яркую метафору: «вежливость – зеркало культуры» [12]. Здесь аргументация часто строится на основе ярких образов и ассоциаций, способствующих лучшему восприятию материала читателем. Подобная техника делает научный текст более доступным и понятным широкой аудитории.

Н.Н. Болдырев описывает концепцию «перформанса» в образовательной среде, предлагая сравнение образовательного процесса с театральным спектаклем: «Образование – это театр, где каждый участник исполняет свою роль, взаимодействуя с партнерами на сцене жизни и создавая уникальный спектакль понимания» [2, с. 47]. Такое художественное решение (сравнение) помогает раскрыть сложность педагогического опыта, привлекая внимание читателей.

Английский язык демонстрирует богатые возможности лингвокреативности благодаря развитым традициям риторики и стиля изложения. Использование ярких образов помогает упростить восприятие абстрактных понятий. Одним из известных приемов является создание новых терминов путем комбинирования су-

ществующих лексем для обозначения уникальных феноменов или процессов. Например, известный британский философ Д. Беннетт вводит новое слово knowledge-bridging (соединение знаний), обозначающее процесс интеграции разрозненных областей знания [14]. Также в области биологии появились такие неологизмы, как epigenetics (эпигенетика), предложенный К. Уоддингтоном [19]. Такой прием позволяет лаконично передать сложную идею, раскрывая содержание сложного понятия.

Авторы используют каламбуры и юмористический подход для оживления текста и упрощения восприятия материала. Примером может служит использование термина infectious greed (инфекционная жадность) в статье экономиста Дж. Стиглица [17], где автор подчеркивает разрушительное влияние финансовых спекуляций.

Термин black hole (черная дыра) стал настолько распространённым благодаря своей образности, что прочно вошел в научный оборот и повседневную речь. Примером также может служить широко используемый словосочетание Big Bang (Большой взрыв), который был создан С. Хокингом [15] и сегодня известен каждому человеку даже без специального образования. Он сочетает образность и точность, позволяя ученикам и широкой аудитории быстро понять суть сложного физического процесса. Фразы dark matter (темная материя) или quantum entanglement (квантовая запутанность) говорят о значимости умения создавать краткое и емкое название сложной физической теории или явления для их понимания.

Умение использовать метафоры в речи и письме – это не просто навык, а проявление творческого мышления. Это умение позволяет человеку находить нестандартные решения и выражать свои мысли более ярко и образно.

Вышеприведенный анализ примеров позволяет выделить следующие основные механизмы лингвопрагматического аспекта языка в научном международном сотрудничестве:

а) заимствование иностранных терминов и интеграция их в русский или английский научный дискурс. Этот процесс обусловлен влиянием западной культуры и тенденциями интернационализации образования. Например, понятие sustainability (устойчивое развитие) было заимствовано из английского языка и стало широко использоваться в российских исследованиях экологических проблем. Аналогичным образом произошло распространение термина innovation (инновация), первоначально использовавшегося преимущественно в технических науках, теперь же применимого во всех сферах деятельности человека.

б) переосмысление существующих выражений и их адаптация к новому контексту. Так, выражение green economy (зелёная экономика) изначально использовалось в западноевропейской литературе, но сегодня оно активно применяется российскими учёными для обозначения экономики, ориентированной на сохранение природных ресурсов и снижение негативного воздействия на окружающую среду.

Несомненно, что изучение когнитивных механизмов, лежащих в основе лингвокреативности в научно-академических текстах, также должно сопровождаться обязательным выявлением и анализом прагматического потенциала лингвокреатем. С прагматической точки зрения лингвокреатемы позволяют привлечь внимание читателя и выполняют апеллятивную функцию [13, с. 30].

Прагматика изучает использование языка в контексте цели, ожиданий аудитории и социальных норм. В рамках научного сотрудничества особую роль играют речевые акты (обещания, запросы, согласования, благодарности). Использование определенного слова в том или ином контексте прагматически направленно на намерение автора передать свои чувства и эмоции детально с целью заинтересовать и произвести впечатление на реципиента, и именно эта цель определяет выбор языковых средств для выражения авторской идеи.

Так, анализируя вышепредставленные примеры, мы можем выделить некоторые общие черты и отличия в способах реализации лингвокреативности в русском и английском языках.

В русском языке чаще используются образные сравнения и яркие эпитеты, что отражает национальную особенность русской речи, ценящую выразительность и конкретику высказываний. В английском языке преобладают методы компаративистики и деривации, создающие новый терминологический аппарат, отражающий современную динамику развития науки.

Различия обусловлены спецификой грамматического строя каждого языка. Так, английский обладает аналитическим строением, позволяющим легко формировать новые слова и конструкции путем присоединения суффиксов и префиксов. Русскому языку присущ синтетический строй, что затрудняет образование новых единиц, однако открывает простор для метафоризации и художественного переосмысления традиционных категорий.

Выводы

В результате проведенного анализа можно заключить, что: а) одним из ключевых элементов эффективности научного дискурса являются креативные единицы, возникающие в результате стремления авторов к точности, ясности и выразительности – такие единицы включают метафоры, эвристичные формулировки и ори-

гинальные аналогии, способствующие лучшему пониманию сложных концептов; б) зависимость выбора определенных стилистических приемов от уровня международной интеграции и типа институционального партнерства не зависят от языка, т.е. чем больше ученые интегрированы в международные проекты, тем чаще используются универсальные форматы изложения, лаконичные и четкие структуры предложений, позволяющие легко воспринимать идеи вне зависимости от родного языка читателей.

Лингвокреативно-прагматический аспект языка в дискурсе научно-академического сотрудничества представляет собой взаимодополняющий набор механизмов: творческая языковая практика обеспечивает эффектную коммуникацию, а прагматические стратегии – целеполагание и кооперативность. Их интеграция позволяет научным командам формулировать идеи, договариваться об условиях сотрудничества и достигать общих целей в глобальной научной среде.

Таким образом, анализ проявлений лингвокреативности в научном академическом дискурсе позволил выявить ряд закономерностей, свидетельствующих о динамичном развитии современной науки. Креативные языковые практики помогают преодолевать барьеры понимания, облегчают восприятие сложного материала и стимулируют интерес к новым направлениям исследований. Это свидетельствует о значимости творчества в науке, которое выходит далеко за рамки традиционной рациональности и формальной строгости, демонстрируя многообразие подходов к познанию мира.

Список источников

1. Амерханова О.О. Обучение аспирантов иноязычному письменному научному дискурсу на основе тандем-метода: английский язык: дис. ... канд. пед. наук: 5.9.8. Тамбов, 2018. 25 с. URL: https://disser.tsutmb.ru/uploaddocuments/2018/amerkhanova/avtoreferatamerkhanova.pdf (дата обращения: 17.04.2025).

2. Болдырев Н.Н. Представление (перфомансе) в образовании // Вопросы философии. М., 2010. № 4. С. 45 – 52.

3. Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент: сборник научных статей / отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2023. 368 с. URL: https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/conferences/2023/pdf (дата обращения: 28.04.2025).

4. Зыкова И.В. Лингвокреативность в кинодискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография. М.: Р.Валент, 2021. С. 100 – 189. URL: https://www.researchgate.net/publication/366604433_GLAVA_II_LINGVOKREATIVNOST_V_KINODISKURSE (дата обращения: 17.04.2025).

5. Ирисханова О.К. О понятии креативности и ее роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 5. С. 158 – 171.

6. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов / под ред. Г.Г. Слышкина. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2000. С. 5 – 20. URL: https://studfile.net/preview/9125106/ (дата обращения: 30.04.2025).

7. Копнина Г.А., Сковородников А.П. Стилистика креатива и эколингвистика: точки соприкосновения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38). Ч. 1. С. 101 – 104. URL: file:///C:/Users/%D0%B0%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D0%BD1/Downloads/phil20141526.pdf (дата обращения: 11.05.2025).

8. Корнева В.В. Когнитивные аспекты лингвокреативности // Языкознание и педагогика. 2017. Т. 23. № 2. С. 15 – 28.

9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ., под ред. и с предислов. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с. URL: https://djvu.online/file/E5O5sIYnh0Ben?ysclid=meyuggz98v1713 (дата обращения: 04.04.2025).

10. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. 479 с. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/nov_1978/text.pdf (дата обращения: 28.04.2025).

11. Обдалова О.А., Харапудченко О.В. Когнитивно-прагматические и лингвостилистические характеристики англоязычного устного научно-академического дискурса // Язык и культура. 2019. № 46. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-pragmaticheskie-i-lingvostilisticheskie-harakteristiki-angloyazychnogo-ustnogo-nauchno-akademicheskogo-diskursa (дата обращения: 19.07.2025).

12. Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Издательство ВГУ, 2002. 208 с. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publikacii/Kognitivnaja_lingvistika/Ocherki_po_kognitivnoj_lingvistike_2001.pdf (дата обращения: 14.07.2025).

13. Якименко Н.В. Каламбур как лингвостилистический прием в английском языке и пути его воссоздания в переводе: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Киев, 1984. 214 с. URL: http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/kalambur-kak-lingvostilisticheskij-priem-v-anglijskom-jazyke-i-puti-ego-vossozdanija.html?ysclid=meyxxs9vmh512488032 (дата обращения: 29.04.2025).

14. Bennett J.H. Knowledge Bridging in Education and Research // Educational Philosophy and Theory. Vol. 35 (2). P. 185 – 196.

15. Hawking S.W. A Brief History of Time. Bantam Books. URL: https://examinia.com/wp-content/uploads/2023/08/A-Brief-History-of-Time-by-Stephen-Hawking.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

16. Kecskes I., Obdalova O.A., Minakova L.Y., Soboleva A.V. A study of the perception of situation-bound utterances as culture-specific pragmatic units by Russian learners of English // System. 2018. Vol. 76. P. 219 – 232. URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000650667 (дата обращения: 20.04.2025).

17. Stiglitz J.E. Globalization and Its Discontents. New York: Norton & Company, 2003. URL: https://www.researchgate.net/publication/4755241_Joseph_E_Stiglitz_2002 (дата обращения: 23.08.2025).

18. Van Dijk T.A., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. New York: Academic Press. URL: https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/06/Teun-A-van-Dijk-Walter-Kintsch-1983-Strategies-Of-Discourse-Comprehension.pdf (дата обращения: 17.04.2025).

19. Waddington C.H. The Epigenotype // Endeavour. 1942. Vol. 1. No. 1. P. 18 – 20. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22186258/ (дата обращения: 17.04.2025).

References

1. Amerkhanova O.O. “Teaching Postgraduate Students Foreign-Language Written Scientific Discourse Based on the Tandem Method”: English: Dissertation ... Cand. Ped. Sciences: 5.9.8. Tambov, 2018. 25 p. Available at: https://disser.tsutmb.ru/uploaddocuments/2018/amerkhanova/avtoreferatamerkhanova.pdf (date of accessed: 17.04.2025).

2. Boldyrev N.N. “Performance in Education”. Problems of Philosophy. Moscow, 2010. No. 4. P. 45 – 52.

3. Discourse and Language in the Era of “Big Data”: Variability, Creativity, Experiment: Collection of Scientific Articles. Ed. I.V. Zykova. Moscow: R. Valent, 2023. 368 p. URL: https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/conferences/2023/pdf (date of accessed: 28.04.2025).

4. Zykova I.V. Lingvocreativity in Film Discourse. Lingvocreativity in Discourses of Different Types: Limits and Possibilities: A Collective Monograph. Moscow: R. Valent, 2021. P. 100 – 189. URL: https://www.researchgate.net/publication/366604433_GLAVA_II_LINGVOKREATIVNOST_V_KINODISKURSE (date of accessed: 17.04.2025).

5. Iriskhanova O.K. On the Concept of Creativity and Its Role in the Metalanguage of Linguistic Descriptions. Cognitive Studies of Language. 2009. Iss. 5. P. 158 – 171.

6. Karasik V.I. On the Types of Discourse. Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse: Collection of Scientific Papers. Edited by G.G. Slyshkin. Volgograd: Peremena VSPU Publishing House, 2000. P. 5 – 20. URL: https://studfile.net/preview/9125106/ (date of accessed: 30.04.2025).

7. Kopnina G.A., Skovorodnikov A.P. Stylistics of Creativity and Ecolinguistics: Points of Contact. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota, 2014. No. 8 (38). Part 1. P. 101 – 104. URL: file:///C:/Users/%D0%B0%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D0%BD1/Downloads/phil20141526.pdf (date of accessed: 11.05.2025).

8. Korneva V.V. Cognitive aspects of lingua-creativity. Linguistics and Pedagogy. 2017. Vol. 23. No. 2. P. 15 – 28.

9. Lakoff J., Johnson M. Metaphors We Live By. Translated from English, edited and with a preface by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p. URL: https://djvu.online/file/E5O5sIYnh0Ben?ysclid=meyuggz98v1713 (date of accessed: 04.04.2025).

10. Nikolaeva T.M. Brief Dictionary of Text Linguistics Terms. New in Foreign Linguistics: Text Linguistics. Moscow: Progress, 1978. Iss. 8. 479 p. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/nov_1978/text.pdf (date of accessed: 28.04.2025).

11. Obdalova O.A., Kharapudchenko O.V. Cognitive-pragmatic and lingua-stylistic characteristics of English-language oral scientific and academic discourse. Language and Culture. 2019. No. 46. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-pragmaticheskie-i-lingvostilisticheskie-harakteristiki-angloyazychnogo-ustnogo-nauchno-akademicheskogo-diskursa (date of access: 07.19.2025).

12. Sternin I.A. Essays on cognitive linguistics. Voronezh: VSU Publishing House, 2002. 208 p. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publikacii/Kognitivnaja_lingvistika/Ocherki_po_kognitivnoj_lingvistike_2001.pdf (date of access: 07.14.2025).

13. Yakimenko N.V. Pun as a linguostylistic device in English and ways of recreating it in translation: diss. ... cand. philological sciences: 5.9.8. Kyiv, 1984. 214 p. URL: http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/kalambur-kak-lingvostilisticheskij-priem-v-anglijskom-jazyke-i-puti-ego-vossozdanija.html?ysclid=meyxxs9vmh512488032 (date of access: 29.04.2025).

14. Bennett J.H. Knowledge Bridging in Education and Research. Educational Philosophy and Theory. Vol. 35 (2). P. 185 – 196.

15. Hawking S.W. A Brief History of Time. Bantam Books. URL: https://examinia.com/wp-content/uploads/2023/08/A-Brief-History-of-Time-by-Stephen-Hawking.pdf (date of accessed: 10.06.2025).

16. Kecskes I., Obdalova O.A., Minakova L.Y., Soboleva A.V. A study of the perception of situation-bound utterances as culture-specific pragmatic units by Russian learners of English. System. 2018. Vol. 76. P. 219 – 232. URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000650667 (date of accessed: 20.04.2025).

17. Stiglitz J.E. Globalization and Its Discontents. New York: Norton & Company, 2003. URL: https://www.researchgate.net/publication/4755241_Joseph_E_Stiglitz_2002 (date of access: 23.08.2025).

18. Van Dijk T.A., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. New York: Academic Press. URL: https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/06/Teun-A-van-Dijk-Walter-Kintsch-1983-Strategies-Of-Discourse-Comprehension.pdf (date of access: 17.04.2025).

19. Waddington C.H. The Epigenotype. Endeavor. 1942. Vol. 1. No. 1. P. 18 – 20. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22186258/ (date of access: 17.04.2025).

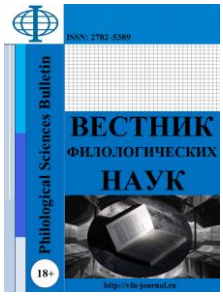
Информация об авторах

Алиева Л.А., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Мхачкала, laalieva@mail.ru*

Раджабова П.Т., *кандидат педагогических наук, доцент, кафедра английского языка, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Мхачкала, peridgpu@mail.ru*

Гаджиева Л.Г., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Мхачкала, louise9229@mail.ru*

© Алиева Л.А., Раджабова П.Т., Гаджиева Л.Г., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки)
УДК 81.42

[1] Белова Л.В.

[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Функционально-семиотические особенности языковых средств оскорбления как способа проявления агрессии в англоязычном виртуальном дискурсе

Аннотация: *в статье описываются особенности коммуникации в англоязычных социальных сетях, где значительное место занимают агрессивные сообщения, одной из форм экспликации которой выступают оскорбления. Рассматривается комплекс языковых средств, выполняющих функцию выражения оскорбительной интенции в условиях конфликтного взаимодействия в интернет пространстве. Выявляются лексические, грамматические, стилистические характеристики языковых средств оскорбления и дается характеристика их коммуникативных функций в онлайн взаимодействии. Методология настоящего исследования представлена обзором научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу, нами использован ряд общенаучных и специальных лингвистических методов исследования, в том числе конверсационный и контекстуальный анализ дискурса для выявления специфических характеристик вербализации агрессивных интенций с помощью языковых средств. Ключевым результатом научного исследования лексических единиц является эмпирическое подтверждение гипотезы о доминировании речевой агрессии как ведущей стратегии межличностной коммуникации в англоязычном цифровом пространстве.*

Ключевые слова: *дискурс социальных сетей, речевая агрессия, языковые средства оскорбления, коммуникативное пространство, коммуникативная интенция, конфликтное взаимодействие*

Для цитирования: Белова Л.В. Функционально-семиотические особенности языковых средств оскорбления как способа проявления агрессии в англоязычном виртуальном дискурсе // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 171 – 178.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Belova L.V.

[1] Belgorod State National Research University

Functional and semiotic features of insult language as a manifestation of aggression in English virtual discourse

Abstract: *the article deals with the features of communication in English-language social networks, where aggressive messages occupy a significant place. One of the forms of aggression explication are insults. The article considers a set of language tools that perform the function of expressing offensive intent in the context of conflict interaction in the Internet. The lexical, grammatical, and stylistic characteristics of linguistic means of insult are revealed and their communicative functions in online interaction are characterized. The methodology of this study is presented by a review of scientific works by domestic and foreign researchers on the issue under discussion. We have used a number of general scientific and special linguistic research methods, including conversational and contextual analysis of discourse to identify specific characteristics of verbalization of aggressive intentions using linguistic means. The key result of the scientific study of lexical units is the confirmation of the hypothesis of the*

dominance of speech aggression as the leading strategy of interpersonal communication in the English-speaking digital space.

Keywords: *social networks discourse, verbal aggression, linguistic means of insult, communicative space, communicative intention, conflict interaction*

For citation: Belova L.V. Functional and semiotic features of insult language as a manifestation of aggression in English virtual discourse. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 171 – 178.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Современные платформы социальных медиа представляют собой публичную арену для дискуссий по актуальным вопросам общественной значимости, включая политическую, социальную, религиозную и экономическую проблематику. Тем самым, языковые практики, характерные для социальных сетей, прежде всего демонстрируют трансформации, соответствующие актуальным социальным тенденциям, будь то политическая нестабильность или социальные противоречия. Столкновение мировоззренческих позиций коммуникантов, продиктованное различием их когнитивных установок, провоцирует возникновение агрессивных форм речевого взаимодействия. По словам исследователя Кондрашовой, «Агрессивность, став практически постоянным признаком современного публицистического дискурса, наглядно демонстрирует, что нужно решать эту общеязыковую проблему, создать коммуникационное пространство, в котором риски в процессе общения будут сведены к минимуму» [7, с. 26]. В рамках предложенной исследователем С.Н. Еникополовым концепции враждебность интерпретируется как когнитивный феномен, связанный с формированием негативных оценочных схем, закреплением отрицательных установок, экспликацией антагонистического отношения, в то время как агрессия трактуется как поведенческий паттерн, который не всегда эскалирует в насилие, может проявляться в вербальных формах и включает широкий спектр вербальных проявлений (оскорбление, колкие шутки, злословие, критика, хамство) [5].

Необходимость изучения агрессии как одного из типов коммуникации вызвана интересом, возникшим в различных областях научного знания, например, социологии, политологии, теории менеджмента, теории речевых актов, теории дискурса, политической лингвистики. По мнению А.О. Алексеевой, социальная сеть порождает новые вербальные формы и текстовые жанры, зачастую сложные и многообразные [1], в этой связи «модель поведения также меняет свои координаты и формы проявления агрессии в целом и вербальной агрессии в частности» [2, с. 90]. На этом фоне отечественное и зарубежное языкознание содержат очень мало теоретического материала об изучении семантики и кммуникативной функции агрессии и, в частности, особенностей проявления агрессии в виртуальном дискурсе. Виртуальное коммуникативное пространство социальных сетей «конституируется как система открытых дискурсивных практик, обладающих неограниченным потенциалом содержательной трансформации, преобладанием текстуальных форм взаимодействия, множественностью предметных областей обсуждения и отсутствием иерархии между участниками» [13, с. 93].

Конфликтом является «столкновение сторон, состояние противоборства, особый тип общения, в основе которого лежат реальные или иллюзорные, объективные или субъективные и в различной степени осознаваемые противоречия в целях, намерениях, интересах коммуникантов» [10, с. 12]. Среди многообразия форм конфликтов в современном виртуальном сегменте основными называют интернет-травлю или кибермоббинг (cybermobbing) и интернет-провокацию или троллинг (trolling). Согласно Р.А. Внебрачных, троллинг представляет собой «процесс размещения на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтов посредством нарушения правил этического кодекса Интернет-взаимодействия» [4, с. 49]. Конфликт воспринимается агрессором как ресурс для приобретения более высокого социального статуса в интернет-пространстве [14].

Конфликтные взаимодействия не представляют собой принципиально новый феномен, однако беспрецедентная частота их возникновения, интенсивность и специфика проявления, а также особенности вербализации агрессии в виртуальной среде требуют системного осмысления и теоретической концептуализации, что определяет актуальность настоящего исследования. По мнению Д.А. Черенкова, «виртуальный конфликт – это такой конфликт, источник которого находится не в той реальности, в которой протекает сам конфликт, и он не может быть разрешен за счет средств той реальности, в которой он протекает» [12, с. 36]. Необходимость изучения природы вербальной агрессии обусловлена также тем, что в результате станет

возможным определить реальность физического применения агрессии в живом, а не виртуальном пространстве, и спрогнозировать вероятные последствия ее исполнения.

Цели и задачи настоящего исследования состоят в выявлении и анализе с функциональной и семиотической точки зрения языковых средств проявления оскорбления, указывающих на вербальную агрессию в англоязычных сообщениях виртуального дискурса, опубликованных в открытом доступе в социальной сети X (до 2023 года – Твиттер) [15].

Теоретическую основу исследования составили отечественные и зарубежные труды по теории коммуникации М.Ю. Сейранян, Н.В. Никоновой, А.С. Петровой, Д.Т. Рашидовой, Д.Р. Мартин, Н.Е. Виллард, которые вносят вклад в формирование представления о вербальной агрессии и конфликтных процессах. Мы обращались к концепции С.Н. Еникополова, специализирующегося в области исследования агрессивного поведения, согласно которой категории «агрессия», «враждебность» и «насилие» обладают различным концептуальным содержанием. Нами также рассматривались лингвокультурологические исследования А. Вежбицкой, в которых подчеркивается роль анализа лексических единиц в выявлении культурных и коммуникативных особенностей, заложенных в языке.

В исследовании учитывалась работа А.О. Алексеевой, в которой дается характеристика основным дискурсообразующим свойствам социальных сетей. Кроме того, мы принимали во внимание исследование Д.А. Черенкова, который дает определение виртуального конфликта, и работу Р.А. Внебрачных, которая выявляет специфику интернет-троллинга как формы агрессивного поведения в социальных сетях. Среди последних научных работ, посвящённых изучению вербальной агрессии в повседневном общении, мы опирались на исследования Е.В. Кондрашовой, М.В. Калининой, Н.П. Сюткиной, которые изучают проявления вербальной агрессии в политическом дискурсе, учитывали работу А.Д. Бобр и Н.А. Ахреновой в русле социолингвистики, которые занимаются изучением гендерного аспекта проявления агрессии, а также рассматривали исследования П.Б. Паршина в области рекламного текста.

Материалы и методы исследований

Объектом исследования выступают публично доступные короткие текстовые публикации (твиты) англоязычной социальной сети X, содержащие оскорбления как признаки агрессивного поведения, адресованные как конкретным, так и неопределённым пользователям. Материал нашего исследования составил корпус из 440 публичных текстовых сообщений, содержащих оскорбления, отобранных в период с октября 2021 года по март 2023 года посредством методики рандомизированной ручной выборки из англоязычного контента социальной сети. При формировании корпуса исследовательского материала первостепенное внимание уделялось отбору лексических единиц с максимальной степенью агрессивной маркированности, что обусловлено необходимостью выявления наиболее репрезентативных образцов конфликтного дискурса для последующего лингвистического анализа.

Отличительной чертой платформы X выступает публичный характер полилога, доступного для широкой аудитории, тем самым такая интернет-коммуникация представляет собой гибридную модель, где текстовые публикации изначально ориентированы на массовую аудиторию. Преобладающий стиль речи отличается разговорной тональностью и сниженным уровнем формальности, а сообщения отражают общий агрессивно настроенный социальный фон и остро негативный взгляд на кризисные социальные явления как реакцию на возникающие политические, религиозные, межэтнические конфликты, что, несомненно, представляет интерес для исследователя.

Следует особо подчеркнуть, что процесс вербализации оскорбления в цифровой среде носит принципиально интерсубъектный характер, что обусловило выбор когнитивно-дискурсивной методологии для анализа языковых маркеров агрессивного поведения. В рамках данного подхода особое внимание уделяется выявлению устойчивых интеракционных паттернов, анализу статусных отношений между коммуникантами, исследованию стратегий текстовой самопрезентации. В ходе исследования нами применялся комплекс общенаучных методов анализа эмпирического материала и специализированные методы лингвистического исследования, такие как конверсационный, контекстуальный анализ дискурса для выявления специфических характеристик вербализации агрессивных интенций с помощью языковых средств; методы лексического, грамматического, и синтаксического анализа для выявления роли языкового средства в высказывании; метод стилистического анализа для определения агрессивной тональности высказывания; метод количественного анализа как неотъемлемый компонент содержательной интерпретации данных.

Результаты и обсуждения

В результате исследования вербальной агрессии в коммуникативном пространстве платформы X мы выявили комплекс языковых средств оскорбления, функционирующих в агрессивных высказываниях. Согласно высказыванию языковеда Н.В. Никоновой, «в аспекте лингвистических исследований дифференциация

видов речевой агрессии в большинстве случаев основывается на типологических особенностях лексических и грамматических средств выражения речевой агрессии» [8, с. 415]. Так, наш анализ вербального уровня коммуникации в социальной сети также позволил выявить и систематизировать ряд лексических и грамматических языковых средств, используемых авторами содержащих оскорбления сообщений и описать их функции. Мы описываем наиболее частотные средства, присутствующие в виртуальном дискурсе. Так, характерными лексическими средствами являются:

- обсценная (инвективная) лексика: white men are bullshit, white ppl are fucking dumb;
- экспрессивные коллоквиальные прилагательные: idiot, stupid, brainless, filthy;
- прилагательные с отрицательной коннотацией со значением необразованности, враждебности: undesirables, enemies, intruders, uncivilized, illiterate, degenerates, inbreds;
- существительные, номинирующие лиц, демонстрирующих общественно порицаемое поведение: racists, bully, killer, harasser, fraud, smuggler, nazi, fascist, spy, hobo, bumpkin;
- лексика со значением прошлого, устаревшего: medieval, retrograde, middle aged, old fashioned;
- высказывания, в которых лексика с нейтральными номинациями профессий приобретает негативную коннотацию: butcher, official, handler, peasant, bureaucrat, tamer;
- лексика, отсылающая к семантике животных: cockerel, bellwether, cattle, mongrel, jackal, vixen, louse, gadfly;
- глаголы со значением осуждения, воровства, бегства: seize, grab, snatch, walk away, whiskaway, buzz off.

Использование табуированной и стилистически сниженной лексики закономерно занимает доминирующее положение в системе вербального выражения агрессии в цифровом коммуникативном пространстве: согласно полученным нами данным, 87,9% выявленных оскорбительных высказываний содержат инвективные элементы. Широкое распространение данной лексической категории свидетельствует о высокой степени конфликтогенности виртуального дискурса и служит признаком агрессивного взаимодействия, являясь ключевым маркером вербальной агрессии.

Об агрессивном поведении, реализующемся в форме оскорбительных высказываний, наряду с грубой и стилистически сниженной лексикой, свидетельствуют экспрессивные разговорные существительные с негативной коннотацией, такие как looser и idiot. Их насчитывается 57,8% Как верно отмечает М.В. Калинина, и мы вслед за исследователем наблюдаем схожие проявления в виртуальном дискурсе, «встречается открытая речевая агрессия с использованием словесных ярлыков» [6, с. 52]. Например, в высказывании: no mercy for this shit. crack that looser before that kills us [15]. Принципиальной характеристикой данных лингвистических средств является их способность оказывать деструктивное психологическое воздействие на реципиента, поскольку их употребление направлено на унижение адресата и нанесение ему морального ущерба через вербальное унижение.

Коммуниканты активно используют оскорбительные описания, стигматизирующие эпитеты и уничижительные метафоры для дискредитации оппонентов. Данная стратегия включает отрицание интеллектуальных способностей адресата и акцентуацию мнимых физических несовершенств. Коммуникативной функцией подобных высказываний выступает осуждение альтернативных мировоззренческих систем, культурных моделей и религиозных практик.

Следует отметить, что многие оскорбительные высказывания строятся по модели утверждения, когда говорящий приписывает отдельному человеку негативное мнение обо всех членах определенной социальной группы. При этом любое утверждение, выражающее оскорбительное отношение к некоторым представителям группы, может быть интерпретировано как свидетельство предвзятого отношения ко всей группе в целом. В качестве иллюстрации данного механизма можно рассмотреть пример, в котором говорящий акцентирует внимание исключительно на мексиканцах-мигрантах, используя это как основание для обобщенных негативных оценок всей этнической группы:

When Mexico sends its people, they're not sending their best. They're not sending you. They're not sending you. They're sending people that have lots of problems, and they're bringing those problems with [them] ... They're rapists [15].

Косвенная реализация оскорбительных интенций может осуществляться посредством негативных высказываний, содержащих отрицание. Негативизм функционирует как оппозиционная форма конфликтного поведения, воздействующая на адресата и проявляющаяся в спектре стратегий – от пассивного игнорирования и дискредитации авторитета адресата до активного отрицания установленных норм, и конвенций. Фундаментальной характеристикой оскорбления остается экспликация негативной оценки, посредством которой говорящий подвергает осуждению личность адресата, его мировоззренческие позиции и поведен-

ческие паттерны. В ходе анализа сообщений мы выявили следующие лексические средства выражения оскорбления в сочетании с отрицанием:

- сочетание отрицательной частицы not или отрицательного местоимения no с существительным-определением;
- наречие со значением полного отрицания never;
- существительные с отрицательным префиксом: un-, im-, less-;
- глаголы со значением отрицания: contradict, deny, forget;
- существительные со значением недостатка: lack, absence, loss, shortage, shortcoming, shortfall, deficiency, inadequacy, poverty, deprivation;
- существительные со значением безумия, абсурда: madness, rubbish, silliness, stupidity, craziness, absurdity;
- прилагательные со значением способности, возможности или ценности в сочетании с частицей not: not capable, not worth;
- наречие completely в высказываниях с гиперболой.

Негативно окрашенные оскорбительные высказывания служат инструментом экспликации несогласия или отвержения коммуникантом определенных аспектов повседневного взаимодействия. Посредством подобных вербальных практик говорящий актуализирует свое недовольство и демонстрирует неодобрение по отношению к ситуации или поведению адресата, которые вступают в противоречие с его субъективными представлениями. Негативные высказывания выполняют функцию дискредитации участников диалогического взаимодействия виртуального дискурса социальной сети.

Анализ грамматической организации исследованного материала позволяет утверждать, что структурные средства, применяемые участниками коммуникации в виртуальном дискурсе, формируют уникальные модели, обладающие выраженными отличиями от иных языковых паттернов. В корпусе примеров агрессивно направленных сообщений с оскорблениями мы выделяем следующие группы грамматических маркеров:

- усилительные частицы: just, even, simply, yet;
- формы повелительного наклонения: shut up, tell me, stop now;
- экспрессивное переосмысление утвердительных конструкций: you talk too much!
- риторические вопросы, обращения, разговорные формулы: tell me, hey, you guys, guys, ist it me or;
- предложения с придаточным условия: If you weren't such a useless waste of space, maybe you could finally do something right for once [15].

Необходимо отметить такой риторический приём как паралипсис (упоминание через отрицание), когда говорящий утверждает, что не намерен обсуждать определённую тему, но при этом упоминает её, тем самым привлекая к ней внимание. Этот приём создаёт иллюзию позитивной коммуникации, маскируя истинные намерения адресанта.

Примером является высказывание, в котором говорящий заявляет, что не требует от адресата доказательств его непричастности к оппозиционной организации. Формально отрицая необходимость оправданий, говорящий тем не менее прибегает к оскорбительному подтексту, используя паралипсис как прикрытие для предвзятого нарратива: I’m not accusing you of being an enemy, but that’s the way I feel, and I think a lot of Americans will feel that way [15].

Таким образом, паралипсис функционирует как хорошо известный и широко используемый риторический инструмент, позволяющий транслировать негативные импликации.

Риторические вопросы, выражающие сомнение в компетенции адресата, реализуют стратегию дискредитации его потенциала через вербализацию недоверия к способности совершения действий. Данная коммуникативная тактика направлена на обесценивание когнитивных и практических возможностей адресата сообщения.

Условные конструкции могут имплицитно нивелировать статус адресата, поскольку реализация условия в таких высказываниях детерминирована конкретным коммуникативным контекстом. Заметим, что вероятность выполнения условия часто не отражает объективной реальности, а конституируется в субъективном сознании говорящего.

Мы наблюдаем, что в рамках агрессивно маркированных сообщений оскорбительные высказывания выполняют двойную коммуникативную функцию: с одной стороны, они направлены на причинение психологического ущерба адресату через целенаправленное снижение самооценки и индукцию негативных эмоциональных состояний, что позволяет говорящему демонстрировать доминирующую позицию; с другой стороны, оскорбления служат инструментом манипулятивного воздействия на мировоззренческие установки

адресата, преследуя цели навязывания определенных взглядов, модификации поведенческих паттернов и стимулирования к совершению действий, соответствующих интенциям коммуниканта.

Подобное коммуникативное поведение отражает категоричное неприятие ценностных ориентаций и мировоззренческих установок отдельных групп и порождает процессы социального отчуждения, когда автор сообщения сознательно подчеркивает свою непринадлежность к тем социокультурным общностям, чьи базовые принципы вызывают у него резкое отторжение.

Речевой акт оскорбления представляет собой токсичные комментарии, унижающие одного человека или группу людей по признаку пола, расы, религии, мировоззрения и т.д. Сюда входят разжигающие ненависть высказывания, которые можно описать как любую преднамеренную форму коммуникации, не только выражающую сильные негативные эмоции, враждебность или предрассудки, но и активно поощряющую или провоцирующую других на совершение вредоносных действий, дискриминацию или насилие в отношении конкретного человека, группы, сообщества или организации. Такие высказывания предполагают прямое или косвенное обращение к адресату и может включать заявления, которые выходят за рамки простой критики или выражения негативного мнения, активно поощряя или подстрекая других к негативным действиям под влиянием этих эмоций.

Выводы

Агрессивные речевые акты в виртуальном пространстве представляют собой значимый социолингвистический феномен, отражающий специфику межличностных коммуникативных практик в цифровой среде. Анализ эмпирического материала демонстрирует устойчивое воспроизводство агрессивных коммуникативных моделей платформы X, что свидетельствует о формировании особого типа виртуальной коммуникативной среды, характеризующейся повышенной конфликтогенностью, агрессивностью и жесткостью речевых стратегий с преобладанием речевой агрессии как ведущей стратегии межличностной коммуникации в англоязычном виртуальном дискурсе. Использование инвективных средств коммуникации пользователями указывает на институционализацию оскорбления как элемента цифрового дискурса, где оно приобретает статус нормативной формы речевого поведения.

С лингвистической точки зрения, используемые авторами сообщений языковые средства оскорбления служат эффективным инструментом вербализации агрессивных интенций, создания психологического давления на адресата, формирования определенного общественного мнения. Специфика оскорбительных высказываний в виртуальном дискурсе детерминирована особым контекстом их реализации. В отличие от физического межличностного взаимодействия, вербальная агрессия в цифровой среде характеризуется иным перцептивным восприятием, поскольку онлайн-пространство создает у коммуниканта иллюзию защищенности от немедленной ответной реакции реципиента. Важно подчеркнуть, что ситуации агрессивного взаимодействия в социальных сетях исключают возможность физического воплощения конфликта. Данное обстоятельство объясняет более высокую частотность агрессивно маркированных высказываний именно в виртуальном дискурсе: онлайн-коммуникация объективно способствует вербализации агрессии, одновременно устраняя потенциальную угрозу применения физических санкций в отношении агрессора. Эта фундаментальная особенность придает речевым актам агрессии в цифровой среде дискурсивную уникальность.

Проведенный анализ твитов и сопутствующих комментариев выявляет тенденцию трансформации содержательных разногласий в персональной конфронтации. Несмотря на то, что в силу специфики виртуальной коммуникации данные конфликты остаются в рамках вербального взаимодействия, их деструктивный потенциал представляет существенную угрозу для психологического благополучия участников и общего климата цифрового сообщества.

Неформальный характер цифровой коммуникации создает условия для вербализации агрессивных эмоциональных состояний, включая ненависть, злобу, презрение и раздражение. В данном контексте оскорбительные высказывания функционируют как инструмент агрессивного воздействия на адресата. Их коммуникативная функция заключается в экспликации негативных эмоций (недовольства, раздражения, ненависти) с целью дестабилизации психологического состояния адресата и редукции его социального статуса в рамках коммуникативной ситуации.

Исследование способов проявления агрессии в виртуальном дискурсе не претендует на всеобъемлющую завершенность, исходя из этого нам представляется перспективным осуществить сравнительно-сопоставительное изучение проявления речевой агрессии в русском и английском языке, а также обратиться к материалам других популярных англоязычных и русскоязычных медиа платформ с целью более комплексного изучения виртуального дискурса и исследования культурно-обусловленных способов вербализации агрессии.

Список источников

1. Алексеева А.О. Новые интерактивные медиа в контексте теорий информационного общества: дис. … канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2006. 24 с.

2. Бобр А.Д., Ахренова Н.А. Гендерные особенности проявления вербальной агрессии в киберпространстве // Военно-филологический журнал. 2024. № 1. С. 89 – 101.

3. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2012. 272 с.

4. Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского Университета. 2020. № 1. С. 48 – 51.

5. Ениколопов С.Н. Психология зла // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревич. М.: Когито-Центр, 2011. С. 308 – 335.

6. Калинина М.В. Вербальные средства выражения агрессии в политических ток-шоу // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. № 9 (4). С. 49 – 56.

7. Кондрашева Е.В., Ермакова Е.В. Речевая агрессия в публицистической речи (на примере ток-шоу «60 минут» и «Место встречи») // Эпоха науки. 2021. № 26. С. 114 – 118.

8. Никонова Н.В., Петрова А.С., Рашидова Д.Т. Речевая агрессия: формы и сферы бытования. Культурно-национальная специфика проявления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 2. С. 413 – 418.

9. Паршин П.Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст. М.: Семиотика и лингвистика, 2020. С. 78 – 85.

10. Сейранян М.Ю. Конфликтный дискурс: социолингвистический и прагмалингвистический аспекты. М.: Изд-во «Прометей», 2020. 96 с.

11. Сюткина Н.П. Экспрессивность как средство вербальной агрессии и инструмент постправды: сборник Материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2023. Вып. 6. С. 43 – 48.

12. Черенков Д.А. Девиантное поведение в социальных сетях: причины, формы, следствие // Гуманитарные ведомости. 2018. № 3 (27). С. 29 – 40.

13. Martin J.R., Rose D. Working with discourse: Meaning beyond the clause. New York: Continuum, 2013. 224 p.

14. Willard N.E. From cyberbullying and cyberthreats: responding to the challenge of online social aggression // Threats and Distress: Research Press. 2020. Vol. 2. P. 11 – 24.

15. X (социальная сеть). URL: https://x.com.

References

1. Alekseeva A.O. New interactive media in the context of information society theories: diss. … cand. philological sciences: 10.01.10. Moscow, 2006. 24 p.

2. Bobr A.D., Akhrenova N.A. Gender features of verbal aggression in cyberspace. Military Philological Journal. 2024. No. 1. P. 89 – 101.

3. Vezhbitskaya A. Comparison of cultures through vocabulary and grammar. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2012. 272 p.

4. Vnebrachnykh R.A. Trolling as a form of social aggression in virtual communities. Bulletin of Udmurt University. 2020. No. 1. P. 48 – 51.

5. Enikolopov S.N. Psychology of Evil. Psychological Studies of Spiritual and Moral Problems. Edited by A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Cogito-Center, 2011. P. 308 – 335.

6. Kalinina M.V. Verbal Means of Expressing Aggression in Political Talk Shows. Theoretical and Applied Linguistics. 2023. No. 9 (4). P. 49 – 56.

7. Kondrasheva E.V., Ermakova E.V. Speech Aggression in Journalistic Speech (Based on the Talk Shows “60 Minutes” and “Meeting Place”). The Age of Science. 2021. No. 26. P. 114 – 118.

8. Nikonova N.V., Petrova A.S., Rashidova D.T. Speech aggression: forms and spheres of occurrence. Cultural and national specifics of manifestation. Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2022. Vol. 15. Iss. 2. P. 413 – 418.

9. Parshin P.B. Speech impact: main spheres and varieties. Advertising text. Moscow: Semiotics and linguistics, 2020. P. 78 – 85.

10. Seyranyan M.Yu. Conflict discourse: sociolinguistic and pragmalinguistic aspects. Moscow: Prometheus Publishing House, 2020. 96 p.

11. Syutkina N.P. Expressiveness as a Means of Verbal Aggression and an Instrument of Post-Truth: Collection of Proceedings of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. 2023. Iss. 6. P. 43 – 48.

12. Cherenkov D.A. Deviant Behavior on Social Networks: Causes, Forms, and Consequences. Humanitarian News. 2018. No. 3 (27). P. 29 – 40.

13. Martin J.R., Rose D. Working with Discourse: Meaning Beyond the Clause. New York: Continuum, 2013. 224 p.

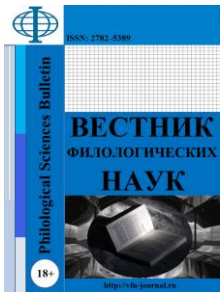
14. Willard N.E. From Cyberbullying and Cyberthreats: Responding to the Challenge of Online Social Aggression. Threats and Distress: Research Press. 2020. Vol. 2. P. 11 – 24.

15. X (social network). URL: https://x.com.

Информация об авторах

Белова Л.В., *Белгородский государственный национальный исследовательский университет, belova.lv@inbox.ru*

© Белова Л.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070:004

[1] Галеев Р.А. ***[1] Пензенский государственный университет***

Виды инфоповодов в киберспортивных СМИ (на примере cyber.sports.ru)

Аннотация: *статья посвящена исследованию особенностей информационных поводов в киберспортивной журналистике на примере российского медиа cyber.sports.ru. В условиях стремительного роста аудитории киберспорта возникает необходимость в специализированных средствах массовой информации, которые освещают события этой отрасли. Авторы рассматривают понятие «информационный повод» как с точки зрения теории журналистики, так и PR, выделяя два ключевых критерия: значимость события и интерес читателя. На основе анализа 60 новостных материалов за один день выявлены шесть основных типов информационных поводов в киберспортивных СМИ: 1) высказывания представителей индустрии, включая заявления и мнения; 2) события и анонсы соревнований; 3) события из жизни киберспортсменов; 4) трансферы и слухи о переходах; 5) новости о компьютерных играх как киберспортивных дисциплинах; 6) материалы о редакции медиа. Наиболее распространенными оказались мнения о процессах в киберспортивной среде, что подчеркивает специфику прямых трансляций и социальных медиа как источников информационных поводов. Результаты исследования формируют базу для дальнейшего изучения киберспортивной журналистики и разработки типологии инфоповодов.*

Ключевые слова: *киберспортивная журналистика, информационный повод, новостные жанры, типология журналистики*

Для цитирования: Галеев Р.А. Виды инфоповодов в киберспортивных СМИ (на примере cyber.sports.ru) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 179 – 184.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Galeev R.A. ***[1] Penza State University***

Types of information guides in esports media (for example cyber.sports.ru)

Abstract: *this article examines the characteristics of news triggers in esports journalism, using the Russian media outlet cyber.sports.ru as a case study. With the rapid growth of the esports audience, specialized media coverage has become increasingly necessary. The study considers the concept of a "news trigger" from both journalism and PR perspectives, emphasizing two key criteria: event significance and audience interest. Analyzing 60 news items published in a single day, the research identifies six main types of news triggers in esports media: 1) statements and opinions from industry representatives; 2) events and competition announcements; 3) events in esports players' lives; 4) transfers and transfer rumors; 5) news about video games as esports disciplines; 6) media editorial activities. The most frequent type was opinions on esports community processes, highlighting the role of live streams and social media as primary sources of news triggers. The findings provide a foundation for further studies of esports journalism and the development of a systematic typology of news triggers.*

Keywords: *esports journalism, informational occasion, news genres, typology of journalism*

For citation: Galeev R.A. Types of information guides in esports media (for example cyber.sports.ru). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 179 – 184.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Киберспорт в современном мире набирает все большую популярность. Рост аудитории создает запрос на появление особых средств массовой информации, освещающих события в новом виде спорта. Таким образом, в российском медиаполе стали появляться специализированные издания, затрагивающие только киберспортивные дисциплины. К таким можно отнести cybersport.ru, dota2.ru, cyber.sports.ru, escorenews.com, esports.ru и другие медиа.

Как считает И.А. Мальцева, «развитие видов спорта и спортивной журналистики идет параллельно, они вместе проходят все этапы» [4, 5]. Следовательно, этот же принцип можно применить и к киберспортивной журналистике как подвиду журналистики о спорте. Так как Россия признала киберспорт видом спорта в 2016 году, можно говорить о том, что индустрия киберспортивной журналистики находится в стадии развития.

Так как киберспортивная среда отличается от традиционного спорта, начиная с формата соревнований (в киберспорте часто проводятся «онлайн-турниры» без зрителей и без нахождения участников в одном месте), заканчивая возрастной аудиторией (зрители киберспортивных турниров ощутимо моложе зрителей традиционных спортивных состязаний), она требует особого подхода к отбору журналистов достойных публикации информационных поводов [9, 10].

«Информационный повод» как термин можно рассмотреть как с позиций специалистов в области PR, так и с позиции теоретиков журналистики и массовой коммуникации. Так, в теории PR под информационным поводом понимают предлог для создания в сми публикации, которая прямо или косвенно улучшает имидж субъекта PR [8].

С точки зрения теории журналистики, информационный повод есть фактологическая основа медиатекста. Его характеристикой, как отмечает В. Дорохов, будет возможность стать предметом обсуждения в медиа, как новых, так и традиционных. Эта характеристика стала особенно актуальной с тех пор, как новые медиа простимулировали создание информационных пузырей, в которых потребитель медиа хочет видеть лишь ту информацию, которая его интересует [1].

Среди ученых принято выделять два критерия для определения, является ли событие или факт информационным поводом:

1. Значение события.
2. Читательский интерес к нему [3].

С.А. Михайлов и А.Г. Мостов отмечают специфику спортивных новостей в том, что большинство спортивных фактов ожидаемы, на это влияют и строгое расписание соревнований, и наличие в большинстве состязаний «фаворитов» и «аутсайдеров» [6].

Материалы и методы исследований

В исследовании использовались материалы российского киберспортивного медиа cyber.sports.ru за 1 марта 2025 года, при этом исключались разделы «Игры», «Железо» и «Кино», чтобы сосредоточиться исключительно на киберспортивной журналистике. Всего было проанализировано 89 материалов раздела «Новости», из которых 60 относились непосредственно к киберспорту. Для классификации информационных поводов применялся сравнительный подход, опирающийся на существующие концепции спортивной журналистики и PR, включая работы К.В. Киуру и М.А. Черноок, с целью выявления типов инфоповодов, характерных для киберспорта. Каждый материал анализировался с точки зрения источника, содержания и характера события или высказывания, выступавшего основанием публикации. Особое внимание уделялось высказываниям представителей индустрии, результатам соревнований, событиям из жизни игроков, трансферам, новостям о киберспортивных дисциплинах и внутренним событиям редакции. Данные классифицировались по количественным показателям и тематическим группам, что позволило создать систематизированную типологию информационных поводов в российской киберспортивной журналистике.

Результаты и обсуждения

Изучению особенностей информационных поводов в спортивной журналистике посвящено сразу несколько работ. Исследователи предлагают разные системы для определения типов информационных поводов. Самой распространенной является концепция, предложенная К.В. Киуру. Ученый выделяет три большие группы со следующими подгруппами:

1. Спортивные соревнования. Киуру отмечает, что в зависимости от статуса турнира и вида спорта спортивные медиа будут отдавать приоритет тому или иному турниру, освещая большее количество инфоповодов. Как правило, наивысший интерес у аудитории вызывают международные и национальные состязания, особенно если в них принимают участие спортсмены, представляющие страну читателей. Соответственно, внутри этой категории расположены инфоповоды, связанные непосредственно с турнирами:

a. Результаты соревнований.

b. Неадекватное поведение зрителей на соревнованиях.

c. Травмы спортсменов.

d. Форс-мажорные ситуации.

e. Неспортивное поведение спортсменов.

f. Дисквалификация спортсменов

2. Спортивные пресс-конференции и брифинги. Как правило, в спорте пресс-конференции проводятся перед соревнованием, после него и – в командных видах спорта – при объявлении трансферов. В исключительных случаях пресс-конференции собираются по особому событию.

3. Спортивные интервью. Как и в случае с пресс-конференциями, в основном интервью приурочены будущим соревнованием или осмыслением прошедших состязаний. Однако поводом для интервью может стать и другое важное событие в жизни спортсмена: например, выход в свет мемуаров, переход к другому тренеру или завершение карьеры.

4. Награждение спортсменов за особые достижения [2].

М.А. Черноок в рамках исследования выделила следующие типы информационных поводов в спортивных медиа:

1. Спорт как результат: освещение итогов спортивных событий, матчей и соревнований.

2. Спорт как бизнес: информация о финансовых аспектах спортивной индустрии, включая сделки, спонсорство и экономические вопросы.

3. Спорт как политика: материалы, отражающие взаимосвязь спорта с политическими процессами и государственными решениями.

4. Спорт как шоу-бизнес: освещение пересечения спорта с индустрией развлечений и участия спортсменов в медиа-активностях.

5. Спорт как жизнь знаменитостей: новости, касающиеся личной жизни спортсменов и их публичной деятельности.

6. Спорт как нечто грубое: материалы, связанные с агрессивным или неэтичным поведением в спортивной среде [7].

Однако на данный момент нет работ ученых, посвященных особенностям информационных поводов в киберспорте. Как отмечает И.А. Мальцева, «немногочисленные статьи журналистов по российскому киберспорту требуют осмысления» [4, 5].

Материалом исследования стали материалы «Кибера» – cyber.sports.ru – за 1 марта 2025 года. Из исследования исключены материалы разделов «Игры», «Железо» и «Кино», так как целью было изучение и создание типологии информационных поводов исключительно в киберспортивной журналистике.

Всего за сутки вышло 89 материалов в разделе «Новости», из них 60 можно отнести к новостям о киберспорте. По типу инфоповода их можно разделить на следующие группы:

1. Высказывания людей из индустрии. В эту категорию попало сразу 40 новостей – 2/3 от общего числа новостных материалов о киберспорте, вышедших 1 марта на «Кибере». Сюда попали те новости, основу которых составляет цитата человека о киберспортивном явлении или процессе:

N0rb3r7: «CS – это и есть работа. Просто ты от нее получаешь удовольствие и бонус – летаешь по странам».

Pantomem: «Chimera быстрее всех прощупала имбу патча, что привело к победам на ранних этапах. Потом команды начали просто копировать наши идеи».

Однако эту категорию уместно разделить на две подкатегории. В первой окажутся новости, в которых спикер делает заявление, связанное непосредственно связанное с собой. Источником таких новостей как правило становятся интервью с киберспортсменами, комментарий для сми или публикация в социальных сетях под авторством самого спикера. Так, для заметки «Pantomem: «Считаю Aurora местом, в которое я попал максимально заслуженно. Работа окупилась» под авторством Артема Васильченко инфоповодом стал комментарий, данный киберспортсменом для сайта cybersport.metaratings.ru. В то же время послание операционного директора BetBoom Team Глеба Антохина бывшим игрокам команды, Александру Хертеку

и Глебу Зырянову, было опубликовано в личном телеграм-канале менеджера BetBoom Team, что и стало инфоповодом для новостной заметки в сми.

Всего за исследуемый период было обнаружено 15 новостных заметок, которые можно отнести к первой подкатегории.

Вторая подкатегория объединяет в себе мнения о процессах в киберспортивном сообществе. В таких новостях передается точка зрения спикера на главные темы киберспортивного дискурса на данный момент. Главное отличие между подкатегориями здесь будет лежать в источнике информационного повода. В киберспортивном медиапространстве, в отличие от медиаполя в традиционном спорте, важнейшим источником информационных поводов становятся стримы – прямые трансляции в интернете, на которых стример, как правило, играет в компьютерную игру и параллельно ведет диалог с аудиторией. Свои трансляции ведут как профессиональные игроки, которых смотрят, чтобы почерпнуть знания об игре и улучшить собственную игру, так и менеджеры команд, киберспортивные комментаторы и журналисты. Неформальная обстановка, прямой эфир, продолжительные трансляции и потребность одновременно говорить и управлять игровым процессом делают спикера менее сконцентрированным на диалоге с аудиторией, из-за чего тот позволяет себе высказывать те мысли, которые бы не прошли внутреннюю самоцензуру во время интервью или пресс-конференции. Примерами таких новостей могут стать следующие заметки на cyber.sports.ru:

Iceberg: «Проиграл мид – будь любезен проиграть игру. Надоели эти чертовы камбэчеры».

NS: «Попадание Дахака в топ-4 – рофл. Сговор играть плохо от Liquid, Gladiators, Yakult Brothers, Falcons».

Однако в эту категорию стоит отнести и высказывания экспертов по событиям в киберспортивном сообществе. В первую очередь, это мнения профессиональных комментаторов и функционеров киберспорта. Так, инфоповодом для новости «Thorin: «Переход Джекилава в TES по League of Legends – один из самых значимых трансферов в истории» стал твит самого Дункана «Thorin» Шилдса, а оценка обновленного состава команды Aurora Gaming комментатором Рустамом «Adekvat» Мавлютовым в личном телеграм-канале стала информационным поводом для заметки с заголовком: «Adekvat об Aurora: «Ранее такой состав назвали бы CIS Rejects – стак для медийки и фана. Сегодня этим парням придется много работать и доказывать».

Мнения о событиях в киберспортивном пространстве стали самым популярным типом информационного повода за исследуемый период – они стали основой для 25 материалов в разделе «Новости», что составляет 42% от всех выпущенных киберспортивных новостей на «Кибере» за этот день.

2. Вторым по частотности типом стали инфоповоды, связанные непосредственно с соревнованиями и их результатами:

Организаторы EWC не выплатили призовые нескольким командам за участие в турнирах 2024 года.

Top Esports стала чемпионом Китая по League of Legends. Команда прошла на международный LAN-турнир.

FISSURE анонсировала старт регистрации на открытые квалификации MCC 5 по MLBB.

Важно отметить свойственный и для спортивной журналистики интерес к статистике игроков и матчей. Выдающиеся и выбивающиеся из средних значений показатели в рамках отдельного матча или турнира оказываются самостоятельными информационными поводами:

Первая карта матча между Spirit и Chimera продлилась 71 минуту – второй показатель на DreamLeague 25.

TA2000 на Лайфстилере завершил третью карту против Spirit с 9-м показателем нетворса на карте, ниже – только у Мипошки.

Всего было обнаружено 10 материалов, инфоповодом для которых стали собственно соревнования и результаты матчей.

3. Третьим по количественному признаку типом инфоповодов стали важные события в жизни людей из киберспортивной сферы (6 материалов за сутки). Поводом может стать как событие, непосредственно связанное с игрой и игроками:

Miposhka апнул 15 тысяч MMR: «К плей-офф готов 😎».

Yatoro купил курьера в Dota 2 стоимостью от 280 тысяч рублей: «Если честно, то это моя лучшая покупка».

Так и просто крупные события в жизни игроков и команд.

BetBoom Team собирает реакции в телеграме на корм для кошачьего приюта.

Cr1t и NatTea посетили прием короля Дании.

Примечательно, что первая новость идеально подходит в качестве примера информационного повода с точки зрения теории PR. Заметка направлена на создание положительного имиджа у команды.

Как и в классической спортивной журналистике, интерес представляют трансферы между командами. За указанный период на cyber.sports.ru вышло 5 новостных заметок о переходах игроков и слухах о трансферах. Примерами могут стать материалы со следующими заголовками:

Misutaaa стал свободным агентом и объявил о поиске команды.

The Mongolz стали национальной киберспортивной сборной Монголии.

Отдельным и уникальным для киберспортивной журналистики типом информационного повода стали новости о компьютерной игре, которую признали в качестве киберспортивной дисциплины. Например, новость «Средний онлайн CS 2 в феврале превысил 1 млн человек» напрямую не является частью киберспортивного дискурса, но представляет интерес для читателя, следящего за киберспортом в CS 2. Показатели активных игроков в той или иной киберспортивной дисциплине позволяют оценить развитие игры, ее популярность, что дает возможность прогнозировать дальнейшее развитие киберспортивной сцены и повышение конкурентности. Всего за сутки было опубликовано 4 новости, связанные с играми – киберспортивными дисциплинами.

В особую категорию выделим и инфоповоды, связанные с редакцией cyber.sports.ru. 1 марта можно обнаружить 3 новостные заметки о корпоративном турнире Fissure Fight Night по Dota 2 среди сотрудников киберспортивных команд и медиа.

Кибер выбил Cybersport.ru с FISSURE Friday Fight – 2:0|.

Кирилл Блинков лидирует по KDA на FISSURE Friday Fight среди игроков с 2+ матчами.

Кирилл Блинков после победы над Cybersport.ru: «Это был суперпринципиальный матч, вторым будет матч против BetBoom».

Через подобные новости сми создает связь читателя с авторами издания. Наконец, отдельно отметим наличие дайджеста новостей, оформленного в отдельную новостную заметку с перечислением главных событий дня.

Выводы

Таким образом, можно выделить 6 основных типов информационных поводов в киберспортивных медиа:

1. Высказывания людей из индустрии киберспорта, которые можно разделить на заявления и мнения, отличающиеся объектом высказывания.
2. События и анонсы соревнований.
3. События из жизни киберспортсменов.
4. Трансферы, слухи о трансферах.
5. Новости о игре – киберспортивной дисциплине.
6. Новости о редакции сайта.

Список источников

1. Дорохов В.Г. Влияние СМИ на экономическое и политическое развитие ЕС в период кризиса 2008 г. // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2013. Ч. 3. № 2 (54). С. 52 – 56.

2. Киуру К.В. Типология информационных поводов в спортивной журналистике // Вестник ЧелГУ. 2012. № 5 (259). С. 88 – 91.

3. Колесниченко А.В. М.: Практическая журналистика, 2008. С. 1 – 80.

4. Мальцева И.А. Изучение спортивного медиатекста: вопросы теории и практики. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. 166 с.

5. Мальцева И.А., Лебединская В.Г. Развитие киберспортивной журналистики в контексте становления спортивного дискурса: опыт анализа медиатекста регионального сетевого издания «Юга.Ру» // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2022. № 1 (114). С. 84 – 90.

6. Михайлов С.А., Мостов А.Г. Спортивная журналистика. М.: Изд-во Михайлова В.А., 2005. 223 с.

7. Черноок М.А. Информационные поводы в спортивных СМИ: дискурсивные практики выбора (на примере Sports.ru) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 4. С. 30 – 39.

8. Чечулин А.В. Коммуникационные технологии в социальной сфере. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 120 с.

9. Цупко Л.А. Киберспортивная журналистика в контексте новых медиа // Век Информации. 2018. Т. 2. № 4 (5). С. 87 – 94.

10. Яблоновская Н.В., Маснюк В.В. Особенности подачи киберспортивной информации в новых медиа (на примере «cybersport. ru») // МедиаВектор. 2024. № 11. С. 105 – 110.

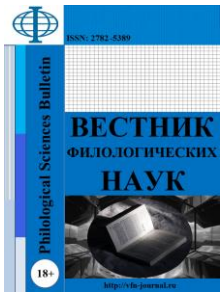
References

1. Dorokhov V.G. The Impact of the Media on the Economic and Political Development of the EU during the 2008 Crisis. Bulletin of Kemerovo State University. 2013. Part 3. No. 2 (54). P. 52 – 56.
2. Kiuru K.V. Typology of News Hooks in Sports Journalism. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2012. No. 5 (259). P. 88 – 91.
3. Kolesnichenko A.V. Moscow: Practical Journalism, 2008. P. 1 – 80.
4. Maltseva I.A. The Study of Sports Media Text: Theoretical and Practical Issues. Krasnodar: Kuban State University, 2022. 166 p.
5. Maltseva I.A., Lebedinskaya V.G. The Development of Cybersports Journalism in the Context of the Emergence of Sports Discourse: An Analysis of the Media Text of the Regional Online Publication "Yuga.Ru". Bulletin of the ChSPU named after I.Ya. Yakovlev. 2022. No. 1 (114). P. 84 – 90.
6. Mikhailov S.A., Mostov A.G. Sports Journalism. Moscow: Mikhailov V.A. Publishing House, 2005. 223 p.
7. Chernook M.A. Information Occasions in Sports Media: Discursive Practices of Choice (using Sports.ru as an Example). Bulletin of the Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science, and Culture. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 30 – 39.
8. Chechulin A.V. Communication Technologies in the Social Sphere. St. Petersburg: OOO Knizhny Dom, 2007. 120 p.
9. Tsupko L.A. Cybersports Journalism in the Context of New Media. Information Century. 2018. Vol. 2. No. 4 (5). P. 87 – 94.
10. Yablonovskaya N.V., Masnyuk V.V. Features of Presenting Cybersports Information in New Media (using the example of “cybersport.ru”). MediaVector. 2024. No. 11. P. 105 – 110.

Информация об авторах

Галеев Р.А., *кафедра «Журналистика», Пензенский государственный университет, Romangaleev1999@gmail.com*

© Галеев Р.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский язык) (филологические науки)
УДК 81’27

[1] Кадильникова Л.А. ***[1] Волгоградский государственный технический университет***

Эпитеты в речи англоязычного руководителя как маркеры статусности

Аннотация: *статья посвящена исследованию функционирования эпитета как маркера социального статуса в административном дискурсе. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения данной лингвистической категории в контексте статусно-ориентированной коммуникации. Целью исследования является выявление и комплексный анализ статусно-маркирующих функций эпитета в административном дискурсе.*

В результате исследования выявлены и проанализированы четыре основные функции эпитета в статусно-маркированной коммуникации: атрибутивно-классифицирующая, образно-художественная, эмотивно-оценочная и аргументативно-персуазивная.

Практический анализ показал, что эпитеты в речи руководителей выступают инструментом институционального доминирования, средством накопления символического капитала и механизмом дискурсивного принуждения. Полученные результаты свидетельствуют о преобразовании эпитета из средства художественной выразительности в эффективный прием конструирования и поддержания властной асимметрии в административном дискурсе.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в области корпоративных коммуникаций, при подготовке руководителей, в преподавании делового английского языка, а также в сфере межкультурной коммуникации. Выявленные закономерности могут быть использованы для разработки практических рекомендаций по эффективному использованию эпитетов в управленческой речи.

Ключевые слова*: эпитет, административный дискурс, руководитель, статусность, речевое воздействие, лингвистический маркер, управленческая коммуникация*

Для цитирования: Кадильникова Л.А. Эпитеты в речи англоязычного руководителя как маркеры статусности // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 185 – 190.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Kadilnikova L.A. ***[1] Volgograd State Technical University***

Epithets as status indicators in the speech of English-speaking leaders

Abstract*: the article is devoted to the study of the epithet functioning as a marker of social status in administrative discourse. The relevance of the work is determined by the need to study this linguistic category in the context of status-oriented communication. The aim of the study is to identify and comprehensively analyze the status-marking functions of the epithet in administrative discourse.*

The study identified and analyzed four main functions of the epithet in status-marked communication: attributive-classifying, figurative-artistic, emotive-evaluative and argumentative-persuasive.

Practical analysis has shown that epithets in the speech of managers serve as an instrument of institutional dominance, a means of accumulating symbolic capital and a mechanism of discursive coercion. The obtained re-

sults testify to the transformation of the epithet from a means of artistic expression into an effective technique for constructing and maintaining power asymmetry in administrative discourse.

The practical significance of the study lies in the possibility of applying its results in the field of corporate communications, in training managers, in teaching business English, as well as in the field of intercultural communication. The identified patterns can be used to develop practical recommendations for the effective use of epithets in managerial speech.

Keywords: *epithet, administrative discourse, leader, status, speech influence, linguistic marker, organizational communication*

For citation: Kadilnikova L.A. Epithets as status indicators in the speech of English-speaking leaders. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 185 – 190.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Эпитет как лингвистическая категория с античными истоками сохраняет свою научную актуальность в современных исследованиях. Несмотря на значительный вклад отечественной филологической школы (А.Н. Веселовский, Ф.И. Буслаев, А.И. Гальперин, Б.В. Томашевский и др.) в изучение природы эпитета, в лингвистике сохраняется терминологическая неоднозначность и отсутствие консенсуса относительно его универсального определения. Эта многогранность феномена, а также различия в методологических подходах к его анализу обуславливают необходимость дальнейшего изучения данной категории в её специфическом функционировании.

Особый научный интерес представляет рассмотрение эпитета в аспекте выражения социального статуса, где он выступает как оценочно-характеризующее средство, не только описывающее объект, но и выражающее отношение говорящего, тем самым закрепляя иерархические отношения в коммуникации [7]. В этом плане эпитет становится значимым инструментом в административном дискурсе, понимаемом как институциональное общение, направленное на реализацию властных полномочий и поддержание социальной дистанции [6].

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили примеры речи англоязычных руководителей, отобранные методом целевой выборки из художественных и документальных фильмов. Выбор кинематографического дискурса в качестве материала обусловлен его репрезентативностью в передаче статусно-маркированной коммуникации, концентрированностью языковых средств и доступностью для верификации.

Методологической основой выступил дискурс-анализ, позволяющий рассматривать язык в его социальном контексте. Также применялись контекстуальный и функциональный анализ для определения роли эпитета в конкретных речевых ситуациях и сравнительно-сопоставительный метод для выявления контрастов в оценках, данных руководителем и подчиненными.

Результаты и обсуждения

Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых изучению эпитета, в современной лингвистике отсутствует единое понимание данной категории. Разнообразие существующих трактовок обусловлено как сложностью и многогранностью самого феномена, так и различиями в методологических подходах к его изучению.

Сложность лингвокогнитивной структуры и полисемия функций эпитета актуализируют его комплексное изучение на междисциплинарном уровне. Так Н.П. Булахова предлагает систематизировать дефиниции, функции и типы эпитетов следующим образом:

1. Широкое понимание эпитета рассматривает его как любое определяющее слово, выполняющее характеризующую функцию без обязательной образности. В рамках этого подхода выделяются: обязательные эпитеты (выражающие существенные свойства) и факультативные эпитеты (обозначающие второстепенные качества) [9].

2. В рамках второго типа определений исследователи первоначально описывают эпитет в терминах описательной функции, но затем эксплицируют его тропеические особенности. А.Н. Веселовский дает эпитету семантически специализированную формулировку, выделяющую ключевые признаки объекта. Его классификация включает: 1) тавтологические эпитеты с семантической эквивалентностью компонентов; 2) поясни-

тельные, подразделяющиеся на метафорические (основанные на семантическом переносе) и синктерические (обусловленные синкретизмом восприятия) [4].

3. Третья группа дефиниций фокусируется на эстетической функции эпитета. Античные и средневековые риторики расценивали эпитеты преимущественно как средства украшения речи. Современные исследователи подчёркивают их экспрессивную природу, определяя через способность создавать художественные характеристики [2]. Хотя А.А. Потебня предлагает изучать эпитет как форму, объединяющую тропы [11], большинство учёных однозначно относят его к тропам, акцентируя потенциал к образному переосмыслению [5].

4. Отличительной чертой четвертого подхода к толкованию эпитета является одновременное выделение его образной функции и грамматического оформления. Здесь эпитет трактуется как стилистический прием, способный реализовываться через различные части речи: прилагательные, существительные-приложения, наречия и развернутые описательные конструкции [12].

5. Пятый тип определений эпитета характеризуется акцентом на его эмотивно-оценочном потенциале. Как отмечает Л.М. Крупчанов, эпитет не только выделяет объекта, но и привносит эмоциональную окраску, обогащая его восприятие [8]. Особое внимание уделяется метафорическим эпитетам, которые создают новые смысловые пласты через трансформацию семантической структуры [10].

6. Шестая группа дефиниций эпитета представляет собой синтез его тропеической природы с аксиологической функцией, где эпитет рассматривается не только как средство создания художественных образов, но и как инструмент выражения ценностных ориентаций автора. Согласно исследованиям, данное направление подчеркивает возможность эпитета транслировать мировоззренческие установки и оценочные суждения через систему языковых маркеров [3].

Анализ различных подходов показывает, что эпитет рассматривают и как характеризующее слово, и как образное средство, и как носитель эмоциональной оценки. Современная наука стремится к комплексному изучению этого феномена, объединяя его тропеическую природу, экспрессивную функцию и грамматические особенности.

В результате проведенного исследования на основе вышеперечисленных подходов было установлено, что статусно-маркирующие характеристики эпитета проявляются в следующих аспектах. Иерархическое распределение эпитетов отражает структуру административного дискурса: обязательные эпитеты, выражающие существенные свойства, становятся прерогативой высших статусных позиций, тогда как подчиненные используют преимущественно факультативные характеристики. Прагматический потенциал эпитета позволяет транслировать ценностные ориентации и мировоззренческие установки через систему оценочных суждений. Креативная составляющая метафорических эпитетов служит индикатором интеллектуального статуса говорящего. Эмотивно-оценочный компонент становится инструментом воздействия на коллективное сознание и формирования эмоционального климата. Грамматическое варьирование также отражает статусные различия: развернутые конструкции характерны для официального общения, а краткие формы используются в горизонтальной коммуникации.

Административный дискурс – это система формальных текстов и коммуникативных практик, регулируемых иерархическими нормами, которые производятся, распространяются и легитимируются в рамках институциональных структур [1]. Речь руководителя в таком дискурсе является перформативным актом, постоянно подтверждающим его властную позицию. С точки зрения теории социального статуса, язык становится одним из ключевых средств его конструирования и демонстрации. Как отмечает В.И. Карасик, язык социального статуса – это совокупность вербальных и невербальных средств, с помощью которых говорящий указывает на своё место в социальной иерархии [7]. Эпитет, будучи концентрированным выражением оценки, идеально подходит для выполнения этой роли.

В отличие от художественной речи, где эпитеты выполняют преимущественно эстетическую и экспрессивную функции, в административном дискурсе они приобретают особый статусно-ориентированный характер, подчиняясь требованиям точности, стандартизации и нейтральности. Здесь они играют важную роль в структурировании информации, акцентировании ключевых аспектов, формировании официального тона сообщения и в процессе утверждения власти и авторитета.

На основе анализа употребления эпитета в литературных текстах, с учётом его статусообразующей функции можно выделить следующие случаи его функционирования в речи англоязычного руководителя в административном дискурсе:

1. Атрибутивно-классифицирующая функция становится инструментом институционального доминирования, поскольку право давать окончательные определения и классификации является исключительной прерогативой руководителя. Через эпитеты-характеристики (strategically important project, fundamental issue) проис-

ходит не только описательное обозначение явлений, но и их статусное ранжирование, устанавливающее иерархию значимости в организационном восприятии.

2. Образно-художественная функция трансформируется в средство символического капитала. Способность создавать яркие метафорические эпитеты (flagship project, targeted solutions) демонстрирует интеллектуальное превосходство и творческий потенциал говорящего, что усиливает его символический статус и воспринимаемую компетентность.

3. Эмотивно-оценочная функция непосредственно реализует статусные привилегии через механизм навязывания эмоциональных реакций. Эпитеты с оценочной семантикой (catastrophic miscalculations, brilliant prospects) не только выражают личное отношение, но и предписывают коллективный эмоциональный отклик, закрепляя за руководителем право на эмоциональное лидерство.

4. Аргументативно-персуазивная функция служит механизмом скрытого властного воздействия. Например, контрастные эпитеты (not our outdated approach, but their innovative solution) могут создавать бинарные противопоставления, позволяющие безапелляционно навязывать определенную картину реальности и доминировать в дискурсивном пространстве.

Рассмотрим примеры.

Chief Editor: All right, so, September. Sienna. I think we are in excellent shape, right? It's all feathers.

Employee: I think this is really cute. Do you?

Chief Editor: Big bird. Andrea, I hear you didn't like Calvin.

Andrea: I thought it was clinical.

Employee: Yeah, the jacket is the new coat. The look is sexy.

Chief Editor: The look is granny.

Grace: This is heaven. That's gorgeous. This should be a fashion story.

Chief Editor: But that's the problem.

Grace: It's an accessory story and that's a story crying to be done.

Chief Editor: Grace, I hear you, but it's just not what I need in the September issue. You have to really find some stories there. And you have to find stories that haven't been played out anywhere else, and I have to be on a certain scale [14].

Проведенный анализ эпитетов в речи руководителя демонстрирует их ключевую роль в качестве маркеров высокого социального статуса. Эпитет «excellent» в выражении «excellent shape» реализует атрибутивно-классифицирующую и эмотивно-оценочную функции, выполняя двойную роль: с одной стороны, он объективно характеризует состояние проекта, с другой – авторитетно утверждает его высшую оценку, не оставляя пространства для сомнений, а также создавая мотивирующий эффект. Другой эпитет «big» в конструкции «big bird» также выполняет атрибутивно-оценочную функцию, одновременно становясь компонентом метафорического образа, усиленного гиперболизацией. Ключевым является его контрастивно-оценочная роль: он выступает как прямое и безапелляционное противопоставление оценке подчинённого (really cute), что является ярким проявлением статусного доминирования.

Особый интерес представляет употребление эпитета «granny», осуществляющего эмотивно-оценочную функцию с выраженной негативной коннотацией. Данный пример иллюстрирует использование руководителем образных средств для имплицитного, но эффективного выражения несогласия с предложенной концепцией. Примечательно, что негативная оценка даётся не прямо, а через ироничный образ, что соответствует принципам вежливого общения в профессиональной среде.

President: Good morning, everyone. Last night I couldn't sleep because I feel... even heavier burden on my shoulder. You guys gave me a chance to make FGA better. My goal is gonna work with the team to make sure every single issue I cannot resolve overnight, but give me some time. Can we do this? Yeah? All right, one more thing: life is short. We're one family. We create the miracle. We need to create success forever. Let's make America great again [13].

В речи руководителя эпитет «heavier», прежде всего, классифицирует степень его нагрузки, придавая ей количественную определенность. Одновременно он передает эмоциональное состояние говорящего, формируя у аудитории сопереживание. Наконец, он служит обоснованием для будущих трудностей, выполняя аргументативную роль. Таким образом, эпитет функционирует как инструмент консолидации статусных позиций, акцентируя эксклюзивность и повышенную степень ответственности, ассоциированную с ролью коммуниканта.

Эпитет «great» в финальной фразе выполняет функцию ключевого статусно-идеологического маркера, выходя за рамки позитивной оценочности. Он обладает многоплановым эффектом, одновременно обозначая желаемое качественное состояние и актуализируя исторические ассоциации, что создает мощный эмоциональ-

ный резонанс у аудитории. Этот лингвистический элемент работает на нескольких уровнях: как оценочный маркер, выражающий позитивное отношение; как эмоциональный катализатор, пробуждающий патриотические чувства; и как действенный побудительный сигнал, мобилизующий слушателей.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что в административном англоязычном дискурсе эпитеты выходят за рамки простого описания и становятся стратегическими инструментами формирования статусной идентичности. Несмотря на обусловленность нормами точности и стандартизации, они не только сохраняют, но и интенсифицируют свои базовые функции – атрибутивно-классифицирующую, образно-художественную, эмотивно-оценочную и аргументативно-персуазивную, подчиняя их реализации основной прагматической задачи: легитимации властных полномочий, укрепления авторитета и акцентуации эксклюзивной социальной роли коммуниканта. Практический анализ речи англоязычных руководителей демонстрирует, что эпитеты не только структурируют информацию, но и служат инструментом воздействия, формируя эмоциональный отклик и направляя восприятие аудитории.

Список источников

1. Барсегян В.М. Административный дискурс: структура, объем, практики производства и легитимации текстов // ЖССА. 2018. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnyy-diskurs-struktura-obem-praktiki-proizvodstva-i-legitimatsii-tekstov (дата обращения: 13.07.2025).

2. Белова Е.Е., Архипова М.В., Шапиро Э.Д. Употребление эпитета в англоязычной прессе // Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (78). С. 11 – 15.

3. Булахова Н.П., Сковородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-epitet-predugotovlenie-k-funktsionalnoy-harakteristike (дата обращения: 17.07.2025).

4. Веселовский А.Н. Из истории эпитета. М.: РГГУ, 2012. 919 с.

5. Глушкова В.Г. Эпитеты в научной речи // Инновации в образовании: поиск и решения: материалы международной научно-практической конференции. Белгород, 17-18 марта 2020 года. Белгород: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2020. С. 96 – 105.

6. Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник ОмГУ. 2011. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnaya-praktika-kak-nablyudaemaya-realnost (дата обращения: 01.07.2025).

7. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.

8. Крупчанов Л.М., Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Эпитет // Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. С. 469 – 470.

9. Медведева Е.Р., Яремчук Е.А. Использование эпитетов как художественно-стилистический прием в публицистических статьях мужских и женских журналов // Символ науки. 2021. № 11-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-epitetov-kak-hudozhestvenno-stilisticheskiy-v-publitsisticheskih-statyah-muzhskih-i-zhenskih-zhurnalov (дата обращения: 16.07.2025).

10. Мурашкина О.В., Дедова О.М., Корнев В.А. Метафорические эпитеты и их стилистические функции // Язык и текст. 2022. Т. 9. № 2. С. 21 – 34. URL: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2022_n2/Murashkina_et_al (дата обращения: 16.07.2025).

11. Потебня А.А. Теоретическая поэтика / сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.

12. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь лингвистических терминов. М.: АСТ, Астрель, 2001. 642 с.

13. Богнар С., Райхерт Д. American Factory: документальный фильм. Higher Ground Productions, Participant Media. США, 2019. URL: https://www.imdb.com/title/tt9351980/ (дата обращения: 29.07.2025).

14. Катлер Р.Дж. The September Issue: документальный фильм. A&E IndieFilms, Actual Reality Pictures. США, 2009. URL: https://vk.com/video-47459147_456240957 (дата обращения: 01.07.2025).

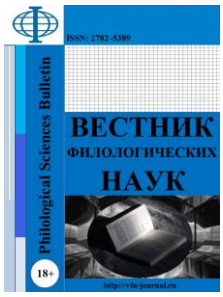
References

1. Barsegyan V.M. Administrative Discourse: Structure, Volume, Practices of Text Production and Legitimation. ZhSSA. 2018. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnyy-diskurs-struktura-obem-praktiki-proizvodstva-i-legitimatsii-tekstov (date of accessed: 13.07.2025).
2. Belova E.E., Arkhipova M.V., Shapiro E.D. Use of the Epithet in the English-Language Press. Humanitarian Studies. 2021. No. 2 (78). P. 11 – 15.
3. Bulakhova N.P., Skovorodnikov A.P. Towards a Definition of the Concept of Epithet (Preparation for a Functional Characteristic). Ecology of Language and Communicative Practice. 2018. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-epitet-predugotovlenie-k-funktsionalnoy-harakteristike (date of accessed: 17.07.2025).
4. Veselovsky A.N. From the History of the Epithet. Moscow: RSUH, 2012. 919 p.
5. Glushkova V.G. Epithets in Scientific Speech. Innovations in Education: Search and Solutions: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Belgorod, March 17-18, 2020. Belgorod: Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education "Belgorod University of Cooperation, Economics and Law", 2020. P. 96 – 105.
6. Issers O.S. Discursive Practice as Observable Reality. Omsk State University Bulletin. 2011. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnaya-praktika-kak-nablyudaemaya-realnost (date of accessed: 01.07.2025).
7. Karasik V.I. Language of Social Status. Moscow: Gnosis, 2002. 333 p.
8. Krupchanov L.M., Timofeev L.I., Turaev S.V. Epithet. Dictionary of Literary Terms. M.: Prosveshchenie, 1974. P. 469 – 470.
9. Medvedeva E.R., Yaremchuk E.A. The Use of Epithets as an Artistic and Stylistic Device in Journalistic Articles of Men's and Women's Magazines. Symbol of Science. 2021. No. 11-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-epitetov-kak-hudozhestvenno-stilisticheskiy-v-publitsisticheskih-statyah-muzhskih-i-zhenskih-zhurnalov (date of accessed: 16.07.2025).
10. Murashkina O.V., Dedova O.M., Kornev V.A. Metaphorical Epithets and Their Stylistic Functions. Language and Text. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 21 – 34. URL: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2022_n2/Murashkina_et_al (date of accessed: 16.07.2025).
11. Potebnya A.A. Theoretical Poetics. Compiled, introduced, commented by A.B. Muratova. Moscow: Vysshaya shkola, 1990. 344 p.
12. Rosenthal D.E., Telenkova M.A. Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: AST, Astrel, 2001. 642 p.
13. Bognar S., Reichert D. American Factory: a documentary film. Higher Ground Productions, Partici-pant Media. USA, 2019. URL: https://www.imdb.com/title/tt9351980/ (date of accessed: 29.07.2025).
14. Cutler R.J. The September Issue: Documentary. A&E IndieFilms, Actual Reality Pictures. USA, 2009. URL: https://vk.com/video-47459147_456240957 (date of accessed: 01.07.2025).

Информация об авторах

Кадильникова Л.А., *старший преподаватель, Волгоградский государственный технический университет, kadilnikova2009@mail.ru*

© Кадильникова Л.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.351.12

[1, 2] Оцомиева-Тагирова З.М.

[1] Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
[2] Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы

Лингвокультурологический анализ оронимов горного Дагестана

Аннотация: *в статье проводится комплексный лингвокультурологический анализ оронимов (названий элементов рельефа) в аварском языке. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения и изучения языкового наследия народов Дагестана, которое содержит в себе уникальную информацию об историческом, культурном и хозяйственном опыте этноса. Материалом для исследования послужил корпус оронимов, собранный в горном Дагестане. В работе применялись описательный, сравнительно-сопоставительный, лингвокультурологический и этимологический методы. Установлено, что аварская оронимическая система является высокоструктурированной и базируется на ключевых топоосновах гохI («холм») и мегIер («гора»), которые образуют серийные названия. Выявлены и классифицированы основные семантические группы оронимов, описывающие природные характеристики, размер, местоположение, флору и фауну, а также отражающие хозяйственную деятельность, историю, социальное устройство (антропонимические и этнонимические названия) и духовную культуру аварского народа. Научная новизна заключается в системном подходе к изучению оронимов как этнокультурных маркеров. Результаты исследования подтверждают, что географические названия формируют многослойный текст, кодирующий мировоззрение и историческую память их создателей. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее материалов в фундаментальных трудах по кавказоведению, при составлении словарей и в краеведческой работе.*

Ключевые слова: *аварский язык, языковая картина мира, топонимия, лингвокультурология, оронимы, микротопонимия, семантика, антропонимия, культурный код*

Для цитирования: Оцомиева-Тагирова З.М. Лингвокультурологический анализ оронимов горного Дагестана // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 191 – 195.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1, 2] Otsomieva-Tagirova Z.M.

[1] Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
[2] Institute of Language, Literature, and Art named after G. Tsadasa

Linguistic and cultural analysis of the oronyms of mountainous Dagestan

Abstract: *this article provides a comprehensive linguistic and cultural analysis of oronyms (names of relief elements) in the Avar language. The relevance of the research is due to the need to preserve and study the linguistic heritage of the peoples of Dagestan, which contains unique information about the historical, cultural and economic expe-*

rience of the ethnic group. The material for the study was a corpus of oronyms collected in mountainous Dagestan. Descriptive, comparative, linguocultural and etymological methods were used in the work. It has been established that the Avar oronymic system is highly structured and is based on the key toponyms gohI ("hill") and megIer ("mountain"), which form serial names. The main semantic groups of oronyms have been identified and classified, describing natural characteristics, size, location, flora and fauna, as well as reflecting economic activity, history, social structure (anthroponymic and ethnonymic names) and the spiritual culture of the Avar people. The scientific novelty lies in a systematic approach to the study of oronyms as ethnocultural markers. The results of the study confirm that geographical names form a multi-layered text encoding the worldview and historical memory of their creators. The practical significance of the work lies in the possibility of using its materials in fundamental works on Caucasian studies, in compiling dictionaries and in local history work.

Keywords: *the Avar language, linguistic worldview, toponymy, linguoculturology, oronyms, microtoponymy, semantics, anthroponymy, cultural code*

For citation: Otsomieva-Tagirova Z.M. Linguistic and cultural analysis of the oronyms of mountainous Dagestan. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 191 – 195.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Лингвокультурологический анализ оронимов предполагает рассмотрение названий не только как лингвистических единиц, но и как культурных кодов, отражающих мировоззрение и практический опыт этноса. Оронимия Горного Дагестана формировалась в условиях исключительной этнической и языковой пестроты, что делает ее уникальным объектом для исследования. Массив оронимов региона представляет собой многослойный палимпсест, где пласты названий разного происхождения (тюркские, персидские, арабские, собственно дагестанские (в статье не ставился вопроса раскрытия данной проблемы)) накладываются друг на друга, создавая сложную семантическую картину. Исследование топонимии, в частности оронимов (названий элементов рельефа), является актуальным направлением в современной лингвистике и культурологии. Оронимы выступают не только как лингвистические факты, но и как хранители исторической памяти, экологического опыта и культурных кодов этноса [1, с. 5-18]. Изучение аварской оронимии горного Дагестана позволяет реконструировать особенности мировосприятия и хозяйственной деятельности местного населения, его взаимодействия со сложной горной средой, что представляет особый интерес в условиях глобализации и стирания традиционных культур. Теоретической основой работы стали фундаментальные исследования в области ономастики и топонимики (труды В.А. Никонова, А.В. Суперанской, Э.М. Мурзаева), а также работы дагестанских ученых, посвященные изучению топонимии региона. Ключевым принципом является понимание топонима как многослойного феномена, отражающего исторические, географические и лингвистические процессы [3, с. 33-40]. Целью является комплексный лингвокультурологический анализ системы оронимов в аварском языке, выявление их структурно-семантических особенностей и культурно-исторического содержания. Научная новизна заключается в комплексном подходе к изучению аварских оронимов не только как лингвистических единиц, но и как этнокультурных маркеров. На системной основе выявлены и проанализированы модели онимов, связанные с антропонимическим, этнонимическим и мифологическим пластами, что позволяет углубить понимание процессов формирования языковой картины мира народов Дагестана.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужил корпус оронимов, собранный на территории традиционного расселения авароязычных народов в горном Дагестане. В работу включены как единичные номинации, так и серийные названия с повторяющимися топоосновами. Методы исследования: для решения поставленных задач применялся комплекс методов: описательный метод (сбор, систематизация и классификация оронимов); сравнительно-сопоставительный анализ (выявление сходств и различий в номинации географических объектов в разных диалектах аварского языка); лингвокультурологический анализ (интерпретация оронимов как источников культурно-исторической информации).

Результаты и обсуждения

Структурно-семантические особенности аварских оронимов. Топонимическая система народов, исторически проживающих в горных местностях, отличается высокой степенью детализации и адаптивностью к точному описанию особенностей рельефа [9]. Аварская оронимия не является исключением, демонстрируя

богатый арсенал терминов: бакълъи «солнечный склон», кIкIал «ущелье», бетIер «вершина». Основные семантические группы оронимов: описывающие форму, размер, локацию объекта; связанные с флорой / фауной; отражающие хозяйственную деятельность, историю, антропонимию и религиозные верования. Номинацию получают те объекты, которые имеют практическую или символическую значимость для локального сообщества [6, с. 79-82].

Центральное место в системе занимают два ключевых апеллятива, выступающих индикаторами объектов: гохI («холм, горка») и мегIер («гора»). Они формируют обширный пласт производных номинаций, где определение указывает на специфический признак объекта [11, с. 57-59]:

– Природные характеристики: Кьили мегIер «Седло-гора», КIирекIараб гохI «Холм с двумя вершинами», Моччол гохI «Холм глинистого сланца».

– Размер и местоположение: Гьорол гохI «Горка, где дует ветер», ГамчIи мегIер «Каменная гора», Гургинал гохIал «Круглые холмы», Кьили мегIер «Седло-гора», БегIераб гохI «Острая гора», КIудияб гохI «Большой холм», Гьоркьоб щоб «Средний холм», Нахъа мегIер «Задняя гора».

– Фауна и флора: Цидул мегIер «Медвежья гора», Рохьда мегIер «Лесная гора», БацIи мегIер «Волчья гора», ГIанкIил гохI «Заячья горка», ГIачи мегIер «Коровья гора, или гора, где пасутся коровы», ХIамигохI щоб «Ослинный холм», Бачазул шоб «Телячий холм», Хохза мегIер «Гора молодняка».

– Хозяйственная деятельность: ЦIан кьолеб гохI «Холм, где овцам дают соль», Чуял кколеб гохI «Гора, где ловят лошадей».

Важной особенностью является отсутствие в народном употреблении обобщающих названий для крупных горных систем (напр., Богосский хребет), которые существуют лишь как официальные картографические обозначения. Вместо этого микротопонимия детально описывает каждый значимый объект в непосредственной близости от селения. Структурно-семантические особенности аварских оронимов представляют собой сложную и многогранную систему, отражающую глубинные связи языка, мышления и природной среды аварского народа. Исследование выявило, что оронимы не просто называют географические объекты, но и выступают ценным источником информации по истории, мифологии, хозяйственной деятельности и духовной культуре этноса. Таким образом, изучение аварской оронимии вносит значительный вклад не только в лингвистику, но и в смежные дисциплины – этнографию, краеведение и историю.

Оронимы как источник культурно-исторической информации. Оронимия региона выступает в качестве ценнейшего источника культурно-исторической информации, зачастую не отраженной в письменных документах. Анализируя названия гор, долин и рек, мы можем сделать выводы об этнических процессах, миграциях населения, давно забытых языках и религиозных верованиях. Оронимы выполняют функцию исторического памятника, сохраняя для последующих поколений память о взаимодействии человека и природной среды [3, с. 33-40].

– Ономастическое пространство отражает социально-исторические процессы. Так, становление феодальных отношений, связанных с землевладением, породило пласт антропонимических оронимов: ГIарашил мегIер «Горы Араша» в Анди, ГIаличол гохI «Холм Аличо», МагьдимегIер «Гора Магди», ГIисал гохI «Холм Исы».

– Другой значительный пласт составляют этнонимические названия, закрепляющие связь территории с определенными родами и обществами: Гьидерил мегIер «Гора гидатлинцев», ЧIикIасезул щобал «Пастбищные угодья селения Чиркей», Ругъеждерил щоб «Ругуджинская гора».

– Историческая память о военных конфликтах закодирована в названиях, связанных с событиями: Къажар гъурараб гохI «Холм, где разбили каджаров» (с. Мегеб), Чолда мегIер «Гора, на которую поднялся Надиршах» (окрестности с. Согратль), Шухбузул мегIер «Гора богатых людей», образовано от шухби «богатые люди». Формирование феодализма, сделавшего землю собственностью, породило значительное количество принадлежностных (антропонимических) названий.

– Духовная жизнь и древние верования нашли отражение в мифологических и ритуальных оронимах: ЦIад байнаб гохI «Горка, где просят у бога дождя», ЩайтIабазул кIкIал «Ущелье чертей», ГIеласул гохI «Горка сельского глашатая». Особый интерес представляют оронимы (названия гор и возвышенностей), которые в традиционной культуре служили естественными хронометрами и социальными маркерами. Они были интегрированы в повседневную жизнь и религиозные практики сообщества: Къалъуда мегIер «Гора, на котором солнце бывает ровно в полдень, т.е. солнце в зените»; Къилба мегIер «Южная гора смотрит в сторону Къиблы», ГIеласул гохI «Горка сельского чавуша, с которого он сообщает односельчанам о новостях или предстоящей колхозной работе, о мероприятиях, собрании и т.д.». Ономастическое пространство, и, в частности, оронимия, служит уникальным и незаменимым источником для реконструкции культурно-исторических процессов. Анализ оронимов позволяет получить данные, зачастую отсутствующие в письменных хрониках,

проливая свет на этногенез, хозяйственный уклад и мифологическое мировоззрение древних сообществ. Сохранение и изучение этого пласта топонимии является важной задачей для сохранения исторической памяти.

Лингвогеографический аспект. Проведенный анализ подтверждает общность понятийного аппарата у носителей разных диалектов аварского языка (бухтинского, ругуджинского, куядинского), что демонстрирует типологическое сходство природных условий и культурных моделей: диалектные варианты гухl (бухт.) литературное гохl («холм»); меэр – мегIер («гора»). Аварская оронимическая система является высокоструктурированной и детализированной, с доминированием двух ключевых топооснов (гохI, мегIер). Оронимия аварцев Дагестана формируется как односоставными номинациями, основанными на отличительном признаке объекта, так и определительными словосочетаниями, где в роли определения могут выступать антропонимы, а также названия племён и родов [12-14]. Названия гор в аварском языке представлены двумя структурными типами: простыми (однокомпонентными) как Зуберха, отражающими характерный признак объекта, и сложными (двухкомпонентными). В последних определения часто выражены именами собственными – антропонимами и этнонимами / названиями родов. ГIанди мегIер «Андийская гора», КъохIрол мегIер «Гора кахибцев», ТIекьадерил мегIер «Гора телетлинцев» – от названия аварских обществ.

Оронимы горного Дагестана представляют собой сложный многослойный феномен. Они формируют уникальную «текстовую» карту территории, где закодированы не только географические параметры, но и история, хозяйственный уклад, мировоззрение и язык создавшего их народа. Исследование отдельных оронимов в системе подобных позволяет извлекать глубинную топонимическую информацию, недоступную при изолированном рассмотрении [4, с. 464-467]. Также исследование позволяет сделать ряд фундаментальных выводов о характере и специфике аварской оронимии горного Дагестана. Оронимическая система аварского языка представляет собой не хаотичный набор названий, а стройную, высоко детализированную и логически организованную структуру [13, с. 22-32]. Ее ядро образуют ключевые топоосновы-апеллятивы (гохI, мегIер, щоб), которые выступают продуктивными моделями для создания серийных названий. Система номинации идеально приспособлена для точного ориентирования в сложном горном рельефе и отражает практические потребности общества, находящегося в постоянном взаимодействии со своей средой.

Выводы

Как показал анализ, оронимы выполняют не только навигационную функцию, но и выступают в роли культурных архивов. Они хранят в себе информацию о хозяйственном укладе (пастбищном скотоводстве, земледелии), об исторических событиях и военных конфликтах (борьба с завоевателями), о социальном устройстве (феодальные отношения, закрепленные в антропо- и этнонимических названиях) и, наконец, о духовной жизни и древних верованиях народа.

Оронимы Горного Дагестана предстают как сложный многослойный лингвокультурный феномен. Они формируют уникальную «текстовую» карту территории, где в языковой форме закодированы не только географические параметры, но и история, хозяйственный уклад, мировоззрение и коллективная память создавшего их народа. Изучение отдельных оронимов в системе их связей и противопоставлений позволяет извлекать глубинную информацию, недоступную при изолированном рассмотрении.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в проведении более детального лингвогеографического анализа с привязкой оронимов к конкретным ареалам, а также в сравнительном изучении оронимических систем разных народов Дагестана для выявления общекавказских универсалий и этноспецифических черт.

Список источников

1. Ахманова С.С. Микротопонимика как особый аспект типологии наименований // Вестник МГУ. Филология. 1966. № 3. С. 5 – 18.

2. Мурзаев Э.М. Кавказские географические термины и их параллели // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 7 – 20.

3. Юсупов Х.А., Тагирова З.М. Апеллятивная лексика в дагестанских топонимических названиях (на материале аварского и даргинского языков) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № 2. С. 33 – 40.

4. Оцомиева З.М. Объекты отрицательного рельефа в аварской топонимии // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 10 (124).

5. Тагирова З.М. Отражение ботанических и зоологических терминов в аварской топонимии // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2014. № 55. С. 106 – 109.

6. Суперанская А.В. Грамматические наблюдения над именами собственными // Вопр. языкознания. 1957. № 4. С. 79 – 82.

7. Суперанская А.В. Что такое топонимика. М: Наука, 1985. 182 с.

8. Березович Е.Л. О топонимической версии этнокультурной информации // Известия Уральского гос. Ун-та. 1997. № 7. С. 90 – 105.

9. Тагирова З.М. Гергебильский говор аварского языка: языковые особенности и топонимия. Махачкала: Алеф, 2015. 414 с.

10. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Изд-во «Индрик», 1995. 512 с.

11. Тагирова З.М. Структурирование оронимического пространства в топонимической системе аварского языка // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 12-5 (114). С. 57 – 59.

12. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного: 2-е изд., испр. М.: URSS, 2007. 366 с.

13. Оцомиева З.М., Темирбулатова С.М. Моделирование функций пространства в топонимической системе дагестанских языков // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. № 2-2. С. 22 – 32.

14. Абдуллаев И.Х. Некоторые итоги изучения дагестанской топонимии // Тезисы докладов научной сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков Северного Кавказа. Махачкала, 1965. С. 75 – 77.

15. Агеева Р.А. Системы номинации в региональной микрооронимии // Топонимия России / под ред. А.В. Барандеев. М.: МЦ РГО, 1993. С. 9 – 28.

References

1. Akhmanova S.S. Microtoponymy as a special aspect of the typology of names. Bulletin of Moscow State University. Philology. 1966. No. 3. P. 5 – 18.

2. Murzaev E.M. Caucasian geographical terms and their parallels. Onomastics of the Caucasus. Makhachkala, 1976. P. 7 – 20.

3. Yusupov Kh.A., Tagirova Z.M. Appellative vocabulary in Dagestan toponymic names (on the material of the Avar and Dargin languages). Philological sciences. Scientific reports of higher education. 2023. No. 2. P. 33 – 40.

4. Otsomieva Z.M. Objects of negative relief in Avar toponymy. International scientific research journal. 2022. No. 10 (124).

5. Tagirova Z.M. Reflection of botanical and zoological terms in Avar toponymy. Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 55. P. 106 – 109.

6. Superanskaya A.V. Grammatical observations on proper names. Issues of Linguistcs. 1957. No. 4. P. 79 – 82.

7. Superanskaya A.V. What is toponymy? Moscow: Nauka, 1985. 182 p.

8. Berezovich E.L. On the toponymic version of ethnocultural information. Bulletin of the Ural State University. 1997. No. 7. P. 90 – 105.

9. Tagirova Z.M. Gergebil Dialect of the Avar Language: Linguistic Features and Toponymy. Makhachkala: Alef, 2015. 414 p.

10. Tolstoy N.I. Language and Folk Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics. Moscow: Indrik Publishing House, 1995. 512 p.

11. Tagirova Z.M. Structuring the Oronymic Space in the Toponymic System of the Avar Language. International Research Journal. 2021. No. 12-5 (114). P. 57 – 59.

12. Superanskaya A.V. General Theory of Proper Names: 2nd ed., corr. M.: URSS, 2007. 366 p.

13. Otsomieva Z.M., Temirbulatova S.M. Modeling of spatial functions in the toponymic system of the Dagestani languages. Philological sciences. Scientific reports of higher education. 2024. No. 2-2. P. 22 – 32.

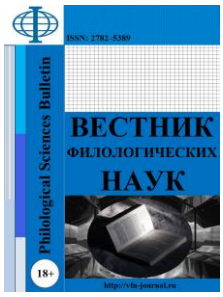
14. Abdullaev I.Kh. Some results of the study of Dagestani toponymy. Abstracts of reports of the scientific session on comparative-historical study of the Iberian-Caucasian languages of the North Caucasus. Makhachkala, 1965. P. 75 – 77.

15. Ageeva R.A. Systems of nomination in regional micro-oronymy. Toponymy of Russia. Edited by A.V. Barandeev. M.: MC RGO, 1993. P. 9 – 28.

Информация об авторах

Оцомиева-Тагирова З.М., *кандидат филологических наук, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, zabi011@yandex.ru*

© Оцомиева-Тагирова З.М., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 821.111

[1] Портнягин Д.В. ***[1] Курганский государственный университет***

«Самокритика слова» в романе Г. Грина «Тихий американец»

Аннотация: *статья посвящена анализу романа Грэма Грина «Тихий американец» (1955) как метапрозаического текста, центральной проблемой которого является исследование возможностей и границ письма в его соотношении с реальностью. В работе доказывается, что роман осуществляет последовательную «самокритику слова» – ключевую категорию поэтики М.М. Бахтина, – подвергая рефлексии различные дискурсивные практики (новостной репортаж, политический трактат, поэзию, личную переписку) и демонстрируя их несостоятельность или ангажированность в попытке адекватной репрезентации сложной политической и культурной реальности Вьетнама.*

Конфликт между главными героями, английским журналистом Фаулером и американским дипломатом Пайлом, интерпретируется не только как идеологический или личный, но и как эпистемологический: он раскрывает противоречие между циничным неверием в репрезентативный потенциал текста и его идеализацией.

Ключевые слова: *Грэм Грин, «Тихий американец», самокритика слова, дискурс, репрезентация, роман, письмо, Вьетнам, ориентализм*

Для цитирования: Портнягин Д.В. «Самокритика слова» в романе Г. Грина «Тихий американец» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 196 – 201.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Portnyagin D.V. ***[1] Kurgan State University***

"Self-criticism of the word" in Graham Greene's novel "The Quiet American"

Abstract: *the article analyzes Graham Greene's novel "The Quiet American" (1955) as a metaprose text, the central issue of which is the exploration of the possibilities and limitations of writing in its relation to reality. The study argues that the novel consistently implements the "self-criticism of the word" – a key concept in M.M. Bakhtin's poetics – by reflecting on various discursive practices (news reporting, political treatise, poetry, private correspondence) and demonstrating their inadequacy or bias in attempting to adequately represent the complex political and cultural reality of Vietnam.*

The conflict between the main characters, the English journalist Fowler and the American diplomat Pyle, is interpreted not only as ideological or personal but also as epistemological: it reveals the contradiction between cynical disbelief in the representational potential of the text and its idealization.

Keywords: *Graham Greene, "The Quiet American", self-criticism of the word, discourse, representation, novel, writing, Vietnam, orientalism*

For citation: Portnyagin D.V. "Self-criticism of the word" in Graham Greene's novel "The Quiet American". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 196 – 201.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Роман Грэма Грина «Тихий американец» (1955) представляет собой полидискурсивное образование, в котором взаимодействуют разнородные нарративные модусы: от военного эпоса и истории любви до ориентального экзотизма и актуальной журналистики. Сам писатель в автобиографии «Пути спасения» (1980) утверждал: «Perhaps there is more direct reportage in The Quiet American than in any other novel I have written» [6, с. 146]. Норман Шерри (1925-2016) с энтузиазмом поддержал это замечание, заявив, что роман глубоко основан на личных наблюдениях Грина: «Many of his experiences find their way directly into the novel and what can be discovered about the people he came to know illustrates his creative process» [10, с. 373]. Кроме того, «Тихий американец» вступает в интертекстуальный диалог с корпусом романных произведений – от «Дон Кихота» до более раннего текста самого Грина «Конец романа» (1951). Представляется, что посредством тематизации письма роман осуществляет процесс рефлексии, выступая в качестве примера текста, которому присуща одновременно критическая и самокритическая функция. В рамках данной статьи предлагается интерпретировать «Тихого американца» как метапрозаическое высказывание о природе письма и на этом основании продемонстрировать, что «самокритика слова», в соответствии с концепцией М.М. Бахтина, является имманентным свойством романного жанра: «Эта самокритика слова – существенная особенность романного жанра. Слово критикуется в его отношении к действительности: в его претензиях верно отражать действительность, управлять действительностью и перестраивать её (утопические претензии слова), подменять действительность как её суррогат (мечта и вымысел, заменяющие жизнь)» [1, с. 168].

Материалы и методы исследований

Методологическую основу настоящего исследования составляет комплексный подход, интегрирующий методы дискурс-анализа, нарратологического и интертекстуального анализа, а также историко-литературный и биографический методы. В качестве материала исследования привлекается корпус текстов, включающий роман Г. Грина «Тихий американец» в его лингвистическом и концептуальном своеобразии, теоретические работы М.М. Бахтина о природе романного слова, критическую и научную литературу, автобиографические и публицистические произведения самого Грина. Уделяется внимание контекстуальным источникам – историческим документам, периодике и материалам, отражающим идеологический и культурный фон эпохи. Такой методологический синтез позволяет осуществить многомерный анализ романа как метапрозаического высказывания, раскрывающего механизмы самокритики слова в его отношении к действительности.

Результаты и обсуждения

М.М. Бахтин высказывал сомнения относительно категоризации романа как жанра в традиционном понимании, рассматривая его скорее, как сознательно структурированный гибрид языков, порожденный способностью к ассимиляции разнородных дискурсивных форм. Согласно позиции Бахтина, изложенной в работе «Эпос и роман», роману присуще скептическое отношение к иным жанрам:

«Роман … плохо уживается с другими жанрами. Ни о какой гармонии на основе взаиморазграничения и взаимодополнения не может быть и речи. Роман пародирует другие жанры (именно как жанры), разоблачает условность их форм и языка, вытесняет одни жанры, другие вводит в свою собственную конструкцию, переосмысливая и переакцентуируя их» [1, с. 610]. Как отмечал Майкл Холквист (1935-2016) во введении к бахтинским эссе в работе «The Dialogic Imagination», роман может быть интерпретирован либо как «сверхжанр», обладающий способностью поглощать и трансформировать иные жанры (со свойственными каждому из них особыми языками), либо как явление, выходящее за рамки традиционных жанровых категорий [7, с. xxix].

В рамках бахтинской поэтики каноническим примером реализации указанных принципов, будучи охарактеризованным самим теоретиком как «классический и чистейший образец романного жанра» [1, с. 78] выступает роман Сервантеса «Дон Кихот». Данное произведение интенсифицирует непрерывный диалогический конфликт между романтизированными иллюзиями, порожденными литературными дискурсами, и дискредитирующим их опытом действительности. При традиционном обращении к бахтинской концепции романа исследовательский фокус закономерно смещается в сторону масштабных полифонических произведений – от сервантесовского творения до «Братьев Карамазовых» Достоевского, – для которых характерны разветвленная система персонифицированных голосов, сложное взаимодействие институциональных дискурсов, стилистических традиций и межличностных коммуникаций.

Применение бахтинского аналитического инструментария к относительно лаконичному и лишенному комического пафоса тексту «Тихого американца» позволяет выявить метапрозаическую природу романа.

«Тихий американец» Г. Грина деконструирует романтизированный образ творца как героя. Протагонист, английский журналист Томас Фаулер, воспринимает свою профессию исключительно как инструмент легитимации пребывания во Вьетнаме. Цензура принуждает его к самоограничениям в подаче материалов.

Примечательно, что сам жанр военного репортажа в романе проблематизируется как дискурсивная практика, не гарантирующая репрезентативной достоверности. Яркой иллюстрацией служит эпизод, в котором экономический атташе хвалит репортаж Билла Грэнджера «Дорога в ад» за его натуралистичность, тогда как сам журналист признаётся, что никогда не посещал описываемую локацию [2, с. 49]. Указанный контекст объясняет скептицизм Фаулера относительно потенциала письма, выраженный в его реплике: «You know, if you live in a place for long you cease to read about it» [4, с. 21].

Основанный на опыте прагматичный скепсис Фаулера противостоит идеализированной вере «тихого американца» Пайла в силу дискурса.

Персонаж Олдена Пайла характеризуется исключительной начитанностью и специфическим подходом к отбору литературы. Он демонстрирует неизменное почтение к авторам, которых определяет как «серьёзных писателей» – категории, из которой исключены романисты, поэты и драматурги. Особенно высоко он ставит мнение Йорка Хардинга, автора книги «Наступление Красного Китая». Именно доктринальные построения Хардинга относительно Юго-Восточной Азии становятся идейной основой для трагического вмешательства Пайла в создание «третьей силы» во Вьетнаме, что выражается в поставках взрывчатых веществ генералу Тхе (Thế, 1922-1955), приведших к гибели гражданского населения.

Раздражение Фаулера в отношении Пайла содержит элементы геополитического и интеллектуального противостояния: обиду представителя старой колониальной империи на выскочку-гегемона, а также профессиональное презрение практика к кабинетному теоретику, находящее параллели в киплинговской сатире на парламентария Пэджета [8]. Однако сущностный конфликт лежит в противопоставлении веры и неверия в онтологический статус письма. Если Пайл воспринимает тексты Хардинга как прямое руководство к действию, то Фаулер подвергает сомнению саму возможность адекватного отражения сложных местных реалий в политическом дискурсе. Данная антиномия последовательно развёртывается в полемических диалогах начальных глав романа.

Структурная организация нарратива в «Тихом американце» характеризуется сложной хронологической инверсией: гибель Олдена Пайла, в которой Томас Фаулер выступает соучастником, декларируется в начальных фрагментах текста, однако эксплицитное описание данного события откладывается. Эта нарративная апория функционирует как метатекстовый сигнал, указывающий на разрыв между дискурсивными практиками и референциальной реальностью.

Первым действием Фаулера после полицейского допроса становится создание журналистского текста под заголовком «American official murdered in Saigon». Этот акт письма представляет собой синкретический процесс текстуализации и одновременной фальсификации произошедшего, где нарратив становится инструментом сокрытия вины. Показательно, что институциональные системы воспроизводят аналогичную модель: французский инспектор Виго открыто признаёт, что его отчёт не направлен на установление истины («I'm just making a report, that's all» [4, с. 27]), а американский экономический атташе использует телеграфное сообщение родителям Пайла для конструирования идеологизированного мифа («Grieved to report your son died a soldier's death in cause of Democracy» [4, с. 31]). Грин демонстрирует, что письмо – особенно в его институциональных формах – оказывается радикально дистанцированным от актуального опыта, будь то наивный идеализм, циничная манипуляция или бюрократический ритуализм.

Даже в тех случаях, когда письмо в романе демонстрирует относительную фактическую точность, оно предстаёт недостаточным ответом на экзистенциальный опыт. Кредо Фаулера – «не вмешиваться» – приобретает характер мировоззренческого принципа: «My fellow journalists called themselves correspondents; I preferred the title of reporter. I wrote what I saw. I took no action – even an opinion is a kind of action» [4, с. 27]. Эта позиция персонажа перекликается с отсутствием самого Грина в сборнике 1937 года «Authors Take Sides on the Spanish Civil War», который можно рассматривать как иллюстрацию степени вовлечённости писателей-британцев в общественно-политическую проблематику того периода (только 16 из 148-ми опубликовавших ответы авторов были заявлены как нейтральные) [3].

Вымышленный персонаж Фаулер наследует эту стратегию уклонения. Статья Фаулера о войне теряет свою выразительность из-за цензуры и его собственного отказа от оценочных суждений. Холодная объективность исключает эмоциональную вовлечённость. И снова, эта позиция соответствует журналистскому кредо самого Грина, изложенному в его рецензии от 13 июня 1941 года на «Report on England» (1940) Ральфа Ингерсолла (Ingersoll, 1900-1985). Грин хвалит способность американского журналиста занять позицию внешнего наблюдателя при описании бомбардировок Лондона (the Blitz), отмечая:

«Mr Ingersoll, just because he was not personally involved and was enormously interested, allows us to see the war momentarily from the outside. [...] The book is not written in terms of adulation; there are as many stories of muddle as of heroism; of selfishness as of self-sacrifice, but it does give an honest picture (inaccurate only in small details), and it is written with imaginative sympathy - which is better than emotional sympathy» [5, с. 96-97].

Критика Фаулером Пайла – «He was young and ignorant and silly and he got involved» [4, с. 32] – основана на убеждении, что письмо противоположно реальности: «He never saw anything he hadn't heard in a lecture-hall, and his writers and lecturers made a fool of him» [4, с. 32]. Несколькими страницами ранее, найдя в библиотеке Пайла «Физиологию брака», Фаулер замечает: «Perhaps he was studying sex, as he had studied the East, on paper» [4, с. 28].

Печальная ирония заключается в том, что желание Фаулера видеть Пайла читающим воскресные приложения к газетам с «какой-нибудь американочкой, которая читает книжки только по выбору своего клуба» [2, с. 45] – раскрывает его собственный снобизм и цинизм. Он рассматривает массовое чтение как инструмент конформизма, создающий иллюзию безопасности посредством интеллектуальной ограниченности. Таким образом, письмо для Фаулера делится на два типа: опасное (теоретическое, идеологическое) и безопасное (бытовое, конформистское), причём оба в конечном счёте не подходят для передачи сложности реального мира.

В противовес политическим наукам и пресс-релизам, которые в различной степени искажают действительность, Фаулер усматривает иной тип письма, способный, по его мнению, передать подлинную сущность Вьетнама – письмо литературное, открыто отвергаемое Пайлом как несерьёзное. Погружаясь в опиумную грезу, Фаулер обретает языковое выражение своему состоянию в стихотворении Бодлера «L'Invitation au voyage», которое высвобождает его сознание для синестетических ассоциаций: от аромата опиума и женского тела к цветам и каналам Северного Вьетнама, а затем – к удовлетворению, инерции и нежеланию возвращаться домой.

Бодлеровская лирика активирует в Фаулере метафорический потенциал, представляющийся ему единственно адекватным – в рамках западного языка – средством репрезентации вьетнамского опыта. Схожий процесс наблюдается в его диалоге с Пайлом, когда последний обращается к нему за разъяснениями о стране. Фаулер предлагает молодому человеку то, что он сам называет «arid bones of background», признавая, что подлинный фон – «the real background» – Пайлу предстоит постичь через субъективные впечатления. Это намерение реализуется в форме лирического перечня образов:

«... the gold of the rice-fields under a flat late sun: the fishers' fragile cranes hovering over the fields like mosquitoes, the cups of tea on an old abbot's platform, with his bed and his commercial calendars, his buckets and broken cups and the junk of a lifetime washed up around his chair: the mollusc hats of the girls repairing the road where a mine had burst: the gold and the young green and the bright dresses of the south, and in the north the deep browns and the black clothes and the circle of enemy mountains and the drone of planes» [4, с. 23].

Такой же импрессионистский приём используется Грином и в его «путешественнической» прозе. В мемуарном произведении «Пути спасения» автор воспроизводит сходную поэтику очарования Индокитаем:

«The spell was first cast... by the tall elegant girls in white silk trousers, by the pewter evening light on the flat paddy fields, where the water buffaloes trudged fetlock-deep with a slow primeval gait; by the French perfumeries in the rue Catina, the Chinese gambling houses in Cholon; above all by that feeling of exhilaration which a measure of danger brings to the visitor with a return ticket: the restaurants wired against grenades, the watchtowers striding along the roads of the southern delta with their odd reminders of insecurity: "Si vous **êtes arrêtés** ou **attaqués** en cours de route, **prévenez** le chef du premier poste important"» [6, с. 136].

Подобные дескриптивные пассажи, часто оформленные посредством настоящего времени, причастных конструкций или номинального стиля, могут быть интерпретированы как способ деисторизации, репрезентирующий Восток в качестве пасторального пространства. В «Тихом американце» оксиденталистским аналогом этому служат глянцевые образы западных журналов, которые созерцает Фуонг. Подобный поэтизированный перечень чувственных впечатлений доступен лишь опытным наблюдателям и является результатом непосредственного личного опыта. Данная форма письма, способная передать эмоциональную правду о Вьетнаме, остается принципиально недоступной Пайлу, поскольку он оказывается персонажем в нарративе, который является историей его собственной гибели.

Максимальной степени искренности в письменном высказывании Фаулер достигает в сугубо приватном послании к супруге в Лондон, где, умоляя о разводе, он откровенно признаёт исключительно эгоистическую природу своих мотивов [2, с. 92]. Вместо апелляции к разуму или милосердию, он призывает её руководствоваться иррациональной привязанностью к нему – хотя он этого и не заслуживает.

Этот эпизод экстраординарен для профессионального репортёра: фиксируется физиологическая реакция на акт искреннего письма – состояние истощения, сравнимое с перенапряжением нетренированных мышц: «When I had finished I felt as though I had run a long way and strained unconditioned muscles. I lay down on the bed while Phuong made my pipe» [4, с. 100-101].

«Оазис искренности» существует в строго ограниченном приватном пространстве. Письмо выдержано в супружеско-бытовом регистре и сознательно исключает какие-либо отсылки к вьетнамскому контексту, что подчёркивает его принципиальную отъединённость от профессиональной и политической сфер. Подлинность выражения оказывается возможной лишь в пространстве интимной коммуникации, тогда как публичные формы письма неизбежно несут на себе печать конвенциональности, идеологии или отчуждения.

Участие романа Грина в бахтинской «самокритике слова» осуществляется через постоянную экспозицию к современности. Этот процесс приобретает особую значимость в контексте вьетнамской реальности 1950-х годов. По классической для Востока в целом схеме, обрисованной Саидом в «Ориентализме» [9], Вьетнам стал объектом западного дискурсивного конструирования, имевшего конкретные политические и гуманитарные последствия.

Выводы

Проведённый анализ позволяет заключить, что роман Грэма Грина «Тихий американец» представляет собой сложное метапрозаическое высказывание, осуществляющее бахтинскую «самокритику слова» через системную рефлексию о природе и возможностях письма. Вопреки каноническим полифоническим образцам, Грин демонстрирует, что даже лаконичный моноперспективный нарратив способен быть зоной «максимального близкого контакта предмета изображения с настоящим в его незавершенности» [1, с. 634], где сталкиваются и подвергаются испытанию реальностью различные дискурсивные практики.

Центральный конфликт между прагматичным скепсисом Фаулера и идеализированной верой Пайла в репрезентативную силу слова раскрывается как эпистемологическое противостояние. Роман последовательно разоблачает письмо в его институциональных формах – новостной репортаж, политическая доктрина, коммюнике – как инструмент идеологической симуляции, манипуляции и уклонения от ответственности. При этом гриновская поэтика не предлагает простой альтернативы в виде «честного» письма. Даже литература и искренняя личная переписка, хотя и способны передать эмоциональную и экзистенциальную правду, оказываются маргинальными и неспособными повлиять на ход повествования.

Таким образом, «Тихий американец» не только участвует в интертекстуальном диалоге с традицией романа, но и подтверждает её ключевой, по Бахтину, принцип: имманентную критическую рефлексию о собственном языке. Роман Грина доказывает, что эта рефлексия актуальна не только в отношении «высоких» образцов жанра, но и в условиях конкретного исторического и политического кризиса, демонстрируя несоответствие между дискурсивными конструктами и реальностью, которую они призваны описать.

Список источников

1. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Теория романа (1930-1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3. 880 с.
2. Грин Г. Тихий американец. Наш человек в Гаване. Комедианты. М.: Правда, 1986. 704 с.
3. Authors take sides on the Spanish Civil War. London: Left Review, 1937. 36 p.
4. Greene G. The Quiet American. London: William Heinemann Ltd., 1955. 247 p.
5. Greene G. Reflections. [London]: Reinhardt Books in association with Viking, 1990. 354 p.
6. Greene G. Ways of Escape. New York: Washington Square Press, 1982. 294 p.
7. Holquist M. Introduction // The Dialogic Imagination: Four Essays by M.M. Bakhtin. Austin: University of Texas Press, 1981. P. XV– XXXIV.
8. Kipling R. Pagett M.P. // The Sussex Edition of the complete works in prose and verse. Vol. XXXII: Departmental Ditties and Barrack-Room Ballads. London: Macmillan and Co., 1938. P. 49 – 51.
9. Said E. Orientalism. New York: Vintage Books, 1979. 369 p.
10. Sherry N. The Life of Graham Greene. London: Pimlico, 2004. 622 p.

References

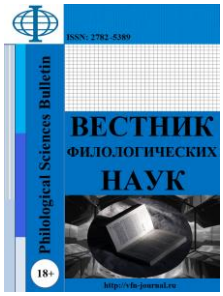
1. Bakhtin M.M. Collected Works, in 7 vol. The Theory of the Novel (1930-1961). Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2012. Vol. 3. 880 p.
2. Greene G. The Quiet American. Our Man in Havana. Comedians. Moscow: Pravda, 1986, 704 p.
3. Authors Take Sides on the Spanish Civil War. London: Left Review, 1937. 36 p.
4. Greene G. The Quiet American. London: William Heinemann Ltd., 1955. 247 p.

5. Greene G. Reflections. [London]: Reinhardt Books in association with Viking, 1990. 354 p.
6. Greene G. Ways of Escape. New York: Washington Square Press, 1982. 294 p.
7. Holquist M. Introduction. The Dialogic Imagination: Four Essays by M.M. Bakhtin. Austin: University of Texas Press, 1981. P. XV – XXXIV.
8. Kipling R. Pagett M.P. // The Sussex Edition of the complete works in prose and verse. Vol. XXXII: Departmental Ditties and Barrack-Room Ballads. London: Macmillan and Co., 1938. P. 49 – 51.
9. Said E. Orientalism. New York: Vintage Books, 1979. 369 p.
10. Sherry N. The Life of Graham Greene. London: Pimlico, 2004. 622 p.

Информация об авторах

Портнягин Д.В., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Зарубежная филология, лингвистика и преподавание иностранных языков», Курганский государственный университет, portdim73@mail.ru*

© Портнягин Д.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
УДК 81.37

[1] Албина О.Р. ***[1] Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок***

Концепты «труд» и «лень» в мансийской языковой картине мира: на материале авторских и народных сказок

Аннотация: *в данной статье исследуется репрезентация концептов «труд» и «лень» в мансийской языковой картине мира через призму авторских и народных сказок. Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом лингвокультурологии к этническим особенностям восприятия ключевых концептов человеческого бытия.*

Цель исследования – выявить специфику осмысления и оценки труда и лени как взаимосвязанных и противопоставленных категорий в мансийской культуре. Научная новизна заключается в комплексном анализе как традиционного фольклора, так и авторских произведений мансийских писателей, что позволяет проследить трансформацию и устойчивость данных концептов. Методологическую основу составили методы концептуального, контекстуального и сравнительно-сопоставительного анализа. В результате исследования установлено, что концепт «труд» в мансийской традиции сакрализован и тесно связан с гармонией человека и природы, являясь условием выживания и уважения. «Лень» осмысливается не просто как порок, но как угроза миропорядку, ведущая к изгнанию и гибели. Авторские сказки сохраняют эту этническую специфику, адаптируя её к современному контексту.

Ключевые слова: *языковая картина мира, концепт, труд, лень, фольклор, народная сказка, авторская сказка, этнолингвистика*

Для цитирования: Албина О.Р. Концепты «труд» и «лень» в мансийской языковой картине мира: на материале авторских и народных сказок // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 202 – 208.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Albina O.R. ***[1] Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development***

The concepts of "labor" and "laziness" in the Mansi language worldview: based on the material of author's and folk tales

Abstract: *this article examines the representation of the concepts of "labor" and "laziness" in the Mansi language worldview through the prism of author's and folk tales. The relevance of the work is due to the increasing interest of linguoculturology in the ethnic peculiarities of perception of key concepts of human existence.*

The purpose of the study is to identify the specifics of understanding and evaluating work and laziness as interrelated and opposed categories in the Mansi culture. The scientific novelty lies in a comprehensive analysis of both traditional folklore and the author's works of Mansi writers, which allows us to trace the transformation and stability of these concepts. The methodological basis is based on the methods of conceptual, contextual and comparative analysis. As a result of the research, it was found that the concept of "labor" in the Mansi tradition is sacralized and closely linked to the harmony of man and nature, being a condition for survival and respect. "Laziness" is un-

derstood not just as a vice, but as a threat to the world order, leading to exile and death. The author's fairy tales preserve this ethnic specificity, adapting it to the modern context.

Keywords: *linguistic worldview, concept, labor, laziness, folklore, folk tale, author's tale, ethnolinguistics*

For citation: Albina O.R. The concepts of "labor" and "laziness" in the Mansi language worldview: based on the material of author's and folk tales. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 202 – 208.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Исследование данных концептов на материале сказок (как народных, так и авторских) является чрезвычайно продуктивным, поскольку сказка, будучи одним из основных жанров фольклора, выполняет не только развлекательную, но и дидактическую, социализирующую функцию. Она транслирует из поколения в поколение нормы морали, правила поведения и основы миропонимания.

Материалы и методы исследований

Источниковой базой работы выступает корпус текстов мансийского фольклора, включающий:

- народные (фольклорные) сказки, опубликованные в сборниках «Земляной Братец: Мансийские сказки, предания, песни, загадки» и «Мифы, сказки, предания манси (вогулов)»;
- а также литературно обработанные авторские сказки, представленные в сборнике А.М. Коньковой «Сказки бабушки Аннэ» и в собрании сочинений Ю.Н. Шесталова.

Результаты и обсуждения

Языковая картина мира (далее – ЯКМ) любого этноса представляет собой сложную систему концептов – культурно-обусловленных смысловых сгустков, которые вербализуются в языке и текстах. Для обско-угорских народов, чья традиционная культура исторически сложилась в условиях сурового климата и высокой зависимости от природной среды, ключевые концепты, связанные с деятельностью и бездействием, приобретают особое значение. Концепты «труд» и «лень» являются фундаментальными антиподами, вокруг которых строится система этнических ценностей и поведенческих моделей.

Знания, отраженные в языке народа, формируют ЯКМ. ЯКМ в свою очередь определяется особенностями жизни народа и включает их оценку со стороны данного этноса [5].

Кандидат исторических наук С.А. Попова в своем исследовании, посвященном репрезентации картины мира «По представлениям манси, окружающий мир и существующий в нём порядок были не вечны и тоже имели свою историю. Объяснение того, как возник мир и что он собой представляет, находим в мифах о сотворении Земли. Миф о сотворении мира занимает особое место в духовном наследии народа» [9, с. 55].

Т.Р. Душенкова в своей монографии приходит к выводу о том, что языковая картина мира представляет собой «факты образа жизни народа, его общественного сознания, теории, выраженные в языковой форме» [1, с. 14].

Концепты «труд» и «лень». Анализ лексических значений слов «труд», «лень», их синонимических рядов (труд – работа, дело; лень – праздность, безделье). Формирование ценностных доминант: труд – положителен, сакрален; лень – отрицательна, постыдна.

Сказка как модель мира. Сказка как культурный код нации. Дидактическая функция сказки. Архетипические образы и сюжеты. Роль антитезы (добро/зло, ум/глупость, труд/лень) в построении сказочного мира.

Интерес к мансийской ЯКМ, отражению национального менталитета в фольклоре и литературе. Концепты «труд» и «лень» являются ключевыми для понимания мансийской культуры и системы ценностей.

В научной литературе, в частности в работе О.А. Корнилова, посвященной исследованию языковой картины мира, приводится следующее определение данного понятия: «Любое толкование понятия ЯКМ, на наш взгляд, не может претендовать на абсолютную истинность, поскольку это не объективно существующая реалия, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач. Это – своего рода орудие» [4, с. 4].

Как отмечает Е.М. Мелетинский во введении к фундаментальному труду по теории сказки, данному жанру можно дать следующее определение: «Сказка – один из древнейших видов словесного искусства. Она уходит корнями в народное творчество доклассовой эпохи и до сего дня остается спутником человека, доставляя ему огромное художественное наслаждение. Высокие поэтические достоинства сказки в значительной мере объясняются тем, что в ней выражены накопившиеся столетиями мысли и чувства народа» [7, с. 3].

Концептуальный анализ – направлен на выявление ядра и периферии концептов «труд» и «лень».

Контекстуальный анализ – позволяет определить лексические средства репрезентации данных концептов и их связи с другими понятиями.

Сравнительно-сопоставительный анализ – применяется для сопоставления трактовки концептов в народном и авторском творчестве.

Концепт «труд» в мансийских сказках: сакральный долг и путь к гармонии.

В рамках мансийской ЯКМ труд концептуализируется не в прагматическом ключе, а как сакрализованная категория. Он интегрирован в систему миропорядка («правильного порядка вещей») и выступает необходимым условием его сохранения и воспроизводства, обеспечивая тем самым гармонию между человеком и миром.

1. Труд как условие выживания и благополучия. Это наиболее очевидный, понятийный уровень. Герои сказок, которые трудятся (ловят рыбу, охотятся, мастерят лодки-долблёнки (облас), шьют одежду, плетут традиционные украшения обских угров), всегда вознаграждаются. Их успех – прямое следствие приложенных усилий. В сказке Тка-Ākв mōйт «Сказка о тяка-акв» ленивая женщина наказана, а её трудолюбивая соседка получает помощь от печи [8, с. 214-217].

Художественное повествование сказки акцентирует социально-педагогическую проблематику, а именно: формирование трудовой этики с раннего возраста и соблюдение правил безопасности (недопустимость баловства с огнём и нерационального использования ресурсов). Идейный стержень произведения построен на контрастном сопоставлении двух типов семейного воспитания. Первый тип репрезентирует семья, где труд возведён в ранг основополагающей ценности. Второй тип иллюстрирует семья с дефицитом трудовой социализации, где мать – ключевая фигура в трансляции норм – демонстрирует девиантную модель поведения, характеризующуюся пренебрежительным и безответственным отношением к труду, что и обуславливает отсутствие соответствующих установок у детей.

В контексте сказки эта женщина – анти-пример и олицетворение порока, который ведет к неминуемой гибели.

Трагедия как неизбежное следствие: Ее гибель и гибель детей – это не случайность, а прямое и закономерное следствие её характера. Сказка не оставляет шансов такому поведению. Это суровый, но четкий урок.

Мораль: Сказка учит, что лень и безответственность – это не просто мелкие недостатки, а смертельно опасные пороки. Хранить домашний очаг – это большой труд, требующий постоянного внимания и усердия.

Предупреждение: История предупреждает не только детей, но и взрослых: будьте бдительны, учите детей труду и порядку, ведь от этого зависит ваша жизнь. Дом – это не стены, а труд и порядок тех, кто в нем живёт. Без этого он легко может превратиться в ловушку и погребальный костер.

Итог: Образ этой женщины – это архетип «Дурной Хозяйки» и «Нерадивой Матери», чья разрушительная лень приводит к абсолютной катастрофе, уничтожая самое ценное – дом и семью.

2. Труд как уважение к природе и духам. Важнейшая этническая специфика. Трудовая деятельность – это диалог с природой. Успех в охоте или рыболовстве трактуется не как личная заслуга, а как дар, полученный от духов-покровителей за усердие, правильное поведение и уважение. Перед охотой необходимо совершить обряд, после удачной охоты – поблагодарить духа. Лексика, связанная с трудом, часто соседствует с лексикой, обозначающей ритуал и почтение.

В авторской сказке А.М. Коньковой «Сорни Канась – Золотой Князь» представлен сюжет о двух братьях-соболях: Сорни Канась (Золотом Князе) и его двоюродном брате Колоноке. Центральный персонаж, Золотой Князь, изначально характеризуется как искусный охотник, с лёгкостью передвигавшийся по кронам деревьев, аналогично земным тропам.

Однако впоследствии персонаж подвергается деградации: впадает в праздность, прекращает самостоятельную охоту, что приводит к утрате физической формы и ожирению. Его авторитет среди зверей основывается исключительно на страхе; его сравнивают с мифологическим существом – Комполэном-Болотным Духом.

Эксплуатация трудового ресурса сообщества зверей, в особенности его двоюродного брата Колонока, становится основой его существования. Колонок, вынужденный охотиться без отдыха и отдавать добычу брату, выражает протест против своей тяжёлой доли своей подруге – Вондыр-Выдре.

Кульминацией развития сюжета становится намерение Золотого Князя вступить в брак. После безрезультатного смотра невест его выбор падает на Вондыр, которая, отвергнув его предложение, спасается бегством. Акт спасения совершает мифологический персонаж Кулнэ (Женщина-Рыба), которая укрывает Выдру в воде, маскируя её под своими зелёными волосами. Данный эпизод обладает этиологическим характером, объясняя последующую трансформацию Выдры в водное существо и её современную среду обитания [3, с. 28-31].

3. Труд как мера человеческой ценности. В сказке Анны Митрофановна «Аринэ и Санки Оленьи Рожки» представлена модель гармоничной семейной структуры в условиях традиционного общества. Глава семьи, Ситка, изображён как образцовый добытчик, обеспечивающий пропитание супруги и дочери Аринэ посредством успешной охоты, что демонстрирует его высокую степень ответственности и привязанности к семье.

Дальнейшее развитие сюжета ознаменовано кризисным событием – кончиной супруги Ситки от тяжёлого недуга. Протагонист переживает глубокую психологическую травму, обусловленную утратой, и испытывает постоянную тревогу за благополучие дочери. В этот период Аринэ находится на попечении её родственников, бабушки Таись и дедушки Порти, которые обеспечивают её социализацию и приобщение к традиционным практикам, в частности, обучению искусству вышивки, что способствует формированию у девочки качества трудолюбия.

Приняв решение о повторном вступлении в брак, Ситка приводит в стойбище новую жену, чей физический облик (крупная, красивая) контрастирует с её внутренними качествами, отражёнными в полученном прозвище Сувыннэ-Ленивая. Мачеха вводит для падчерицы режим интенсивной трудовой эксплуатации, включающий приготовление пищи, доставку воды, пошив одежды. Аринэ, сохраняя эмоциональную связь с отцом, скрывает от него факты принудительного труда, одновременно демонстрируя высокое мастерство в создании предметов одежды для жителей стойбища, детей и стариков.

Кульминацией конфликта становится приказ мачехи сшить шубу из шкурок священных лебедей, что представляет собой акт сакральности, поскольку данные шкуры предназначались для ритуальных жертвоприношений духам и хранились в специальном амбаре как сакральные объекты. После исполнения приказа и демонстрации шубы перед жителями стойбища с целью вызвать зависть, Сувыннэ, поглощённая самолюбованием, получает травму при падении. Впоследствии она требует от мужа добыть больше лебедей для создания «самооглядной» (обладающей магическими свойствами) шубы, что вынуждает Ситку отправиться в длительную охоту.

Обеспокоенная исчезновением отца, Аринэ предпринимает поисковую миссию, снаряжённая дедушкой Портей, который предоставляет ей традиционное оружие (лук, стрелы, нож) и артефакт – волшебные санки с оленьими рожками. В ходе пути главная героиня совершает ряд альтруистических поступков по отношению к природе, за что получает магический дар – нагрудник от мифологического существа Кулнэ (Женщины-Рыбы). Обнаружив отца на берегу священного озера, Аринэ предотвращает ритуально недопустимое убийство лебедей. В знак благодарности лебеди дарят ей искомую «самооглядную» шубу.

По возвращении в стойбище мачеха, увидев артефакт, испытывает сильную зависть. Однако Аринэ демонстрирует этическую зрелость и возвращает шубу в сакральное пространство (шайтанский амбар), провозглашая табу на использование шкур священных лебедей для бытовых нужд. Данный акт получает поддержку коллектива. Антагонистка сказки, Сувыннэ, будучи неспособной справиться с деструктивными эмоциями, умирает, что метафорически изображено через её «почернение» – символическое воплощение моральной деградации [3, с. 89-98].

Если труд – это созидание и гармония, то лень – это разрушительное начало, ведущее к хаосу.

1. Лень как причина голода и бедности. На бытовом уровне лень напрямую ведёт к негативным последствиям: голоду, холоду, болезням. Ленивый охотник возвращается с пустыми руками, ленивая рукодельница не успевает приготовить семье тёплую одежду к зиме.

В народной сказке Тōрум лāвум акв нуса – Бедный человек, определённый Торумом - является ярким образцом фольклорного творчества манси (вогулов), относящегося к обско-угорской группе народов. Анализ сказки позволяет выявить её архаичную основу, отражающую традиционные мифологические представления, социальные отношения и этические нормы в культуре охотников и оленеводов Западной Сибири. Сказка построена на классическом сюжете о социально-нравственной инверсии, где в результате нарушения миропорядка богатый становится бедным, а бедный – богатым.

Композиция сказки является линейной и строится на принципе контраста и симметричного обращения ситуаций:

1. Экспозиция: Представление главного героя – Бедняка, живущего в крайней нужде. Его образ архетипичен для фольклора («сирота», «несчастный»), что сразу вызывает симпатию и обозначает исходную точку его трансформации.

2. Завязка: Встреча двух антагонистов – Бедного и Богатого. Богатый выступает как носитель иной, «магической» формы бытия, где предметы (дверь, котел, чашки) обладают собственной волей и служат хозяину.

3. Развитие действия:

- Демонстрация волшебного достатка Богатого и его главного предписания – принципа неуважения к дарам (не мыть посуду, выкидывать её).

Конфликт: Бедный, следующий традиционной трудовой этике (помыл и убрал котел), не может активировать магию.

Кульминация: Постепенная утрата Богатым его магической силы и богатства. Символическим актом окончательного перехода власти является переход жены Миснэ на сторону Бедного.

4. Развязка: Полная инверсия. Бедный обретает магическую силу (котел наполняется по его слову), женщину-хозяйку и благополучие.

5. Концовка (эпилог): Герои покидают прежнее место, уводят стадо и начинают новую жизнь «около деревни Хангла», что придает сказке черты исторического предания и топонимической легенды.

2. Система персонажей и архетипы.

Бедный (Бедняк): Изначально – архетип «неудачника» или «избранного героя в испытании». Его ключевая черта – трудолюбие и бережливость, соответствующие традиционным законам выживания в суровых условиях. Он не ленится ходить на охоту, рубить дрова, носить воду и содержать свой быт в чистоте. Именно эти качества, противоречащие указаниям Богатого, в конечном итоге делают его достойным нового статуса. Его избранность подчеркивается уже в названии – «определённый Торумом» (верховным божеством манси).

Богатый: Выступает как антипод Бедного. Его богатство представлено не как результат труда, а как магический дар, следствие некоего договора с потусторонними силами. Его ключевая черта – леность и пренебрежение к источнику своего благополучия. Он не ценит еду, посуду, а главное – ленится обходить свое стадо, за что и несет наказание. Он архетипический «недостойный хозяин».

Миснэ (жена): Персонаж-«приз», символизирующий собой не просто женщину, но благополучие дома и удачу. Её переход от Богатого к Бедному – знак окончательного перехода статуса «хозяина» и «удачливого человека». Её прямая речь в конце сказки выполняет функцию нравственного урока – она вербализует причину падения Богатого.

3. Мифологическая и обрядовая основа.

Сказка глубоко укоренена в мифологическом мировоззрении манси:

Антропоморфизм предметов: Котел и чашка, которые сами готовят и наполняются, отражают архаические представления о том, что предметы-помощники обладают духом. Взаимодействие с ними требует уважения (как у Бедного), а пренебрежение (как у Богатого) ведет к утрате их помощи.

Культ оленя: Благополучие героев напрямую связано с состоянием стада. Обход стада – это не просто подсчет, а сакральный акт, ритуал единения хозяина со своим имуществом, форма контроля и заботы. Лень Богатого обойти стадо – это ритуальное преступление, нарушение договора с духами-покровителями, что и приводит к краху.

Роль Торума: Упоминание верховного бога Торума в названии указывает на то, что судьба героя предопределена свыше. Сказка оказывается не просто историей успеха, а повествованием о божественном воздаянии и проведении воли высших сил.

4. Социально-этическая проблематика.

Центральная идея сказки – критика социального неравенства, не основанного на труде и моральных качествах. Богатство, не подкрепленное трудолюбием и ответственностью, показан как неустойчивое и греховное. Труд же и скромность, напротив, вознаграждаются. Таким образом, сказка выполняет важную компенсаторную и дидактическую функцию: она дает надежду социальным низам и утверждает непреходящую ценность трудовой этики.

Сказка «Тӧрум лāвум акв нуса» представляет собой сложный синтез мифологического повествования, социальной утопии и нравоучительной притчи. Через классический сюжет о «перевёртыше» она транслирует ключевые для мансийской культуры ценности: уважение к труду, к духам-покровителям, к своему имуществу (оленям) и к традиционному укладу жизни. Падение Богатого показано не как случайность, а как закономерное следствие нарушения им как практических (лень), так и сакральных (ритуальное пренебрежение) законов бытия [8, с. 164-179].

Научный анализ сказки Тӧрум лāвум акв нуса «Бедный человек, определенный Торумом», проведённый мансийским учёным, доктором филологических наук Е.И. Ромбандеевой «Идея сказки: не ленись заниматься своим делом, трудись, сам оберегай свой дом, оленей и домашние дела не доверяй чужому человеку, чужому пришельцу, представителю другого этноса – потеряешь своё состояние, погибнешь с голоду без оленей, без хозяйства. И помни о том, что не каждый человек благодарен: ты прежде помог бедному пришлому охотнику, он за счёт тебя разбогател, а став богатым, он отказался помочь тебе, оказался неблагодарным [10, с. 168].

2. Лень как нарушение табу и неуважение. Ленивый персонаж не просто не работает – он нарушает установленный порядок. Он не готовит снасти, не чтит духов, пренебрегает традициями. Такое поведение рассматривается как оскорбление сил природы, что неминуемо ведёт к наказанию.

В народной сказке Лāпкаӈ-ōйка «Лавочник».

Такой персонаж – классический пример антигероя в сказке, который показывает, к чему ведут лень, гордыня и нежелание трудиться.

В народной сказке «Про двух собак» из сборника «Земляной Братец: Мансийские сказки, предания, песни, загадки» – Что ты, друг, какую еще ловушку! Зачем нам, видишь, мы какие жирные. Мы с этим жиром всю зиму проживем. В такую жару кто станет ловушку делать! [2, с. 53].

- Что ты, в такую жару ловушку делать! Да и к чему нам, мы и так проживем.

Настала зима, голодно стало. Опять похудели, опять дрожат [2, с. 54].

Лень в этом контексте – это не просто отсутствие трудолюбия. Это:

Нарушение природного и социального порядка: Невыполнение своей работы (собаки не хотят трудиться).

Безответственность: Нежелание заботиться о себе. Всё тёплое время года они грелись на солнце, не задумываясь о будущем. С приходом зимы они остались голодными.

Здесь голод – прямое следствие абсолютной бездеятельности. Персонажи не сделал вообще ничего для своего спасения.

Анализ лени в зимнем сказочном контексте учит нас нескольким суровым, но важным урокам:

- Труд – основа выживания и благополучия. Это не просто моральная категория, а закон природы.

- Время безвозвратно. Упущенные возможности (летние дни) уже не вернуть. Важно действовать своевременно.

- Ответственность за себя. Никто не обязан исправлять последствия твоей лени. Помощь окружающих – это акт доброй воли, а не обязанность.

- Лень – это комплексный порок. Она редко приходит одна. Часто она сопровождается глупостью, беспечностью, эгоизмом и неуважением к труду других.

В фольклорном дискурсе архетип старшего брата часто репрезентирует такие деструктивные качества, как инертность и пассивность. Его поведенческий паттерн характеризуется:

- отсутствием проактивности и целеполагания;

- пассивной надеждой на фортуну (установка на случайное благоприятное стечение обстоятельств);

- сознательным избеганием приложения усилий для реализации поставленных задач.

Указанная личностная характеристика получает в повествовании однозначно негативную аксиологическую оценку, поскольку не только имманентно ведет к неуспешности персонажа, но и регулярно делает его объектом социального порицания и диегетической иронии.

Старшие братья в сказочной парадигме выполняют роль структурного антипода (контрастного персонажа) не только по отношению к очевидно трудолюбивым героям, но и, что более значимо, младшему брату. Если пассивность старшего является декларируемой ленью, то внешняя бездеятельность младшего зачастую оборачивается в нарративе проявлением нестандартного стратегического мышления и глубинной житейской мудрости, что в конечном итоге и детерминирует его успех.

Ядром концепта ЛЕНЬ является нежелание что-либо делать, действовать. Анализ периферийных значений концепта ЛЕНЬ показывает, как негативную оценку, так и снисходительное отношение к лени у мансийского народа [6]. Авторские сказки мансийских писателей (Ю. Шесталов, А. Конькова) наследуют и творчески переосмысляют фольклорную традицию.

Сохранение этнического кода. Концептуальная оппозиция «труд / лень» остаётся стержневой. Авторы подчёркивают, что труд – это связующая нить между поколениями, основа этнической идентичности.

Актуализация идей. В авторских произведениях чаще делается акцент на экологическом аспекте: лень и безответственность приводят не только к личной неудаче, но и к разрушению хрупкой северной природы. Труд же предстаёт как экологически осознанная деятельность.

Обогащение образности. Используя литературные средства, авторы углубляют психологические портреты персонажей, показывая внутренние мотивы как трудолюбия, так и лени, что делает традиционные концепты более объёмными и психологически достоверными для современного читателя.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что концепты «труд» и «лень» занимают центральное место в мансийской языковой картине мира, формируя систему ценностей и поведенческих установок. Концепт «труд» многогранен: он включает в себя понятия выживания, мастерства, уважения к природе и соблюдения традиционного порядка. Это не просто деятельность, это долг и путь к гармонии с миром. Концепт «лень» осмысливается как фундаментальное зло, разрушающее как индивидуальную жизнь человека, так и социальный и природный порядок. Это качество, несовместимое с статусом полноценного члена общества. Фольклорные тексты задают архетипическую модель понимания этих концептов,

в то время как авторские сказки сохраняют её ядро, адаптируя к современным реалиям и обогащая новыми смыслами. Таким образом, анализ сказочного дискурса позволяет выявить ключевые этнокультурные константы, определяющие мировоззрение мансийского народа.

Список источников

1. Душенкова Т.Р. Ключевые понятия удмуртской языковой картины мира: монография. Ижевск: Шелест, 2020. 246 с.
2. Земляной Братец: Мансийские сказки, предания, песни, загадки / пер., сост. и примеч. В.Н. Чернецов, публикация Н.В. Лукиной. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. 136 с.
3. Конькова А.М. Сказки бабушки Аннэ: сказки, легенды // Гистел друк А-1031. Вена, 1993. 117 с.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
5. Ли И. Концепты в русских народных сказках как отражение языкового сознания // Экология языка и речи: материалы VIII Международной научной конференции. Тамбов, 21-23 ноября 2019 года. Тамбов: Издательский дом "Державинский", 2019. С. 275 – 279.
6. Ли И. Языковые репрезентации концептов ТРУД и ЛЕНЬ в народных и авторских сказках // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 2 (2). С. 66 – 70.
7. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М.-СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. 240 с.
8. Ромбандеева Е.И. Мифы, сказки, предания манси (вогулов). Новосибирск: Наука, 2005. 475 с.
9. Попова С.А. Этническая история и мифологическая картина мира манси. Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2013. 86 с.
10. Ромбандеева Е.И. Эволюция становления семьи манси (вогулов) (по данным фольклора несвященных сказок). Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 216 с.
11. Шесталов Ю. Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы для детей. Санкт-Петербург – Ханты-Мансийск: Фонд Космического Сознания, 1997. Т. 4. 416 с.

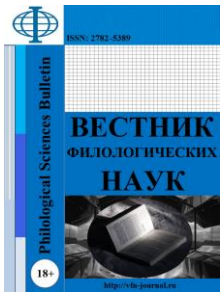
References

1. Dushenkova T.R. Key Concepts of the Udmurt Linguistic Picture of the World: A Monograph. Izhevsk: Shelest, 2020. 246 p.
2. Zemlyanoy Bratets: Mansi Tales, Legends, Songs, Riddles. Translated, compiled and annotated by V.N. Chernetsov, published by N.V. Lukina. Yekaterinburg: Sredne-Ural. kn. publ., 1997. 136 p.
3. Konkova A.M. Grandmother Anne's Tales: Tales, Legends. Gistel druk A-1031. Vienna, 1993. 117 p.
4. Kornilov O.A. Linguistic Pictures of the World as Derivatives of National Mentality: 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: CheRo, 2003. 349 p.
5. Li I. Concepts in Russian Folk Tales as a Reflection of Linguistic Consciousness. Ecology of Language and Speech: Proceedings of the VIII International Scientific Conference. Tambov, November 21-23, 2019. Tambov: Derzhavinsky Publishing House, 2019. P. 275 – 279.
6. Li I. Linguistic Representations of the Concepts LABOR and LAZINESS in Folk and Author's Tales. The World of Russian-Speaking Countries. 2019. No. 2 (2). P. 66 – 70.
7. Meletinsky E.M. Hero of a Fairy Tale. Moscow-St. Petersburg: Academy of Cultural Research, Tradition, 2005. 240 p.
8. Rombandeeva E.I. Myths, Tales, and Legends of the Mansi (Voguls). Novosibirsk: Nauka, 2005. 475 p.
9. Popova S.A. Ethnic History and Mythological Picture of the World of the Mansi. Khanty-Mansiysk: Yugrafika Publishing House, 2013. 86 p.
10. Rombandeeva E.I. The Evolution of the Formation of the Mansi (Vogul) Family (Based on the Folklore of Unsacred Tales). Khanty-Mansiysk: Polygraphist, 2007. 216 p.
11. Shestalov Yu. Collected Works. Poems and Narratives for Children. St. Petersburg – Khanty-Mansiysk: Cosmic Consciousness Foundation, 1997. Vol. 4. 416 p.

Информация об авторах

Албина О.Р., *Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, oksanaalbina@mail.ru*

© Албина О.Р., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070:004

[1] Галеев Р.А. ***[1] Пензенский государственный университет***

Жанровые особенности киберспортивной журналистики

Аннотация: *статья посвящена анализу жанрового разнообразия киберспортивной журналистики в российском медиапространстве на примере публикаций сайта escorenews.com за период с 6 по 12 мая 2024 года. Россия первой в мире признала киберспорт видом спорта, и отечественные спортсмены достигли значительных успехов в дисциплинах Dota 2 и Counter-Strike, что стимулировало развитие специализированных медиа. Исследование рассматривает киберспортивную журналистику как отдельное направление спортивной журналистики и явление новых медиа, где ключевую роль играют блогеры, прямые трансляции и социальные сети. Для анализа использована классификация К.А. Алексеева, включающая информационные и аналитические жанры: информация, видеоинформация, заметка, выступление, отчет, интервью, репортаж, комментарий, дискуссия, пресс-конференция, обозрение, беседа и статья. Контент-анализ 160 публикаций показал, что наиболее распространенными жанрами являются комментарий, выступление и заметка, тогда как информационные материалы и слухи встречаются реже. Основные источники информации включают прямые эфиры, социальные сети экспертов и другие СМИ. Результаты исследования позволяют выявить характерные черты жанровой структуры киберспортивных медиа и отражают специфику их контентного производства.*

Ключевые слова: *киберспортивная журналистика, жанры журналистики, контент-анализ, заметка*

Для цитирования: Галеев Р.А. Жанровые особенности киберспортивной журналистики // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 209 – 214.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Galeev R.A. ***[1] Penza State University***

Genre features of esports journalism

Abstract: *this article analyzes the genre diversity of esports journalism in the Russian media space, using publications from escorenews.com between May 6 and May 12, 2024, as a case study. Russia was the first country in the world to officially recognize esports as a sport, and Russian players have achieved significant success in Dota 2 and Counter-Strike, stimulating the development of specialized media. The study considers esports journalism as a distinct branch of sports journalism and a new media phenomenon, where bloggers, live broadcasts, and social media play a central role. Using K.A. Alekseev's classification, which includes both informational and analytical genres – information, video information, news item, statement, report, interview, reportage, commentary, discussion, press conference, review, conversation, and article – the content of 160 publications was analyzed. The most common genres were commentary, statement, and news item, while short informational materials and insider news were less frequent. Primary information sources included live streams, social media of experts, and other media outlets. The findings reveal characteristic features of the genre structure of esports media and highlight the specifics of their content production.*

Keywords: *esports journalism, genres of journalism, content analysis, note*

For citation: Galeev R.A. Genre features of esports journalism. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 209 – 214.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Россия стала первой страной в мире, официально признавшей компьютерный спорт видом спорта, в 2001 году. Российские киберспортсмены занимают лидирующие позиции во многих дисциплинах компьютерного спорта – от боевых арен (Dota 2) до тактических шутеров (Counter-Strike). Успехи российских спортсменов породили спрос на особую отрасль спортивной журналистики, занимающуюся освещением киберспорта. В российском медиапространстве вот уже несколько лет существуют отдельные профильные киберспортивные сми (cybersport.ru, escorenews.com), а крупнейшие спортивные сми открывают разделы о киберспорте (“Чемпионат”, Sports.ru). Однако отечественные исследователи уделяют мало внимания жанровым особенностям киберспортивных сми, хотя за время существования этой сферы они выработали собственнные характерные черты. Стоит отметить работы Мальцевой И.А. и Викулова В.В., в которых представлена история развития киберспортивной журналистики. Интересно, что разные исследователи поразному видят корни киберспортивной журналистики. Так, Парфенова Д.И. пишет, что изначально “она зародилась как разновидность спортивной журналистики, и лишь со временем отделилась в самостоятельную отрасль [3, 6]. С другой стороны, киберспортивную журналистику часто представляют как логичное ответвление журналистики игровой. Цупко Л.А. дополняет картину и отмечает, что в киберспортивная журналистика во-многом сформирована блогерами, то есть не профессиональными журналистами. Также она отмечает, что киберспортивная журналистика можно отнести к явлениям новых медиа, на это указывают:

Развитие киберспортивной журналистики исключительно в интернет-среде.

Огромная роль обратной связи между автором и читателем.

Возможность создать блог на двух основных киберспортивных ресурсах - cybersport.ru и cyber.sports.ru [8].

Материалы и методы исследований

В исследовании проанализированы публикации российского киберспортивного медиа escorenews.com за период с 6 по 12 мая 2024 года, всего 160 материалов, с целью выявления жанрового разнообразия киберспортивной журналистики. Для классификации использовалась система К.А. Алексеева, включающая информационные жанры (информация, видеоинформация, заметка, выступление, отчет, интервью, репортаж) и аналитические жанры (комментарий, дискуссия, пресс-конференция, обозрение, беседа, статья). Каждый материал исследовался с точки зрения жанровой принадлежности, источника информации и характера информационного повода. Особое внимание уделялось комментариям, выступлениям и заметкам, которые оказались наиболее распространенными жанрами, а также публикациям типа «инсайды» и короткой информации. Источниками контента служили прямые трансляции киберспортивных событий, социальные сети экспертов и другие СМИ, что отражает специфику современных новых медиа. Контент-анализ позволил систематизировать материалы по количественным показателям и тематическим категориям, выявить характерные особенности жанровой структуры киберспортивных СМИ и определить, какие жанры чаще всего используются для освещения событий, связанных с профессиональными игроками, соревнованиями и внутренними процессами медиа.

Результаты и обсуждения

В настоящую эпоху, особенно когда речь идет о новых медиа, конвергентность жанров делает классификацию по жанрам крайне затруднительной. Разные классификации не могут найти единой поддержки ученого сообщества [9, 10]. Однако в рамках данной работы будет использоваться классификация, предложенной К.А. Алексеевым, так как она наиболее приближена к реалиям спортивной журналистики. Он выделяет следующие информационные жанры журналистики:

– Информация.
– Видеоинформация.
– Заметка (сюжет).
– Выступление.
– Отчет.
– Интервью.

– Репортаж.

К группе аналитических жанров спортивной журналистики ученый относит 7 видов журналистских работ [1, 5]:

– Комментарий.
– Интервью.
– Дискуссия.
– Пресс-конференция.
– Обозрение.
– Беседа.
– Статья.

Журналист выбирает наиболее подходящий и уместный жанр, исходя из информационного повода, по случаю которого пишется текст. Типология информационных поводов в спортивной журналистике хорошо представлена в работе К.В. Киуру, он делит инфоповоды на три больших категории:

Спортивные соревнования. Сюда ученый относит все события, связанные непосредственно с турнирами, а именно:

Результаты соревнований.

Неадекватное поведение зрителей на соревнованиях. Здесь кажется важным дополнить и расширить категорию К.В. Киуру до «нетипичного» поведения, так как информационным поводом могут стать и социально одобряемые действия фанатов. Так, болельщики сборной Японии стали предметом обсуждения на Чемпионате мира по футболу 2018 год в России благодаря своей привычке убирать после себя трибуны, не оставляя за собой мусора.

Информация о травмах спортсменов.

Форс-мажорные ситуации.

Неспортивное поведение спортсменов.

Дисквалификация спортсменов.

Спортивные пресс-конференции и брифинги. К этому типу автор относит мероприятия для СМИ, проводимые по особому поводу, когда организации или отдельному спортсмену нужно сделать объявление и дать комментарии к нему. Нам кажется важным дополнить этот пункт таким информационным поводом, как выпуск пресс-релиза. Сам термин с распространением интернета претерпел серьезная изменения. Если раньше адресатом пресс-релиза был журналист, и цель этого сообщения была в том, чтобы заинтересовать журналиста, то сейчас пресс-релиз понимается как важная новость для широкой аудитории. Все чаще пресс-релизы не рассылаются почтовой рассылкой в редакции, а публикуются на собственных платформах компании (в нашем случае это может быть сайт футбольной команды или соцсети спортсмена). В таком случае пресс-релиз публикуется журналистами фактически в неизменном виде, так как такой «модифицированный» пресс-релиз представляет собой законченный материал [2].

Спортивные интервью, которые, в свою очередь, делятся на 4 типа:

– Интервью-мнение о планах на предстоящие соревнования, которое проводится перед турниром.
– Интервью-мнение после соревнований, где, как правило, обсуждаются причины победы или поражения.
– Событие в личной жизни спортсменов. Например, выход в свет автобиографии или объявление о завершении карьеры.
– Награждение спортсменов за особые достижения [4].

Для анализа жанрового многообразия киберспортивных СМИ были выбраны публикации сайта escorenews.com с 6 мая по 12 мая 2024 года. За это время на сайте было выпущено 160 публикаций.

Дата	06.05.24	07.05.24	08.05.24	09.05.24	10.05.24	11.05.24	12.05.24
Кол-во публикаций	24	23	24	26	21	19	23

Самый популярный жанр, обнаруженный в ходе контент-анализа, – комментарий. Комментарий представляет собой разъяснение смысла актуального события, факта или ситуации, их оценка. Всего был обнаружен 71 комментарий. Особенность киберспортивной журналистики в том, что, как правило, журналист не запрашивает комментарий на определенную тему у эксперта, берет готовый комментарий из одного из трех источников:

– Трансляции и прямые эфиры киберспортивных ивентов.
– Социальные сети экспертов.
– Другие средства массовой информации.

Примером таких комментариев могут стать новости «NS раскритиковал BetBoom Team за пассивность», «Collapse: «Раньше мы выкладывались на 80%, 90%, может даже 100%, но этого было недостаточно» и «TORONTOTOKYO про поражение от G2.iG: «Могли побеждать, но допустили слишком много лишних ошибок».

Второй по популярности жанр на страницах escorenews.com – выступление. Согласно Алексееву, это единица медийного контента, в которой, как правило, один человек сообщает официальную версию события или какую-либо информацию по конкретному поводу. С 6 по 12 мая было опубликовано 52 выступления, примером могут служить новости «Глава Virtus.pro прокомментировал слухи о подписании тренера 9Pandas» и Вице-президент BLAST: «Для нас было бы честью однажды провести The International».

В отдельный подвид заметок можно отнести слухи или «инсайды». Такие материалы имеют четкую структуру:

Суть слуха (что случится / случилось?).

Источник инсайда (кто это сказал?).

Есть ли комментарий официального представителя (опровергли ли слух?).

Справка по теме (Почему этот слух важен?).

Дополнительный контекст (Есть ли поводы, заставляющие поверить или усомниться в слухе?).

Так, этой структуре полностью соответствуют новости «Инсайдер: Virtus.pro может сменить тренера – dastan работает с Jame с 2017 года» и «Nine может стать стендином Falcons на PGL Wallachia».

«Победитель The International 2022 Леон «Nine» Кирилин может заменить Станислава «Malr1ne» Поторака в Team Falcons на PGL Wallachia Season 1 по Dota 2. Информацию опубликовал комментатор Владимир «Maelstorm» Кузьминов. Ранее керри Team Falcons Оливер «skiter» Лепко рассказал, что команде, возможно, сможет помочь «старый друг». Однако он не назвал ник игрока. Nine не выступает на профессиональной сцене с ноября 2023 года».

Всего за исследуемый период было опубликовано 4 заметки со слухами.

Самый короткий жанр в классификации Алексеева, информация, встречается гораздо реже – 23 публикации за неделю. Примером этого жанра может служить новость с заголовком «Началась регистрация на открытые квалификации Regional Clash Arena от FISSURE». Ее текст состоит всего из 692 символов с учетом пробелов и содержит в себе лишь факт о возможности поучаствовать в открытых отборочных на турнир и информация о самом турнире – призовые, даты проведения и список участников, получивших приглашения. Как правило, под жанр «информация» попадают короткие анонсы, не имеющие большого общественного резонанса. Еще один пример информации – новость «Sonneiko объявил о возвращении на просцену», где указан сам факт и дан небольшой бэкграунд:

«Последней командой Бутаева была StoRm, которую саппорт покинул ещё в сентябре 2023 года. Спустя полгода он признался, что устал от профессиональной сцены, поэтому взял перерыв».

Еще один пример информации – новость «Путин поручил контролировать рынок компьютерных игр», где сообщается об указе «Об утверждении основ государственной политики РФ в области исторического просвещения» и кратко описана суть пункта, касающегося игровой индустрии.

Оставшиеся 10 материалов трудно отнести к конкретному жанру спортивной журналистики, так как представляют собой материалы, характерные для журналистики игровой. Часто их называют «гайдами», или руководствами. Пример такого материала на escorenews.com – «Как сделать 120 ФПС в Стандофф 2».

За выбранный временной отрезок не было опубликовано ни одного материала аналитического жанра кроме комментария, однако иногда они появляются на страницах сайта. Так, 29 апреля вышло обозрение финала турнира ESL One Birmingham, а 25 апреля читатели escorenews.com увидели интервью с чемпионом The International 2011 Дмитрием «LightofHeaven» Куприяновым, где журналист Полина Машина и спикер рассуждают о современном состоянии киберспортивных трансляций:

– Нет ли ощущения, что раньше у нас была конкуренция студия – студия, а сейчас будто бы конкурируют студии и комьюнити-кастеры?

– Ну слушай, назови комьюнити-кастеров: NS, Nix, ТраВоМаН – это все BetBoom... Если смотреть на часть картины, то выглядит, будто NS и Nix конкурируют с FISSURE. Если на всю картину, то для меня это выглядит так, что BetBoom конкурируют с BetBoom, только в разных форматах. С новыми правилами для тех комьюнити-кастеров, которые не принадлежат букмекеру, купившему права на турнир, конкуренция давно вымерла. Привет NS и Nix, удачи им поконкурировать в касте турниров ESL с их правилами.

– Формально да, они на контракте, но стримят же на своих каналах из DotaTV, поэтому они – комьюнити-кастеры.

– А в чём разница? Допустим, NS возьмёт ключ от канала Фиссуры и запустит там. Всё то же самое…

Выводы

В результате проведённого исследования выявлено, что киберспортивная журналистика в российском медиапространстве формируется как отдельное направление спортивной журналистики, при этом она активно использует возможности новых медиа. На основе анализа публикаций escorenews.com за неделю с 6 по 12 мая 2024 года установлено, что основу контента составляют жанры комментарий, выступление и заметка, что отражает потребность аудитории в быстрых, понятных и оценочных материалах. Жанры информационного характера, включая короткие анонсы и новости, встречаются реже, а публикации аналитических жанров за выбранный период практически отсутствовали, что указывает на преобладание оперативного и реактивного подхода к освещению киберспортивных событий. Особенностью киберспортивных медиа является широкое использование комментариев, взятых из прямых трансляций, социальных сетей экспертов и других СМИ, что подчеркивает влияние блогеров и интерактивной среды на журналистику. Также выявлена тенденция к созданию контента, ориентированного на конкретные информационные поводы: результаты соревнований, трансферы, слухи, события в жизни игроков и заявления представителей индустрии. Полученные результаты позволяют лучше понять жанровую структуру киберспортивных СМИ и могут служить основой для дальнейших исследований, направленных на анализ развития жанров, их влияния на аудиторию и формирование профессиональных стандартов в киберспортивной журналистике.

Список источников

1. Алексеев К.А., Ильченко С.Н. Основы спортивной журналистики: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. 240 с.

2. Горновая В.А. Пресс-релиз как ведущий жанр PR-коммуникации // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 3 (20). С. 51 – 56.

3. Давыдов А.Н. Медиадизайн в игровой журналистике: к постановке проблемы // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2025. № 2 (57). С. 304 – 317.

4. Киуру К.В. Типология информационных поводов в спортивной журналистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5 (259). С. 88 – 91.

5. Очкин А.С. Вариативность информационных жанров журналистики в сфере киберспорта // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 8. С. 293 – 298.

6. Парфенова Д.И. Киберспортивная журналистика как новый формат спортивной журналистики // Журналистика в цифровую эпоху: антропологический поворот: сборник материалов Студенческих научных чтений. Екатеринбург, 14 апреля 2022 года. Екатеринбург: Департамент «Факультет журналистики» УГИ УрФУ, 2022. С. 126 – 129.

7. Сергеев А.А. Язык и стиль киберспортивной журналистики: анализ уникальных лингвистических черт // Наука и школа. 2024. № 6. С. 84 – 90.

8. Цупко Л.А. Киберспортивная журналистика в контексте новых медиа // Век информации (сетевое издание). 2018. Т. 2. № 4 (5). С. 98 – 106.

9. Чевозерова Г.В. Основы теории журналистики: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2022. 329 с.

10. Яблоновская Н.В., Маснюк В.В. Особенности подачи киберспортивной информации в новых медиа (на примере «cybersport. ru») // МедиаВектор. 2024. № 11. С. 105 – 110.

References

1. Alekseev K.A., Ilchenko S.N. Fundamentals of Sports Journalism: A Textbook for University Students. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2016. 240 p.

2. Gornovaya V.A. Press Release as a Leading Genre of PR Communications. Sign: A Problematic Field of Media Education. 2016. No. 3 (20). P. 51 – 56.

3. Davydov A.N. Media Design in Game Journalism: Toward a Problem Statement. Scientific Notes of Novgorod State University. 2025. No. 2 (57). P. 304 – 317.

4. Kiuru K.V. Typology of News Hooks in Sports Journalism. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2012. No. 5 (259). P. 88 – 91.

5. Ochkin A.S. Variability of Information Genres of Journalism in the Sphere of Esports. Issues of Sustainable Development of Society. 2022. No. 8. P. 293 – 298.

6. Parfenova D.I. Esports Journalism as a New Format of Sports Journalism. Journalism in the Digital Age: An Anthropological Turn: Collection of Materials from the Student Scientific Readings. Ekaterinburg, April 14, 2022. Ekaterinburg: Department of Journalism Faculty of UrFU, 2022. P. 126 – 129.

7. Sergeev A.A. Language and Style of Esports Journalism: Analysis of Unique Linguistic Features. Science and School. 2024. No. 6. P. 84 – 90.

8. Tsupko L.A. Esports Journalism in the Context of New Media. Information Age (online publication). 2018. Vol. 2. No. 4 (5). P. 98 – 106.

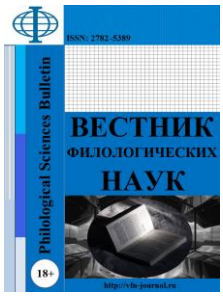
9. Chevozerova G.V. Fundamentals of Journalism Theory: Textbook and Workshop for Universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 329 p.

10. Yablonovskaya N.V., Masnyuk V.V. Features of Presenting Esports Information in New Media (using "cybersport.ru" as an Example). MediaVector. 2024. No. 11. P. 105 – 110.

Информация об авторах

Галеев Р.А., *кафедра «Журналистика», Пензенский государственный университет, Romangaleev1999@gmail.com*

© Галеев Р.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2025, Том 5, № 10 / 2025, Vol. 5, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (ретороманские языки) (филологические науки)
УДК 811.111

[1] Шеховцева Т.М., [1] Камышанченко Е.А., [1] Страхова К.А.

[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Когнитивная модель «AI IS A DANGER» как механизм вербализации концепта ARTIFICIAL INTELLIGENCE в современном англоязычном медиадискурсе

Аннотация: *целью представленной работы является анализ механизма вербализации концепта ARTIFICIAL INTELLIGENCE в современном англоязычном медиадискурсе посредством когнитивной модели AI IS A DANGER. Актуальность проведенного исследования обусловлена возрастающим интересом к многоаспектному изучению концепта ARTIFICIAL INTELLIGENCE, а также недостаточной изученностью механизмов его метафоризации в сфере англоязычных масс-медиа. Проанализировано около 150 контекстов из периодического издания The Guardian, а также новостного сайта Inside Higher Ed. В фокусе внимания находятся концептуальные метафоры, систематизированные с помощью когнитивной модели AI IS A DANGER. Авторами применялись метод сплошной выборки, метод контекстуального анализа и метод когнитивно-дискурсивной интерпретации метафоры, определяющий способ осмысления рассматриваемого концепта в англоязычном медиадискурсе. В рамках модели AI IS A DANGER рассмотрены концептуальные метафоры AI IS A VIRUS, AI IS A NUCLEAR DISASTER, AI IS A NATURAL DISASTER. Использование концептуальной метафоры способствует усилению смысловой нагрузки и эмоциональной окраски медиатекста, что подтверждается многоаспектностью выделенных КМ и их разнополярной аксиологической ориентацией. Проанализированный фактический материал позволил подтвердить вывод о том, что метафора является эффективным средством прагматического воздействия.*

Ключевые слова: *концепт, artificial intelligence (AI), медиадискурс, масс-медиа, концептуальная метафора, метафорическая репрезентация концепта*

Для цитирования: Шеховцева Т.М., Камышанченко Е.А., Страхова К.А. Когнитивная модель «AI IS A DANGER» как механизм вербализации концепта ARTIFICIAL INTELLIGENCE в современном англоязычном медиадискурсе // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 215 – 220.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 07 октября 2025 г.

[1] Shekhovtseva T.M., [1] Kamyshanchenko E.A., [1] Strakhova K.A.

[1] Belgorod State National Research University

Cognitive model "AI IS A DANGER" as a mechanism of verbalization of the ARTIFICIAL INTELLIGENCE concept in modern English-language media discourse

Abstract: *the aim of the work is to analyze the mechanism of verbalization of the ARTIFICIAL INTELLIGENCE concept in modern English-language media discourse using the cognitive model AI IS A DANGER. The relevance of the study is due to the growing interest in the multifaceted study of the ARTIFICIAL INTELLIGENCE concept, as well as insufficient study of the mechanisms of its metaphorization in the English-language mass media. About 250 contexts from periodicals The Guardian and the news site Inside Higher Ed were analyzed. The authors em-*

ployed a continuous sampling method, contextual analysis, and cognitive-discursive interpretation of metaphor, which determines how the concept is understood in English-language media discourse. Within the AI IS A DANGER model, the conceptual metaphors AI IS A VIRUS, AI IS A NUCLEAR DISASTER, and AI IS A NATURAL DISASTER were examined. The use of conceptual metaphors enhances the semantic load and emotional coloring of a media text, as evidenced by the multifaceted nature of the identified conceptual metaphors and their diverse axiological orientation. The analyzed factual material confirmed the conclusion that metaphor is an effective means of pragmatic influence.

Keywords: *concept, artificial intelligence (AI), media discourse, mass media, conceptual metaphor, metaphorical representation of the concept*

For citation: Shekhovtseva T.M., Kamyshanchenko E.A., Strakhova K.A. Cognitive model "AI IS A DANGER" as a mechanism of verbalization of the ARTIFICIAL INTELLIGENCE concept in modern English-language media discourse. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (10). P. 215 – 220.

The article was submitted: September 05, 2025; Approved after reviewing: September 20, 2025; Accepted for publication: October 07, 2025.

Введение

Современное мировое сообщество, подобно отдельно взятому индивиду, находится в постоянном движении: оно реагирует на ежедневные вызовы, вырабатывает новые стратегии, ищет наиболее эффективные пути решения проблем, возникающих во всех сферах жизнедеятельности. Стремительное развитие и активное внедрение искусственного интеллекта способствует постоянному изменению и обогащению понятийного аппарата этой области знания, в связи с чем обнаруживается немалое количество определений искусственного интеллекта (далее ИИ). В настоящей работе ИИ понимается как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека».

«Искусственный интеллект представляет собой значительный скачок в сфере цифровой экономики, сочетая в себе как огромные перспективы, так и серьезные угрозы. С одной стороны, технологии ИИ способны кардинально изменить промышленные отрасли, способствовать росту производительности и раскрывать новые горизонты. Тем не менее, несмотря на стремительный прогресс в области ИИ, его быстрое развитие вызывает ряд озабоченностей: потенциальное сокращение рабочих мест, предвзятость алгоритмов и риск неправомерного использования технологий ИИ» [7, с. 221].

В представленной работе ИИ анализируется с помощью методов филологии, поскольку результаты изменения объективной реальности, как правило, находят отражение в языке: возникают новые концепты, а структура и содержание уже имеющихся приобретает дополнительные признаки, в том числе образные, репрезентированные концептуальными метафорами.

Целью настоящей работы является анализ механизма вербализации концепта ARTIFICIAL INTELLIGENCE в современном англоязычном медиадискурсе посредством когнитивной модели AI IS A DANGER.

Исследование выполнено в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, ориентированной «на выявление закономерностей синергетического взаимодействия познавательной и коммуникативной функций языка / речи в процессе речевого мышления. Одним из возможных путей реализации этой стратегии является анализ базовых когнитивно-семасиологических корреляций, отражающих скрытые механизмы «оязыковления» когнитивных структур, центральное место среди которых занимает концепт» [2, с. 10].

В настоящее время наблюдается растущий интерес филологов к изучению концепта ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ / ARTIFICIAL INTELLIGENCE. Рассматриваются функциональные аспекты данного концепта в различных видах дискурса в разных языках. В частности, изучены направления концептуализации искусственного интеллекта на основе анализа российского медийного дискурса [5], исследована языковая репрезентация феномена искусственного интеллекта в научно-популярном дискурсе [13], предложена модель фрейма «Искусственный интеллект» в медицинском дискурсе [11].

Таким образом, актуальность проведенного исследования обусловлена возрастающим интересом к многоаспектному изучению концепта ARTIFICIAL INTELLIGENCE, но в то же время недостаточной изученностью механизмов его метафоризации в сфере англоязычных масс-медиа.

Прежде чем перейти к работе с эмпирическим материалом, необходимо определить, к концептам какого типа – абстрактным или конкретным – следует отнести ARTIFICIAL INTELLIGENCE. На первый

взгляд, интеллект как процесс, пусть и машинный, – это абстрактная сущность. С другой стороны, если опустить технические подробности, «искусственная интеллектуальная система – это компьютер, способный выполнять функции, ранее свойственные только человеку» [15, с. 9]. Кроме того, «все свидетельствует о том, что человечество ускоренно создает умную окружающую среду, основанную на искусственном интеллекте» [3, с. 8]: развивается городская инфраструктура (концепции «умного дома», «умного города»), медицина (концепция персонализированной медицины). Отсюда следует, что концепт ARTIFICIAL INTELLIGENCE может рассматриваться и как конкретный, поскольку его референты (компьютер, умная окружающая среда) материальны, реально наблюдаемы и осязаемы. Таким образом, считаем возможным отнести изучаемый концепт к сегментным (термин И.А. Стернина). В фокусе нашего внимания находится тот сегмент в структуре рассматриваемого концепта, в котором он актуализирован как явление, как социальный феномен. Поскольку изучение структурных особенностей концепта не входит в задачи данной статьи, а также с целью избежать перегруженности описания, далее мы будем использовать термин «концепт ARTIFICIAL INTELLIGENCE», имея в виду указанный выше сегмент.

Согласно комплексному исследованию А.П. Чудинова и Е.В. Шустровой, в настоящее время основная сфера интересов российских ученых связана с метафорой как когнитивной операцией, участвующей в организации, обобщении человеческого опыта и восприятия мира [17]. «В основе когнитивной теории метафоры лежит идея о том, что метафора – это феномен не лингвистический, а ментальный: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафорические значения слов – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность» [16, с. 49].

Широкое распространение получило исследование метафоры в сфере масс-медиа и политического дискурса. На важную роль метафоры в языке СМИ указывает, в частности, Т.Г. Скребцова, по мнению которой именно «метафора позволяет обнаружить в тексте явное и скрытое, пролить свет на коммуникативные намерения его автора, выявить его общественную позицию и моральную «систему координат» [12, с. 65]. Вслед за Т.Г. Добросклонской, в настоящей работе термины «медиадискурс» и «массмедийный дискурс» понимаются как синонимы [8]. Согласно М.Р. Желтухиной, массмедийный дискурс – это «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [10, с. 293].

Материалы и методы исследований

Исследование осуществлялось на материале медиатекстов англоязычных СМИ. Было проанализировано около 150 контекстов, отобранных с помощью метода сплошной выборки из онлайн-публикаций издания The Guardian, а также новостного сайта Inside Higher Ed. Кроме того, в ходе работы нами применялись метод контекстуального анализа, позволяющий зафиксировать средства вербализации концепта в определенном контекстуальном окружении, и метод когнитивно-дискурсивной интерпретации метафоры, определяющий способ осмысления рассматриваемого концепта в англоязычном медиадискурсе. Поскольку мы рассматриваем концепт ARTIFICIAL INTELLIGENCE как абстрактный, отметим «особую сложность его содержания, которая заключается в сужении возможности компонентного анализа и адекватного структурного описания абстрактного имени» [18, с. 299]. Исходя из этого, Л.О. Чернейко указывает на целесообразность использования «концептуального анализа, объектом которого являются также и иррациональные элементы содержания. Актуализация абстрактной сущности осуществляется посредством сочетаемости абстрактного имени с различными предикатами, дескриптивными прилагательными, конкретными (вещными) существительными, анализ которых позволяет раскрыть его ассоциативные контуры» [18, с. 299-302].

Результаты и обсуждения

Лексемами, образующими семантическое пространство исследуемого концепта, являются: artificial intelligence (AI), AI system, machine intelligence, algorithm, computer programme, robots, chat GPT, neural network. В качестве имени концепта нами было выбрано именное словосочетание artificial intelligence как наиболее частотное и обладающее более широкой семантикой.

В ходе работы был зафиксировать ряд концептуальных метафор (КМ), моделирующих основу для концептуализации и категоризации абстрактного концепта. Помимо многочисленных примеров неметафорической сочетаемости имени концепта с лексемами, номинирующими опасность (risks of AI, challenges of AI, dangers of AI, threats, menace), актуализирующими озабоченность отдельных исследователей и целых сообществ стремительно надвигающимися рисками, были зафиксированы и контексты, объективирующие метафорическую модель AI IS A DANGER.

В рамках данной модели заслуживает внимания медицинская КМ AI IS A VIRUS, выбранная автором для написании статьи об угрозах, которые несет чат GPT для сферы образования, и вербализованная словосочетаниями first cases of GPT (первые случаи GPT), tested positive for GPT (положительный результат теста на GPT), a new sort of plague (новый вид чумы), GPT spread (распространение GPT), remedies to protect against GPT (лекарства для профилактики GPT), as a stronger mutation of the, GPT virus emerge (возникает новая, более сильная мутация GPT), will we develop a resistance to this new plague? (выработаем ли мы устойчивость к этой новой чуме). Следует отметить, что все приводимые ниже контексты получены из одной публикации и представляют собой пример развернутой метафоры, состоящей из нескольких дополняющих друг друга простых метафор. Согласно И.Р. Гальперину, развернутая метафора является средством создания образной когезии [6], которая способствует возникновению ярких образов в зависимости от интенции автора, а также обладает колоссальным интегративным потенциалом.

1) Worried that the first cases of GPT may have popped up in their classroom, they will plug their assignments into one of the new GPT detectors. To their shock, they will find that their classroom has tested positive for GPT. 2) We are facing a new sort of plague: ChatGPT, the artificial intelligence chat bot that can write college-level essays, is going viral. 3) In these early days of the GPT spread, we are largely defenseless against this novel threat to human intelligence and academic integrity. 4) As with COVID, breakthrough remedies to protect against GPT are being developed at breakneck speed. The efficacy rate of these GPT detectors may soon drop as a stronger mutation of the GPT virus emerges just around the corner. Иными словами, хотя средства защиты разрабатываются с головокружительной скоростью (ср. с разработкой вакцин от COVID-19), появляются новые, более сильные «мутации вируса» (усовершенствованные версии чат-ботов и программ).

5) Sooner or later, we will learn to live with this digital plague just as we are learning to live with that physical virus that has so disrupted our lives. В данном контексте заслуживает внимания метафора digital plague (цифровая чума), активизирующая в сознании яркий ассоциативный образ.

6) Will we develop a resistance to this new plague in our classrooms? В примерах (3) и (7) подчеркивается, что мы беззащитны (largely defensless) перед лицом новой угрозы: детекторы могут обеспечить лишь «некоторый уровень защиты от «вируса» (“protection” against GPT):

7) While GPT detectors will likely be far from a silver bullet and are trivially easy to evade at the moment, they still will likely provide some level of “protection” against GPT. Отношение автора к попытке обнаруживать и контролировать использование GPT выражено эксплицитно: детекторы легко обойти (easy to evade). В данном примере использована идиома “silver bullet”, обозначающая «что-либо, что обеспечивает немедленное и эффективное решение проблемы или трудности, особенно той, которая обычно сложна или трудноразрешима. Фраза почти всегда используется в утверждении, что такого решения не существует» (перевод наш). Внутренняя форма идиомы («безотказное решение проблемы (из представления о том, что для стрельбы по оборотню требуется пуля, сделанная из серебра)») свидетельствует об актуализации метафоры противостояния темным силам. Проанализированные примеры подтверждают вывод Н.В. Аксеновой о том, что «развернутая метафора не только структурно оформляет текстовые фрагменты, но и выстраивает определенное оценочное отношение» [1, с. 24]. В то же время, в творческом использовании таких языковых средств, безусловно, находит свое выражение индивидуально-авторское видение проблемы.

Таким образом, чат GPT может концептуализироваться в терминах пандемии коронавируса, профилируя основное свойство метафоры – описание неизвестного в терминах известного. Выбор именно этой сферы-источника коррелирует, на наш взгляд, с понятием «коммуникативного фона, или общего фонового знания, определяемого как совокупность знаний исторического и социокультурного характера, свойственных тому или иному сообществу» [9, с.32].

• AI IS A NUCLEAR DISASTER:

8) “I think it’s almost inevitable that, at least in my lifetime, there will be some version of an AI Fukushima,” he said, referring to the nuclear accident caused by the 2011 Japanese tsunami. В данном контексте разрушительный эффект от применения ИИ приравнивается к ядерной катастрофе. По определению, дискурс как таковой «имеет два плана: лингвистический, отраженный в выборе языковых средств (здесь дискурс представляется как результат), и экстралингвистический, связанный с ситуативной и культурной осведомленностью коммуникантов, которая и определяет выбор лингвистических средств и влияет на то, как тексты создаются и воспринимаются» [14, с. 232]. Как и в предыдущем контексте, для обеспечения максимального эмоционального воздействия на читателя автор статьи активизирует общие фоновые знания и в качестве примера прибегает к аварии на Фукусиме. Использование прилагательного inevitable (неизбежный) свидетельствует о контекстуальной семантике нагнетания страха, что способствует созданию тревожных, алармистских настроений.

• AI IS A NATURAL DISASTER:

9) AI may even take our jobs. And that is before Trump's AI tsunami hits us. Гипотетически метафора цунами могла бы пониматься в более положительном ключе как иллюстрация широкого распространения ИИ, моды на его использование, повсеместного признания преимуществ его применения, если бы вначале не было высказано предположение о том, что сначала ИИ отберет наши рабочие места, а затем накроет человечество, подобно цунами. Интерпретируя контекст через призму интенций автора, мы понимаем, что он последовательно сгущает краски, рисуя картину ближайшего будущего.

10) Sooner or later, after GPT washes over the world in wave after wave of new and more powerful forms, we will learn to live with this digital plague. В данном примере метафора цунами выражена имплицитно посредством сочетаемости аббревиатуры GPT со словосочетаниями wash over the world (захлестнет весь мир) и in wave after wave (волной за волной).

Выводы

В настоящее время мы являемся свидетелями стремительно развивающегося и проникающего во все сферы жизнедеятельности искусственного интеллекта. Глобальный процесс такого масштаба не может не порождать разноречивые мнения и диаметрально противоположные оценки, что подтверждают проанализированные выше контексты из англоязычных СМИ. Целью массмедийного дискурса является воздействие на сознание читателя, на формирование его картины мира и оценочного отношения к объективной реальности и возникающим в ней новым явлениям. Проанализированный фактический материал позволил подтвердить вывод о том, что «метафора является мощным инструментом прагматической ориентации при чтении публицистического медиатекста, так как заставляет читателя задуматься об актуальности выражаемого посредством этого лингвистического средства отношения автора к определенным событиям. Оценочный характер метафорических номинаций в рамках медиатекстов публицистического стиля формирует у читателя эмоциональное отношение к фактам внеязыковой действительности» [4, с. 31].

Проведенное исследование доказывает также, что использование концептуальной метафоры способствует усилению смысловой нагрузки и эмоциональной окраски медиатекста, что подтверждается многоаспектностью выделенных КМ и их разнополярной аксиологической ориентацией.

Список источников

1. Аксенова Н.В. Об оценочности развернутой метафоры // Филологический аспект. 2018. № 5 (37). С. 17 – 24.

2. Алефиренко Н.Ф. Семантика языкового знака в дискурсивно-когнитивном освещении // Известия Волгоградского гос. педуниверситета. Серия Филологические науки. 2006. № 1. С. 10 – 18.

3. Антоненко В.И., Панявин А.В. Искусственный интеллект как социальный феномен // Социально-гуманитарные технологии. 2018. № 4 (8). С. 3 – 9.

4. Арланова Т.Л. Метафора в современных публицистических медиатекстах // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2024. Т. 30. № 4. С. 24 – 32.

5. Галичкина Е.Н. Концептуализация искусственного интеллекта в российском медийном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. 2024. Т. 23. № 5. С. 124 – 137.

6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.

7. Данилова Л.Г., Костенко А.В., Панасенко К.И. Преимущества и угрозы искусственного интеллекта в условиях цифровой экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 3-2. С. 216 – 221.

8. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. 2015. № 1 (6). С. 45 – 56.

9. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. 2020. 180 с.

10. Желтухина М.Р. Медиадискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 3-4 (24-25). С. 292 – 296.

11. Маджаева С.И. Фрейм «искусственный интеллект» как доминанта современного медицинского дискурса // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43. № 4. С. 544 – 551.

12. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 392 с.

13. Сложеникина Ю.В., Мусаева А.С. Языковая репрезентация феномена искусственного интеллекта в научно-популярном дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 106 – 117.

14. Степанова М.И. Когезия и когерентность как основополагающие характеристики публицистического дискурса // Вестник Самарского государственного университета. История, педагогика, филология. 2009. Т. 7. № 73. С. 230 – 234.

15. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2022. 275 с.

16. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.

17. Chudinov A.P., Shustrova E.V. Modern metaphor research in Russia: Trends, schools and results // Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28. № 1. P. 190 – 209.

18. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: МГУ, 1997. 320 с.

References

1. Aksenova N.V. On the Evaluation of an Extended Metaphor. Philological Aspect. 2018. No. 5 (37). P. 17 – 24.

2. Alefirenko N.F. Semantics of a Linguistic Sign in Discursive-Cognitive Interpretation. Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Series: Philological Sciences. 2006. No. 1. P. 10 – 18.

3. Antonenko V.I., Panyavin A.V. Artificial Intelligence as a Social Phenomenon. Social and Humanitarian Technologies. 2018. No. 4 (8). P. 3 – 9.

4. Arlanova T.L. Metaphor in Modern Journalistic Media Texts. Bulletin of the Ural Federal University. Series 1. Problems of Education, Science and Culture. 2024. Vol. 30. No. 4. P. 24 – 32.

5. Galichkina E.N. Conceptualization of Artificial Intelligence in Russian Media Discourse. Bulletin of Volgograd State University. Linguistics. 2024. Vol. 23. No. 5. P. 124 – 137.

6. Galperin I.R. Text as an Object of Linguistic Research. Moscow: KomKniga, 2006. 144 p.

7. Danilova L.G., Kostenko A.V., Panasenko K.I. Advantages and Threats of Artificial Intelligence in the Digital Economy. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2025. No. 3-2. P. 216 – 221.

8. Dobrosklonskaya T.G. Mass Media Discourse in the System of Medialinguistics. Medialinguistics. 2015. No. 1 (6). P. 45 – 56.

9. Dobrosklonskaya T.G. Medialinguistics: Theory, Methods, Directions. 2020. 180 p.

10. Zheltukhina M.R. Media Discourse. Diskurs-Pi. 2016. No. 3-4 (24-25). P. 292 – 296.

11. Madzhaeva S.I. The "Artificial Intelligence" Frame as a Dominant Feature of Modern Medical Discourse. Issues of Journalism, Pedagogy, and Linguistics. 2024. Vol. 43. No. 4. P. 544 – 551.

12. Skrebtsova T.G. Cognitive linguistics: classical theories, new approaches. Moscow: YASK Publishing House, 2018. 392 p.

13. Slozhenikina Yu.V., Musaeva A.S. Linguistic representation of the phenomenon of artificial intelligence in popular science discourse. Upper Volga Philological Bulletin. 2024. No. 4 (39). P. 106 – 117.

14. Stepanova M.I. Cohesion and coherence as fundamental characteristics of journalistic discourse. Bulletin of Samara State University. History, pedagogy, philology. 2009. Vol. 7. No. 73. P. 230 – 234.

15. Filipova I.A. Legal regulation of artificial intelligence. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2022. 275 p.

16. Chudinov A.P. Essays on Modern Political Metaphorology. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2013. 176 p.

17. Chudinov A.P., Shustrova E.V. Modern Metaphor Research in Russia: Trends, Schools, and Results. Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 190 – 209.

18. Cherneyko L.O. Lingvo-philosophical Analysis of the Abstract Name. Moscow: Moscow State University, 1997. 320 p.

Информация об авторах

Шеховцева Т.М., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, shekhovtseva@bsuedu.ru*

Камышанченко Е.А., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет*

Страхова К.А., *кандидат философских наук, доцент, кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет*

© Шеховцева Т.М., Камышанченко Е.А., Страхова К.А., 2025